НЕВА 9
ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА
2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Дмитрий МИЗГУЛИН
Стихи • 3

Борис КОРКМАЗОВ
Голова героя. *Рассказ* • 7

Игорь ГАМАЮНОВ
Днестровские баллады. *Рассказы* • 21

Юрий КОНЬКОВ
Стихи • 38

Виктор ПЕТЕРСОН
Невыдуманные истории из жизни ленинградского подростка. *Рассказы* • 42

Игорь ЕФИМОВ
Разлад и разрыв. *Главы из книги воспоминаний* • 58

ПЕРЕВОДЫ

Эрбер МОРОТЕ
Хранитель Эрмитажа. *Пьеса. Перевод с испанского и предисловие «Аффективный интернационал» Евгения ШТОРНА* • 80

ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитрий КАРАЛИС
Цена победы — победа! • 108

Александр КАЗИН
Размышления о конце света. • 139

Ирина (Ляля) НИСИНА
Один день из жизни школьного библиотекаря. *Очерк* • 148

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Дмитрий КАПУСТИН (Россия)
Ранджана Девамитра СЕНАСИНГХЕ (Шри-Ланка)
Антон Чехов на Цейлоне: факты и вымыслы • 158

Петр ПОТЕМКИН
Из «Записок Фланера»
Подготовка текста, вступительная заметка и примечания Норы БУКС и Игоря ЛОЩИЛОВА • 167

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Путь к читателю. Аркадий Соколов. Зачем библиотеки информационному обществу? — **Территория памяти.** Татьяна Самсонова. Посвящение Сергею Орлову. — **Эпоха и образы.** Елена Айзенштейн. «По кличке Муза». О стихотворении «Муха» Иосифа Бродского. — **Личность и рок.** Андрей Аствацатуров. Амброз Бирс: судьба и невыразимость кошмара. — **Pro memoria.** Лариса Докторова-Залесова. Опера «Ахматова» в Бастилии. — **Пилигрим.** Архимандрит Августин (Никитин). Лукка; Вольтерра — город древних этрусков. — **Дом Зингера.** *Публикация Елены Зиновьевой* • 188–255

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена

Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9)

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталия ЛАМОНТ
(*ответственный секретарь, коммерческий директор*)

Александр МЕЛИХОВ
(*зам. главного редактора*)

Маргарита РАЙЦИНА
(*контент-редактор*)

Игорь СУХИХ
(*шеф-редактор гуманитарных проектов*)

Андрей СТОЛЯРОВ
(*шеф-редактор аналитических проектов*)

Борис ДАВЫДОВ
(*отдел публицистики*)

Елена ЗИНОВЬЕВА
(*редактор-библиограф*)

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **Л. Жуковой, Н. Ламонт**

© Журнал «Нева», 2011

Дмитрий МИЗГУЛИН

* * *

Куда бы жизнь нас дальше ни вела,
Доказываем те же теоремы —
Кого-то ждут великие дела,
А остальных — великие проблемы.
Ну, чем не угодил нам отчий дом?
Но вновь простые истины отринув,
До основанья рушим. А потом —
Закончим жизнь в дымящихся руинах.
И мы уже — толпою у дверей —
На выходе. В конце последних сроков
Дай Бог простить слепых поводырей,
Дай Бог простить глухонемых пророков!
Дай Бог прозреть. Хотя бы и тогда,
Когда душа уже не отзовется,
В тот миг, когда забвения вода
Над головой стремительно сомкнется.

* * *

Сентябрьский дождь. Мерцание залива.
Звенящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез.
И мы с тобой притихшие стояли,
И догорала тусклая звезда.
А было ли? А было ли? Едва ли...
А будет ли? — Не будет никогда.
Но все же вспоминаешь почему-то
Звенящий лес, пустующий причал.
И счастьем называешь те минуты,
Что ранее совсем не замечал.

Дмитрий Александрович Мизгулин родился в 1961 году в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт имени Н. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им М. Горького в 1993 году. Член СП России. Академик Петровской академии наук и искусств. Печатался в журналах «Звезда»,«Литературный Азербайджан», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Юность», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор 10 книг стихотворений. Лауреат премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2004), премии «Петрополъ» (2005), премии журнала «Наш современник» (2006), Всероссийской премии «Традиция» (2007), премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы (2007), премии имени Бориса Корнилова (2008), Международной Лермонтовской премии (2010). Живет в городе Ханты-Мансийске.

* * *

Критиковать и обличать —
Зачем? И то — живем неплохо.
Теперь в умении молчать
Угадывается эпоха.
Пусть мы давно попали в плен
Своих несбывшихся мечтаний,
Несокрушимых правил тлен
Заменит истину исканий.
Огнем беспамятства горим,
Над бедами чужими плачем,
Все говорим и говорим,
А думаем — совсем иначе.
Теперь и я, как все, — молчу.
Пусть тяжела моя дорога,
Молитвы заново учу
И об одном прошу у Бога,
Чтоб в нас, когда настигнет мгла,
Душа ослепнуть не смогла.

* * *

Пишу, пишу — а толку?
Заклятье над страной.
Дается легче волку
Общение с луной.
Какая тишь в округе,
Струится лунный свет,
И недруги, и други
Давно сошли на нет.

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристаней дрожат.
Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоем,
Давно сбежали крысы,
А мы еще плывем.

* * *

Покуда хватало здоровья и сил,
По белому свету взахлеб колесил:
И страны мелькали, и люди,
И — верилось — все еще будет.
Блистали светила, шумел океан,
И дальние дали полуночных стран
Манили загадочным светом.
Но — хватит. Довольно об этом.
А нынче по жизни иду не спеша,
Вселенским покоем объята душа.
И в царстве осенней природы
Живу ощущеньем свободы.

Не знаю последних мирских новостей,
Не жду ни друзей, ни случайных гостей,
И даже приметы любимой
Растаяли в дымке незримой.
А нынче объяла меня тишина.
Мерцает звезда. И сияет луна,
Небес бесконечных свеченье,
Листвы полуночной движенье.
Ни жизни, ни смерти теперь не боюсь,
Всевышнему тихо и скорбно молюсь.
Прощенья прошу и спасенья.
И верю в свое воскрешенье.

С ЯРМАРКИ

Еду с ярмарки домой.
Утро. Иней серебрится.
След, оставленный луной,
В небе сумрачном дымится.
Скоро утро. А пока
Спит небесное светило.
Кучевые облака
Надо мной плывут уныло.
Скоро в гулкой тишине
Звезд ночных растают льдинки,
В предрассветной тишине
Слышно, как звенят снежинки,
На ладонях тают и
Каплей падают на травы.
Две глубоких колеи.
Буераки да канавы,
Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи,
Голь да удаль. Нищета,
Все как прежде — даже хуже.
Хищно щерится овраг,
Здесь не встретишь человека,
Здесь — ни кошек, ни собак,
Вот и все итоги века.
До листка обобран лес,
Воронье — и то пропало.
Вот и все, и весь прогресс —
Все концы и все начала.
Едем молча. Не спеша.
Мимо были. Мимо сказки.
И тревожится душа
В ожидании развязки.

* * *

А вспомнишь — на память приходят не даты,
А то, что ты видел и слышал когда-то,
И как ни печально — но надо смириться —
Забудутся речи, события, лица...
И памятны только и будут — детали, —
Над крышами заиндевевшие дали,
Проспект — без парадного, летнего лоска,
Трамваи, машины, толпа у киоска,
Газета с итогами матчей в субботу,
Никто не спешит, не бежит на работу,
Цветы почернели в бетонных вазонах,
Толкутся вороны на белых газонах,
Когда это было — не все ли равно,
В таком-то столетье, в каком-то кино
Скамейка, кирпичный некрашеный дом.
И тополь зеленый в снегу голубом.

ДОЖДИ

I

Одолели ироды, иуды,
Обложили с ног до головы.
Взять бы да уехать на Бермуды —
Все одно — подальше от Москвы.
Все одно — подальше от столицы.
От измен. От пьянства. От страстей.
От кувшинных рыл Замоскворечья,
От вранья тускнеющих вождей.
И терпеть уродов нету мочи,
Закружили в гнусном вираже,
Довели до ручки — даже в Сочи
Мне теперь не хочется уже.
Да и то сказать — и там дождливо.
Весь сентябрь промозглый от дождей,
Отчего же стало так тоскливо
На бескрайней Родине моей?
В этом вихре сумрачном и пошлом
Красота давно сошла на «нет»,
Радости — ни в будущем, ни в прошлом,
Да и там ли ищем мы ответ?
Все у нас едино — быль и небыль.
Не хотели. Да и не смогли.
Что теперь? Куда теперь до неба?
Не слететь бы с матушки Земли.

II

Непогода. Во всем — непогода.
Во вселенной. В пространстве квартир.
Непомерно устала природа
От людей, населяющих мир.

Может, в эту последнюю осень
Хочет мирно планета пожить,
Человечество – если не сбросить, —
То хотя б на обочину смыть.

* * *

Ночь темна. И дождик блеклый
Занавесил фонари,
Молибденовые стекла
Не пропустят луч зари.
Окна гаснут постепенно.
Вступит ночь в свои права,
От заката до рассвета
Потускнеет синева,
Черно-желтое пространство,
Голубые купола.
И от чтенья, как от пьянства,
Разболелась голова.

Мы давно про все забыли
И давно не ждем гостей,
Наглотавшись снежной пыли,
Беспросветных новостей.
Нет надежды. Нет просвета.
Говорят — не будет лета.
Да и то — опять дожди,
Словом — счастия не жди.
Нам на это наплевать.
Выпьем водки — и в кровать.
Будем спать. И видеть сны
О Величии страны.

* * *

В порыве страсти окаянной
Мы сокрушили русский дом.
Эпоха будет безымянной,
Ну а беспамятной — потом.
Мы научились поклоняться
Животной страсти естества,
И будет радостно смеяться
Иван, не помнящий родства.
И крик последнего урода
Полночный ветер вдаль умчит,
А равнодушная природа
В ответ, как прежде, промолчит.

Борис КОРКМАЗОВ

ГОЛОВА ГЕРОЯ

Заканчивался ноябрь 1943 года. Поезд, в котором ехал Канамат, подъезжал к Армавиру. Он вышел в тамбур покурить. Держать папиросу в левой руке было непривычно, и он вынул из перевязи раненую правую. Рука сразу заныла, но курить стало удобнее. Стараясь не делать резких движений, Канамат подносил папиросу к губам и с наслаждением вдыхал ароматный дым. Пачку «Казбека» ему подарил на прощание сосед по палате в госпитале.

Канамат был тяжело ранен на правом берегу реки Сож. Его рота одной из первых высадилась из утлых лодчонок и захватила плацдарм на противоположном берегу. Ураганный огонь пулеметной точки фашистов не давал его бойцам двигаться вперед. Сам капитан оказался ближе всех к вражескому пулемету и вполне мог бы добросить до него гранату, только для этого необходимо было привстать, но десятки пуль, проносившихся буквально в сантиметрах над головой, в доли секунды изрешетили бы Канамата, вздумай он это сделать.

Кипя злостью от беспомощности, капитан яростно скреб ногтями мокрую землю. Дома, в родном селе Хурзук, он дальше всех сверстников толкал кол-таш — тяжелый округлый камень, бросание которого являлось старинной народной забавой, доставшейся в наследство карачаевскому народу от его мифических предков – нартов.

«Попробую бросить лежа, без замаха, от плеча, как толкают кол-таш», — решил Канамат.

Выждав момент, когда пулеметчик перенес огонь чуть в сторону, капитан очень медленно, чтобы не заметил враг, перевернулся на спину. Так же медленно снял чеку с гранаты, отвел руку назад, к плечу, затем резко повернулся на левый бок и изо всех сил выбросил ее вперед. Пока граната летела в сторону врага, Канамат приготовил еще две. Дождавшись разрыва первой «лимонки», он мгновенно вскочил и одну за другой бросил остальные. В тот же миг Канамат почувствовал сильнейший удар в плечо, который отбросил его назад. Как узнал он потом от своих бойцов, первая граната не долетела до цели, но испуганные фашисты на мгновение прекратили огонь, и он успел бросить еще две, которые попали в цель. Немецкий пулеметчик все же успел выпустить одну короткую очередь, и все четыре пули попали в капитана. Одна задела бедро, вторая скользнула по ребру, третья перебила предплечье, а четвертая прошла навылет под ключицей.

Борис Долгатович Коркмазов родился в 1958 году в г. Карачаевске Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, в 1989 году окончил Московский полиграфический институт по специальности «Книговедение и книжная торговля». Литературным творчеством стал заниматься в начале 2000-х годов. Главный редактор издательства «Институт тюркологии». Зам. главного редактора научного журнала «Вопросы тюркологии». Член Союза писателей России.

За тот бой Канамат был представлен к очередной награде, которых у него уже было больше десятка: четыре ордена и семь медалей. Добровольцем уйдя на фронт на пятый день после начала войны, Канамат за два года и четыре месяца войны прошел путь от рядового до капитана. Его отчаянная отвага и бесстрашие много раз удивляли не только сослуживцев, но даже врагов. В чинах за это время он мог достигнуть и большего, но особо к этому не стремился. Солдаты обожали его за безрассудную удаль и постоянное желание самому лезть очертя голову в любое пекло, а командиры уважали и наград не жалели.

Почти месяц пролежал Канамат в госпитале, где ему чуть не ампутировали руку. На его счастье, лечащий врач решил пожалеть молодого горца, и руку все же спасли. Через две недели Канамат уже мог шевелить пальцами. Но вернуть подвижность руки в полной мере было невозможно, поскольку был перебит нерв.

— Поднять руку выше плеча ты уже не сможешь, — пояснил врач перед выпиской.

— Вот и хорошо, — засмеялся Канамат. — Сдаться врагу я теперь никак не смогу.

— Больше так не шути, капитан, — сказал врач и опасливо посмотрел по сторонам, хотя в кабинете, кроме них, никого не было.

— А чего вы так боитесь, Николай Иванович? — удивился Канамат.

— Был тут уже такой шутник, как и ты, в прошлом году. Ляпнул как-то, что лучше живым в плен сдаться, если нет другого выхода, а потом сбежать. Кто-то, видимо, донес, и на следующий день его чекисты забрали. До сих пор никто не знает, где он теперь. То ли в штрафбат отправили, то ли сразу расстреляли за пораженческие настроения.

— Горцы в плен не сдаются, — усмехнулся Канамат и вышел из кабинета.

— Тебе это не грозит, — крикнул вдогонку врач. — С такой рукой на передовую тебя уже не пошлют.

«Это мы еще посмотрим», — подумал Канамат.

Поскольку ему дали двухнедельный отпуск, он решил съездить домой, в Карачай[1]. Два с половиной года он не видел родителей и младших братьев и сестер. Он знал, что территория Карачая была захвачена фашистами и через несколько месяцев, в январе 1943 года, освобождена. Из письма от родных он узнал, что все они живы и здоровы и что от немцев никто из них не пострадал.

В Невинномысске Канамат сошел с поезда и стал искать попутный транспорт до Черкесска, чтобы потом оттуда добраться до Микоян-Шахара, новой столицы Карачая, построенной в 1927 году и названной в честь известного революционного деятеля Анастаса Микояна, якобы заложившего первый камень при строительстве города.

На вокзале к Канамату подошел военный патруль. Старший патруля в звании старшего лейтенанта козырнул и попросил предъявить документы. Он долго изучал офицерское удостоверение личности и наконец, как-то странно поглядев на самого Канамата, спросил:

— Извините, товарищ капитан, я так понимаю, что вы на родину собрались?

— Именно так, товарищ старший лейтенант.

Канамата несколько удивило выражение лица начальника патруля.

— Не стоит вам туда ехать, — вдруг заявил старший лейтенант.

— Как это? — удивился Канамат.

— Трудно мне вам об этом говорить, товарищ капитан, только нет ведь там никого.

Нехорошее предчувствие вдруг овладело Канаматом от слов старшего лейтенанта.

---

[1] Название высокогорного края, распложенного на Западном Кавказе, вблизи величайшей горы Европы — Эльбрус, и народа, проживающего на той же территории.

— Уже три недели как всех увезли, — добавил тот, — почему-то виновато опустив глаза.

Только теперь Канамат обратил внимание, что у собеседника нет левой кисти.

— Под Сталинградом, — пояснил старший лейтенант.

— Кого увезли? Куда увезли? — недоумевал Канамат. — Что-то не пойму я тебя, лейтенант...

В сердце капитана, никогда не знавшем страха, появилось ощущение какой-то неясной и от этой неясности тяжелой, будто свинец, тревоги.

— Идите дальше, сейчас догоню, — сказал вдруг начальник патруля солдатам.

Когда те отошли метров на двадцать, лейтенант быстро заговорил, понизив голос почти до шепота:

— Послушай, капитан, твой народ весь целиком отправлен в Среднюю Азию в наказание за сотрудничество с фашистами. Я не знаю, в чем там дело на самом деле, но есть приказ отлавливать тех карачаевцев, которые еще остались в горах или возвращаются с фронта, и также отправлять в Азию, куда выслали остальных. Я прекрасно вижу, что ты боевой командир. Настоящего фронтовика я сразу отличу от тыловой крысы, только лучше будет, если ты сам пойдешь в комендатуру в Черкесске и попросишь, чтобы тебя тоже отправили туда, где сейчас твой народ. А еще лучше — уезжай отсюда по-быстрому в свою часть, может, хоть там, на войне, тебя оставят в покое. Я сейчас очень рискую, если кто из солдат донесет, что я отпустил карачаевца, мне несдобровать, могут под трибунал отдать. Только вот там, под Сталинградом, мне спас жизнь один твой земляк, фамилию я его не запомнил, а звали его Далхат. Он вытащил меня из-под огня, когда мне оторвало руку, и успел сдать санитарам до того, как я истек кровью. Иначе я не стоял бы сейчас перед тобой. Я не совсем понимаю, за что выслали твой народ, потому что не бывает так, что весь народ виноват, а предатели бывают у любого народа, только советую тебе немедленно уехать отсюда.

Лейтенант резко развернулся и быстро зашагал вдогонку за солдатами.

Канамат все пытался что-то сказать вслед уже ушедшему начальнику патруля, но так и не смог выдавить из себя и слова. Язык ему не повиновался, а в ушах все звучали слова «...твой народ весь целиком отправлен в Среднюю Азию в наказание за сотрудничество с фашистами».

— Милок, что с тобой, белый ты весь какой-то, рана заболела? — участливо спросила проходившая мимо пожилая женщина.

Поскольку Канамат не отвечал, она взяла его за здоровую руку и повлекла за собой.

— Пойдем, покормлю чем-нибудь, может, тогда лучше тебе станет. Мой тоже на фронте вместе с сыновьями, только нет от них весточки уже больше года. Може, убили их уже, а може... — женщина опасливо оглянулась по сторонам. — Може, не дай бог, в плену они... Трудно мне, милок, очень трудно и страшно, живу, а не знаю, где они, родимые мои...

Все еще потрясенный словами лейтенанта, Канамат продолжал молчать и, не сопротивляясь, медленно пошел за женщиной. Вскоре они дошли до небольшого деревянного дома, стены которого первоначально имели, по всей видимости, ярко-синий цвет, но с годами приобрели грязно-бурый оттенок. Его спутница открыла калитку, завела его во двор. Вошли в дом. Женщина усадила его за прямоугольный стол, покрытый выцветшей скатертью, а сама ушла на кухню.

Вскоре она вернулась с большой пиалой.

— Вот, милок, попей, это арьян[2], очень полезная штука. Его карачаи делают... Это народ такой тут в горах живет, недалеко. Меня научила его делать подруга моя, Хали-

---

[2] Искаженное «айран», традиционный кисломолочный напиток карачаевского народа, в Европе он называется йогурт.

мат ее зовут, только я ее по-нашему, по-украински, Галей кличу. Она тоже карачайка. Мы давно тут, на базаре, познакомились, они с мужем баранину сюда привозили, на продажу. Один раз они у меня переночевали, а потом я их всегда к себе зазывала... Хорошие люди, добрые... Галя мне и закваску для арьяна как-то привезла, и научила его делать. Только нет их таперича тута, карачаев-то, выслали их куда-то далеко, говорят, они за фашистов были, бандитов у них много было. Вот так-то, милок, цалый народ тут был, а таперича и нет его. Землю их и дома, говорят, таперича всем раздают. Вон соседям моим тоже дом карачайский, скотину их да земли хорошей там, в Карачае, давали, да только они не захотели. Силантьич-то, сосед мой, его тут горлопаны наши кулацким отродьем недобитым обзывают, так и сказал: как можно в чужой хате жить, которую хозяин себе строил, землю чужую пахать да скотину чужую себе брать. Не по-людски это, а бог все видит и накажет за дела такие... Только Силантьич это все мне гутарил, а колхозному председателю сказал, что старый уже и нету сил на новое хозяйство... Сам-то ты, сынок, откуда? Здешний или по службе приехал? — спросила женщина.

Канамат отрешенно смотрел на пиалу с айраном, который все русские и казаки, уже много лет жившие рядом с карачаевцами, почему-то всегда называли арьян. Капитан все пытался объяснить себе странные слова лейтенанта. Вот и эта украинская женщина, угощавшая его, карачаевца, традиционным напитком его народа, тоже говорила о том, что соплеменники его куда-то высланы.

Вскоре хозяйка принесла тарелку с дымящейся картошкой и деревянную ложку.

— На, поешь, милок, и арьяном запивай, а больше у меня сегодня нет ничего. Хлеба не пекла, мука давно кончилась...

Канамат зачерпнул ложкой из пиалы и с трудом сделал глоток душистого, хорошо заквашенного айрана. Однако ему было совсем не до еды. Капитан встал из-за стола, тепло поблагодарил хозяйку, весьма удивленную его отказом от еды, попрощался и ушел.

Промозглый ноябрьский день вновь принял Канамата в свои крепкие сырые объятия, и капитан почувствовал некоторое облегчение, глубоко вдохнув влажного холодного воздуха, неизменного спутника последних дней осени. Хотя слова сердобольной женщины подтверждали то, о чем говорил лейтенант, Канамат все никак не мог поверить, что его народ могли куда-то выслать, да еще и за сотрудничество с фашистами. «Что-то тут не так, — думал он. — Доеду до Черкесска, зайду к кому-нибудь из знакомых, разузнаю...»

Вскоре он уже трясся в кузове разбитой полуторки с несколькими попутчиками. Люди расспрашивали его о делах на фронте, но он ограничивался односложными ответами. Поскольку у него сроду не было акцента, когда он говорил по-русски, а внешне он был похож на жителя какого-нибудь среднерусского городка, никто вокруг не принимал его за карачаевца. Через час с небольшим он уже шел по Черкесску к дому своего давнего друга Джанибека. Холодный порывистый ветер, предвестник наступающей зимы, обжигал лицо капитана, но тот ничего не чувствовал, продолжая размышлять о том, что случилось с его народом и с его семьей. Редкие прохожие с любопытством посматривали на него. Канамат обратил внимание на то, что среди них за весь путь до жилища друга не повстречалось ни одного карачаевца, которого он мог бы расспросить о том, что все-таки произошло на родине. Капитан подошел к дому Джанибека, вошел во двор, поднялся на деревянное скрипучее крыльцо и постучал в дверь. Послышался знакомый стук костылей: Джанибек был инвалидом с детства, дверь распахнулась, и Канамат увидел неестественно бледное лицо друга. Тот долго щурился, вглядываясь близорукими глазами в незнакомого военного, потом ахнул, оперся на захлопнувшуюся дверь и, забыв о костыле, нерешительно про-

тянул правую руку. Костыль с грохотом упал на крыльцо. Канамат поднял его и лишь потом крепко пожал протянутую ладонь друга и обнял его. Джанибек во все глаза смотрел на него и по-прежнему не говорил ни слова.

— Что это с тобой? — невольно улыбнулся Канамат. — Ты будто пятиголового эмегена[3] увидел, а не старого друга.

Джанибек машинально взял свой костыль, как-то трудно вздохнул и еле слышно пролепетал:

— Канамат, ты откуда здесь взялся?

— В отпуске я, после госпиталя. Домой еду родных навестить, а тут мне люди странные вещи рассказывают, будто карачаевцев всех в Среднюю Азию выслали.

— А ты правда ничего не знаешь? — все так же тихо спросил Джанибек.

– Я последнее письмо из дома два месяца назад получил, еще до ранения. Отец писал, что все хорошо, совхоз восстанавливают, будет где работать...

— Ваших действительно всех выслали, — неожиданно прервал Канамата Джанибек и быстро заговорил, будто боялся, что не успеет все рассказать: — Объявили бандитами и пособниками фашистов и выслали почти всех, а тех, кто еще здесь в лесах остался, объявили вне закона. Любому, кто принесет голову бандита-карачаевца в местное отделение НКВД, выдают деньги, кажется, пятьдесят тысяч рублей за одну голову. Сейчас в горах и НКВД, и добровольцы из других народов ищут ваших, кого не смогли сразу забрать, когда выселяли. Многие хотят на этом заработать. Я видел тут одного, на соседней улице живет, он хвалился, что уже пять голов сдал в НКВД и хорошо заработал. Когда я у него спросил, где он взял эти головы, он мне сказал, что три из них были чабанские. Эти чабаны пасли овец высоко в горах, и энкавэдэшники их просто не нашли, когда выселяли карачаевцев, не добрались до них. А я, говорит, знал об этой кошаре[4] давно. Когда-то его друзья-карачаевцы брали этого подлеца с собой на охоту и там, на кошаре этой, угощали бараниной и айраном. Вот он сразу и вспомнил, что есть высоко над ущельем кошара, до которой вряд ли добрались войска НКВД. Собрал друзей, таких же негодяев, и пошел туда. Эти пастухи даже не знали, что всех остальных из их села уже погрузили на «студебеккеры»[5] и увезли на железнодорожную станцию. Они очень обрадовались, когда мы пришли, сказал этот подонок, собирались нас угостить, а мы их тут же шлепнули. Отрезали головы, а лошадей с баранами вниз, в ущелье, погнали и по пути осетинам продали. Эти пастухи были из твоего села, Канамат.

Джанибек замолк, переводя дух, затем вновь зачастил:

— Еще две головы он отрезал у вернувшихся с фронта инвалидов, которые домой приехали, не зная, что карачаевцев уже выслали. Представляешь, у таких же, как ты, фронтовиков. Выследил их, убил и отрезал головы. Он так мне и сказал, сволочь...

Джанибек всхлипнул, как ребенок, и по его лицу покатились крупные слезы. А Канамату казалось, что все это снится ему в ночном кошмаре. Они так и стояли на крыльце, и, судя по всему, Джанибек вовсе не собирался пригласить его домой, как раньше, в старые добрые довоенные времена.

— Сейчас такое время, что люди совсем потеряли совесть и стыд, много таких, которые ездят в ваши села и мародерствуют, — вновь продолжил Джанибек. — Ты не представляешь, Канамат, сколько добра везли из карачаевских сел все кому не лень.

---

[3] Эмегены – одноголовые и многоголовые человекоподобные великаны с одним глазом, персонажи карачаевского эпоса «Нарты».

[4] Кошара (от карачаевского «кош») – русское название одноэтажного деревянного строения около пастбища, жилье для пастухов и укрытие для скота в случае непогоды.

[5] Американские грузовики, полученные Советским Союзом по лендлизу от США.

Вашим ведь двадцать минут всего давали на сборы. Все так и осталось в домах, а скотина в сараях. Я никогда не думал, что такое могут творить люди, которые столько лет с вами рядом жили и были добрыми соседями. А тут все словно с ума посходили. Многие сразу ринулись мародерствовать. Тащили все без разбору, даже заборы, говорят, рушили и грузили на брички. Говорят, там, наверху, в ваших ущельях теперь сваны и мингрелы будут жить. Их в ваши села переселяют, а территорию уже к Грузии присоединили. Всю остальную землю Карачаевской области между Ставропольским краем и Черкесской областью поделили. Так что нет теперь ни народа твоего здесь, ни земель ваших...

Джанибек грустно смотрел на потрясенного друга, а Канамата шатало из стороны в сторону, словно пьяного, от всего того, что он услышал. Сердце стучало в грудной клетке так сильно, что его стук, как казалось Канамату, был слышен далеко вокруг. Гнев, боль, бессилие поочередно овладевали им, сотрясая его тело, а голова готова была расколоться на части от урагана мыслей, сумасшедшим вихрем крутившихся внутри нее.

— Ты извини, Канамат, но я не могу сейчас тебя домой пригласить. Могут донести, что я укрывал у себя дома карачаевского бандита. За себя я не боюсь, за родителей только беспокоюсь. Они и так всю жизнь считают, что бог их наказал, дав им сына-инвалида. Спят они сейчас, и я не хочу, чтобы они проснулись и тебя увидели. Для них гостеприимство — святой обычай, и они позовут тебя домой. Пусть лучше я возьму грех на себя и нарушу этот обычай... Сейчас я пойду в дом, соберу тебе еды в дорогу, а ты зайди за сарай и там подожди, чтобы не видели тебя соседи, а то станут расспрашивать...

Джанибек отворил дверь и, тяжело опираясь на костыли, пошел по коридору внутрь дома. Канамат не пошел за сарай и не стал дожидаться друга. Он быстро вышел за калитку и зашагал прочь от дома, где он уже не мог быть гостем. Он долго бесцельно бродил по улочкам Черкесска, пока не наткнулся на патруль НКВД.

— Товарищ капитан, попрошу предъявить документы, — тонким визгливым голосом пропищал бочкообразный субъект в погонах младшего лейтенанта.

Канамат молча протянул офицерское удостоверение и остальные бумаги. Тот внимательно просмотрел их и буквально впился глазами в Канамата.

— Так ты, значит, карачаевец, ну-ну, придется пройти в комендатуру и выяснять, как ты сюда попал, а то тут много таких было из ваших, которые фронтовиками прикидываются, а сами бандитами были, фашистам прислуживали...

Больше он ничего сказать не успел. Сокрушительный удар капитана отбросил младшего лейтенанта прямо на подчиненных, стоявших позади него. Солдаты едва успели подхватить своего начальника, столь неожиданно свалившегося им на руки, но удержать не сумели. Бесчувственное тело начальника патруля сползло на землю. Испуганные солдаты оторопело смотрели то на капитана, потиравшего кулаком левой руки свой подбородок, то на своего начальника, лежавшего без сознания перед ними.

— Далеко комендатура? — спокойно поинтересовался Канамат.

— Да нет, тут метров двести будет, вон туда, — ответил один из солдат, показывая рукой назад.

Канамат поднял свои документы и неторопливо пошел в указанном направлении.

— Товарищ капитан, а нам что делать? — крикнул вслед второй солдат.

— Приводите в чувство лейтенанта и продолжайте патрулирование, — не оглядываясь, ответил Канамат.

В комендатуре очкастый майор долго смотрел его документы, потом куда-то долго звонил, потом опять смотрел документы. Часа через два майор вернул документы и сказал:

— Переночуешь здесь, капитан, а завтра решим, что с тобой делать. Вероятнее всего, отправишься ты далеко на юг, к своим.

— Вообще-то я назад, на фронт собирался, после отпуска, — заметил Канамат.

— Да нет, капитан, отвоевался ты, да и в бумагах у тебя написано, что негоден ты к строевой службе. Вот и поедешь к своим, к карачаевцам. Там как раз нужны такие, как ты, капитан, сознательные элементы, чтобы учить уму-разуму соплеменников. А то ведь они, наверное, думают, что с ними поступили не по справедливости, только вот товарищ Сталин и партия наша иначе как по справедливости ничего не делают. А среди твоих сородичей действительно очень много было предателей, иначе бы не выслали твой народ. И не надо так на меня смотреть...

— Слушай, майор, я больше двух лет на фронте и не знаю, что тут было, только не может мой народ целиком состоять из предателей. Большинство мужчин в первые же дни войны на фронт ушли... Ты сам-то, майор, хоть один день был на передовой?

— Мой фронт здесь, капитан, и я занимаюсь выявлением скрытых врагов нашего государства, а это гораздо сложнее, чем на передовой. Там враг перед тобой, а тут никогда не знаешь, от кого получишь пулю в спину...

— Интересно, майор, кто из наших стариков, женщин и детей, оставшихся здесь, собирался на тебя нападать? А младенцы, которые еще в колыбелях лежали, хочешь сказать, что они тоже замышляли тебе в спину стрелять?..

— Вот только не надо тут на жалость давить. Много я в этом кабинете от ваших наслушался за последнее время. Прямо-таки агнцы Божии все твои сородичи, а кто с фашистами якшался, кто им коня белого дарил для Гитлера, кто коммунистов выдавал гестапо... Знаешь, капитан, я немного знаю историю, вы, горцы, всегда будете волками. Сколько Россия еще при царе с вами цацкалась, только не можете вы жить спокойно, как только отпустишь вожжи, так вы сразу наглеть начинаете... Скажи спасибо, что не посадили, не расстреляли всех ваших предателей и изменников, а отправили на новое место жительства, может, там утихомиритесь, а если нет, так утихомирят. А тебе, между прочим, честь была оказана воевать за нашу советскую Родину, так что благодарить должен товарища Сталина и коммунистическую партию, а не морочить тут мне голову рассказами о ваших младенцах. Из них все равно волки вырастут...

— Дерьмо ты, майор, мразь и дерьмо, на фронте тебя свои же прибили бы, — тихо сказал Канамат, задыхаясь от гнева.

— Это ты зря сказал, капитан, я такое не прощаю, — майор нехорошо посмотрел на Канамата, затем снял запотевшие очки и стал протирать их мятым носовым платком.

Канамат смотрел на блестящую лысину энкавэдэшника и поймал себя на мысли, что с удовольствием всадил бы в нее пару пуль из своего именного пистолета.

— Кстати, оружие придется сдать, – сказал майор, будто прочитав его мысли.

После того, как он отдал пистолет, его отвели в большую, плохо освещенную камеру, где находилось около двадцати человек, среди которых были и женщины. Несколько человек были в военной форме. Когда Канамат вошел в камеру, все встали. По обычаю он стал здороваться со всеми за руку.

— Карачаймыса?[6] — спросил человек, который был на вид старше остальных, одетый в военную форму, но без погон. Одной ноги у него не было, и он опирался на костыли.

После утвердительного ответа Канамата люди разом заговорили на родном языке. Все они оказались его соплеменниками из разных мест Карачая. Как оказалось,

---

[6] Ты карачаевец?

здесь собирали всех тех, кто по разным причинам оказался вне дома в день высылки карачаевцев. Кто-то уехал по делам, кто-то был в гостях, кто высоко в горах пас скот. Теперь их всех свозили сюда и готовили к отправке в Среднюю Азию. Здесь же находились несколько фронтовиков-инвалидов. К сожалению, из родного села Канамата здесь никого не было, и никто не мог сказать, что случилось с его родными.

Человека без ноги, который первым заговорил с Канаматом, звали Сосланбек, он вернулся на родину из госпиталя полгода назад. Родом он был из Ташкёпюра, карачаевского села неподалеку от Микоян-Шахара. Сосланбек был по делам в Ростове-на-Дону, когда народ выселяли. По дороге домой его забрал патруль, и он уже две недели находился в этой камере. Не помогло и то, что он инвалид войны и член коммунистической партии.

— Меня назначили старшим по камере и велели проводить разъяснительную работу среди находившихся здесь карачаевцев, чтобы они понимали свою вину перед товарищем Сталиным и советским народом, а не роптали, требуя справедливости, — рассказал Сосланбек.

— Ну да, что-то такое мне уже тот майор говорил, — скептически усмехнулся Канамат. – Все, что произошло с нашим народом, оказывается, и есть проявление справедливости... Интересно, что же тогда можно называть несправедливостью? Чем виноваты наши дети, жены и старики? Чем виноваты наши фронтовики? Они-то как могли сотрудничать с фашистами?

— Знаешь, сейчас лучше не искать ответы на такие вопросы, — тихо сказал Сосланбек. — До добра это не доведет. Руководство партии знает, что делает...

— Ты мне вот что скажи, Сосланбек, — прервал его Канамат. — Почему нас обвиняют в сотрудничестве с фашистами и в предательстве? Предатели во время войны везде бывают, но как может быть предателем весь народ? У фашистов есть целая русская армия, которой командует бывший советский генерал Власов, но никто же не говорит из-за этого, что весь русский народ является предателем. Да и как народ может быть предателем? Нет, Сосланбек, тут что-то другое, тут, конечно, предательство, но предательство другого рода. Я тут вижу предательство в отношении моего народа, только я пока не понимаю, с чьей стороны совершено это предательство. Могу только сказать, что мой народ, вот так, весь целиком, не может быть предателем, такого не бывает. Предателями могут быть отдельные люди или группы из народа, иногда правители предают свой народ, но сам народ не бывает предателем, это бессмыслица...

Сосланбек вдруг приложил палец к губам и зашептал:

— Тише, капитан, могут услышать твои слова, и попадешь под трибунал. Наша нация сейчас фактически вне закона, и если что, ничего не поможет: ни твое звание, ни твои награды. Этот майор сразу мне все разъяснил, когда я стал возмущаться. Ходят слухи, что государство объявило денежное вознаграждение за головы оставшихся в горах пособников фашистов из числа карачаевцев. А под эту марку сейчас можно кого угодно подвести...

— Это не слухи, это, похоже, правда.

Канамат уже шепотом пересказал собеседнику услышанное от Джанибека.

Кто-то из женщин заплакал.

— Может, товарищ Сталин действительно не информирован о том, что здесь происходит, — неуверенно сказал Сосланбек.

— Я уже думал об этом, — покачал головой Канамат. — Хорошо, если так, есть надежда, что разберутся, в конце концов, хотя бы после войны.

— Вот ты тут говорил о предательстве по отношению к нам, карачаевцам, — зашептал Сосланбек. — И я вспомнил слова одного своего знакомого. Он тоже коммунист,

из Ставрополя, и терпеть не может Суслова[7], считает его трусом. Он мне сказал, что Суслова хотели арестовать и отдать под суд за то, что не сумел организовать партизанское движение в нашем регионе. Ходят слухи, сказал мне этот человек, будто Суслов, чтобы снять с себя обвинения, свалил все на карачаевцев, которые, по его словам, все поголовно сотрудничали с фашистами и помешали организации партизанских отрядов в Карачае. Вот теперь я думаю: неужели в Москве поверили в это и решили нас выслать?..

В ту ночь Канамат с Сосланбеком проговорили до рассвета. Только не знал капитан, что это была последняя ночь в его жизни.

Майор НКВД был в бешенстве от слов Канамата, хотя и не показал этого. Он долго сидел в своем кабинете, раздумывая, как отомстить дерзкому фронтовику-карачаевцу. Наконец он решил послать солдата за Джамботом, работником НКВД из местных. Тот был отъявленным негодяем, от которого, как слышал майор, отказались даже его родители. После освобождения области от фашистов он донес на своих соседей, обвинив их в сотрудничестве с врагом, а после того, как эти соседи сразу же куда-то пропали, стал жить в их доме. Все были уверены, что Джамботу просто нравился дом соседей и он таким образом избавился от его владельцев, чтобы завладеть им. А кое-кто говорил, что это его месть за то, что эта семья отказала ему, когда он посватался к дочери владельца дома. Доказательств, что во время оккупации члены этой семьи, где были и малолетние дети, каким-то образом сотрудничали с немцами, не было, но разбираться с этим никто не стал. Вся семья из семи человек просто исчезла.

Около часу ночи Джамбот пришел в кабинет майора. Небольшого росточка, смуглый, с покрытой какими-то бордовыми пятнами плешью, с маленькими, бегающими глазками болотного цвета и тонкогубым большим ртом под несоразмерно маленьким носом, этот человек сразу внушал по отношению к себе непреодолимую антипатию и чувство гадливости.

— Где тебя носило, я уже два часа тебя жду, — недовольно буркнул майор.

— Служба такая у меня, товарищ майор, сами же знаете, ищу и выявляю врагов народа, вам служу...

— Не мне, а нашей партии и государству, идиот, — кусая ноготь большого пальца, поправил майор подчиненного. — Хотя сдается мне, что ты больше себе служишь, а не НКВД.

— Ну как вы можете такое говорить, товарищ майор, — искренне возмутился Джамбот. — Я, между прочим, ночами не сплю, работаю...

— Слушай меня, лейтенант, — бесцеремонно прервал майор подчиненного. — Тут у меня в камере сидит вместе с остальными один ретивый капитан, из этих предателей, карачаевцев. Так вот, завтра я пошлю тебя вместе с ним в Микоян-Шахар. Там, в городской комендатуре, сидят несколько человек, которых надо сюда перевезти. Капитан этот из Хурзука. Я дам вам машину на весь день. Когда приедете в Микоян-Шахар, ты как бы между прочим предложи капитану съездить в родное село. Вряд ли он устоит против такого предложения. Так вот, я думаю, что этот капитан назад не вернется...

Джамбот наклонил свою плешивую голову куда-то вбок и искоса посмотрел на майора.

— Я так понимаю... — начал было он, но майор сразу прервал его.

— Понимать тут нечего, просто выполняй приказ. Утром в семь придешь сюда, возьмешь двух солдат и капитана и поедешь в Микоян-Шахар.

---

[7] Первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) в годы войны действительно был настроен против карачаевцев и был одним из инициаторов их депортации.

Джамбот ушел, а майор так и сидел всю ночь в кабинете, шуршал бумагами и беспокойно ерзал в старом кресле. Уже много лет его мучила бессонница.

Утром Канамата вывели из камеры и привели в кабинет к майору.

— Знаешь, капитан, я не держу на тебя зла за вчерашнее. Тяжелое время, нервы у нас у всех ни к черту, так что забудем нашу перепалку, тем более что у меня к тебе просьба есть.

Канамат молчал, еле сдерживая себя. Он начал понимать, что имеет сейчас дело с врагом, который был гораздо опаснее немцев на фронте. Как далеко теперь все это: передовая, фронтовые друзья, атаки, наступления, ежесекундная игра со смертью... Здесь, на родине, все было гораздо страшнее. Все, что здесь происходило, было за гранью человеческих понятий добра и зла. Канамату в образе этого гнусного майора НКВД противостояло абсолютное зло, то самое, о существовании которого всегда писали Божьи люди – пророки, как о том ему в детстве рассказывала бабушка. Капитану, родившемуся уже в СССР и считавшему религию необходимым заблуждением для непросвещенных людей, за то недолгое время, которое он провел на поруганной родине, вдруг стало ясно, что бабушка-то была права. Да и непросвещенной ее нельзя было назвать, поскольку она знала несколько языков.

— Значит, так, капитан, — продолжал между тем майор, — в комендатуре Микоян-Шахара собрали около десятка твоих соплеменников, и надо их переправить сюда, в Черкесск. Я думаю, им будет приятнее, если ты за ними поедешь. Я даю тебе машину и нескольких человек, чтобы их перевезти. Скоро всех вас погрузят в вагоны и отправят в Среднюю Азию, к своим. Я тебе доверяю, ты все-таки фронтовик, человек дисциплинированный, так что можешь идти, машина и люди на улице, во дворе.

Ни слова не говоря, Канамат пошел к двери.

«Сволочь, даже честь не отдал», — думал майор, с ненавистью глядя вслед капитану.

– Эй, капитан, тут мне рассказали, что один младший лейтенант в госпиталь попал со сломанной челюстью. Он был в патруле, и какой-то карачаевец в форме капитана его ударил, когда он документы проверял. Случайно, не ты его?..

— А ты у него самого спроси, майор, — невозмутимо ответил Канамат и вышел из кабинета.

Во дворе Канамат увидел солдат и Джамбота в форме лейтенанта НКВД, который ему показался еще более отвратительным, чем майор. Капитан сел в кузов вместе с солдатами, побрезговав ехать с Джамботом в кабине. Тот прекрасно понял, почему Канамат не захотел ехать с ним рядом, и криво усмехнулся.

Машина тронулась, а Канамат с тоской смотрел на дорогу, думая о том, где сейчас его семья, где весь его народ, в какой неведомой дали все его родственники и знакомые, живы ли они...

— Товарищ капитан! — прервал его невеселые мысли один из солдат. — А вы с фронта?

Канамат кивнул.

— А как там сейчас?

Канамат взглянул на солдата и увидел, что тот совсем еще молод, лет девятнадцать, не больше. Хотя самому капитану было двадцать четыре, он казался себе уже немолодым, умудренным опытом человеком. На войне люди быстро стареют. Когда человек вынужден убивать себе подобных, его возраст уже невозможно определять числом прожитых лет. «Годы жизни каждого убитого тобой человека надо прибавлять к своей жизни, это и будет твоим истинным возрастом», — сказал как-то Канамату командир батальона, бывший до войны преподавателем философии.

— Нормально, побеждаем, — ответил Канамат солдату.

— Товарищ капитан, а вы тоже кара... карачай?

— Тоже, — усмехнулся Канамат.

Солдат почему-то тяжело вздохнул.

Канамат удивленно глянул на парня.

— Два месяца уже я здесь, в ваших горах. Ничего красивее в жизни не видел.

— Сам откуда? — спросил Канамат.

— Из Оренбурга.

Канамату показалось, что солдат что-то хочет спросить, но не решается.

— Мы тут целый месяц жили до того, как ваших высылать стали, — вдруг выпалил он.

Канамат заметил, что второй солдат толкнул товарища локтем.

— Ваши нас хорошо принимали, бараниной кормили, поили этим вашим ара... айра-ном, — по слогам произнес солдат, не обращая внимания на тычки сослуживца.

— А командир наш, тоже капитан, в одной семье жил, они его в отдельной комнате поселили. Это село Хурузук вроде называется...

Канамата словно ударили. Он схватил солдата за плечо.

— Хурзук?!

— Точно, Хурзук. А вы откуда знаете?

— Да я оттуда родом, — почти кричал Канамат. — Расскажи, расскажи все, что знаешь, расскажи...

Канамат так сильно сжал плечо солдата, что тот вскрикнул от боли.

— Извини, дорогой, не хотел, — Канамат, опомнившись, разжал пальцы.

— Да что там рассказывать, целый месяц как на курорте были. Мы в палатках жили, а наших командиров по домам расселили. А потом нам отдали приказ выводить всех из домов и сажать в машины. Сказали, что в оккупацию среди ваших было много предателей и бандитов. Только вот когда я к командиру в комнату заходил, там на стене фотографии были, с фронта. Я слышал, как хозяин дома рассказывал, что это его сыновья, у него их четверо или пятеро было, двое уже погибли, а остальные продолжают воевать. Я видел, как наш командир плакал в тот день, когда выводил этого старика, хозяина дома, на улицу. Старик тоже плакал и кричал, что его сыновья на фронте воюют, а его выселяют... Командир наш после того дня места себе не находит, каждый день рапорты пишет, чтобы его на фронт отправили. Я вот тоже не пойму, за что всех подряд выслали, того старика можно было оставить, раз у него сыновья воюют...

— Хватит, Серега, — прикрикнул солдат на товарища, который все это время исподтишка толкал его. — Не видишь, что капитан — хороший человек, фронтовик, не то что этот, который в кабину сел. Если бы тот сел с нами, я вообще всю дорогу молчал бы, а капитан не из таких, сразу видно.

— Еще расскажи, — теперь уже Канамат стал толкать солдата. — Может, помнишь, там с краю села дом, большой такой, с плоской крышей?

— Нет, товарищ капитан, дом, где наш командир жил, ближе к середине был, а имя хозяина я не припомню, то ли Хайса, то ли Хейса...

— Хыйса, — поправил Канамат рассказчика, сразу поняв, о ком речь. — Еще рассказывай, все рассказывай, все, что помнишь.

Капитан все надеялся извлечь из воспоминаний солдата хоть что-то, касающееся его семьи, но тщетно. За те полтора часа, которые они ехали до Микоян-Шахара, ему так и не удалось ничего узнать о своих, и он страшно злился на безвинного парня, оказавшегося, по его мнению, столь ненаблюдательным. Месяц жить около небольшого по российским меркам села и не запомнить всех его обитателей.

Когда они въехали во двор комендатуры в Микоян-Шахаре, Канамат первым спрыгнул с машины и быстро пошел к зданию, где находился отдел НКВД. Он наде-

ялся хоть здесь встретить кого-нибудь из знакомых или родственников. Но среди девяти человек, находившихся в камере, шестеро были местные, а трое из Теберды.

Джамбот тем временем переговорил со своими местными коллегами и подошел к Канамату.

— Товарищ капитан, не хотите в родное село съездить? Пока тут бумаги подготовят, часа четыре, а то и пять пройдет, успеем туда и назад. Только, сами понимаете, нет там никого сейчас...

Канамата удивило неожиданное предложение. Он внимательно посмотрел на ухмыляющуюся физиономию энкавэдэшника.

«Что может стоять за этим предложением, какую подлость можно ожидать от этого человека?» — думал капитан, но желание попасть в родное село и увидеть отцовский дом пересилило все его сомнения, и он согласно кивнул.

Они пошли к машине.

— Товарищ капитан, можно и мне с вами? — попросился тот самый солдат, который так и не смог ничего толком рассказать капитану в ответ на его расспросы.

— Прыгай в кузов, думаю, и лейтенант не против, — ответил Канамат, пытливо вглядываясь в лицо Джамбота.

Того появление еще одного попутчика никак не устраивало, но, чтобы не возбудить подозрений у Канамата, он вынужден был согласиться.

«Идиот проклятый, навязался, сволочь, твою мать...» — мысленно ругался энкавэдэшник, но ничего не мог поделать.

Канамат вместе с солдатом вновь полезли в кузов, Джамбот сел за руль, и вскоре они уже ехали вверх по течению Кубани к старинному карачаевскому селу Хурзук. В верховьях Кубани издавна располагались три карачаевских села, первое из которых, Карт-Джурт, что означает — Древняя Отчизна, было основано несколько сотен лет назад легендарным предводителем карачаевского народа по имени Карча. Следующим был Учкулан, а за ним — Хурзук. До двуглавого Эльбруса от родного села Канамата было рукой подать.

Хотя горы вокруг почти до подножий уже были одеты в традиционный зимний наряд, на самом дне ущелья, где текла Кубань, по берегу которой и петляла грунтовая дорога, снега не было. Джамбот гнал машину на пределе, не жалея пассажиров, сидевших в кузове, которых бросало из стороны в сторону на многочисленных камнях, попадавшихся на дороге. Через полтора часа, проехав Карт-Джурт и Учкулан, они въехали в Хурзук. Машина замедлила ход и остановилась. Канамат спрыгнул на дорогу и медленно пошел вперед по улице разоренного и опустевшего села. Он был потрясен тем, что увидел. Когда он дошел до своего дома, заметил, что какой-то человек выбежал из распахнутых настежь дверей и скрылся, перепрыгнув через забор. Канамат с тяжелым сердцем медленно ходил по комнатам, не узнавая их. Мародеры перевернули все верх дном в поисках ценностей. Везде валялись обрывки бумаг, осколки посуды и прочий мусор.

Тем временем Джамбот размышлял о том, как лучше выполнить поручение майора. Главной помехой для задуманного им плана был увязавшийся с ними солдат. «Придется его тоже прикончить», — решил энкавэдэшник. Он вспомнил, что майор дал ему на всякий случай пистолет Канамата, и это было очень кстати.

Солдат стоял перед домом, не решаясь войти внутрь. Недолго думая, Джамбот трижды выстрелил в него из пистолета капитана и спрятался за углом дома. Выскочивший на крыльцо Канамат увидел лежащего навзничь солдата и побежал к нему. Джамбот немного подождал, затем вышел из-за дома.

Канамат, осматривавший солдата, резко обернулся, услышав его шаги.

— Оттуда стреляли, — Джамбот показал рукой в сторону леса за домом.

Канамат вновь нагнулся над убитым, а подошедший Джамбот, вынув из кобуры уже собственный пистолет, в упор разрядил всю обойму ему в спину. Канамат ничком упал на солдата.

— Вот и все, капитан, — усмехнулся Джамбот. — Бесславный конец такого славного воина... Зря ты сюда вернулся...

Сзади послышался какой-то шум. Джамбот метнулся в сторону, выхватил из кармана шинели пистолет Канамата, в котором оставалось еще несколько патронов, и выстрелил поверх кустов, где, как он заприметил ранее, спрятался выскочивший из дома человек.

— Эй, начальник, не надо стрелять, — крикнули из кустов.

— Выходи с поднятыми руками, — приказал Джамбот.

Человек, прятавшийся в кустах, вышел из своего укрытия и, подняв руки, стал приближаться к Джамботу.

— Ты еще кто такой, твою мать? — спросил энкавэдэшник.

— Я тут живу, я сван, нас жить сюда прислали, — ответил человек. — Я пока без жена и дети приехал, посмотреть...

По-русски он говорил с сильным акцентом.

— Жить прислали, значит, — повторил Джамбот, ухмыляясь.

— Товарищ начальник, зачем ты их убил? — человек показал на два лежавших перед энкавэдэшником тела.

— Один из них враг народа, бандит и предатель. Между прочим, он бывший хозяин дома, в котором ты теперь живешь... Вот этот, который сверху, — Джамбот пнул ногой труп капитана.

Человек отшатнулся.

— Чего испугался, мертвый он уже, ничего тебе не сделает. Между прочим, мне твоя помощь нужна. Нож у тебя есть, острый чтоб был да побольше?

Человек вопросительно посмотрел на Джамбота, хотел было что-то сказать, но тут же передумал. Он перевел взгляд на трупы солдата и капитана, затем снова посмотрел на энкавэдэшника, и глаза его наполнились ужасом.

— Голова будешь резать? — охрипшим голосом спросил он.

— Резать как раз будешь ты, — Джамбот зло взглянул на свана. — И запомни, этот солдат геройски погиб от руки бандита, защищая своего начальника, то есть меня...

— Ты НКВД? — спросил человек, судорожно глотая слюну. — Меня убивать не будешь?

— Нужен ты мне, придурок. Прислали тебя сюда жить, вот и живи. Будешь все правильно понимать, долго проживешь, а нет, так и дня не протянешь, — осклабился, показывая свои кривые желтые зубы, Джамбот. — Ладно, хватит болтать, неси нож.

— Зачем неси, я сван, у меня всегда с собой, — человек вытащил из-за пазухи кинжал.

Быстрыми движениями он отсек голову Канамата, подержал ее, чтобы стекла уже застывающая кровь, затем протянул Джамботу. Загорелое лицо свана стало белее снега, а руки сильно тряслись.

— Там, в машине, есть мешок, положи голову туда, — брезгливо сказал Джамбот.

Потом они вдвоем положили труп солдата в кузов, и Джамбот уехал.

Сван подошел к обезглавленному телу, долго с ужасом смотрел на него, потом пошел в сарай и вернулся с лопатой.

Тут же, в огороде, закопав Канамата, он достал из кармана тулупа небольшую бутылку и, залпом осушив ее, бросил на землю. Внезапно он бухнулся на колени и стал молиться. Лицо его было обращено в сторону Эльбруса, словно он выпрашивал прощения у великой двуглавой горы за кровавое злодеяние, в котором был вынужден принять участие.

Вечером того же дня Джамбот пришел к майору и положил ему на стол мешок с головой. Майор заглянул в мешок, удовлетворенно усмехнулся, затем пошел к сейфу, стоявшему в углу комнаты. Джамбот расписался в толстом гроссбухе и в квитанции, взял деньги, молча козырнул и удалился.

«Вот негодяй, — думал майор, после ухода подчиненного. — Такой и родную мать зарежет, если понадобится, и бровью не поведет...»

Сам майор несколько лет в конце тридцатых годов служил в «расстрельной команде» своего ведомства, и с тех пор ему часто снились лица убитых им людей. Потому он боялся спать и страдал бессонницей. И смерти он боялся не потому, что она означала конец жизни, а потому, что его часто подспудно преследовала мысль о существовании посмертной жизни, где могли находиться живые души тех, кого он загубил.

* * *

Прошло пятнадцать лет. Карачаевцы уже год как вернулись в родные края по разрешению Хрущева. Из большой семьи Канамата уцелели только трое. Отец, мать, две сестры и самый младший брат остались лежать в земле Казахстана. Они умерли от болезней и голода в течение полугода после того, как карачаевцев привезли в среднеазиатские степи. Домой возвратились одна сестра, самая младшая в семье, и два брата. Им даже удалось вселиться в собственный дом, потому что сваны, которые жили в Хурзуке, узнав о возвращении карачаевцев, быстро собрались и уехали к себе на родину. Перед возвращением на родину карачаевцев заставляли подписывать бумаги, в которых было написано, что они не будут требовать назад свои дома и имущество, поэтому многим не удалось даже посмотреть на свои бывшие жилища: новые хозяева их просто прогоняли. Некоторые сумели договориться и выкупить собственные дома у людей, которые в них проживали. Большинству же пришлось заново строиться в тех местах, где власть выделяла им земельные участки.

Братья и сестра Канамата отремонтировали и обновили родительский дом. О старшем брате они ничего так и не узнали, хотя предпринимали бесчисленные попытки выяснить его судьбу. Как-то сестра попросила братьев выкопать в огороде погреб для хранения овощей и фруктов. Когда братья решили передохнуть и ушли в дом, Айшат, так звали девушку, решила им помочь и взялась за лопату. Вскоре острие лопаты уперлось во что-то мягкое, но неподатливое. Айшат пальцами нащупала край предмета и потянула вверх. Находка оказалась офицерской сумкой времен войны. Айшат продолжала осторожно разгребать землю руками. Вначале показались кусочки истлевшей ткани, затем человеческие кости. Детство Айшат прошло в высылке, где смерть и все, что с нею связано, было обыденным явлением, поэтому девушка ничуть не испугалась и продолжала раскапывать останки человека, который был, как она поняла, когда-то похоронен в их огороде. Ее удивило, что у скелета отсутствует череп. Наконец она решила посмотреть содержимое сумки. Первое, что ей попалось в руки, оказалось частью фотографии. Разглядывая полувыцветшие лица, Айшат вдруг поняла, что они ей знакомы. Странное волнение охватило ее. Где-то в глубине сознания уже родилась страшная догадка, но никак не могла оформиться в мысль. «Мама, это же мама! — поняла девушка. — Но кто же это рядом, кто? Так похож на папу, только молодой...»

Громкий крик сестры переполошил отдыхавших братьев. Они бросились в огород и увидели, что Айшат стоит по пояс в яме, которую они копали, и что-то держит в руке. Когда братья подбежали к сестре, Айшат перевела на них взгляд своих огромных карих глаз, как-то странно всхлипнула и упала на дно ямы, где лежали останки старшего брата, которого они искали столько лет.

Айшат так и не смогла оправиться от страшного потрясения, испытанного ею в тот день. Ее сознание как бы навсегда отгородилось от внешнего мира, и она с того дня уже никого не узнавала и прожила все оставшиеся двадцать три года своей жизни в состоянии тихого помешательства, как определил врач.

Игорь ГАМАЮНОВ

ДНЕСТРОВСКИЕ БАЛЛАДЫ

Наступает пора,
Цветоножки трепещут,
И священный цветы отдают аромат.

Мичман и девушка

Те выстрелы под мостом, в овраге, прозвучавшие пятьдесят лет назад, в захолустном райцентре послевоенной Бессарабии, мало кто слышал. Вначале раздался один резкий хлопок, затем — другой, будто дважды треснула доска под колуном.

Но тут послышался крик.

Именно на крик из распахнутого окна милицейского особняка, оторвавшись от вечернего чая, высунулся начальник райотдела Тимофей Унгуряну. Он отметил окончание киносеанса, увидев за пыльным скверником, обрамленным стрижеными кустами желтой акации, хлынувшую из сельского клуба толпу, и спросил идущего со стороны моста привычно быстрым шагом почтаря Пасечника, кто там, в овраге, балуется.

— Да не баловство это уже, — зачастил взъерошенный Пасечник, — а настоящее смертоубийство! Там Яценко за кем-то по кустам гоняется. С ружьем!

— С ружьем? — не поверил Унгуряну, хватаясь за фуражку с красным околышем...

А в этот же вечер молва разнесла по селу совершенно фантастическую новость, будто семиклассник Вениамин Яценко пытался застрелить одноклассника Николая Чорбэ, приревновав его к восьмикласснице Валентине Золотовой.

Непонятно было, откуда он, Яценко, сын безмужней фельдшерицы, женщины тихой и робкой, добыл ружье, но почему-то никто не сомневался: *во всем виноваты дачники.*

Игорь Николаевич Гамаюнов родился в 1940 году в заволжском селе Питерка Саратовской области. В 1956 году по комсомольскому призыву ездил в Казахстан поднимать целину. Учился в Кишиневском университете на филфаке, окончил журфак МГУ, был специальным корреспондентом «Пионерской правды» и «Советской России», заведующим отделом журнала «Молодой коммунист». С 1980 года работает в «Литературной газете» завотделом морали и права, шеф-редактором отдела «Общество», обозревателем «ЛГ». Автор множества судебных очерков. Рассказы и повести И. Гамаюнова были продолжением его публицистики. После серии судебных очерков о криминальной ситуации в городе Сочи он издал роман «Капкан для властолюбца». И. Гамаюнов — член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России, автор 14 книг: романов «Майгун», «Остров гончих псов», повестей «Камни преткновения», «Однажды в России», «Мученики самообмана», «Свободная ладья» и др., а также рассказов и очерков, публиковавшихся в журналах «Нева», «Знамя», «Огонек», «Юность».

Это они летом 1953 года привезли сюда дух городской вольницы, нарушив провинциальный покой сельского райцентра, чьи дома с нахлобученными по самые окна толстыми камышовыми крышами, кудрявыми садами и виноградниками, разбросаны по холмистому спуску днестровского правобережья.

...В то лето пассажирский катер, впервые начавший курсировать в южной части Днестра — из лимана, от Белгорода-Днестровского в Тирасполь, Бендеры и Дубоссары, а затем обратно, спровоцировал нашествие горожан, соблазненных местными красотами. Здесь Днестр, причудливо петляя, рассеял в речной долине зеркала стариц, обрамленных камышовыми чащами. С холмистого спуска открывались левобережные сады и плавневые леса, а над ними торжественно плыли медленные выпукло-белые облака.

Первыми по гулкому, недавно просохшему после половодья причалу Олонештской пристани простучали штиблеты молодого мичмана в ослепительно-белом кителе и фуражке с кокардой. Его сопровождала дробным цокотом каблучков совершенно невероятная для этих мест девушка: хрупкая, в прозрачном платьице, с белокурыми кудряшками под широкополой шляпой нежно-оранжевого цвета.

Они медленно шли по переулку, вдоль плетеного забора известного в Олонештах охотника Плугаря, озирались, любуясь его ветвистой шелковицей во дворе, его курами, энергично разгребавшими подзаборный мусор, и совсем остолбенели, увидев налитого кровью, клекочущего индюка, распушившего в гневе пестрый хвост.

Мичман, заметив под шелковицей хозяина, спросил через забор, где здесь райцентровская гостиница. И услышал в ответ категорическое:

— Нет у нас никакой гостиницы.

Удивился:

— Как — нет, райцентр же?!.

— Да так вот, нет и нет, — кивал, дружелюбно улыбаясь, светясь серебристой на впалых щеках щетиной Плугарь. — Дом для приезжающих есть, вон там, на горе, возле чайной, а гостиницы нет. И никогда не было.

Идти в гору по жаре приезжим не хотелось. Они, простив Плугарю его лукавство, напросились пожить в его «каса маре» (в комнате для гостей — *молд.*), но, как потом выяснилось, стали из-за духоты перебираться на ночь в недавно сколоченный у забора сарай, забитый свежескошенным сеном.

Но прежде, чем это выяснилось, их видели в самых разных местах: на горе, у разбитой снарядами еще в 44-м церкви, возле ее уцелевших сквозных арок и громадных серых обломков, заросших высоченными лопухами; на деревянном мосту через глубокий овраг, деливший село напополам; возле клуба, в пыльном скверике, с расшатанными лавочками, прятавшимися в кустах желтой акации. И везде, останавливаясь, они приникали друг к другу: девушка приподнималась на цыпочки, придерживая шляпу, а мичман наклонялся к ее лицу, застывая в долгом поцелуе.

Поведение и облик приезжих были столь непривычными, что их поначалу воспринимали как что-то экзотическое, вроде случайно залетевших заморских птиц. За ними исподволь наблюдали из-за заборов и оконных занавесок. Любопытные девчонки норовили в момент поцелуя оказаться в непосредственной близости. Мальчишки, испепеляя жадными взглядами кокарду мичмана и висевший на его поясе кортик, тихо свистели, выражая этим безграничное восхищение.

Но потом обнаружилось нечто совсем уж непристойное: по ночам из сарая, облюбованного приезжими, стали разноситься странные звуки, переходящие в пение. Нет, это было не вульгарное супружеское сопение, хорошо знакомое здешней ребятне по причине простоты сельских нравов. Или, например, тихие любовные стоны, которые можно было услышать поздним летним вечером, если умело затаиться в кус-

тах оврага, куда взрослые парни заманивали самых отчаянных девчонок. А тут — именно пение! Причем — двухголосое! Возникавшее из шепота.

Женский голос, нежно звеня, наливаясь страстью, произносил молитвенно вибрирующую фразу из слившихся слов:

«Господи/милый/единственный/как/я/люблю/тебя/солнце/мое/жизнь/моя/возьми/меня/всю/всю/навсегда/навсегда/навсегда».

И в ответ мужской выпевал, обволакивая баритонально-виолончельными тонами:

«Девочка/моя/чудо/мое/нежное/мечта/моя/жизнь/моя/навсегда/навсегда/навсегда».

Их голоса отчетливо звучали в ночной тишине, поднимаясь из прозрачного сумрака тесного переулка, парили над притихшими садами, над тускло блестевшей в лунном свете речной излукой, будоражили покой окрестных домов и припозднившихся гуляк, невольно замедлявших здесь шаг. Среди них все чаще теперь оказывались мальчишки, нарочно забредавшие в переулок Плугаря после ночного купания.

Они вслушивались в необычное пение, вдруг переходящее в отрывистые восклицания, перемежаемые вскриками, затем все обрывалось молчанием, словно те, кто пел, взлетели и растворились в бездне лунного неба. Потом из-за щелястых досок сарая раздавался испуганный женский шепот: «*Ой, смотри, кто-то опять здесь ходит*», перебиваемый сочным баритоном: «*Да все те же пацаны, пойду их, чертей, шугану*».

Мальчишки, не дожидаясь объяснений с мичманом, уносились рысью вверх по переулку, взбивая пыль босыми ногами. А днем на пляже, в стороне от девчонок, обсуждали, понижая голос, вчерашнее. Они, осведомленные (как им казалось) в делах интимных, недоумевали: зачем тем двум в момент известного телесного «дела» какие-то слова? Что за причуда? Вот когда люди ругаются, слова нужны. А здесь же никакого спора, оба хотят одного, зачем же еще друг друга уговаривать?..

Объяснить себе эту ситуацию они не могли, и потому дожидались ночи, чтобы снова прокрасться в переулок Плугаря, к щелястому сараю.

А тем временем встревоженное общественное мнение села решило: демонстративные откровенности приезжих дурно действуют на ребят, и Плугарю следует отказать дачникам в жилье. Плугарь отказать не успел, они уехали сами. Но вслед за ними в Олонешты потянулись новые отдыхающие. К тому же, как выяснилось, процесс пошел: среди подростков со скоростью эпидемии распространилось любовное поветрие.

Коснулось оно и «команды Бессонова» — так называли мальчишек, весь май ремонтировавших с учителем французского, заядлым охотником и рыбаком, брошенную лодку, а потом вместе с ним совершавших на ней, оснащенной мотором (купленным, кстати говоря, на учительские отпускные), вылазки в приднестровские плавни.

Первой жертвой поветрия стал Витька Афанасьев, автор сатирических стишков, изготовленных для школьной стенгазеты. Он вдруг сочинил плавное лирическое стихотворение (*«Куст над водой склонился,/ берег целуют волны,/ я на минуту забылся,/ грустною думой полный»*), оказавшееся в альбоме одноклассницы Кати; та немедленно показала посвященное ей сочинение подругам, последние его строчки звучали так: *«Ногью цветок мне снился,/ Его уносили волны»*. Этой своей неосторожной похвальбой породила Катя в подругах лютую зависть, выразившуюся в их громких криках вслед Витьке Афанасьеву: «Эй, поэт, тебе вчера опять цветок снился?!»

Второй жертвой оказался рослый Венька Яценко, числившийся в «команде» учителя Бессонова мотористом — заглохший мотор почти всегда слушался его, стоило

ему намотать на кулак заводной шнур и как следует дернуть. Но прежде чем история Венькиной влюбленности достигла скандального апогея, в учительской хатке, приспособленной под жилье из летней кухни, куда обычно мальчишки приходили к Бессонову перед походом совещаться, возникли новые темы для обсуждения: нужно ли брать в поход девчонок? И почему, стоит им затесаться в мальчишечью компанию, тут же возникают конфликты?

У самого Бессонова, тридцативосьмилетнего худощавого человека высокого роста и, как поговаривали в селе, дворянского происхождения (говорили, что вырос в богатом имении отца, в соседнем селе Пуркары), не было однозначных ответов на эти вопросы. И потому он, слушая ребячьи разговоры, не торопился с выводами. Он всегда был склонен к неспешным решениям, к одинокому обдумыванию ситуации, которое иногда заканчивалось стихотворными строчками, стучавшими в его виски мелодическим ритмом.

Так случилось и в этот раз. Вот что он в те дни записал в своем блокноте:

Наступает пора,
Цветоножки трепещут,
И священный цветы отдают аромат.
Звуки, запахи, краски не блещут,
Но кружатся, и вьются, и грустью пьянят.
И священный цветы отдают аромат.
И свирель замирает, как сердце от боли.
Но кружатся, и вьются, и грустью пьянят
Под закатом — дымки бессарабских раздолий.

В стихосложение его бросало от случая к случаю: что-то просилось наружу, требуя словесного воплощения, что-то туманно-неясное вдруг прояснялось... Его семейная жизнь, как было известно, оказалась в кризисе. Он чаще жил в хатке, а не в соседнем доме, где снимал три комнаты с верандой для жены, учительницы молдавской школы, сына-дошколенка и его няньки. Отношения с коллегами в русской школе у него тоже были не безоблачными: его не жаловали за резкость суждений и за поразительное умение разговорами привязывать к себе ребятню, обожавшую его.

Вот в эти раскаленные июльским зноем дни ходившие раньше отдельными табунками мальчишки и девчонки стали смешиваться. И даже — дробиться на парочки. Сельский пляж, располагавшийся на песчаной отмели, прямо за милицейским особняком, точнее — за примыкавшим к нему садом (и особняк, и сад были когда-то собственностью богатого помещика), превратился в арену соперничества — мальчишки мерились силой. Там все чаще вспыхивали потасовки. Девчонки же, не умея поделить своих избранников, пустились интриговать друг против друга. Их оружием были пущенные насмешливым шепотком коварные слухи.

И все чаще на сельском пляже в мальчишечьей компании стали возникать разговоры «про это». Не все в них участвовали, а стенгазетному поэту Витьке Афанасьеву, например, они казались просто нелепыми. Во-первых, сердился он, потому что чуть ли не все мальчишки вдруг стали выдавать себя за опытных сердцеедов. А во-вторых, Витька не понимал, о чем все-таки речь. Если о том, что, допустим, происходит, когда к крольчихе подсаживаешь самца, и он ее покрывает, и клетка трясется от их движений, то это одно. Называется такая ситуация случкой. (Афанасьевы держали кроликов, и подробности их размножения Витьке были доподлинно известны.) А вот если разговор про человеческую любовь, то случка тут ни при чем.

Над его словами посмеивались: как ни при чем? А те, в сарае Плугаря, чем занимались? Витька вспоминал рослого мичмана в белом кителе, его нежную девушку в оранжевой шляпе, их удивительное ночное «пение» в сарае. Нет, говорил, у них другое. Человеческое! Ему в ответ небрежно хмыкали: какая разница?! Ничего ты, Витек, в таких делах не смыслишь, потому как — неопытный *желторотик*. Было обидно. Витька знал наверняка, что большинство из хихикающих такие же, как и он, неопытные *желторотики*, только не признаются.

Не признавался в этом и Венька Яценко, демонстрировавший на пляже свою мускулатуру. Он громче всех смеялся, дальше всех нырял и быстрее всех плавал. Все это он проделывал ради белокурой красавицы Золотовой, приворожившей, кроме Веньки Яценко, еще и Кольку Чорбэ, кудрявого цыганистого паренька, умевшего рассказывать выдуманные им забавные истории.

Валентина кокетничала с обоими, словно доказывая своим менее удачливым подружкам, что только она и достойна такого — двойного! — поклонения. Но завистницы быстро нащупали слабое место в их треугольнике: стали нашептывать азартно-самолюбивому Веньке о том, что хитрован Колька видится с Валентиной не только на пляже, их будто бы видели под мостом, на крутом склоне оврага, заросшего труднопроходимыми кустами.

Ситуация должна была чем-то разрешиться. И разрешилась — стрельбой.

...Когда начальник милиции Тимофей Унгуряну прибежал на мост, придерживая мотавшуюся кобуру, давно не стриженная белобрысая голова Вениамина Яценко еще мелькала в кустах на склоне оврага. Одной рукой он и в самом деле держал тускло поблескивающее ружье, другой же хватался за ветки, чтобы не скатиться вниз, и вскрикивал:

— Колька, трус, выходи! Вальку не трону, а ты выходи!

Увидев этакое бесчинство, взволнованный начальник милиции выхватил из кобуры пистолет, угрожающе перегнулся через перила и прокричал:

— Как представитель власти приказываю: сложить оружие! Не то пристрелю!

После чего над оврагом зазвучали отборные ругательства на трех бытующих в Олонештах языках: молдавском, украинском и русском. Громоподобные словосочетания разрывались, как петарды, над лохматой Венькиной головой до тех пор, пока он, исцарапанный и потный, не выбрался наверх, волоча на ремне двустволку двенадцатого калибра.

— Положь ружье на землю! Подыми руки! Где взял оружие, говори быстро?!

— Не скажу, — упрямо бормотал Венька, пока Унгуряну, закинувший ружье за спину, вел его с поднятыми руками в милицейский особняк на виду у всего села.

— Нет, скажешь. Посидишь ночь в сарае — скажешь!

И тут Венька, уронив руки вниз, остановился. Он увидел в толпе среди идущих из клуба Кольку Чорбэ и Валю Золотову. Чуть в стороне за ними шел со своей «лодочной командой» учитель Бессонов, тут же ускоривший шаг.

— Что он натворил, Тимофей Григорьевич? — окликнул Бессонов Унгуряну.

— Ему мало вашей моторкой управлять, решил поохотиться. На людей!

Их обступили.

Мальчишки сочувственно рассматривали исцарапанные лицо и руки Яценко.

— А ружье откуда? — потянулся Бессонов к двустволке. — Ну-ка дайте-ка взгляну, очень оно мне почему-то знакомо...

Унгуряну, как и Бессонов, был охотником, знал, кто каким оружием в селе оснащен, и последняя фраза учителя подтвердила его милицейское подозрение. Но вслух Унгуряну ничего не сказал, только пригласил Бессонова, своего, как потом выяснилось, ближайшего приятеля по охоте, присутствовать на допросе.

Мальчишки из его «лодочной команды» остались на ступеньках ждать развязки. А напротив, в скверике, на скамейке, ждали того же Колька Чорбэ с Валей Золотовой, догадываясь, какой неприятности избежали, оставшись в клубе досматривать кино.

На допросе Венька не запирался.

Ошеломленный уличным явлением Чорбэ и Золотовой, которых он искал в овраге, Яценко, вздыхая и запинаясь, рассказал: в зрительном зале он стал пререкаться с Колькой, и тот, что-то шепнув Золотовой, под стрекотание кинопроектора, крадучись, вышел. За ним спустя минуту проскользнула и Валентина. Лихорадочно соображая, куда они могут уйти, Яценко предположил: в сквер. Пригнувшись, стукаясь о коленки сидевших, он выбрался из клуба и ринулся в сквер. Но скамейки, спрятавшиеся в кустах желтой акации, были пусты.

Вечер был душный, по-летнему светлый, и Венька, вспомнив девчоночьи нашептывания, вдруг отчетливо представил себе, куда могла деться эта хитрая парочка — в овраг! Там прохладно и сумрачно! Там меж кустов вьются еле заметные тропки, ведущие в заросли, полные уютных зеленых ниш, где легко скрыться от любопытных глаз!..

И он ринулся туда...

— А ружье у кого взял?

— Не скажу, — уперся взглядом в пол Венька.

— Я знаю у кого, — басисто пророкотал сердитый Бессонов. — Пошел к моей хатке, расшатал окно, чтобы верхний шпингалет выпал, зная, что нижний отсутствует, влез и взял... Зачем?.. Ты что, их убить хотел?

— Нет. Попугать. Я холостые патроны у вас нашел, они остались от салюта, когда мы лодку на воду спускали.

— Тоже мне, пугач! Ты бы вначале убедился, не пересели ли они в зале на другой ряд.

— Я об этом не подумал.

— Настоящие мужчины вначале думают, прежде чем взяться за оружие. Ты понял, несчастный Отелло?

— Я понял, — упавшим голосом подтвердил Венька, покаянно склонив лохматую голову. — Я пока не настоящий мужчина. — И, шумно вздохнув, поднял страдальческий взгляд на Бессонова. — А кто он такой, этот Отелло?.. Он что, тоже в кого-то стрелял?..

Поэт и цветок

...Те стихи, вписанные в Катину тетрадь и вызвавшие в девчачьем сообществе сложные чувства — от зависти до презрительной насмешливости, Витька Афанасьев сочинил, можно сказать, по заказу. Катиному, разумеется. Не подозревая, в какую историю втравит его этот поэтический опус.

А было так. Шел третий день каникул, и близился час, когда к пристани, недавно сколоченной под старым осокорем, чьи обнажившиеся корни упорно подмывала ласковая днестровская волна, должен был в очередной раз пришвартоваться пассажирский катер из Белгорода-Днестровского. Посмотреть на то, как он, сипло гудя, взбаламучивая воду, причаливает, как вылетает из-за его борта толстая петля каната, сбегалась вся олонештская ребятня. Торжественный момент этот Витька пропустить не мог и потому отправился на прогулку со своим заметно выросшим щенком, почти псом, по прозвищу Бокс часа за полтора. И как-то так вышло, что Витькин велосипед, не сворачивая, миновал первый переулок, ведущий к реке, затем второй, только у третьего замедлив ход.

Здесь, в доме, окна которого заслонял вишенник, осыпавший вокруг все белым цветом, жила Катя Петренко. Она как раз вышла зачем-то на крыльцо, а увидев Афанасьева, засмущалась и хотела было тут же юркнуть обратно. Но Виктор ее окликнул. Катя повернула к нему аккуратно убранную голову с пробором и крендельком косичек под затылком, спросила строго:

— Тебе чего, Афанасьев?

Они не виделись с тех пор, как их распустили на каникулы, то есть целых два дня.

— Мы с Боксом гуляем, пошли с нами. И на теплоход посмотрим.

— Так рано же еще.

— А мы по берегу пройдем, там идти дольше.

Переулок вывел их к тропе, а та — через сады и огороды к речной излучине с высокими обвалованными берегами. Валы, поднятые для защиты от половодья, давно осели, поросли у воды ивняком, а со стороны села — мелким осинником. Да еще маячили здесь уцелевшие старые вербы. По гребню берега вилась — в перистых зарослях майгуна — пунктирная тропа. Лобастый пес черно-белого окраса крупными скачками несся по ней, убегая вперед (уши его, как что-то отдельное, смешно трепыхались, словно хотели оторваться и взлететь), останавливался, оглядываясь, нетерпеливо мотал хвостом.

Но его хозяин не торопился — катил велосипед вслед за медленно идущей девочкой в пестром сарафане с белыми бретельками. Она вертела в руках розово-белый цветок, отломленный Витькой с яблоневой ветки. Катя рассеянно нюхала его, глядя по сторонам, вслушивалась в скачущий Витькин рассказ про то, как в раймаг снова завезли леску с крючками, а еще зачем-то — черные очки от солнца. Очки его возмущали: разве можно смотреть сквозь них на реку и облака, ведь все вокруг становится ненастоящим.

— Зато глаза отдыхают, — возразила Катя.

— Да? А как говорить с человеком, если не видишь его глаз?

— Никак, — беззаботно отмахнулась Катя. — Сделай вид, что ты его не узнал.

Вчера Витьке, впервые увидевшему отца в черных очках, такое, конечно, не пришло в голову. Отец купил их перед поездкой в Кишинев, примерял у зеркала, а заметив, как сын за ним наблюдает, спросил: «Хочешь, и тебе куплю?» Витька очки примерил, но, увидев, каким вдруг серым предстал солнечный день в окне, тут же отказался.

Снова пес оглянулся, мотая хвостом, будто советуясь, идти ли дальше. Остановилась возле него и Катя. Здесь, в крутом глинистом спуске к воде, были вырублены ступени, а кусты расступались, образуя внизу пространство для рыбацких снастей. Концы ивовых ветвей касались воды, и казалось, будто это они сами, покачиваясь, крутят под собой медленные водовороты.

— Вот куда надо утром с удочками! — сказал Витька. — Придешь со мной?

— Не знаю.

Катя смотрела на воду, о чем-то задумавшись, потом бросила вниз цветок, следя, как он, подхваченный водоворотом, идет по кругу, как, наконец оторвавшись, уходит вместе с течением, огибая ивовые ветви. Витька видел все это из-за Катиного плеча — оно было совсем близко, уже загорелое (белая бретелька сарафана оттеняла его), так близко, что, не удержавшись, он перегнулся через велосипед и прикоснулся к ее плечу губами.

Она резко повернула к нему красивую голову с блестевшим на солнце крендельком косичек — в глазах ее был испуг — и быстро пошла, потом побежала по тропе, обогнав Бокса. Пес, вообразив, будто с ним играют, мчался за ней следом, громко взлаивая, пока оба, нырнув в низину, заросшую ольшаником, не исчезли.

Витька нашел их под старой вербой: повернувшись лицом к мшистому стволу, Катя сердито ковыряла трухлявую кору, а пес, склонив набок голову, разглядывал ее, недоуменно мотая хвостом.

— Ну, извини-прости, пожалуйста, — бормотал Витька ей в спину. — Я не знал, что ты испугаешься.

Катя наконец, глубоко вздохнув, повернулась и, пристально взглянув на него, спросила вдруг:

— А ты только сатирические стихи для стенгазеты пишешь? Или можешь и другие, обычные?

— Не знаю. Наверное, могу. А зачем?

— Мне в альбом.

— Прямо сейчас?

Она засмеялась.

— У тебя ж с собой ни карандаша, ни бумаги.

Где-то, совсем рядом, послышалось пыхтенье движка, плеск воды. Два хриплых гудка басовито запели из-за речного поворота, их пение покатилось по садам и огородам к пристани.

— Уже идет! — крикнула Катя, бегом взбираясь на береговой гребень. — Какой красивый!

Пассажирский двухпалубный катерок, окрашенный в празднично-белый цвет, с красной полосой по ватерлинии, петлял по капризно-извилистому руслу, и его палубные надстройки и мачта с алым флажком озорно мелькали за ивняковыми зарослями, будто играли в прятки.

Под осокорем, у пристани, уже толпился любопытствующий народ. В толпе сновали полуголые, в мокрых, прилипших к телу трусах мальчишки, прибежавшие с соседней песчаной отмели, считавшейся здесь главным сельским пляжем. Витька с Катей успели к моменту, когда с катера бросили веревочную петлю, тут же надетую на вбитый в землю кол, и по гулким мосткам, по спущенной с борта лестнице застучали шаги пассажиров, уезжавших в Бендеры и Тирасполь.

— Я скоро тоже поеду, — вдруг призналась Катя. — К тетке, в Бендеры.

— А я нет, — сказал Витька, помрачнев. — У меня там никого — ни тетки, ни дядьки.

...Вечером, дома, Витька вспомнил про обещанные Кате стихи. Он видел, как девчонки приносили в школу свои альбомчики, разрисованные цветами, вписывали друг другу напыщенно-примитивные стишки. И решил сочинить что-нибудь шуточное.

Но первая строчка оказалась совсем другой:

Куст над водой склонился...

Вторая (в воображении мелькнули загорелое плечо Кати и белая бретелька сарафана) зашифровала случившееся:

Берег целуют волны.

Дальше слова потекли, как река:

Я на минуту забылся,
Грустною думой полный.

Да, конечно, ведь река —это жизнь, она прихотлива и непостоянна, то крутит медленные водовороты, то легкомысленно мчит по песчаным отмелям, и ей нужен берег, иначе она перестанет быть собой...

Мимо река бежала
В лес, под зеленые своды.
Цветок ты в руках держала,
Ты его кинула в воду.

Нет, он, Виктор, не упрекает Катю за брошенный в воду подарок. Он просто грустит. А почему грустит, и сам не знает:

Я на минуту забылся,
Грустною думой полный.
Ночью цветок мне снился,
Его уносили волны.

Последние две строчки, конечно, были лишь вольным предположением, к тому же — несбывшимся. Спал он в ту ночь крепким сном счастливого человека. Без сновидений.

...А через день его стишок, которым Катя не утерпела похвастаться, прихватив свой альбом на пляж, уже знали все ее подруги. Витьку теперь, посмеиваясь, спрашивали: «А что тебе сегодня снилось?» Его это нисколько не раздражало, скорее — наоборот, ведь это был род признания. Даже иронические ухмылки и насмешливые оклики «Эй, поэт!» он воспринимал как должное, потому что знал: жизненный путь настоящих поэтов тернист, не все их понимают при жизни и только после их преждевременной смерти (на дуэли, конечно) к ним приходит подлинная слава.

Но, видимо, Витькина слава все-таки решила не дожидаться его героической кончины. Девчонки вдруг после отъезда Кати в Бендеры стали досаждать ему просьбами: вписать и в их альбомчики хотя бы четыре поэтических строки.

Особенно настойчивой была Галка Генчина, улыбавшаяся Витьке издалека, с другого конца пляжа, так, будто кто-то ей эту улыбку приклеил. Невысокая, вся в округлостях, в пестром купальнике, она, кивая Витьке, вычерчивала палкой у воды, на влажном песке, какое-то слово и тут же его смывала, подгоняя ногой волну.

Звенели голоса, плескалась малышня у берега, реяли над водой стрижи. Солнце клонилось к аркам разбитой церкви. Разбежался Витек, прыгнул, ткнулся руками в шершавое дно, вынырнул. Видит: неподалеку Генчина тарабанит ногами, поднимая брызги. Голова в кудряшках, схваченных какими-то ленточками. Не ныряет Генчина, прическу бережет. И все та же улыбка во все лицо.

— Афанасьев, будешь вечером на велике кататься?

— Наверное. А что?

— Заезжай ко мне. Я альбом приготовила. Ты же у нас поэт.

— Не обещаю. Как получится.

— А знаешь, какое слово я на песке пишу?

— Нет.

— Пойди, поэт, посмотри. Я его не смыла.

Короткими саженками подплыл к берегу. Поддернув сползавшие из-за слабой резинки трусы, вышел. Увидел на песке чуть подмытые крупные буквы: ВИТЯ. Хмыкнул, нагнал ногой волну, смыл. Смешная девчонка! Что она этим сказать хочет? Что влюбилась? Вот так, сразу?

Пересекая пляж, заметил: в девчоночьей кучке о чем-то перешептываются, на него глядя, а рыжая Римма чуть не давится от смеха. Что ее так смешит, непонятно. Жаль, Кати среди них нет, у нее спросил бы. Витька посчитал дни, прикинув, когда она вернется из Бендер. Вздохнул: без Кати стало как-то пустовато.

Дома он задал корма кроликам (в каждую клетку — пучок клевера, горстку кукурузы, в поилку — свежей воды). Вывел велосипед, окликнул щенка.

Скрипела велосипедная цепь, разлеталась пыль из-под лап Бокса, золотилось над холмом небо — на его фоне сквозные церковные арки разбитой церкви прорезались четкими, темными силуэтами. Вот он миновал Катин дом, а рядом с ним — ворота, калитка, скамейка у забора. И на ней — Генчина в цветастой кофточке, в юбочке-клеш.

Склонила кудрявую голову в крупных на этот раз бантах. Поднялась, томно потянувшись.

— Афанасьев, я тебя давно жду, чуть не задремала.

В ее дворе цвели пахучие флоксы. Закружилась голова у Витьки от их сладкого дурманящего аромата. Прислонил велосипед к веранде, скомандовал псу: «Сидеть!» Поднялся на крыльцо.

Странно тихо было в доме.

— Мои все в Пуркары к родственникам уехали, раньше ночи не вернутся.

Это Галка выкрикнула из соседней комнаты, накручивая патефонную ручку.

— Тебе что больше нравится — рио-рита или танго?

— А когда в альбом писать?

— Потом.

В душном сумраке блестела никелированными шарами железная кровать, высилась на ней пирамида подушек, увенчанная кружевной накидкой. Под ритмы риориты, пританцовывая, вышла из соседней комнаты улыбчивая Генчина.

— Ну что, Афанасьев, станцуем?

— Я не умею.

— Да брось стесняться. Я тебя научу.

— Нет, давай альбом, я напишу, раз обещал.

Долго рылась она, склонившись над шатучей этажеркой, продолжая пританцовывать, подергивая плечами и бедрами. Повернулась наконец, хитренько улыбаясь, подняв вверх небольшой альбом.

— Вот он, пропащий! Бери, поэт!

Потянулся к нему Витька, но Генчина, смеясь, отвела назад руку — дразнила, пританцовывая, отступая к кровати, пока вдруг не упала на нее спиной, обрушив пирамиду подушек.

— Ну, чего же ты? Бери!

Альбом лежал у ее головы. Дотянуться до него можно было, только упав на Генчину.

Остановился Витька, качнувшись. Оцепенел, глядя на застывшую ее улыбку, выпуклости под кофточкой, белые колени из-под задравшейся юбочки.

— Знаешь, я листок со стихами забыл, — соврал он, — а наизусть не помню.

Витька поправил у нее юбку, прикрыв колени, отошел к этажерке.

— Я их тебе завтра впишу.

Рывком поднялась Генчина, сев на кровати. Уже не улыбалась. Круглое ее лицо без улыбки было странно неузнаваемым.

Презрительно оттопырив нижнюю губу, она процедила:

— Ничего у тебя с Катькой не выйдет.

— Почему? — удивился Витька неожиданному повороту.

— Ты холодный. Девчонки холодных не любят.

— А может, я только с тобой холодный.

— Если со мной, то и с другими тоже. Со мной все горячие.

— Ну, так уж и все.

— Все! А ты, Афанасьев, совсем заучился, ничего в жизни не понимаешь. Ро-мантик! И стихи у тебя — дрянь!..

Она говорила ему злые слова, а он, ошарашенный, пятясь, отступал к двери. Во дворе снова оглушили его густым ароматом цветущие флоксы.

Он окликнул пса и, хлопнув калиткой, вывел велосипед.

Мчался Витька по сумрачной улице, еще не совсем понимая, чем именно обидел Генчину. Неужели она думала, будто он вроде кролика, подсаженного в клетку к

крольчихе, и ему все равно, на кого упасть? Значит, у нее было такое с другими? И буквы на песке — всего лишь приманка? А он, глупец, на это клюнул!..

Какой притворой оказалась... Да ведь она с девчонками, наверное, поспорила, догадался Витька. Сказала, что отобьет его у Катьки, пока та в отъезде. Ну да, конечно, об этом они шептались на пляже, наблюдая за ним и Генчиной. И Римма, подруга Катькина, хоть бы намекнула ему на этот гнусный заговор. Нет, она только хихикала, развлекаясь. Предательница! А Генчина-то, ну какая же вредная все-таки девчонка! Завистливая, коварная. Казалась такой простой и веселой. Теперь наверняка будет о нем сочинять какие-нибудь небылицы.

И тут осенила его страшная мысль: а если бы на месте Генчиной оказалась Катя, смог бы он... ну... упасть на нее?..

Попытался представить. Не получилось. Воображаемая Катя почему-то не опрокидывалась на кровать. Она смотрела на него издалека, откуда-то из Бендер, испуганно-ясным, тревожно-праздничным взглядом и разрешала лишь гладить ее по красиво убранной голове с блестящими крендельками косичек под затылком.

Мичман и девушка (спустя пятьдесят лет)

Все уходит, отдаляется, тускнеет, зыблясь в памяти клочками воспоминаний: беды и страсти, друзья и враги, мечты и надежды, солнечные дни и сумрачные вечера. Все, кроме вот этого...

1.

...Был день, был ветер, гнавший по небу легкие облака. И катилось солнце по неизменному своему маршруту. И грелись в его лучах океаны и материки, леса и реки, люди и звери — их суетные, сплетенные в один клубок краткие жизни. И два велосипедиста неслись в этот день по сельской улице, по проселочной дороге, по вертлявой тропинке в плавневый лес.

Впереди ехал Витька, позади Вовчик. Скрипели их битые-гнутые, облупленные велосипеды. Грело солнце мальчишечьи спины и шершавые стволы старых вётел, молодую бликующую листву и суматошных муравьев на разогретом пне, коршуна, безмолвно кружащего над лесом, и скрипучих скворцов, шнырявших в сочной траве.

В лесу было сыро, колеса вязли, пришлось спешиться. Вели велосипеды рядом. Вовчик, худой и маленький (прозвище — Гвоздик), смешно гримасничая, рассказывал, что бы натворил, если бы был гипнотизером. Заставил бы здоровенного Веньку Яценко, раздающего всем на перемене шуточные тычки и затрещины (ему, Вовчику, из-за его тщедушности — чаще всех), бегать за ним, Гвоздиком, согнувшись в три погибели с лакейским вопросом: «Чего изволите?» Твердокаменному математику Порфирию Никитовичу внушил бы привычку ласково улыбаться и ставить всем только пятерки. А язвительную вреднючку Аллу Симанчук, старосту класса, заставил бы на перемене подойти к губастому Мишке Земцову (носившему забавное прозвище — Бегемотик, сокращенно — Мотик) и поцеловать его. А самого Мишку — тут же выйти к доске и громко запеть «Варяга»: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступае-е-ет!..»

Тут Вовчик вначале зашелся в дробном, сотрясавшем его смехе, а потом вдруг сказал:

— Нет, Мишку я бы пожалел. Он на гармошке эту песню здорово исполняет.

Земцов исполнял не только это, а еще «Спят курганы темные, солнцем опаленные», «На закате тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят», но мальчишкам, набивавшимся в непогоду, слякотной зимой, в его, земцовскую, летнюю кухню, откуда их никто из взрослых не гонял, «Варяг» нравился больше всего. Особенно — строчки: «На палубу вышел, сознанья уж нет, в глазах у него помутилось...» Мишка выпевал эти слова так отчаянно, с таким надрывом, будто это именно его светло-серые, слегка выпуклые глаза покрыла смертная пелена. Наверное, поэтому он отказывался выходить со своей трехрядкой на школьную сцену — стеснялся многолюдья, хотя Вовчик с Витькой, завсегдатаи самодеятельности, разыгрывавшие сценки собственного сочинения, его упорно, но безуспешно уговаривали.

2.

...Сейчас они, толкая велосипеды, обогнули заросли орешника, пересекли канаву по двум хлипким, подгнившим доскам, втянулись в дубовую рощу, еще не совсем оперившуюся листвой и потому насквозь просвеченную солнцем. Здесь было сухо, пахло новой травой, пробившейся сквозь слой палой листвы, дышалось легко, и Вовчик, глядя вверх, в сиявшую сквозь сплетение дубовых веток синеву, спросил вдруг Витьку:

— А вот ты как думаешь — Бог есть?

Афанасьеву сразу вспомнился громоздкий, блестевший металлическими уголками сундук, с которым они в 46-м приехали из степного саратовского поселка в Молдавию, а потом переезжали с ним из одного села в другое. Все эти годы в темной глубине сундука стояла икона. Сунула ее туда собиравшая Афанасьевых в дальний путь саратовская баба Маша, но всякий раз, когда мать пыталась икону извлечь и пристроить куда-нибудь в комнате, отец, преподававший в школе географию, сердито спрашивал: «Хочешь, чтоб меня за пропаганду религии с работы выгнали?»

Об иконе Витька, когда был поменьше, помнил всегда, потому что, по словам матери, изображенный на ней темный лик своим пристальным взглядом пронизывал все насквозь, от него невозможно было спрятаться, а значит, все твои поступки — хорошие и плохие — для него не были тайной. Это Витьку тяготило. Ему казалось — за ним подглядывают. Но потом в школе узнал, что наша Вселенная со всеми ее звездами и планетами бесконечна, охватить ее не только взглядом, даже воображением, никакому сверхъестественному существу не под силу, и — успокоился. Но — ненадолго. Последнее время вокруг него и в нем самом стало происходить что-то, чему он не мог найти объяснения. Хотя и пытался.

— Вообще-то, взрослые говорят, что его нет, — ответил Витька. — Но ты же знаешь, они всегда врут.

— Врут, это точно! — горячо поддержал Вовчик, вслед за Витькой вкатывая велосипед на всхолмленный берег, к стоящим здесь четырем белоствольным осокорям, чьи кроны шумели сейчас далеко вверху, безостановочно лопоча молодой листвой.

Отсюда открывалась речная излучина, окаймленная ивовыми зарослями и подступившим к обоим берегам лесом. Именно здесь, под цепким ивовым кустом, нависшим над водой с двухметровой высоты, прошлым летом клевали маленькие скользкие сомята и бойкие полосатые окуни с оранжевыми плавниками. А в глинистой норе, у подмытых корней, жил зимородок — он вылетал оттуда внезапно, с тихим жужжанием, будто ввинчиваясь в воздух, сверкая изумрудно-зеленым, белым и алым оперением, задевал клювом бегущую рябь, выхватывая серебристую рыбешку, и, описав над водой крутую дугу, возвращался к себе.

Отвязав от велосипедных рам удилища, рыбачки закинули удочки в самую сердцевину медленного водоворота, вращавшего перламутровый круг под ивовым кус-

том. Но клева не было. Витька нашел в перистой поросли молодого майгуна крупный стебель и, щелкнув перочинным ножичком, вырезал дудку. Звук у нее был то басистым, как гудение шмеля, то внезапно тонким, как свист зимородка. А то вдруг, если резко дунуть, вырывался из нее человеческий голос: «Эй!» Будто кто-то окликал сидевших на берегу ребят.

— Знаешь, — сказал Витька, — я иногда думаю: Бог — это все, что мы видим. Вся красота. Может, он вот в этих деревьях или птицах, даже — в траве, даже — в ветре. Может, и в нас самих, только мы не чувствуем.

— А я чувствую, — заулыбался Вовчик. — Мне в такие моменты летать хочется, — и, вздохнув, добавил: — Но — редко. Чаще — хочется драться.

— Это потому, что тебя все дергают, а ты терпишь. Ты сразу дай сдачи, и тебя донимать перестанут.

Пробежала рябь по воде, брызнув в глаза золотыми блестками, будто рассыпал их ветер посреди реки и погасил тут же. А вместе с ними и — память о счастливых мгновениях детства. Но однажды они, годами таясь, вдруг вспыхивают вновь, маня и сверкая...

3.

...Вселенской грустью чревата попытка вернуться в прошлое, но как удержаться от соблазна — пятьдесят лет спустя — взглянуть на те места, где протекли твои детство и юность!..

В Олонешты мы приехали во второй половине дня, когда сентябрьское, уже нежаркое солнце клонилось к холмистому горизонту. Привез меня туда на своей старой «Волге» коренной бессарабец (так он представился) Иван Тимофеевич, сорокалетний крепыш, говоривший по русски с молдавским акцентом, приятель кишиневских друзей, попросивших его в паузе между моими командировочными делами свозить меня *на вторую малую родину*. Ненадолго. Хотя бы на день.

И вот мы петляем по извилистым переулкам и длинным олонештским улицам, теперь переименованным, ищем дом, где, по слухам, по-прежнему живет мой одноклассник Мишка Земцов, Михаил Иванович то есть.

Своего села я не узнавал: дома не под камышовыми, как раньше, а под шиферными и железными крышами, тенистые дворы — под полощущимся на ветру, живым шатром вьющегося винограда. За утонувшими в садах домами, сбежавшими к реке, в осушенной пойме Днестра вместо камышей, озер, плавневого леса с его серебристыми ветлами и белоствольными осокорями — ровные, утомительно-скучные помидорные плантации. Марсианский пейзаж! Только облака над поймой прежние — ослепительно-белые, с пышно-курчавыми гребнями, напоминающими выпуклые, ветром наполненные паруса.

А на темени холма, на пустыре, где когда-то из зарослей лопухов высились устоявшие в 44-м под артобстрелом могучие арки разбомбленной церкви (помню — их молчаливые силуэты подолгу темнели на фоне тлеющих вечерних зорь), сейчас стояло двухэтажное типовое здание Примэрии, так теперь называется поселковый совет.

И даже заросший кустарником овраг, прорытый ручьем, впадающим в Днестр, стал другим — каким-то словно бы обмелевшим, непохожим, как прежде, на бездонную пропасть. И таинственно звеневший в невидимой его глубине источник сейчас в самом начале оврага, огороженного каменным заборчиком, загнан в трубу — буднично журчит в небольшом, облицованном цветной плиткой бассейне.

Наконец по каким-то признакам я узнал Мишкину улицу. Мы ехали по ней медленно, чтобы не пропустить дом, наверняка за эти годы перестроенный, пока впереди нам не перегородил дорогу пестрый тент, накрывший все уличное пространство, а под

ним — длинный праздничный стол с галдящими под плясовую мелодию людьми. Свадьба! Нам объяснили: соседи — их ворота напротив — породнились, а дворы тесные, только на улице и можно усадить всех. Нас дружно, на двух языках — на молдавском и смешанном русско-украинском — звали за стол. Но мы торопились. Нам сказали, как по близлежащим переулкам объехать их свадебное пиршество, и наша «Волга», переваливаясь с ухаба на ухаб, выехала на ту же улицу с другого ее конца.

И я вспомнил: у ворот Земцова справа была та самая летняя кухня, где он нам пел «Варяга», слева же высился каменный вход в погреб с двустворчатыми дверями — свидетельство основательности хозяев дома. Сам же дом, стоявший торцом к улице, построенный, как у многих здесь, в трех уровнях, как бы спускался ступенчато в сторону реки.

Я его увидел сразу. И погреб был на своем месте, и даже — приземистая летняя кухня, только теперь она была крыта не камышом, а шифером. В глубине чисто выметенного двора, за сетчатым заборчиком кудрявился виноградник и буйствовал сад, начинавшийся с беседки, увитой виноградными лозами.

Наша «Волга», последний раз качнувшись на ухабе, приткнулась к воротам. Мы вышли, громко хлопнув дверцами, и тут же из тенистого нутра беседки показался человек в матросской, синеполосатой майке. Он шел к воротам, и я, всматриваясь в его невысокую крепкую фигуру, загорелое лицо с трехдневной небритостью, зачесанные назад, как было принято в 50-е, волосы с почти незаметной проседью, развалистую походку человека, которому некуда торопиться в этот воскресный день, и спрашивал себя: неужели — Мишка Земцов?! Тот самый Бегемотик-Мотик? С мускулистыми руками штангиста и молодым, острым взглядом все тех же светло-серых, слегка выпуклых глаз, ярких на загорелом лице? Неужели ему, как и мне, уже за шестьдесят?!

Он подошел, пристально всматриваясь, отворил калитку и, широко улыбаясь, назвал меня по имени. Узнал!

Мы обнялись.

— А я чувствую, кто-то должен приехать, — сказал, ведя нас в беседку. — Откуда-то издалека. Может даже, из Москвы. Велел Марии мамалыгу приготовить — на всякий случай.

4.

В беседке пахло виноградным листом, гроздьями душистой «лидии», медовыми грушами, источающими липкий сок, дыней, нарезанной тонкими ломтями, похожими на груду золотистых полумесяцев. Мария, сухонькая подвижная женщина, в косынке, повязанной по-молдавски — узелок с растопыренными концами наверху, подкладывала на тарелки желтые ломти пахучей мамалыги, улыбаясь, приговаривала: «Вы такого в Москве не попробуете». Земцов, отгоняя налетевших на груши ос, тянулся к графину, наливал в фужеры каберне собственного изготовления. Мой «бессарабец» Иван Тимофеевич от вина решительно отказался («Мне сегодня еще за руль»), и Мария принесла ему свежевыжатого виноградного сока.

— Я вас в наш погреб свожу — на экскурсию, — пообещал нам Земцов, загадочно щурясь.

О себе говорил скупо, нехотя. Работал в районной газете, писал критические заметки — въедливый свой характер проявлял. С начальством не церемонился — мог любую правду сказать. При всех. Затеял кампанию против осушения плавней, публиковал мнения жителей окрестных сел. Начальство приписало ему «умышленную дискредитацию власти» и «клевету». Уволили. Мыкался, пытаясь где-то устроиться. Не брали, боясь начальственного гнева. Перепробовал все: кладовщик, разнорабочий, сторож. Уезжал, пытаясь в других местах укорениться, — не смог, тянуло домой. К жене и детям. Так годы и пролетели — сумбурно. В конце концов однажды,

копаясь в собственном огороде, решил: не удалось спасти плавни, но земля-то у дома в его же власти!

Теперь у него свой виноградник, свое вино — покупают, хвалят. А марсианский пейзаж в пойме, добавил он, пример издевательства над землей: помидорный урожай убирают на треть, остальное запахивают, потому что нет сбыта.

Об одноклассниках заговорили — оживился. Кто-то приезжал, виделись, кто-то писал, но потом переписка заглохла. О ком знает наверняка? Ну, Вовчик, бывший Гвоздик, после армейской службы в плечах раздался, учился, инженером-самолетостроителем стал. Ревнивый Отелло, стрелявший по кустам в овраге, Венька Яценко — водителем-дальнобойщиком. Вспомнили, конечно, учителя Александра Алексеевича (с ним смолили лодку, а потом мотались на ней по плавням), его странную судьбу — уехал из Олонешт, став преподавателем вуза, а потом все-таки, выйдя на пенсию, ушел в егеря. В дальнее охотхозяйство. Жизнь свою завершил егерем.

Земцов снова потянулся к графину, плеснул в фужеры:

— Давай помянем. Не чокаясь.

Спрашиваю о детях.

— Выросли, разъехались. Им в деревенской нашей жизни тесно.

— «Варяга» им на гармошке исполнял?

— Пропала куда-то гармошка, да и не до того было.

И вдруг заулыбался.

— А помнишь, как мы ночью с пляжа к сараю Плугаря бегали, там у него дачники ночевали?!. Форсистый такой мичман: белый китель, фуражка с кокардой, и девушка его, маленькая, в большущей шляпе, оранжевой. Они у Плугаря в каса маре жили, а спали-миловались в сарае, на сене. Из-за жары. А днем по селу бродили, целовались на виду у всех.

— Еще бы не помнить...

— А мы, дурачки сопливые, у сарая к их шепотам прислушивались... Так вот они два года назад приезжали снова.

— Шутишь?

— Не шучу. Их здесь многие видели. И я видел.

— Да ведь им обоим, наверное, под восемьдесят?

— Наверное. Он уже с тросточкой, прихрамывал, но такой же высокий, в белом кителе и в фуражке с кокардой. А она — совсем старушка, в такой же большой шляпе. Оранжевой. То ли они эти вещички с тех лет хранили, то ли специально купили, чтоб в них еще раз сюда съездить.

— Пятьдесят лет хранить китель и шляпу? Не может быть!

— Да ну, обычное дело: у меня отцовская гимнастерка с орденом Красной Звезды до сих пор в сундуке лежит.

— То орден...

— А у них, может, их любовь как орден... Ну, да ладно, пойдем, я погреб покажу.

5.

Но вначале Земцов завернул к сараю. Широко распахнул дощатую дверь. Там, в сумрачной глубине, среди плетеных корзин и бочек разного размера, стоял на помосте круглый решетчатый пресс — в нем отжимались виноградные гроздья. Струйка темно-красного сока стекала по желобку в эмалированное ведро, и Михаил, подставив кружку, дал нам попробовать. Сок был густой и мутный, а цветочный его аромат обволакивал и пропитывал все вокруг. Ощущение — будто ты весь становишься то ли цветком, то ли ягодой.

— У меня несколько кустов «изабеллы», — объяснил Земцов, — это они дают такой букет. Перебродит бочка, стоит год, два, а откроешь — аромат все тот же.

У погреба Михаил остановился, пошлепал ладонью по каменной кладке входа, сложенного из песчаника («Отцова работа!»), громыхнул засовом. Высокая двустворчатая дверь, больше похожая на ворота, скрипнула обеими половинками, обнажив кирпичную кладку свода и круто сбегающие вниз каменные ступеньки. Из раскрытого темного нутра пахнуло прохладой. Щелкнул выключатель, загорелись лампочки, уходящие светящейся строчкой вниз, к почти неразличимому полу.

— Да у тебя здесь как в метро, только эскалатора нет!

— Ножками, ножками топай, — смеялся Земцов, довольный.

Внизу мы с ним оказались в просторном, тускло освещенном помещении, заставленном по стенам бочками на деревянных стояках. В каждую был врезан кран, а над ним — табличка: сорт и год изготовления. «Каберне», «фетяска», «изабелла», «алиготе», — прочитал я, удивившись.

— Неужели все эти сорта на твоем маленьком винограднике?

— Прикупаю у соседей, кому свой виноград лень отжимать. Они же потом перед каждым праздником в мое подземелье спускаются. Некоторые с трудом выходят, ступеньки-то крутые!..

Он опять засмеялся и, сняв с полки кружку, протянул мне — дегустируй!.. Вино было разным, но настоящим, в его аромате, в сахаристости, в кислинке была память о лете, о полуденном его зное и внезапных грозах.

Мы уже собрались наверх, когда я увидел в глубине погреба нишу в кирпичной кладке, а в ней — бочонок. Подошел. Читаю надпись над краном: «Мария».

— Это я свой сорт вывел, жене в подарок, к дате, — смущенно кряхтя, признался Земцов. — В ноябре у нас — юбилей. Сорок лет как поженились.

Вздохнул.

— Знаешь, если со стороны смотреть, вроде вся моя жизнь — кувырком. Сплошная дерготня. А как начну вспоминать, бог ты мой, сколько же было хорошего!.. То один день вспоминается, то другой. Как кусты виноградные сажали. И — первый урожай. И — первое вино. А все благодаря Марии. Терпеливица она у меня. Умница.

Мы поднимались наверх по крутым ступенькам, и Земцов, остановившись передохнуть, вдруг засмеялся.

— Слышь, что вспомнил — как с мичманом встретился. Иду мимо Примэрии два года назад, а навстречу хромает тот самый мичман в кителе, с тросточкой и его жена рядом. Идут медленно, шаг в шаг. Совсем старенькие, но издалека впечатление, будто такие, какими пятьдесят лет назад были. Подумал — галлюцинация. Стою, обалдевший, будто в то время вернулся. А они подходят и спрашивают, куда делись арки от разбомбленной церкви. Киваю им на Примэрию, говорю — вот эти стены из них слепили. И пошли бывшие наши дачники дальше... А я стою, не могу опомниться...

Он помотал головой, словно бы пытаясь освободиться от наваждения, и мы продолжили свой неторопливый подъем к распахнутому выходу. Там, наверху, в дверном проеме, вечернее небо уже наливалось сиреневым цветом, и легкое облако, отставшее от своей вереницы, убегающей за холмистый горизонт, отсвечивало розовым.

Михаил закрыл за нами двери погреба, звякнув засовом, и, улыбаясь, кивнул в сторону ворот:

— Ты думаешь, мы наших гостей просто так отпускаем? Не-ет, мы утяжеляем их путь...

За воротами в эту минуту мой «рулевой бессарабец» никак не мог захлопнуть переполненный дарами багажник: мешали торчащие из него ветки колючей облепихи, унизанные янтарными гроздьями, но, несмотря на это, стоявшая рядом Мария уговаривала его (на мелодическом молдавском) поместить туда еще одну объемистую сумку. С кабачками и яблоками. Иван Тимофеевич разводил руками, вежливо протестовал, смеялся, крича по-молдавски подходившему Земцову о том, что не видел

еще такой упорной женщины, как его жена. Наконец сумке нашли место на заднем сиденье, и мы стали прощаться.

Мы снова обнялись.

— Ты давай на все лето приезжай. С детьми, — сказал Земцов.

— И с внуками, — добавила Мария.

6.

...В прозрачных сумерках мы петляли по улицам, пересекали полосы света, падавшие на дорогу из окон. Впереди, над холмистой линией близкого горизонта, в нагромождении оранжево-пепельных облаков медленно дотлевала заря.

Какой же сказочно зловещей, сулящей на завтра что-то неведомое, о чем-то предупреждающей она тогда, много лет назад, мне казалась! Была в ее живой, на полнеба распахнутой, меняющейся картине какая-то торжественность, наверное, оттого, что на ее фоне четко темнели высокие арки разбитой церкви. Заря догорала, силуэты арок растворялись во тьме, и только пульсирующий свет неутомимо мерцавших звезд помогал отрешиться от беспричинно возникавшей тревоги — спутницы детства и юности.

Мы одолели холм, выехав на пустынное в этот час шоссе, и я подумал: а какие олонештские картинки остались в памяти — на все эти пятьдесят лет — у мичмана и его девушки? Догорающие зори? Днестровские плавни с волокнистым туманом по утрам? Утонувшие в садах дома с нахлобученными по окна камышовыми крышами? Любопытная ребятня, глазеющая на них обоих – на его кокарду и кортик, на ее необыкновенную шляпу и лаковые босоножки на каблуках? И что привело их сюда через бездну лет — хотели проститься с прошлым, прикоснувшись взглядом к днестровским берегам, ивовым зарослям, бегущей по воде золотистой ряби?.. А может быть, их все эти годы тянуло вернуться к истоку ошеломительной своей любви, навсегда связавшей их жизни, но что-то мешало: неотложные дела, дети, внуки. Потом вдруг поняли: откладывать уже нельзя.

Дорога, бегущая нам под колеса, отливала в сумерках металлическим блеском. Уплывали назад холмистые склоны, простроченные рядами виноградных кустов. В поблекшем небе проклевывались первые звезды. И я вдруг подумал: к чему бы сам хотел прикоснуться взглядом, прощаясь с Олонештами? И тут же увидел полощущийся на ветру костерок, под четырьмя высоченными осокорями, где в половодье, на образовавшемся островке, наша мальчишечья команда с учителем Александром Алексеевичем разбивала рыбацкое становище. Услышал его глуховатый голос (однажды, слякотным зимним вечером, в своей учительской хатке он прочитал нам всю первую главу из «Евгения Онегина» — наизусть, чем потряс наше воображение). Вспомнил, как заговорили об осокорях, звеневших на ветру чуткой, серебристой с изнанки листвой, о том, что этим деревьям лет уже, наверное, по триста-четыреста. И — замолкли, ошеломленные мыслью о быстротечности человеческой жизни. О хрупкости всего сущего...

7.

...Мы тогда еще не знали, что бессмертно-ветвистый род человеческий укоренился на земле благодаря самому, казалось бы, эфемерному и скоротечному чувству — чувству любви, соединяющему людские души невидимыми скрепами.

Юрий КОНЬКОВ

СКАЗКА НА НОЧЬ

Мне снилось: Вы сказали «ты»
И — удивительное дело! —
Вдруг стали мрачные пределы
Янтарным светом залиты.

Контора вся озарена,
Баюнный стук машин печатных
Звучит Моцартовым стаккато,
И большелобая Луна

Спокойно, радостно, светло
Глядит в узор огромных окон,
И ветру с северо-востока
Аккомпанирует стекло.

В конторе ночь, в конторе пыль,
И в лабиринтах темных комнат
Снуют сердито леприконы,
Кружочков золотых рабы,

Начальство шепчет приворот,
Рисует знаки красной пастой.
А мне тепло и безопасно,
И Вы стоите у ворот.

УЛЛА

Весною щепочку несло —
Куда, в какие водопады?
Кому какое ремесло,
Кому перо, кому лопату...
Когда ни мыслей нет, ни слов —
Довольно взгляда.

Весне оставлены холсты,
Она выбеливает честно.
Все переезды суть мосты,
Соединившие любезно
Кусочек древней бересты
С дворцом небесным.

Весна — известный поводырь,
Язык и то заводит ближе.
Нальет на донышко воды,
Грачей на веточки нанижет,
Завесит дымом голубым:
Увидел — выжил.

Юрий Александрович Коньков родился в 1976 году, живет в Москве. Один из организаторов ЛитО «Рукомос» (2002). С 2009 года главный редактор сайта «ТЕРМИтник поэзии». Финалист открытого поэтического турнира на кубок Кафемакс (Москва, 2009). Участник поэтических фестивалей «Киевские лавры» (Киев, 2010), «Фестиваль поэзии на Байкале» (Иркутск, 2010) и фестиваля искусств «Яблочный Спас» (Палех, 2010). Публиковался в журналах «Октябрь», «Современная поэзия», альманахах и коллективных сборниках. Автор книг стихов «Ржаворонок» (М., 2009) и «Лепесток» (М., 2011).

АТАКА

ОДЫШКА

Потеряно лицо. И барсуки внутри.
В гортани воет волк. Хоть новолунье вроде.
На столике кольцо. Не надо, не смотри.
...Как не хватает львов собачьему отродью.

Субботой и средой билетики легли.
В печенке барсуки. И в пищеводе камни.
Вот и всего следов пристреленной любви.
Не пропадешь с тоски. Столкуешься с волками.

Но пуще чем тоска. Больнее чем любовь.
Без имени беда. Каленая кручина.
Как не хватает сна. Как не хватает львов.
Без берега, без дна, без толку, без причины.

ТРЕМОР

По крепости, как спирт, по сроку, словно сон,
Когда она пройдет, одним богам известно.
Робеешь, Родион, пурумкаешь вальсок —
А вдруг она не спит, проклятая невеста.

Несократима дробь, неукротима дрожь.
Помог бы халцедон, да кто это и где он.
Застынут слезы льдом, скукожится нутро,
И сонное метро заполонят халдеи.

Халдею до балды, алгол или кобол,
Болотным пузырем он воспарит над всеми.
Когда она умрет, как вещий колобок,
Когда растает дым. Когда погаснет тремор.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Паленая луна, кружение планет.
На гландах пелена — ни оклика, ни вздоха.
Признанья нет во мне и отрицанья нет.
Кружение планет. Пульсация потоков.

Кто выкормил щенят топленым молоком,
Умеет подчинять космические силы.
Кто легкие пробил, тому дышать легко.
Кто не видал светил, тому зачем светила.

А воздух все плотней, душа раскалена.
Похоже, полутень сильнее полусвета.
Несутся в темноте Венера, и Луна,
И головы без тел — такие же планеты.

ЕГИПЕТ

Едва ли полностью открыты глаза домов.
Ленив, нелюбопытен город, лежит, молчит.
Египет, истинный Египет — густая ночь,
Ни откровенья, ни прикола в такой ночи.
Единым духом, махом, хором звенят ключи.

По улицам жирафа водят, по небу чад.
Еще один закат распластан, грачи летят.
Сибирской кошкою утробно урча-мурча,
Тяжелой шубой мшистой лаской пришел октябрь.
Египет, истинный и царский. Не плачь, дитя.

Родимой радости восточной ужель не петь,
Еловой новости сусальной лететь, парить.
Всё чудо осени проточной сейчас, теперь,
Осколки льда, цветы, вокзалы, календари
И где-то слышанные строчки — тебе дарить.

ОКЕАН

Океан, который всегда с тобой:
Если ты смеешься — шумит прибой,
Если плачет чайка — темнеют сны,
Как темнеют песни зверей лесных
В час, когда, уставши в тугой петле,
Отделяет мир от души олень,
Как темнеет новое колесо,
Как уходит день. Как уходит всё.

А на новый лист нанесут значки,
И возникнет мир: тишина, очки,
Пресс-папье, чернильница, спаниель,
Урожай, распутица, зной, метель.
И бежать от сырости — не сбежать,
Не покинуть трудного рубежа,
Лишь почтовой радости быть одной —
Океан, который всегда с тобой...

ТЕМНЫЕ ОКНА

Темные окна — битые пиксели
Города грузного многоквартирного.
Кто тебя вынесет, кто тебя выселит
С милой Апрелевки в злые Котельники?

Кто тебя за руку, неосторожного?
Кто к тебе в гости, когда ты на выгуле?
Кто тебя выкормит талым мороженым,
Кот невозможный, неловкий, невыгодный?

Город — ты видишь? — уставлен коробками,
Словно беседа — словами напрасными.
Прыгай сюда, потихоньку карабкайся,
Скоро вечернее станут показывать.

СЕРЕНАДА ДАЛЬНИХ ХОЛМОВ

Мороз такой, что воздух можно грызть.
Я жду тебя у третьего подъезда.
Из форточки второго этажа
Сибелиус рассказывает вечер —
Как будто знал он и сюжет, и место.
Собаки что-то делят в гаражах.
Прохожие, непроходные пешки,
Невольно неуклюжи и бодры.
Печальный мальчик в красном колпаке
Выходит на балкон и наблюдает
Летящий целлофановый пакет,
Что в ель с размаху бьет и опадает
Дождем хрустальным. Нет, стеклянным. Нет,
Он просто падает, на снег. И дальше
Я жду тебя. Тождественный зиме,
На вальс похожий, мой печальный мальчик
Уходит в дом. Вот-вот зажжется свет,
Но вечно продолженье темноты:
Сто раз открылась дверь, но там не ты.
Мороз такой, что я стою и плачу.

ГОРИТ ВОДА

Подойдите, дети, смотрите, горит вода,
Нынче день такой, бестолковая лабуда,
Нынче жарко очень с самого горизонта.
Горький запах в ноздри, но это не шоколад,
Это молится Иисусу Йошкар-Ола,
И от этих молений уже дымятся болота.

Подходите, дети, вставайте на самый край,
Нынче жизнь бела, как рисовая мука,
И по ней так удобно пальцем корябать знаки.
В общем, жить интересно, но устает рука.
Ищешь новых знакомых — словно берешь языка,
Признаешься в любви — словно делаешь сам бумагу.

Виктор ПЕТЕРСОН

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПОДРОСТКА

Откуда берутся подростки?

Многие считают, что подросток — понятие исключительно возрастное. Конечно: кому пять лет, тот еще ребенок, а кому тринадцать — подросток... Но грань, граница и время перехода в новое качество очень относительны и индивидуальны и зависят не только от количества прожитых лет. Маленький человечек постепенно формирует свое мнение о людях и событиях, начинает проявлять самостоятельность, принимает решения по вопросам большим и не очень... Он потихоньку расстается с детством... И тут огромное значение имеют нормальная атмосфера в семье и школе, книги, фильмы и телепередачи, доступные для него, событийный мир, в котором он развивается.

В 1941 году мне исполнилось одиннадцать. Детство моего поколения, как и жизнь всего нашего народа, было исковеркано войной и блокадой. 22 июня все наши детские заботы и забавы, дворовые игры в «казаки-разбойники» и в «Чапаева» сразу остались в прошлом. Пришла настоящая война...

Конечно, мы, мальчишки, в первые дни после начала войны не могли еще осознать всю трагедийность событий. Воспитанные в патриотическом духе, мы были уверены, что война продлится недолго, что через пару недель враг будет разгромлен, что наша славная Красная армия под руководством маршалов Ворошилова, Буденного и Тимошенко, назначенных в эти первые дни командующими фронтами, быстро разобьет фашистов.

А пока это не произошло, мы с мальчишками ездили на Старо-Невский проспект

Виктор Александрович Петерсон родился в 1930 году в Ленинграде. Окончил юрфак ЛГУ в 1953 году. С 1959-го по 1963 год работал в ленинградском комсомоле и в ЦК ВЛКСМ. С 1964-го по 1978 год возглавлял культурный центр СССР в Югославии. С 1978-го по 1992 год работал в аппарате Госкино СССР.

смотреть на семиэтажный дом — одно из первых зданий в Ленинграде бомбой, как ножом, разрезанное от крыши до фундамента. Толпы ленинградцев смотрели на развалины, на кровать и шкаф, стоявшие у отрезанной стены на одном из последних этажей. Потом мы ездили к Нарвским воротам, где на площади у Кировского райсовета лежал, распластавшись на асфальте, сбитый немецкий «юнкерс». Милиционеры не подпускали близко к нему хмурых горожан, на лицах которых было написано: «Вот так бы каждого, кто бомбить нас захочет...» Через три года, летом 1944-го, мы, мальчишки, отыгрались на выставке трофейного оружия, открытой в Соляном переулке, на Фонтанке, за Летним садом. Мы облазили все танки, бронемашины и орудия, которыми были заставлены все ближайшие улицы.

После одной из сильных бомбежек мы с мальчишками пробрались до Обводного канала, где горели Бадаевские склады. Близко нас, конечно, не подпустили, но мы видели, как пылали складские здания, в которых хранились продуктовые запасы для всего Ленинграда. Когда началась первая, самая голодная зима, некоторые смельчаки пробирались через посты военных, охранявших оставшиеся после пожара складские корпуса, откалывали комья замерзшей земли, в которую «утекали» расплавленные сахар, масло и другие продукты, и продавали их на рынках. Встречая Новый 1942 год, мы прокипятили на буржуйке такой кусок «бадаевской» земли, купленный мамой на Сенной площади, дали этому «вареву» отстояться и потом пили крепкий и сладкий чай с необычным «горелым ароматом».

Война и блокада ускорили наше взросление и возмужание. Мы изо всех сил помогали взрослым разбирать накопившийся на чердаках домов различный хлам, таскать туда ведра с песком для тушения «зажигалок», которые фашисты во время бомбежек сотнями сбрасывали на городские кварталы. Мы выезжали с родителями в окрестности города собирать на полях оставшиеся после уборки капусты зеленые листья, из которых дома квасилась знаменитая целебная «хряпа», спасшая жизнь многим блокадникам. Когда наступили холода, вместе с мамами и бабушками распиливали мебель, чтобы хоть в одной из промерзших комнат поддерживать тепло или согреть чашку чая. Первая блокадная зима была особенно морозной, фанера, заменившая выбитые во время бомбежек стекла, не держала тепло, как и наши истощенные организмы. Мы много времени проводили в очередях, сменяя взрослых, чтобы выкупить продукты, ходили, спотыкаясь по обледеневшим мостовым, чтобы принести в чайнике и бидоне воду из Фонтанки, прятались в подъездах во время артобстрелов, проводили ночи в бомбоубежищах. И все это, пока были силы... А потом долгое забытье от голода и холода под грудой пальто и одеял... Я был спасен от этого забытья волею судьбы: мой папа был тяжело ранен на Невском пятачке, попал в госпиталь на Съездовской линии Васильевского острова. Будучи некурящим человеком, он отдавал маме свою солдатскую порцию махорки, которую она на Сенной площади обменивала у красноармейцев на солдатские сухари...

Конечно, наше прерванное детство по сравнению с военным, блокадным лихолетием было безмятежным и солнечным. Но нужно сказать, что в предвоенные школьные годы (я окончил летом 1941 года четвертый класс) жизнь младшеклассников была очень насыщенной, общественно-активной. Как сейчас бы сказали: «политизированной». Мы с гордостью носили октябрятские звездочки и пионерские галстуки. Слова «честное пионерское» звучали очень серьезно. Вспоминаю, с каким уважением мы все тогда относились к заслуженным людям: военным командирам, стахановцам, артистам... В те годы мы еще не знали званий «лауреат», «народный артист», но огромным уважением пользовалось в народе звание «орденоносец». Это слово даже произносилось с особым уважением. А мы, мальчишки, встретив на улице человека с орденом на груди, провожали его целый квартал, забегая вперед, чтобы

лучше рассмотреть его награды. Мы уже знали, что в мире идет война с фашизмом, переживали за испанцев, первыми вступившими в эту борьбу. Даже детские журналы тех лет «Чиж» и «еж», выпускавшиеся для дошкольников, призывали читателей собирать деньги в помощь испанским ребятам, родители которых воевали за свою республику. И мы выпрашивали у своих родителей полтинники и рубли и просили их отправить по указанному адресу. Мы радовались, когда наша страна предоставила сотням испанских детей убежище от страшной войны. Тогда у нас в моду вошли испанские шапочки в виде «пилоток» с обязательной кисточкой.

Стало тревожней, когда война приблизилась к нашим границам, особенно когда развернулись события на востоке, у озера Хасан. В то время у нас, у мальчишек, особой славой пользовался пограничник Николай Карацюпа, который со своей овчаркой Индус отличился в задержании нарушителей нашей границы.

В царившей тогда атмосфере явно чувствовалась угроза войны, и даже нам, мальчишкам, было уже понятно, что «если завтра война, если завтра в поход», то воевать придется с фашистами...

Помню, как с родителями смотрел в кино фильмы, связанные с событиями в Германии, «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм», не все понимал, но появлялось чувство какой-то тревоги.

В детских журналах печатались рассказы о похождениях в Берлине немецкого парня-антифашиста Карла Бруннера, за которым гонялась полиция.

Одним словом, в те предвоенные годы мы, школьники, жили тем, чем жила вся наша страна. Помню, как в первом классе, открыв рот, мы слушали учительницу, рассказывавшую нам про эпопею раздавленного льдами «Челюскина», которая произошла, когда мы были еще малышами. Мы наизусть знали фамилии всех летчиков, спасавших челюскинцев и ставших первыми Героями Советского Союза. Мы мечтали вырасти такими же смелыми и отважными, как Леваневский, Ляпидевский, Молоков и другие герои, сажавшие свои самолеты прямо на льдины. Мы завидовали девочке, которая появилась на свет не в каком-то городе, а в Северном Ледовитом океане и которую назвали Кариной, поскольку она родилась на «Челюскине», когда он находился еще в Карском море.

Мы узнавали в газетах фотографии героев труда, таких, как Александр Стаханов, который «давал стране угля», или ткачихи-многостаночницы сестры Виноградовы. Мы внимательно следили за полетом Валерия Чкалова через Северный полюс в Америку на краснокрылом самолете АНТ–25. Мы страшно переживали за судьбу папанинцев: льдина, на которой работала научная станция «Северный полюс», начала дрейфовать в сторону теплого течения Гольфстрим. До сих пор помню, что спасали их наши ледоколы «Красин» и «Малыгин».

Мы гордились подвигами наших героев, достижениями нашей страны. Кстати, сейчас в нашем обществе горячо обсуждаются вопросы воспитания патриотизма у российских граждан. Проблема эта сложная и многоплановая. Ясно одно: чувство патриотизма может появиться тогда, когда люди гордятся тем, что происходит в жизни страны, ее славными свершениями. Сегодня, к большому сожалению, мы можем гордиться только нашей историей, в которой было много славных и героических страниц. Все попытки разработать новую идеологию остаются пока пустыми словами, процветает только культ денег. Везет нашей стране на «культы»...

Вспоминаются и более сложные события из довоенного детства. Я пошел в школу 1 сентября 1937 года. Много лет спустя мы узнаем страшные подробности о том времени. Но и тогда, хотя миллионы наших граждан жили нормальной жизнью: учились, работали, отдыхали, влюблялись, женились, рожали детей, атмосфера в некоторых слоях общества была очень сложной. Конечно, мы — дети — были далеки от

тех событий, которые вполголоса часто обсуждались взрослыми. Я рос в этом отношении в благополучной семье: никто из моих родственников, их друзей или знакомых не был репрессирован. Но с той поры, когда я был еще семилетним мальчишкой, остались тогда не совсем понятные слова: «энкавэдэ», «репрессии», «враг народа», незнакомые фамилии «Ежов» и «Ягода», которые взрослыми произносились шепотом... Запомнилось как однажды на третьем этаже, под нашей квартирой, всю ночь лаяла собака, раздавались какой-то шум, громкие голоса. Утром я услышал, как взрослые, обсуждая эти события, говорили, что соседа куда-то «увезли»... В школе на одном из уроков во втором классе учительница (безусловно по указанию свыше) велела нам вырвать из одного учебника страницу с фотографиями каких-то военных, как она сказала, объявленных «изменниками нашей Родины». Мы, конечно, выполнили ее указание, а наиболее шустрые ученики пририсовывали на этих фотографиях усы, бороды и даже рога. Вероятно, это были фотографии Блюхера и Тухачевского.

Особенно запомнилась мне еще одна школьная история, связанная с этими же процессами. Вспоминая ее, я всегда улыбаюсь, но улыбка эта довольно горькая, и вот почему. В том же году, когда я и мои сверстники стали первоклассниками, в стране широко отмечалось 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Нам, школьникам, каждый день напоминали об этом тетради (в первом классе тогда еще в косую линеечку), выпущенные специально к этому юбилею: на обложках были напечатаны рисунки к сказкам поэта о царе Салтане, Золотом петушке, Рыбаке и Рыбке, мертвой царевне. Не помню, кто принес в тот день в класс необычную идею (безусловно, подслушанную из взрослых разговоров), связанную с тетрадью, на которой была напечатана иллюстрация к стихотворению «Песнь о Вещем Олеге». Дело в том, что в те годы в детских журналах в качестве «головоломок», помимо модных тогда ребусов и шарад, печатались «загадочные картинки». Читатель должен был, поворачивая картинку, на которой был изображен какой-либо пейзаж или сценка, рассматривая ее со всех сторон, найти в рисунке «замаскированного» пограничника с собакой, часового, пулеметчика, самолет или танк... И вот на одной из перемен мы — человек восемь или десять — окружили учительницу Анастасию Андреевну и взволнованно убеждали ее, что вот в этой картинке, где Вещий Олег прощается со своим любимым конем, держа его под уздцы, зашифрованы (ни мало ни много) «лозунги врагов народа». «Вот рукоятка меча, — говорили мы, — это — буква Т. А щит — буква О... Стремя у коня — Д...» И так далее... Как сейчас, вижу нашу «группу разоблачителей» — девчонки с косичками, в которые вплетены бантики, тонконогие мальчишки, еще в коротких штанишках с лямками «крест-накрест», с покрасневшими лицами возбужденно размахивают тетрадками... Спокойные слова мудрой учительницы и звонок на следующий урок «потушили» нашу дискуссию... Так что сложные и страшные процессы, происходившие тогда в обществе, косвенно затрагивали и нас — еще несмышленых первоклассников.

Вот так, переживая свои радости и горести, учась на своих ошибках, мы расставались с детством и становились подростками...

Зеркало жизни

«Дневник — зеркало жизни» — этот афоризм, явно вычитанный у кого-то из классиков, любил повторять Ромка — мой друг и сосед по парте, когда мы учились в старших классах в послеблокадном Ленинграде. При этом он доставал из портфеля толстую тетрадь в коленкоровой обложке и что-то записывал в нее, задерживаясь в классе даже на переменках.

Мы познакомились 1 сентября 1944 года в школе на углу проспекта Майорова и улицы Римского-Корсакова. Время было еще трудное, хотя война уже отодвинулась далеко от Ленинграда. Мы не «отошли» еще от кошмаров блокады, было голодно и холодно: продуктовые карточки отменили только в конце 1947 года. Худущие и бледные, мы ходили в школу в том, что перешивали наши мамы из отцовских одежд. Многие носили гимнастерки, кителя, пальто, перешитые из военных шинелей, русские сапоги. Кто, кроме нас, помнит, что во время войны не только продукты, но и необходимые промтовары продавались тоже по карточкам. Школьнику, например, полагалась одна пара ботинок на год, но и те было трудно достать...

Но все равно, для нас — ленинградцев — это было уже радостное, мирное время. Каждый день, в отличие от блокадных лет, приносил что-то новое, хорошее, радостное, будь то вести с фронтов, жизнь города или наше мироощущение...

В свои четырнадцать-пятнадцать лет мы прощались с детством и взрослели быстрее, чем наши сверстники в мирное время. Новые, незнакомые еще нам юношеские устремления и ощущения требовали осмысления того, что происходило с нами и вокруг нас. Дома у мам и бабушек мы уже не находили ответов на многие новые вопросы, да и у них были свои заботы и хлопоты. Отцы еще не вернулись с войны. В школе — школьная программа. Единственное развлечение в те годы – кино, но новых кинокартин выходило еще мало, трофейные фильмы хлынут на экраны несколько лет спустя. Выручали книги...

Я уверен, что ни одно поколение молодежи так не любило книгу, так не читало и так не впитывало все то, что давала нам литература, как наше послевоенное поколение. Но нам уже мало было героики Гайдара, книг о военных подвигах, научной фантастики и приключенческой литературы. Наши души уже требовали любовной романтики, а такой литературы было крайне мало. Еще до войны были прочитаны замечательная книга Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» и роман Каверина «Два капитана». Переживания тургеневских барышень еще не находили отзвука в наших душах. Другие истории о любви еще только зарождались в творческих лабораториях писателей.

Тут необходимо напомнить, что по необъяснимым решениям чиновников от просвещения и образования в эти годы в школах было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Не знаю, какие задачи должна была решить эта реформа, но уверен, что успеваемость в школах от этого не повысилась, а дисциплина не улучшилась. Ничего похожего на Пажеский корпус и Институт благородных девиц не получилось, но последние четыре года мы учились в школах, разделенных «по половым признакам».

Правда, это привело (по крайней мере, у нас — мальчишек) к определенному положительному психологическому сдвигу по отношению к девчонкам. Эти отношения покрылись неким романтическим флером: одно дело — «Зинка с последней парты», а другое — «Зинаида из соседней женской школы, приглашенная с подругами на наш танцевальный вечер».

Одним словом, у многих из нас появилась определенная потребность в некоторой исповедальности, в самоосмыслении новых явлений и ощущений. Это, видимо, и привело к тому, что в Ленинграде в те годы среди школьников появилась мода на ведение дневников. Девчонки, помимо описания событий дня, переписывали в свои дневники понравившиеся стихи, хвастались друг перед другом своими «летописями», вклеивали фотографии любимых артистов. Их кумирами в то время были Лемешев, Самойлов, Кадочников...

У парней все было значительно серьезней. Предполагалось, что дневник будет содержать хронику событий личной жизни, мнения и оценки по разным проблемам

и, конечно, умные и интересные мысли. Не всегда получалось именно так, но важно, что все же предполагалось... Но самое главное заключалось в том, что это был разговор с самим собой, дневник не предназначался для чужих глаз. Некоторые самые главные секреты мы на всякий случай пытались записывать в зашифрованном виде с помощью цифр или выдуманных знаков, но потом сами мучались, забывая эти шифры...

Хочется отметить, что наше взросление происходило в среде, которая отличалась целомудрием и высокой нравственностью. Я, например, будучи в разные годы школьником, курсантом военного училища, студентом, участником студенческих стройотрядов, ни разу не слышал, чтобы парни нецензурно выражались в присутствии девушек или рассказывали скабрезные анекдоты. Никогда, даже в узком кругу, в компании самых близких друзей, не обсуждались любовные похождения, интимные подробности отношений. И это не было результатом каких-то запретов... Так воспитывали нас семья, школа, книги, фильмы, комсомол. Таковы были народные, семейные, религиозные традиции.

Но теперь пора вернуться к моему другу, который первым в нашем восьмом классе начал вести дневник. Он был романтик, этот Ромка, немного наивный и очень влюбчивый. Часто на уроках он, размечтавшись, подолгу смотрел в окно, и приходилось под партой толкать его ногами, когда учительница вызывала его к доске. Мы еще шутили над ним: «Смотри, не положи на стол преподавательницы свой дневник вместо школьного...» Но больше чем учителя ему досаждал старший брат Борька — бесшабашный студент. Он вечно подсмеивался и дразнил младшего брата за его мечтательность и влюбчивость. Узнав, что тот ведет свой личный дневник, старший брат повадился засовывать свой любопытный нос в Ромкину тетрадь в коленкоровом переплете.

Куда только ни прятал бедный Ромка свой дневник — в книжный шкаф, в ящик комода со своим бельем, за картины, висевшие в столовой, — старший брат находил его и за ужином цитировал дневник, информируя всю семью, что на деньги, которые родители дают Ромке на школьные завтраки, тот водит девчонок в кино, или зачитывал Ромкин рассказ, как на школьном вечере тот объяснился в любви сразу трем девчонкам. На этой почве между братьями происходили ссоры, скандалы, дело доходило даже до драк.

В девятом классе перед самыми экзаменами Ромка целый месяц ходил грустный, он стал редко улыбаться и совсем перестал мурлыкать свои любимые арии, что «любви все возрасты покорны», а «без женщин жить нельзя на свете, нет!..»

После наших настойчивых расспросов он рассказал, что бесследно пропал его секретный дневник и что он подозревает брата, уехавшего на преддипломную практику. Тот, вероятно, выкрал его и увез с собой, чтобы развлекать по вечерам друзей рассказами о любовных похождениях младшего брата... Мы посочувствовали Ромке... Но тут начались экзамены, потом каникулы, учеба в выпускном десятом классе, споры, в какой институт идти учиться... Многое ушло на второй план, забылось...

Пролетели годы... Прошли десятилетия... В Ромкиной семье выросли два замечательных сына, потом появилась внучка. Социологи заметили, что бабушки и дедушки часто уделяют воспитанию внуков больше внимания и душевного тепла, чем удавалось во время воспитания собственных детей. Это и понятно: под старость у них просто больше жизненного опыта и свободного времени... После длительных семейных споров, чем занять Внучку, кроме обычной школьной учебы, победила точка зрения Бабушки: она будет заниматься музыкой!.. Тем более что в большой комнате стояло доставшееся дедушке Роме в наследство от родителей старое-старое пианино... И зазвучала в квартире музыка...

Однажды Внучка заболела, и ее пришла навестить преподавательница из музыкальной школы, обеспокоенная, что девочка отстанет от класса по сольфеджио. Увидев, что ее ученица уже почти поправилась, она предложила вспомнить последний урок и села за пианино. После нескольких аккордов она строгим педагогическим голосом спросила: «Когда последний раз настраивали инструмент?» Дедушка Рома испуганно наморщил лоб, делая вид, что вспоминает... Не дождавшись ответа, строгая учительница промолвила: «С таким инструментом вы вконец испортите ребенка!» На этом занятие и закончилось...

На следующий день, обзвонив всех своих знакомых, дедушка Рома достал нужный телефон и вызвал настройщика. Вечером в квартире появился тихий старичок в плаще «болонья», велюровой шляпе, с небольшим чемоданчиком в руках. Проводя его в большую комнату, дедушка Рома почему-то вспомнил, что у классиков такой чемоданчик назывался давно уже забытым словом «саквояж»... «Ну-с! Посмотрим, чем хворает ваш инструмент?» — сказал настройщик, доставая из саквояжа камертон, какие-то молоточки, ключики и другие инструменты.

Все домочадцы, включая выздоравливающую Внучку, конечно, с интересом столпились вокруг пианино и его доктора. Пройдясь по клавишам и нажимая на педали, настройщик сверял извлеченные из инструмента звуки со звучанием камертона и что-то недовольно бормотал себе под нос. Чем дальше, тем более сердитым становилось его ворчание. «Давайте заглянем в его нутро!» — сказал он и попросил помочь ему отодвинуть пианино от стенки и отвинтить заднюю панель. Сняв пиджак и засучив рукава, он, заглядывая внутрь инструмента, стал маленькими ключиками подтягивать струны. Возился долго, подсвечивал даже себе специальным маленьким фонариком... «Ага!» — вдруг как-то торжественно воскликнул он и чуть ли не по пояс «нырнул» внутрь пианино. «Вот оно что!» — сердито пробурчал он, вытаскивая оттуда нечто, покрытое пылью и паутиной... «Даже если это ноты самого Моцарта, здесь им не место!» — продолжал сердиться настройщик...

Все домочадцы замерли в молчании, не понимая, что происходит... И только дедушка Рома зажмурился — лишь он один понял, что именно извлек настройщик из музыкального инструмента... Понял, увидев, коричневый коленкоровый переплет... «Так вот куда я его запрятал!..» — мысленно простонал он.

Пока он приходил в себя, Внучка подскочила к настройщику со словами: «Дайте, дайте мне посмотреть, что это?» Получив от него находку, она сдула пыль, несколько раз чихнула и стала перелистывать страницы...

Настройщик вытер руки специальной тряпочкой, еще раз прошелся по клавишам и торжественно изрек: «Вот теперь, сударыня, можете играть на своем инструменте даже ноктюрны Шопена!..» Он собрал свой саквояж, получил гонорар и, приподняв шляпу, удалился со словами: «Честь имею!»

Когда, проводив настройщика, дедушка Рома вернулся в большую комнату, вся семья, расположившись в креслах и на диване, слушала, улыбаясь, то, что читала им Внучка. Она встретила его со словами: «Дедушка! А бабушка говорит, что это твой дневник! Это правда? Вот послушай:

«Вче-ра целый ве-чер це-ло-вался в подъезде с Эльвиркой из со-седнего дома». Или вот еще: «Ура! Сегодня услышал классный афоризм! Записываю: всех дев-чонок на свете не пере-це-луешь, но к этому нужно стре-миться!» Ну и почерк у тебя, дедушка!..»

«Ну-ка, ну-ка дай сюда, я сам почитаю! — сказал дедушка Рома, немного покраснев, и отобрал у нее тетрадь в коричневом коленкоровом переплете...

За ужином Бабушка, наливая дедушке Роме чай, тихо и задумчиво произнесла: «Интересно... Какая она была... та самая... Эльвирка?..»

Когда Ромка поведал мне о финале этой затянувшейся истории, я сказал: «Беги, Рома, к телефону, срочно звони брату Борьке, валяйся у него в ногах, рыдай и вымаливай прощение за свои полувековые подозрения!..»

Моряк — с печки бряк!..

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я решил стать моряком. До этого, будучи еще дошкольником, я мечтал стать пожарным. Надо сказать, что в далеком ленинградском довоенном детстве я в этом желании был не одинок...

Почти все малыши в то время горели желанием влиться в ряды этих отважных людей. Интерес этот поддерживался не только книжками про Кошкин дом и про дядю Степу-Каланчу, но и потрясающей картиной, которую они часто видели во время прогулок с родителями: по улицам города неслись ярко-красные автомобили, в которых сидели отважные пожарные в золотых касках, а один из них громко звонил в небольшой колокол, чтобы другие машины уступали им дорогу, так как они спешили на борьбу с пожаром... Более яркую картину на улице в те годы представить себе невозможно. Потом среди кумиров появятся летчики, полярники, пограничники. До космонавтов нужно будет прожить еще четверть века...

А что касается моей детской любви к пожарным, мне казалось, что я имел на это особые права... Дело в том, что первые двадцать пять лет своей жизни я прожил с родителями в комнате «с видом» на пожарную каланчу, которая и сегодня возвышается на углу Садовой и Большой Подьяческой. Уйму времени я проводил в детстве у окна, наблюдая за их тренировками по раскатыванию пожарных шлангов и соревнованиями на скорость по проникновению на верхние этажи зданий по выдвижным лестницам. Я даже опасался, что кто-нибудь из них залезет к нам в гости

Но вот через десяток лет появилась более взрослая мечта: стать моряком. Не то чтобы меня очень манили морские просторы: я и море-то видел всего один раз, когда перед самой войной родители сняли дачу на лето в Сестрорецке... Эта мечта пришла, конечно, из книг. Перед войной я успел окончить четыре класса в школе на Крюковом канале. Надо сказать, что довоенное поколение моих сверстников читало много и жадно. Помимо духовного климата в семьях и образовательного влияния школы, этому способствовало еще одно обстоятельство: у нашего поколения тогда выбор развлечений был невелик — гуляли и играли во дворе, пару раз в неделю ходили на детские сеансы в кино, а остальное время — книжки, книжки, книжки...

Оглядываясь назад, я даже рад, как это ни парадоксально звучит, что в то время у нас еще не было радио, телефона, телевидения, магнитофонов, мобильной связи, компьютеров и Интернета. Эти гениальные изобретения пришли к нам значительно позже и обогатили нашу жизнь. Но то время мы прожили с КНИГОЙ...

Расставаясь со сказками, мы уходили в мир приключений, путешествий и открытий. Увлекшись морской тематикой, я прочитал массу книг — от похождений «Пятнадцатилетнего капитана» Жюля Верна до романа Каверина «Два капитана» и, конечно, о великих мореплавателях. Колумб, Магеллан, Васко да Гама, Нансен, Беринг, Крузенштерн – их жизнеописания рассказывали о мужестве первопроходцев, их смелости и отваге, суровой романтике их морских путешествий... Перед самой войной я и мои сверстники зачитывались упомянутым романом Вениамина Каверина, который печатался с продолжением в журнале «Пионер». Нам очень нравился жизненный девиз главного героя – Саньки Григорьева: «Бороться и искать! Найти

и не сдаваться!» Казалось, что этот девиз пришел к нам из глубины веков от великих мореплавателей.

Мое решение стать моряком зародилось в нелегкое время. Послеблокадный Ленинград, вторая половина 1944 года, война еще не закончилась, отец на фронте, мама работает библиотекарем. Победные успехи нашей армии не снимали еще тягот холодной и голодной жизни. По продуктовым карточкам — скудные пайки. Маминой скромной зарплаты не хватало на жизнь, а нужно было еще одевать, обувать и кормить меня. Растущий организм все время хотел есть!..

Но планы стать моряком не переросли бы, вероятно, в конкретные решения, если бы я однажды не встретил в нашем дворе Пашку Стрельникова — парня, который учился в нашей школе на класс старше меня... Я давно не видел его и, вероятно, не узнал бы, если бы он меня не окликнул. Я оглянулся... и остолбенел: на нем была шикарная морская форма: брюки-клеш, черная форменка, в вырезе которой виднелась полосатая тельняшка, синий воротничок-гюйс и белоснежная бескозырка... Ветер раздувал ленточки, на которых сверкали золотые якоря...От него-то я и узнал про училище, которое открывало путь в морские просторы. Оказывается, около Балтийского вокзала размещалось Военно-морское подготовительное училище. Трехлетнее обучение в нем включало школьную программу, предметы, связанные с морской профессией, и давало возможность поступить в высшие училища — Дзержинку и Училище имени Фрунзе. Все это рассказал мне Пашка Стрельников, и на мой последний вопрос он ответил: «Кормят не очень... Но сытно!..»

Мама поддержала мои планы относительно училища, и я, окончив седьмой класс, подал заявление и начал готовиться к поступлению. Вступительные экзамены не представляли для меня труда, но была одна проблема, доставившая много волнений и переживаний. Дело в том, что во время блокады у меня серьезно ослабло зрение. Очки я еще не носил, но в классе садился на первые парты, а в кино старался покупать билеты поближе к экрану. Поговорив со знающими людьми, мы с мамой поняли, что это обстоятельство может нарушить все наши планы, и, чтобы я смог пройти медицинскую комиссию, мы решились на определенную авантюру. С помощью одной из подруг, работавшей в поликлинике, мама достала таблицу с буквами разных размеров, по которой врачи-окулисты проверяли зрение пациентов. Сталкивался я с этой таблицей впервые, но понял, что предстоит мне выучить ее назубок. Зубрил я ее целую неделю, пока не смог по памяти называть буквы в любом ряду от самых больших — Ш, Б, М, Н, К — до самых мелких, причем в любом порядке — сверху вниз и наоборот. Одним словом, через неделю я знал ее лучше, чем таблицу умножения.

В назначенный день я не без волнения шел в училище на медкомиссию, но мои страхи прошли, когда я оказался в приемной медчасти. Там уже толпилось около полусотни раздетых до трусов, тщедушных, бледных пацанов, из которых позже должны были вырасти офицеры, штурманы, капитаны, а может быть, и флотоводцы... Атмосфера царила веселая, как на школьной переменке. Так что когда подошла моя очередь и я оказался в кабинете окулиста, я бодро сел в кресло и отбарабанил по памяти все буквы, которые доктор показывал мне на таблице с помощью указки. У меня даже хватило хитрости, называя самые мелкие буквы, немного напрягаться, показывая, что это не так и просто. Доктор сказал: «Следующий!» А я, радостный, пулей выскочил из кабинета.

После сдачи экзаменов нас в торжественной обстановке ознакомили с приказом о зачислении в училище. Ура!.. Я принят!.. Теперь я уже не простой ученик восьмого «а» класса, а курсант первого взвода первой роты ЛВМПУ!

Сдав свою гражданскую одежду, мы, к нашему большому разочарованию, получи-

ли не элегантную морскую форму, а так называемую «робу» из плотной ткани вроде брезента. В большой комнате, которую нужно было называть уже «кубриком» и которая была заставлена двухъярусными железными койками, нам указали наши «спальные места», и началась совсем уже другая, курсантская жизнь...

Занятия начались только в октябре, а до этого мы несли караульную службу, охраняя разные объекты на территории училища. Нам даже выдавали винтовки со штыком, но без патронов. Много времени уделялось строевой подготовке для того, чтобы мы стали похожи на бравых матросов и смогли участвовать 7 ноября в военном параде на Дворцовой площади, которая тогда официально называлась площадь Урицкого. С парадом у нас были связаны большие волнения и ожидания. Во-первых, это было первое государственное торжество, в котором мы, по существу, еще мальчишки, принимали участие как военные курсанты. Тем более что, пока мы сдавали экзамены и поступали в училище, наша страна отпраздновала Великий День Победы. Во-вторых, к параду нам должны были выдать настоящую морскую форму. И, в-третьих, я знал, что наш путь на Дворцовую площадь пройдет по проспекту Майорова мимо моей школы, и я надеялся, что мои одноклассники смогут увидеть меня, бравого матроса в воинской колонне, марширующей на торжественный парад. Забегая вперед, скажу, что «пофорсить» мне не удалось, никто мной не любовался: я забыл, что это государственный праздник и школа будет закрыта... Может, это было и хорошо, так как, когда мы проходили мимо моей школы, пошел дождь, командир остановил колонну и приказал нам засучить брюки до колен: по Дворцовой площади мы должны были пройти чистыми и красивыми. Что мы с честью и сделали...

Когда начались занятия, кроме обычных школьных предметов, мы изучали такие, как «Связь и сигналы на флоте», осваивая знаменитую «морзянку» и «флажковый семафор», «История флота», «Основы кораблестроения». Это давало мне возможность, когда нас отпускали на выходные дни в увольнение, щеголять перед моими двоюродными братьями и сестрами такими словами, как «шпангоут», «форштевень», «бушприт», «ватерлиния». У нас были даже уроки танцев — ведь многих из нас в будущем ожидали не только суровые морские будни, но и офицерские балы... Со стороны эти уроки, вероятно, выглядели довольно комично: три десятка парней в брезентовых «робах» и тяжелых рабочих ботинках, разбившись на пары, под звучание радиолы разучивали не только вальсы, танго и фокстроты, но и полонез, мазурку и даже какой-то падекатр...

Раз в месяц взвод дежурил по училищу, выполняя различные хозяйственные задания, и том числе и работу на кухне, которая, конечно, уже называлась «камбузом». Тяжело было выскабливать огромные чугунные котлы, в которых варились щи да каши, а также всю ночь чистить картошку на весь батальон. Но зато это компенсировалось дополнительным питанием... Вообще, Пашка Стрельников был прав: кормили нас «не очень», но сытно... На всю жизнь запомнились гороховый суп и овсяная каша... Но чистили на ночных дежурствах мы котлы и картошку дружно и весело, с песнями и анекдотами.

Вообще, вспоминая свою школьную, курсантскую и студенческую жизнь в Ленинграде в эти трудные послевоенные годы, хорошо помню ощущение братства, которое окружало нас, атмосферу добросердечности и поддержки. В нашей молодежной среде не было ни социальных, ни национальных различий и проблем. Читая сегодня страшные истории о «дедовщине» в современной армии, должен сказать, что на нашем первом курсе военного училища среди сотни пацанов, окончивших семь классов в школах Ленинграда и других городов, было человек десять ребят немного постарше нас, направленных на учебу с Северного и Балтийского флотов. Очень гордо в те годы звучало звание «сын полка». Наши старшие по возрасту курсанты говорили

про себя: «Мы — флотские...» Изображая из себя бывалых матросов, они любили «травить» корабельные байки, каким-то образом умудрялись уходить в самоволки. Нарушая порядок и устав, они переделывали выданную им форму, чтобы сразу было видно, что они пришли с флота: мятая, как блин, бескозырка, синий воротничок-гюйс вытравливался хлором, словно он просолен морскими ветрами, и обязательно брюки, расклешенные так, чтобы не было видно ботинок. На Невском проспекте военные патрули бритвами распарывали такие «клеша», и бедные курсанты не знали, что делать... Но каких-то скандалов, драк, издевательств, насилия никогда не было. Единственное, что они себе позволяли, — это называть нас «салажатами» по названию мелкой рыбешки — салаки. Но нас это нисколько не обижало...

Время летело быстро, подошли экзамены, началась подготовка к летней практике, на парусном корабле где-то на Финском заливе. И вдруг... Вдруг объявили, что после экзаменов предстоит новое медицинское обследование. Я не придал этому большого значения: за плечами у меня был прошлогодний опыт общения с медициной. Пришлось накануне медкомиссии перед сном несколько раз повторить мысленно ту самую заученную таблицу.

В день медкомиссии, все-таки немного робея, я вошел в кабинет окулиста и уселся в кресло.

— Ну-с, батенька! — сказал старичок в белом халате. — Давайте проверимся...

Он подошел к противоположной стене и указкой раздвинул занавесочку, закрывавшую таблицу.

«О, ужас!.. — чуть не закричал я. — Где мои знакомые, мои любимые буквы Ш, Б, М, Н, К, Ы?..»

На таблице вообще не было никаких букв, на ней были напечатаны какие-то кружочки или колечки, большие, поменьше и совсем маленькие. Доктор пояснил мне, что каждое «кольцо» имеет одно отверстие, как бы дверцу для выхода. Они, эти отверстия, расположены в верхней, нижней, правой и левой частях окружностей. Доктор стал указкой показывать на разные колечки, ожидая от меня ответов. Я же был в панике: какие тут отверстия, какие дверцы?.. Даже если бы там были целые ворота, я их не видел!..

Помнится, я совершенно случайно угадал расположение этих отверстий в двух или трех кольцах...

— Да, батенька, — сказал доктор. — Плохи наши дела... В блокаду в Ленинграде был?

Больше он ничего не спрашивал, только что-то долго писал в моей карточке.

Через несколько дней меня вызвал командир роты, очень по-хорошему долго разъяснял мне, что на флоте служить, быть моряком с таким зрением нельзя, что в жизни есть много других дорог... А еще через несколько дней я вышел в город через КПП опять гражданским человеком, правда, в морской форме, которую мне оставили, но уже без погон...

Так обрушилась моя мечта стать бравым матросом. Не смог я обмануть Военно-морской флот и Министерство здравоохранения. Сам виноват: знал ведь, что обманывать нехорошо, что обман — это большой грех!..

Теперь, оглядываясь на те далекие годы, вспоминая с улыбкой о той авантюре и моей «борьбе» с медициной, должен признаться, что переживал я эти повороты своей судьбы не очень долго, быстро окунувшись уже в мирные времена. Жизнь продолжалась...

Год, проведенный в училище, помог мне в будущем ценить порядок, уважать дисциплину, уметь жить и работать в большом коллективе. И еще я рад, что благодаря пребыванию в училище я познакомился с замечательным человеком — Виктором

Конецким, тогда еще Витькой Штейнбергом. Я не могу назвать себя его другом, но мы как-то симпатизировали друг другу и, оказавшись потом «на гражданке» (его военная карьера тоже прервалась по причине здоровья), часто встречались в различных молодежных компаниях. Уже тогда он отличался незаурядным мышлением и жаждой странствий. Я вообще считаю его одним из наиболее интересных и талантливых наших писателей второй половины XX века. Все его произведения содержат массу интереснейших наблюдений и размышлений. К сожалению, наше знакомство прервалось, когда я переехал жить в Москву, а он уплыл в северные моря. Но через полвека неожиданно вдруг судьба устроила необычную встречу: под одной обложкой журнала «Нева» были опубликованы его повесть и мои мальчишеские воспоминания о войне и блокаде Ленинграда. Жаль, что он так рано ушел из жизни — он мог рассказать нам еще так много интересного...

А о своей несостоявшейся морской карьере я в последующие годы не очень горевал. И это понятно: в пятнадцать лет выбирать свой путь на всю оставшуюся жизнь — слишком рано!.. Тем более что с годами я осознал: на море лучше иногда отдыхать, чем служить всю жизнь... Но это — мои ощущения...

Когда внук увидел меня на фотографии в форме курсанта, в белой бескозырке с золотыми якорями на ленточках, он воскликнул: «Дедушка, ты был моряком?.. И на военных кораблях плавал?..» И я рассказал ему эту историю, ожидая сочувствия к моей неудачной морской судьбе... Но внук неожиданно сказал: «Дедушка, тебя в нашем садике называли бы „Моряк — с печки бряк"!..

Вот так!..

Ярмарка невест

То, что девушки взрослеют раньше и быстрее юношей, нам стало понятно уже во время первого семестра наших занятий на юрфаке Ленгосуниверситета, куда мы с моим школьным другом Игорем поступили учиться осенью 1948 года.

Выходя после лекций на перерыв в знаменитый, самый длинный в Европе коридор исторического здания Двенадцати коллегий, мы все чаще видели у дверей нашей аудитории старшекурсников и даже дипломников, которые «вылавливали» из нашей толпы самых симпатичных студенток и долго прогуливались с ними по коридору.

«Опять свататься пожаловали... Прямо ярмарка невест какая-то!» — говорили мы с оттенком ревности, догадываясь, что многие из этих прогулок могут закончиться в загсе...

Вообще-то в послевоенном Ленинграде долгое время «ярмаркой невест» считался Мраморный зал во Дворце культуры им. Кирова на Васильевском острове, куда на танцевальные вечера со всего города съезжались тысячи человек молодежи. Особенно популярен Мраморный зал был у девушек, которые в июне сорок первого еще заплетали косички и которых война и блокада лишили многих жизненных радостей. В Мраморном зале они отводили душу, веселясь и танцуя под джаз-оркестр. Многие из них проводили там вечера и с более серьезными намерениями, учитывая, что частыми гостями на танцах были потенциальные женихи — курсанты высших военно-морских училищ имени Фрунзе и Дзержинского.

Но надо сказать, что в университете «девушки-невесты» тоже были очень хороши. Особенно на филологическом, юридическом и историческом факультетах. Мы

же — юноши-первокурсники — были еще начисто лишены каких-либо «матримониальных планов» и заняты освоением нового для нас статуса — студент... Мы учились слушать лекции, конспектировать их, вычленяя при этом самое главное и существенное. Погружались в новые области знаний, такие, как «Теория государства и права», «Диалектический и исторический материализм», «Уголовное и гражданское право», «Латынь», «Психология», «Логика» и многие другие. И еще приходилось бороться с соблазнами...

Мы — первокурсники — одной ногой стояли еще в недоигранном детстве, которое было исковеркано войной. В нас еще было много мальчишеского, сумасбродного. А мирная жизнь вокруг каждый день была полна неожиданностей. Война окончилась всего три года назад. Город, как и вся страна, залечивал боевые раны. Городская жизнь входила в свое обычное русло, возвращались из эвакуации заводы, фабрики, театральные коллективы. В конце 1947 года отменили карточную систему на продукты питания и промтовары. Снабжение было еще слабое, но даже то, что можно было в магазине просто за деньги что-то купить, казалось нам невероятным... Во дворах и садах зазвучали детские голоса, звонкие удары по мячу.

Кстати, несколько лет после войны у молодежи был очень популярен волейбол: во многих дворах, садах и парках были волейбольные площадки, привлекавшие не только массу игравших ребят, но и толпы болельщиков. А где не было площадок, молодежь просто в кружок распасовывала мяч.

Горожане тянулись к природе. Парки и дворцы в пригородах Ленинграда еще восстанавливались после войны, и поэтому небывалым успехом у ленинградцев в то время пользовались Кировские острова. Помню, трамваи в выходные дни привозили туда столько горожан, что было удивительно, как они на этих островах все помещались. Молодежь играла там в волейбол, каталась на лодках, даже купалась в теплую погоду: на Невской протоке был маленький пляж от деревянного входного моста до Стрелки. Более почтенная публика чинно прогуливалась по аллеям, демонстрируя свои наряды и обсуждая новости, наслаждалась на Стрелке солнечными закатами.

Нужно сказать, что после черно-белой войны и блокады мы очень радостно воспринимали многоцветие природы и вообще мирной жизни. По-другому виделись нам голубизна неба, зелень садов и парков, цветы, высаженные на клумбах в сквере около «Астории» и Исаакиевского собора, где в блокаду выращивали капусту, заново покрашенные трамваи и автобусы. Помню, какой праздник для ленинградцев устроил Театр музкомедии, который и в блокаду умудрялся давать бесплатные спектакли для тех, кто еще имел силы прийти и высидеть в промерзшем зале, а в августе 1944 года организовал на летней площадке сада «Буфф» на Фонтанке показ лучших классических оперетт. Тысячи ленинградцев наслаждались замечательной музыкой, мастерством любимых артистов, красочностью костюмов и декораций. Еще не закончилась война, а на экраны кинотеатров были выпущены два замечательных западных сказочных фильма — «Багдадский вор» и «Джунгли». Хотя советский кинематограф тоже в конце войны порадовал зрителей музыкальными и веселыми фильмами: «В шесть часов вечера после войны», «Близнецы», «Сердца четырех», — но цветного кино у нас еще не было. А тут такое пиршество красок!.. Поэтому даже такая бесхитростная австрийская картина, как «Девушка моей мечты», тоже вызвала огромный интерес у зрителей.

Замечательную инициативу проявил Главкинопрокат, который осенью 1948 года организовал своеобразный «фестиваль трофейного кино», выпустив на экраны одновременно десяток трофейных, снятых на Западе еще до войны художественных фильмов с субтитрами на русском языке. Зритель толпами шел в кино, выстаивая

длиннущие очереди за билетами, чтобы посмотреть эти, в основном сказочные и приключенческие, фильмы. Огромным успехом, помню, пользовались такие картины, как «Индийская гробница», «Путешествие будет опасным» и, конечно, «Тарзан».

Вдохновленный этим необычным для нас в то время фильмом, я даже сочинил на мелодию одного из фильмов Чаплина шуточную песенку, которую вдруг запели в городе. В памяти осталось всего несколько строк:

Мы жили — не тужили,
Но вскоре на экран,
На горе всем мужчинам,
Был выпущен Тарзан...
И в темном кинозале,
И в грезах, и в мечте
Все женщины страдали
По дикой красоте.

Ну разве мы, студенты, могли устоять перед соблазном посмотреть все эти фильмы? Приходилось договариваться со старостами групп и по очереди «мотать» лекции, чтобы не пропустить интересные картины. Фильмы демонстрировались с утра до вечера не только в кинотеатрах, но и в других больших залах, срочно приспособленных для кинопоказа. Для нас, студентов юрфака, наиболее удобными были зал консерватории и Госнардом (около зоопарка). Этот своеобразный кинофестиваль наверняка пополнил бюджет страны и одновременно позволил зрителям расслабиться и отдохнуть от военной тематики.

Вот так город залечивал блокадные раны, а ленинградцы отогревали свои души...

Но пора вернуться к нашей «ярмарке невест» в университете, на которой со мной произошла одна забавная история.

Конечно, мы тоже подпадали под чары однокурсниц, но наше поведение по отношению к ним отличалось некоторой робостью. Причина этого заключалась в том, что последние три школьных года перед поступлением в университет в Ленинграде проводился эксперимент по раздельному обучению. И, естественно, за три года, проведенные в мужской школе без облагораживающего женского влияния, мы немного одичали. Кроме того, от «амурных похождений» нас отвлекали первые зачеты и экзамены, «хвосты» и их пересдача, а летом 1949 года после сессии студенчество Ленинграда участвовало в электрификации Ленинградской области, и мы уехали в Ефимовский район строить сельскую ГЭС. Это движение студенчества было предвестником студенческих отрядов, но основано оно было на энтузиазме и комсомольской дисциплине, а не на погоне за заработками. Бесплатная еда и проживание в палатках — вот все, что мы получали. А кроме этого — работа, работа, работа...

Осенью мы пришли на занятия загоревшие, возмужавшие, закаленные рытьем котлованов, заготовкой столбов и прокладыванием просек для линий электропередач, летним зноем и несносными комарами...

Утром 1 сентября в ожидании начала занятий я сидел на банкетке около нашей 85-й аудитории и созерцал картину, которая занимала всю торцевую стену исторического коридора в той его части, которая ближе к Неве. На картине — юный Владимир Ульянов сдавал экстерном экзамен, выступая перед ученым советом университета. И тут мне вспомнилось, как год назад, утром, тоже 1 сентября 1948 года, мы, только что зачисленные на первый курс юрфака, не сразу попали на первую лекцию: нас, студентов нескольких факультетов, до начала занятий собрали на Менделеевской линии на траурный митинг.

Дело было в том, что накануне ушел из жизни один из партийных вождей — А. А. Жданов, который долгое время руководил парторганизацией Ленинграда, а последние годы был одним из секретарей ЦК. Утро было пасмурным, накрапывал дождик, не очень хорошо было слышно выступавших на митинге. За моей спиной стояла пара студентов, как я понял — старшекурсников, которые перешептывались, комментируя происходящее событие. В конце траурного митинга представитель ректората сообщил, что нашему университету присвоено имя А. А. Жданова.

— Во дают!.. — послышался за моей спиной шепот одного из старшекурсников. — Он ведь здесь даже не учился!

— Ты чего? Он же за весь город отвечал, — шепнул другой.

— Ну, так-то можно было и Эрмитаж переназвать! — снова высказался первый.

Я оглянулся, чтобы увидеть этого смельчака, но митинг уже закрыли, и все стали расходиться...

И сейчас, когда я пишу эти строки, вспоминая те уже далекие годы, невольно думается, как сложна жизнь, какие она делает неожиданные повороты: учился и сдавал экзамены один вождь, потом университету присвоили имя другого вождя...

Картину эту наверняка уже сняли, университет опять переназвали... Того и гляди, когда доведется снова посетить альма-матер, увидишь на месте той картины какую-нибудь бронзовую композицию, изваянную самым плодовитым скульптором современности и изображающую двух недавних, очень известных теперь выпускников университета...

Но вернемся снова в нашу 85-ю аудиторию.

Перед первой лекцией состоялось небольшое организационное собрание, на котором был выбран староста и нас ознакомили с расписанием лекций первого семестра. Кто-то пошутил, что нам надо ознакомиться и с расписанием свадеб. Оказывается, пока мы строили сельскую электростанцию, кто-то успел построить свое семейное счастье...

Как мы и предполагали, прогулки по университетскому коридору некоторых наших однокурсниц привели к загсу. Отбросив чувство ревности, мы радовались за них, собирали деньги на коллективные подарки. Особенно торжественно, конечно, игралась первая свадьба на курсе. Первая наша невеста, связавшая свою судьбу с дипломником, оказалась настоящей «первопроходицей», порадовала всех нас, родив в положенные сроки замечательного крепыша — первенца на нашем курсе. В связи с этим мы сразу стали называть ее в шутку — «мать-кормилица».

Однажды, опоздав на лекцию и ожидая в коридоре перерыва, я увидел ее, тоже опоздавшую, взволнованную, в расстроенных чувствах. Выяснилось, что ее «наследник» оказался в трудном положении: куда-то запропастилась обыкновенная соска-пустышка, к которой так привык, что дальнейшая жизнь без нее не представлялась возможной: не спит, не ест, плачет, пускает пузыри...

Мать-кормилица вместе с отцом-кормильцем и другими родичами обегали в районе все аптеки, но нигде не нашли необходимой пустышки. Соски на бутылочки — пожалуйста! Но он выплевывал их, как ракеты запускал. А вот соски-пустышки, которые можно сосать даже во сне, аппетитно причмокивая, в продаже отсутствовали.

Я рассказал об этом своему другу Игорю, и мы вместе жутко возмутились таким отношением родного города к жизненным потребностям новорожденных ленинградцев. Нас объял студенческий гнев: ребенка же надо спасать!..

Воспылав журналистским и правовым азартом, мы всю ночь писали разгромный фельетон. Мы негодовали, обличали и требовали... Мы метали громы и молнии, мы источали иронию и извергали сарказм, мы чувствовали себя одновременно братья-

ми Гонкур, Салтыковым-Щедриным, Ильфом и Петровым... Мы предупреждали общество о вредных последствиях для грудных младенцев, лишенных элементарных пустышек, и связанным с этим снижением у них «сосательного рефлекса». Мы били в набат, утверждая, что сложившаяся ситуация чревата демографическими провалами в стране!.. Одним словом, мы грудью встали на защиту интересов и потребностей «грудничков». Запечатали конверт и отправили свою гневную статью в «Ленинградскую правду». По утрам мы покупали очередной номер газеты и лихорадочно искали свое произведение. Но его все не было и не было, как и не было сосок-пустышек в аптеках города. Мы даже об этом начали забывать...

Но однажды, придя вечером домой, я увидел тревожную картину: мама сидела бледная-бледная на диване, держась рукой за сердце, а бабушка капала в стакан валерианку.

— Витя, что это? — спросила мама, протянув мне распечатанный конверт.

На официальном бланке я прочитал: «В связи с вашим обращением в “Ленинградскую правду” Главное аптечное управление г. Ленинграда подтверждает, что действительно по вине планирующих органов в аптеках города сложился дефицит сосок-пустышек. ГлавАпу принимает необходимые меры по исправлению этого ненормального положения. Вместе с тем, учитывая вашу насущную потребность в указанном изделии, нами дано указание Центральной городской аптеке продать вам по предъявлению настоящего письма 2 (две) соски-пустышки за наличный расчет».

— Признайся, у тебя что, есть уже ребенок? — спросила мама и заплакала...

Умудренная жизненным опытом бабушка спросила:

— Кто у тебя — мальчик или девочка?

Маму и бабушку я успокоил, объяснив ситуацию и заверив, что внука и правнука у них еще нет, но что он обязательно будет, и через десять лет я выполнил свое обещание... А тогда мы с Игорем ходили смущенные и вместе с тем немного гордые: все-таки мы помогли конкретному человечку и, возможно, подтолкнули кого-то к решению небольшого, но очень насущного вопроса. А наследник получил от нас в подарок две соски-пустышки. Правда, кажется, он к этому времени уже «из них вырос»...

Сейчас, вспоминая эту забавную историю, я каждый раз повторяю слова барона Мюнхгаузена: «Улыбайтесь, господа!.. Чаще улыбайтесь!..»

Игорь ЕФИМОВ

РАЗЛАД И РАЗРЫВ

Главы из книги воспоминаний

РАЗЛАД

Первые тучки на горизонте

С чего началось охлаждение между нами и Профферами? В какой момент? Видимо, трещинки накапливались постепенно, незаметно проникали вглубь, сливались где-то там, в темноте души, и мост, соединявший нас, в конце концов не выдержал – рухнул.

Вспоминается эпизод: Карл и Эллендея пригласили меня и Аксенова на «военный совет». «Что можно сделать с нью-йоркской “Руссикой”?» Это был магазин русской книги, который быстро начинал расширять и издательскую деятельность, готовился издать собрание сочинений Цветаевой. «Руссика» давно уже раздражала Профферов тем, что затягивала платежи за посланные им книги, но при этом требовала новых отправок. «Да-да, сегодня уже бросили чек в почтовый ящик. Пожалуйста, пришлите романы Набокова, по десять экземпляров каждый». Им верили, посылали, но чека все не было. («Ах-ах, наверное, почта проклятая потеряла!») И вот теперь они стали издателями, конкурентами на довольно тесном рынке. Нельзя ли как-нибудь задушить их? Например, организовать бойкот, чтобы и другие русские издатели перестали посылать свои книги в этот магазин?

Мы с Аксеновым переглядывались, разводили руками. Любая редакция, занимавшаяся выпуском неподцензурной русской литературы, виделась нам соратницей

Игорь Маркович Ефимов родился в 1937 году в Москве. Окончил Ленинградский политехнический институт (1960) и Литинститут. Работал в НИИ по исследованию газовых турбин. Печатается с 1962 года. Был вместе с Б. Вахтиным, В. Губиным, В. Марамзиным участником неформальной литературной группы «Горожане». Автор книг прозы, в том числе для детей: «Высоко на крыше» (1964), «Плюс, минус и Тимоша» (1971), «Лаборантка» (1974) и др. Член Союза писателей СССР с 1965 года. С 1978 года живет в Энглвуде, штат Нью-Джерси, США. Основатель и директор издательства «Эрмитаж» (с 1980). Автор романа «Архивы Страшного суда» — «Время и мы», № 64–66, 1982. Печатается также в журналах «Новый журнал» (№ 134, 1979), «Континент» (№ 20, 1979), «Синтаксис» (№ 16, 20, 23), «Грани» (№ 138, 1985). Основные публикации в России связаны с журналом «Звезда»: Ефимизмы. — 1994, № 7; Не мир, но меч. Хроника времен заката. 1996, № 9; Зрелища. Роман. 1997, № 7. Печатался также в журнале «Ленинград», 1994, № 1). Отдельными изданиями в новой России вышли книги: Кто убил президента Кеннеди. М., 1991; Архивы Страшного суда. Роман. Л., 1991; Седьмая жена. Л., 1991; Метаполитика. Л., 1991. Произведения Ефимова изданы в переводе на английский язык. Лауреат премии журнала «Звезда» (1996).

в общей борьбе. Мы просто забывали, что на нее можно смотреть как на конкурента. Ну да, мы оба имели связи во франкфуртском «Посеве», в лондонском «Оверсис», в парижском «ИМКА-пресс», в иерусалимском «Малере». Но обратиться к ним с такой странной просьбой? Не пошлют ли нас подальше — перечитать заповеди свободной рыночной конкуренции?

Профферы обиженно поджимали губы, очередное обвинение невидимо падало в копилку с надписью: «Нелояльность к Ардису».

В другой раз я сам задел тот же больной нерв. В издательстве — я видел — быстро росли горы неплохих рукописей, присылаемых из России. За каждой из них стоял живой человек, который решился бросить вызов системе, поставить на карту свою судьбу, может быть, даже отправиться в места отдаленные вслед за Синявским, Даниэлем, Амальриком, Буковским. Но было очевидно, что при темпах работы «Ардиса» хорошо если одна десятая этих рукописей имела шанс быть опубликованной у нас.

— Карл, — сказал я в какой-то момент, — ведь вся эта гора прозы и стихов не имеет шансов выйти в «Ардисе». А люди там ждут, верят, надеются. Почему бы не отправить хотя бы часть в другие издательства и журналы?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Ты хочешь, чтобы я своими руками начал поддерживать наших конкурентов? Вот и видно, что ты, написав книгу про советскую экономику, до сих пор не понимаешь звериных законов экономики капитализма.

В 1980 году Бродский позвонил Профферу и сказал, что одно русское издательство просит у него разрешение издать полное собрание его стихов. «Как ты к этому отнесешься?» — «Если ты это сделаешь, между нами все кончено», — сказал Карл.

Из поездки в Париж Профферы привезли полную подборку журнала «Современные записки» — главного литературного журнала русской эмиграции в 1920–1930-е годы. Стоила подборка в антикварном магазине немалые деньги, но Карл надеялся использовать ее для перепечаток у себя. Он попросил меня ознакомиться с нею и посмотреть, нельзя ли отобрать оттуда критические статьи для выпуска отдельным сборником. Чтение принесло разочарование. Уже Зинаида Гиппиус писала в 1930-е годы: «Критика нам не ко времени, не ко двору... Критические статьи даже самых способных наших литераторов поражают своим ничтожеством». Я честно читал — в нерабочее время, по вечерам — эту гору томов и в конце концов должен был сказать:

— Нет, Карл, на сборник никак не набрать. Ведь за рецензии журнал платил гроши, и мало кто из талантливых профессиональных литераторов мог позволить себе заниматься ими. Проза, стихи есть замечательные. Но критика — на очень низком уровне.

И тут Проффер взорвался, почти закричал:

— Да кто ты такой, чтобы выносить подобный приговор? Это было напечатано, это литература, она состоялась! Наше дело — сохранять ее, а не отбрасывать.

Я был растерян, обескуражен. Мог только сказать:

— Карл, ты сам попросил меня высказать мое мнение. Я честно потратил две недели и пришел к выводу, которым поделился с тобой. В литературе я что-то люблю — и часто горячо люблю, что-то не люблю — порой до ненависти, а к чему-то остаюсь бесконечно равнодушен. У меня нет другого компаса для плаваний в этом море, кроме собственных чувств. Прости.

Впоследствии, думая о Карле, я объяснял себе его вспышку так: мое поведение было именно таким, которое *себе* он запрещал, не мог позволить. Он был необычайно талантливым читателем и литературоведом, настроенным на определенный диапазон художественного творчества — на игровой элемент. Именно поэтому его кумиром был Набоков, именно поэтому он так охотно печатал Хармса, Введенского, а из

новых — Алешковского, Вахтина, Войновича, Искандера, Марамзина, Соколова, Уфлянда. Даже у Достоевского, курс по которому он читал студентам, даже у Бродского он откликался в первую очередь на игровое начало. Но он воображал, что профессионал, профессор не может себе позволить такую избирательность, вкусовщину. И мучил себя попытками воспринять — проникнуться — точно оценить любое произведение, коли оно «состоялось», было объявлено литературой.

Профферы дружили с российскими художниками, покупали их картины. В гостиной у них висело великолепное полотно Давида Мирецкого. Но однажды Карл признался мне, что у него дальтонизм. «А как же ты различаешь цвета светофора?» — «Верхний из трех — красный, нижний — зеленый, в середине — желтый». — «А если светофор повешен горизонтально?» — «Тогда проблема».

Разница наших характеров неожиданно выпрыгивала и наносила свои уколы даже в мелочах.

— Откуда этот пакет?

— Его тоже Том принес.

— Кто такой Том?

— Наш почтальон.

— Откуда ты знаешь, что его зовут Том?

— Я познакомился с ним, разговорился...

— Джизус Крайст! Он носит нам почту пять лет, но мы понятия не имели, как его зовут.

В доме Профферов, кроме двухлетней дочери Арабеллы, жили еще три мальчика-подростка — сыновья Карла от первого брака. Время от времени они появлялись у нас внизу, в рабочих помещениях, болтали с сотрудниками. Со мной за два с половиной года не заговорили ни разу, ни разу не поздоровались, делали вид, что не понимают, когда я сам обращался к ним. Фред Моди уговаривал меня не обижаться, объяснял, что для американских подростков мир взрослых часто не существует.

— С тобой же они здороваются и разговаривают, — грустно возражал я.

Цепочка мелких унижений порой заставляла меня усомниться в том, что они возникали случайно. Приезжает с визитом профессор из другого университета. Сидя у Карла в кабинете, говорит, что он читал книги Игоря Ефимова и хотел бы познакомиться с ним. Карл не снимает трубку телефона и не приглашает меня подняться на второй этаж, в кабинет. Нет, он приглашает гостя спуститься вместе с ним в упаковочную. Следуют улыбки, приветствия, рукопожатия. Но, в присутствии нанимателя, который платит мне зарплату, я не считаю себя вправе прервать работу и продолжаю паковать.

— Лев Толстой? Да, его страстное богоискательство меня всегда очень волновало и занимало... (Ящик пять фунтов — значит, ярлык должен быть — смотрим таблицу — два доллара, пятьдесят три цента...) Платонов, Бабель, их стиль — это, конечно, поэзия, притворившаяся прозой... (Нет, больше десяти фунтов за границу нельзя, надо разделить на два ящика...)

Профессор кисло улыбается. Ефимов беседует об умном и исправно пакует. Хозяин стоит рядом и не вмешивается.

Однажды Карл попросил меня выступить перед его студентами. Конечно, в нерабочее время, конечно, бесплатно. Я с готовностью примчался в «Ардис» к восьми часам, лавируя в ночных сугробах. Представляя меня собравшимся, Карл перечислил названия некоторых моих книг, употребив при этом выражение: he is ridiculously prolific («он плодовит до смешного»). Я решил пропустить это мимо ушей. Может быть, он не хотел меня обидеть, может, думал, что я еще не выучил этих заковыристых слов. С другой стороны, если он так говорит обо мне при мне, какими эпитетами он может награждать меня за глаза?

Оказалось, что — не предупредив меня — профессор Проффер пригласил на встречу еще одного участника — поэта Алексея Цветкова, занимавшегося в те годы в аспирантуре Мичиганского университета, выпустившего в «Ардисе» первый сборник стихов[1]. Мы знали друг друга в лицо, но знакомы по-настоящему не были. И я понятия не имел о радикальных взглядах моего молодого собрата по эмиграции. Естественно, его выступление вогнало меня в шок. Он стал спокойно и серьезно объяснять студентам, что великая русская культура — это просто популярный миф. Что ничего путного в России создано не было. Русская музыка, русская живопись, русская архитектура не стоят выеденного яйца. Что касается литературы, то вот только сейчас, с выходом на сцену Бродского и его, Цветкова, появилось что-то заслуживающее внимания.

Я оглянулся на Карла. Он смотрел на меня так, как устроитель корриды должен смотреть на быка, застывшего перед красной мулетой. Увы, я не доставил ему ожидаемого удовольствия, не поднял Цветкова на рога (хотя очень хотелось). Рассказал что-то свое, ответил на вопросы. Подстроенного скандала не вышло.

NB: Сноб не может быть верующим человеком, и верующий не может быть снобом. Снобизм есть идолопоклонство перед шкалой — успеха, таланта, знатности, богатства. Настоящая вера в Бога, включающая в себя чувство тайны, непостижимости и недостижимости, подразумевающая бесконечность шкалы Бог–человек, делает все прочие шкалы смехотворными.

Авторы недовольны Ефимовым

По каким только поводам не загорались конфликты издателей с авторами! И слишком часто я должен был принимать удар на себя.

Готовим к изданию книгу Андрея Амальрика «Записки диссидента». Я делаю набор с машинописи, в которую автор, недавно погибший в автокатастрофе, успел внести авторучкой множество изменений и поправок. Ксерокопию набора отправляют на вычитку в Париж, вдове автора, Гюзель. Но не извещают в письме о том, что в издательство покойный прислал правленную рукопись. И бедная вдова, у которой хранится неправленный экземпляр, принимается за неблагодарный труд: убирать все исправления, внесенные ее мужем, возвращать текст к первоначальному виду. А по Парижу ползут слухи, что самоуправщик Ефимов посмел калечить книгу самого Амальрика.

Еще хуже — со сборником стихов Юрия Кублановского. Набор я делал тоже с сильно правленной машинописи. Связь с Россией была очень затруднена в 1980 году, и решили отправлять сборник в печать без авторской вычитки. При этом никто не предупредил меня, что правку делал не Кублановский, а Бродский. Я узнал об этом только после выхода книги. Из лучших чувств будущий нобелевский лауреат «помогал собрату по цеху»: менял рифмы, вставлял свои сравнения, вычеркивал целые строфы. В 1982 году Кублановский оказался на Западе. Мы встретились на какой-то конференции, и он буквально отказался подать мне руку. «Когда сборник добрался до меня в Москве, — сказал он, — я целую неделю спать не мог от горечи. Как вы могли, кто вам позволил такое самоуправство?»

— Юра, неужели вы думаете, что рядовой редактор-наборщик посмел бы так менять стихотворный текст? — сказал я, пытаясь одолеть ошеломление. — Неужели вам не сказали, что правку вносил Бродский? Я был уверен, что это делалось по согласованию с вами.

— Ладно, забудем, — сказал поэт великодушно.

Узнать истину ничего не стоило: просто позвонить или написать Бродскому и спросить. Но гордость так и не позволила Кублановскому сделать это. «Редактор Ефимов изуродовал мои стихи!» — это было так утешительно.

Мы встретились с Кублановским двадцать лет спустя, в редакции «Нового мира», где он заведовал отделом поэзии.

— Юра, вы все еще думаете, что это я правил ваши стихи? — спросил я.

Кублановский поднял глаза к потолку и повторил:

— Ладно, забудем.

Поза всепрощения и доброты — что может быть соблазнительнее для христианского неофита?

Какой-то цепью мелких скандалов обросло издание сборника повестей и рассказов Марамзина «Тянитолкай». Автор обвинял издателей в затягивании выхода книги, в недоуплате гонорара, в нарушении правил набора (зависшие одиночные строки, оторванные от абзаца в конце или начале страницы, — такой полиграфический позор!). Проффер не отвечал ему, поэтому все оправдания и объяснения приходилось сочинять мне и отправлять их старому приятелю, рискуя навсегда разрушить отношения.

Бывали, конечно, и ситуации, когда во мне восставал читатель, и я взывал к автору от себя, призывая его подправить какие-то логические построения или изменить тональность повествования. Готовили к изданию русский перевод книги профессора Стивена Коэна «Бухарин», сделанный Ниной Моховой, женой Льва Лосева[2]. В этой книге Бухарин изображался антиподом Сталина, который мог бы повести строительство социализма по «правильному» пути. В отличие от Питера Соломона, профессор Коэн не искал дублирования получаемой им информации. Книга изобиловала вставками типа: «один человек на Красной площади сказал мне»; «в разговоре с одной женщиной в Большом театре я услышал...». Такой прием имел, конечно, моральное оправдание: не называть имен, не подставлять под удар людей, решившихся говорить с иностранцем. Но, с другой стороны, он открывал безграничные возможности придавать видимость документальности любым измышлениям автора, занятого обелением и восхвалением своего героя.

Все эти соображения и сомнения я посмел изложить в письме Коэну, не согласовав его с владельцами издательства. Наверное, это было нарушением деловой этики. Но, во-первых, встретиться с Профферами для каких бы то ни было обсуждений становилось все труднее. А во-вторых, за двадцать лет литературной жизни в Союзе я так устал отмалчиваться и изворачиваться, что не хотел продолжать игру в молчанку и на свободном Западе. Откровенный обмен мнениями между двумя пишущими и думающими людьми — что может быть естественнее? Я даже закончил письмо дерзкой фразой, которая повеселила Профферов, недолюбливавших Коэна по своим мотивам. Что-то вроде: «Да, я понимаю, что ученый, изучающий клопов, ядовитых змей, крокодилов, может в какой-то момент даже полюбить объекты своего исследования. Но политический историк, мне кажется, должен строже следить за собой в этом плане».

Мне никак не удавалось смириться с тем фактом, что стратегия борьбы в академическом мире Америки мало чем отличалась от стратегии борьбы в СССР. И там, и здесь все сводилось к захвату выбранной территории исследования, к превращению ее в свою «вотчину» и отстаиванию ее от всяких вторжений со стороны. Там историк Левин превратил в свою вотчину английских левеллеров и Джона Лилберна, здесь Питер Соломон «отвоевал» себе историю советской юстиции, Стивен Коэн — Николая Бухарина, и каждый окружал свою феодальную крепость высокими стенами и рвом, куда удобно было сбрасывать неосторожных конкурентов и критиков.

Еще один конфликт произошел по моей инициативе, когда шла работа над воспоминаниями Льва Копелева «Утоли моя печали»[3]. Фон действия этой книги — та самая научно-исследовательская шарашка, которая изображена в романе Солженицына «В круге первом». (Копелев выведен там под фамилией Рубин.) На двадцати страницах своих мемуаров автор описывает эпизод, который стал сюжетной завязкой солженицынского романа: НКВД–МГБ подслушало и записало на пленку несколько телефонных звонков, сделанных неизвестным антисоветчиком в американское, а потом и в канадское посольство. Звонивший пытался предупредить иностранных дипломатов о том, что в ближайшие дни советский разведчик по имени Коваль должен встретиться с неизвестным профессором в нью-йоркском кафе и получить от него важные секреты, связанные с изготовлением атомной бомбы. Сотрудникам шарашки поручалось сравнить звукозаписи голоса звонившего с звукозаписями голосов трех подозреваемых и найти виновного.

Копелев подробно описывает, как они бились над поставленной задачей и как заметно отличались осциллограммы и звуковиды сравниваемых голосов. И как через три дня им объявили, что виновник обнаружен без всяких осцилограмм. Им якобы оказался советский дипломат Иванов, который вот-вот должен был выехать с семьей к месту своей службы в Канаде. Теперь задача менялась: сотрудники шарашки должны были своими «научными» методами подтвердить обвинение, доказать, что голос Иванова и голос звонившего имеют те же характеристики. Делу придавалась огромная важность, начальство шарашки взяло его под свой контроль.

Копелеву пришлось слушать записи звонков в посольства столько раз, что он смог воспроизвести их в своей книге почти дословно. Главной трудностью для звонившего было незнание английского. Западные дипломаты, бравшие трубку, были очень слабы в русском, без конца переспрашивали, не могли понять, чего хочет от них неизвестный доброжелатель. По выговору — провинциал, приехавший в Москву. На вопрос дипломата «Почему вы это делаете?» наивно заявил: «Потому что я за мир».

Копелев писал о «предателе» с искренней ненавистью и с гордостью сообщал, что их «научные» исследования заняли два тома и путем точного анализа подтвердили идентичность голосов звонившего и дипломата Иванова. НКВД был очень доволен работой сотрудников шарашки. Копелев мечтал о создании новой науки — «фоноскопии». По аналогии с дактилоскопией новая методика должна была определять «отпечаток голоса» с такой же точностью, с какой криминалистика определяла отпечатки пальцев.

Нелепость истолкования этого эпизода казалась мне очевидной. Если бы дипломат Иванов задумал «предать родину», он бы спокойно дождался выезда с семьей за границу и там осуществил бы свои планы, пополнил ряды перебежчиков. Зная советскую систему прослушивания телефонов, мог бы он быть так глуп, чтобы звонить несколько раз в иностранные посольства? Неужели не нашел бы безопасного способа сообщить иностранцам о разведчике Ковале анонимной запиской на каком-нибудь приеме? И главное: звонивший английского не знал, а профессиональный дипломат мог бы объясняться с сотрудниками посольств на их родном языке.

В своем письме я призывал Копелева выбросить весь эпизод из книги. Ведь в 1980 году мы все уже прекрасно знали, как НКВД стряпал свои дела в сталинские времена. Факт преступления — предательства — был налицо (если только это не было подстроенной провокацией). Если бы преступление осталось нераскрытым, следователь сам бы мог загреметь в ГУЛАГ или попасть под растрел. Поэтому и были срочно выбраны три «подозреваемых» — либо наугад, либо среди тех, на кого в папках Лубянки уже хранились анонимные доносы.

Копелев моим призывам не внял. Да и как он мог? Его версия позволяла ему видеть себя настоящим ученым, помогавшим разоблачить изменника родины. Моя превращала его в пособника палачей, придававшего наукообразную убедительность

липовым обвинениям против невинного человека. Профферы тоже не поддержали меня. Ведь Лев Зиновьевич был их любимым автором, другом, в квартире которого они часто встречались с московскими литераторами и диссидентами. Кроме того, как раз в те дни он и его жена были лишены советского гражданства. Справедливо ли было бы добавлять огорчений гонимому человеку?

Как я уже говорил, обсудить какую-нибудь проблему с Профферами делалось все труднее. Они оба работали по ночам, просыпались часа в два дня, а к нам спускались и того позже. Часто мне приходилось оставлять Карлу записки с перечнем вопросов, требовавших срочного решения. Ответов порой приходилось ждать неделями. В моих архивах сохранились эти послания.

«Карл!

...Так как Таис не сумела выкроить 100 долларов для Алешковского (я напоминал несколько раз), ни деньги, ни письмо по поводу оформления ему не были отправлены. Что будем теперь делать?

...Ты положил мне на стол рукописи Шахновича и Лимонова. Должен ли я отправить их? Без всякого письма? Или положить в ящики с отвергнутым?

...Звонил переводчик книги «Сестра моя, жизнь!», хотел узнать твое мнение и твои намерения.

...Очень неловко с письмом Веры Набоковой. Там есть конкретные вопросы, просьба ответить. Писал ли ты ей? Если нет, я должен срочно ответить. Просмотри его еще раз, пометь, что написать ей.

...Где у тебя хранится вырезка из «Литературки», чтобы послать все снова Довлатову?

...У меня, сознаться честно, душа болит за российских авторов «Глагола» № 3. Не думаешь ли ты, что, несмотря на все наши трудности, пора отправить его в типографию? Ведь печать обойдется не дороже двух тысяч, а заказов на него уже полно.

...Ты ничего не ответил мне по поводу денег для Вахтина. Скажи, по крайней мере, «нет» или «не сейчас» или «надо подумать» — что-нибудь для поддержания разговора.

...Я никак не могу закончить аннотацию о Гершензоне — не помню его знаменитых книг... а без этого про саму книжечку много не скажешь. Так как в твой кабинет не попасть, выложи мне том Литературной энциклопедии, если не забудешь.

До встречи, Игорь из подвала».

По ночам Карл работал на моем композере. Однажды он оставил на столе стопку книг и журналов. Убирая их на полки, я обнаружил странное издание: томик страниц в 300, на плотной глянцевой бумаге, без названия на обложке, без выходных данных внутри. Чтобы понять, на какую полку его поставить, я начал листать. Текст с картинками представлял собой подробный инструктаж: как осуществлять тайные убийства, которые выглядели бы смертью от естественных причин или несчастных случаев. Оглавление указывало разделы: отравления, удушения, электрический ток, утопления, поджоги и так далее.

Мне запомнился трюк с электрической лампочкой: вы осторожно вводите шприц в нее, заполняете пустоту бензином, ввинчиваете на место. Намеченная жертва входит в комнату, включает свет — ба-бах! — исчезает в клубе пламени. Еще один запомнившийся способ я впоследствии использовал в романе «Архивы Страшного суда»: под кровать кладут брус сухого льда, углекислый газ бесшумно заполняет помещение, и наутро человека находят в постели «умершим от естественных причин».

— Откуда у тебя эта книга? — спросил я Карла при встрече.

— Подарили друзья, — с загадочной улыбкой ответил он.

Наверное, это были те же самые «друзья», которые помогали Профферам увозить из СССР рукописи поэтов и прозаиков, ввозить горы тамиздата, минуя таможню. Мог ли я иметь что-нибудь против такой «дружбы»?

NB: Коммунистическая партия СССР действительно была могучей объединяющей силой: объединяла нас всех — таких непохожих — в дружбе против себя.

Печальный профессор

Нет, Карл Проффер не был ленив. Он и Эллендея работали очень много, не брезговали ни паковкой, ни набором, ни погрузкой-разгрузкой ящиков. Что ему было ненавистно: сказать решительное «да» или «нет» и потом твердо держаться своего слова. Он сознавался Марине, что каждое утро просыпается в тоске и первая мысль: сейчас зазвонит телефон, и кто-то будет требовать, уговаривать, корить, угрожать. Прямое противоборство было ему ненавистно. Он предпочитал давать расплывчатые обещания, тянуть, менять тему разговора, отвечать на вопросы, которые не были заданы, плести какие-то тайные планы и ходы и откладывать, откладывать все важные решения до бесконечности.

Его страстная любовь к литературным играм всякого рода неизбежно вынесла его к подножию пьедестала Набокова. Искусство составления шахматных задач знаменитый писатель применял и в своих романах, рассыпая в них там и тут замаскированные ходы, тайные подсказки, скрытые аллюзии к мировой литературе. В Карле Проффере он нашел благодарного читателя, который заныривал в его книги, как другие заныривают в ребусы или кроссворды, и с гордостью извлекал из них «добычу» — подробные расшифровки спрятанных там загадок. Уже в 1966 году он написал книгу «Ключи к Лолите»[4] и послал ее гранки Набокову в Швейцарию. В ответ получил вежливо-раздраженный перечень допущенных ошибок и неправильных «разгадок»:

«Стр. 19 — Ормонд должен напомнить читателю “Бар Ормонд” в романе “Улисс” — вы бы могли догадаться об этом.

Стр. 20 — аллюзия к Валерию Брюсову — чепуха.

Стр. 52 — имя Вивиан Даркблум — это анограмма имени Владимир Набоков (Vivian Darkbloom — Vladimir Nabokov), которую я составил в 1954 году, когда подумывал издать «Лолиту» под псевдонимом, но хотел закодировать в нем свое авторство.

Стр. 59–60. Мисс Император. Так звали учительницу музыки Эммы Бовари в похожем эпизоде. Отсюда же и имя Густав (Флобер). Меня удивило, что вы не разглядели этого».

Кончалось письмо саркастическим замечанием: «Многие интересные комбинации и “ключи”, найденные вами, хотя и приемлемы, но не приходили мне в голову и были рождены творческой интуицией, а вовсе не сконструированы разумом»[5].

Проффер учел все замечания, сделал исправления и два года спустя послал Набокову отпечатанную книгу. Опять пришел ответ с перечнем мелких ошибок и в заключение – возмущение тем фактом, что Издательство Университета Индианы посмело поместить на задней суперобложке рекламу на книгу о Соле Беллоу. «Имя этой жалкой посредственности никогда не должно было появиться на обложке книги обо мне. Нельзя ли это как-то исправить?»[6]

Проффера такая реакция не охладила, и два года спустя он пишет большую статью с «расшифровкой» русских аллюзий в романе «Ада»[7]. Как энтомолог с сачком, он несется по страницам набоковской фантасмагории, и результатом этой охоты оказывается коллекция из трех сотен пойманных — обнаруженных — русско-английских

каламбуров и скрытых цитат из Толстого, Пушкина, Гоголя, Аксакова, Пастернака, Чехова и других. Вместо того чтобы отдать должное фантастической начитанности автора статьи в русской литературе, Набоков опять лишь брюзжит и роняет два-три замечания.

Похоже, ему нравилось быть грозным и властным не только с людьми, но и с собственными персонажами. В предисловии к собранию писем сын Набокова приводит слова отца, сказанные в интервью Би-би-си незадолго до смерти: «Мои персонажи сжимаются, когда я приближаюсь к ним с кнутом в руке. Целые аллеи воображаемых деревьев теряли листву, когда им грозил мой проход мимо них». Прямо какой-то Карабас-Барабас с плеткой над Пьеро и Мальвиной.

Несмотря на то, что любовь Проффера явно осталась безответной, Набоков разрешил «Ардису» осуществить переиздание всех его русских романов, и это стало фундаментом первоначального успеха издательства. Переписка продолжалась вплоть до смерти писателя в 1977 году. В присланных ему стихах Бродского Набоков отметил удачные метафоры и изобретательную рифмовку, но также и обилие слов с неправильными ударениями и общее многословие. Зато Вера Набокова попросила отвезти в Россию гонимому поэту джинсы от их имени[8]. В другой раз рассказы Профферов о российских литературных делах побудили Набокова послать в Ленинградское отделение Союза писателей телеграмму в защиту арестованного Марамзина[9]. А за год до смерти он прочел книгу Саши Соколова «Школа для дураков» и откликнулся на нее фразой, которая потом выносилась на первое место в рекламировании этого автора: «обаятельная, трагическая и трогательнейшая книга»[10].

Книга Соколова стала предметом гордости издательства «Ардис». Ведь это сам Бродский откопал ее в горе присланных рукописей и порекомендовал к изданию, сам Набоков похвалил. Вскоре и автор появился на пороге и оказался таким же обаятельным, как его герой-рассказчик. Мне довелось читать «Школу» еще в России, и я с готовностью добавил ее в свою подпольную библиотеку, рекомендовал читателям. И когда Проффер положил рядом с моей наборной машиной рукопись новой книги Соколова «Между собакой и волком», я без всякой предвзятости начал листать ее, чтобы проверить, понятны ли мне рукописные поправки, сделанные автором в машинописи. Ничто не предвещало беды, пока...

Нет, тут потребуется отступление, некий экскурс в историю мировой литературы и даже — отчасти — медицины.

NB: Структуралисты с увлечением гоняются за текстовыми и образными совпадениями в разных произведениях, но эти совпадения играют для них ту же роль, что механический заяц на собачьих бегах. Что ж, если собаки бегут быстро и красиво, станем ли мы жаловаться, что заяц ненастоящий?

Между «не могу» и «не должен»

Медицинский словарь так определяет понятие «аллергия»: «Это повышенная чувствительность, измененная реакция организма человека на воздействие определенных веществ — пыльцы растений, тех или иных продуктов питания, лекарственных препаратов. Иммунная система организма, защищающая от инфекций, болезней и чужеродных тел, реагирует на аллерген бурной реакцией и преувеличенной защитой от веществ, которые абсолютно безопасны для большинства людей».

В жизни мне приходилось сталкиваться даже со случаями аллергии на отдельные слова. Дворовой приятель Юра Розенфельд начинал буквально корчиться от слова «персик», говорил, что одна лишь мысль о прикосновении шерстистой поверхности плода к губам доводила его до дрожи. Режиссер Илья Авербах страдал от слова

«пуговичка», писатель Довлатов — от слова «кушать». А уж примеры аллергических реакций одного литератора на произведения другого можно черпать из истории литературы сотнями, если не тысячами.

Толстой ненавидел пьесы Шекспира.

Розанов с презрением отзывался о Гоголе, утверждал, что «если бы Пушкин остался жив, Гоголь не смел бы писать».

Ахматова говорила, что тот, кто любит Чехова, не может любить поэзию, настолько весь Чехов нацелен на принижение того высокого, что несет поэзия.

Ходасевич писал, что Маяковский «богатства, накопленные человеческой мыслью, выволок на базар и изысканное опошлил, сложное упростил, тонкое огрубил, глубокое обмелил, возвышенное принизил и втоптал в грязь»[11].

Иван Алексеевич Бунин не называл иначе как кретинами и сумасшедшими Бальмонта, Сологуба, Вячеслава Иванова, Андрея Белого. Про стихи Зинаиды Гиппиус говорил, что в них она «мошенничает загадочностью»; про Набокова-Сирина — «мимикрия таланта».

Бродский, с презрением описывая российские ночные посиделки, лягал не любимого им создателя «Незнакомки»: «и под утро заместо примочки / водянистого Блока стишки»[12].

Чешский писатель Милан Кундера сознавался, что строй и дух романов Достоевского вызывал у него сильнейшее отталкивание и он скорее согласился бы голодать, чем подчиниться трудным обстоятельствам после разгрома Пражской весны и выполнить порученную ему переработку «Идиота» для телевидения[13].

Что-то подобное произошло и со мной, когда я начал читать рукопись книги «Между собакой и волком». Инстинктивное отталкивание от хаоса и абсурда жило во мне с детства, но я смирялся и мог даже залюбоваться хаосом, когда он вырывался в виде неудержимой стихийной силы. В книге же Соколова хаос и невнятица лепились тонким умелым перышком, всякий проблеск осмысленного повествования замутнялся искусно и неутомимо. Даже последовательность событий во времени отбрасывалась как ненужное бремя на свободном полете фантазии.

То же самое происходило и на уровне языка. Поиск незатертого слова осуществлялся не интуитивно, а механически. Во фразе «В лавку зашел покупатель гвоздей» слово «покупатель» было зачеркнуто и сверху аккуратно вписано «обретатель». От этого «обретателя» у меня по спине начинали ползти болезненные мурашки — и я ничего не мог с собой поделать. Уже первая страница вся была испещрена такими искусственными подменами. Вместо «сказанной» — «речённой»; вместо «жил» — «обитал»; вместо «потому что» — «поелику»; вместо «вашего» — «вашенского»; вместо «не найдете» — «не обрящете». Казалось бы, это обыгрывание простонародного косноязычия лежало так близко к поискам Платонова, Зощенко, Марамзина, Венедикта Ерофеева. Так почему же чтение тех несло наслаждение, а здесь звучало как скрип ножа по стеклу?

Впоследствии в интервью Джону Глэду в 1982 году я попытался дать рациональное истолкование своей идиосинкразии: «Соколов пытается выйти из зримого и вещественного мира, предаться целиком своему эстетическому вкусу, напряженности эстетического поиска. С моей точки зрения, это облегчение, это уступка самому себе. Это как если бы акробат, уставши от борьбы с земным притяжением, стал бы делать сальто в невесомости. Там их можно крутить хоть десять, хоть двадцать. Космонавты показывают это нам, летая за зубной щеткой. Есть в этом своя плавная красота, но это не акробатика. Соколов последовательно и старательно разрушает здравый смысл, борется с любым повествовательным началом в своей прозе, умело и целенаправленно создает только ткань. И намеренно отказывается от превращения

этой ткани в некую литературную, условно скажем, одежду. И это глубоко чуждо моему вкусу»[14].

У Соколова было немало поклонников. Я своими ушами слышал, как одна эмигрантка — профессор русской литературы — сказала, что проза Соколова вызывет у нее счастливое сердцебиение, а вот Бабеля она читать не может, потому что это «каннибальский писатель». Критика проявляла интерес к каждой новой книге Соколова. Но после выхода «Палисандрии» в 1985 году он исчез с литературного горизонта чуть ли не на четверть века.

Встречал он и скептическое отношение. Довлатов считал, что слава Соколова будет недолговечной. Безжалостный Вагрич Бахчанян придумал шутку: «Саша Соколов окончил Школу для дураков с золотой медалью». Надо сказать, что и Бродский вскоре изменил свое отношение к прозе Соколова. В одном интервью 1991 года он рассказывает:

«Я отношусь к этому писателю чрезвычайно посредственно... Я до известной степени ответствен за его существование, потому что когда издательство, которое его напечатало, «Ардис» в Мичигане, только начинало существовать, в 1973 году, я приехал, выудил его рукопись из всего, что они тогда получали, и посоветовал издателю это напечатать, что и произошло... Первые страниц тридцать или сорок мне было просто приятно читать. Дальше это уже, в общем, ни в какие ворота. Так мне кажется. Это такая в высшей степени провинциальная отечественная идея современной прозы, и, разумеется, есть люди на которых это производит впечатление... Тот же самый результат и в «Между собакой и волком», и в «Палисандрии»... Читать это в общем неохота. Я не люблю, когда автор навязывает себя»[15].

Да и сам Проффер, кладя рукопись мне на стол, сознался, что не понял в ней ничего. Однако добавил, что отвергнуть новую книгу любимого писателя – об этом не может быть и речи.

Чем дальше я вчитывался в этот текст, тем больше я впадал в тоску и растерянность. Сказать: «Вы знаете, это для меня эстетически неприемлемо» — было бы смешно, недопустимо, звучало бы просто наглостью. Тем более людям, которым я стольким обязан, которые так помогли мне и моей семье. Ты служащий, тебе платят деньги — вот и выполняй работу, которая тебе поручена.

Я мучился ужасно. Две недели ходил больной. Марина в те недели еще не овладела новым композером, не могла сделать работу за меня. Не то чтобы я ставил владельцев в безвыходную ситуацию. Часть русского набора все равно отдавалась другой фирме, так что речь шла в конечном итоге о перераспределении работы. Но я понимал, что о таком не просят. Однако снова и снова всплывала горькая мысль: вот я уехал на пятом десятке из своей страны, где говорят, пишут и читают на моем родном языке, уехал только для того, чтобы не участвовать в том, что мне глубоко чуждо. И оказался в ситуации, когда я своими руками должен принимать участие в том, что для меня эстетически мучительно.

В конце концов я упал Профферам в ноги. Просил поручить набор другой фирме. Обещал искупить свою вину какими-нибудь сверхурочными трудами. Они помрачнели, как и следовало ожидать. Тут все сходилось: и то, что он себе такое позволяет, и то, что он смеет отвергать нашего любимого писателя и друга. Этому объяснения нет, прощения нет! Думаю, это был переломный момент, после которого отношение Карла ко мне резко изменилось.

NB: Поэт порой командует непослушными словами, загоняя их в размер, как командир командует необученными солдатиками, втискивая их в строй. но слова не солдатики. За насилие над собой они мстят.

РАЗРЫВ

Деньги

Их всегда почему-то не хватало в «Ардисе». Иногда мы узнавали об очередном финансовом кризисе просто потому, что в день выплаты не находили на своих столах месячного чека. Иногда — потому что звонила какая-то из типографий и объявляла, что не отправит нам отпечатанный тираж новой книги, пока мы не оплатим предыдущие. Либо потому, что кончался «заряд в митере» и нас не посылали на почту заправить его вкусным золотым тельцом.

Карл уверял, что деньги приносят только издания на английском языке, что все русские книги издаются в убыток. Я не соглашался с его способами подсчета. В упрощенном виде его схема выглядела так: если сумма продаж не превосходила затраты на издание книги в три раза, он объявлял книгу убыточной. Он подхватил эту схему у крупных издателей, которые тратили на рекламу порой в четыре раза больше, чем на типографию. У «Ардиса» не было таких крупных накладных расходов, поэтому какой-то доход русские издания приносили, хотя и не такой, как английские. Успех переводов прозы Мандельштама, прозы Цветаевой, ее же иллюстрированной биографии на английском, иллюстрированной биографии Мейерхольда был очевиден. Заказы на них шли и шли, и мы паковали их без устали. Пакеты отправлялись во все углы Америки и Канады, в Англию и другие европейские страны, в Австралию и Японию.

Видимо, окрыленные успехом, Профферы в 1980 году позволили себе сильно перекосить свой бюджет в сторону расходов. Был куплен дорогой фотомонтажный агрегат, который простаивал без загрузки месяцами. Были наняты две новые сотрудницы. Однажды Эллендея вбежала в наш подвал радостно-возбужденная:

— Смотрите, смотрите, что Карл подарил мне!

Мы выглянули в окно и увидели перед домом новенький «кадиллак». Постарались выразить восхищение, но каждый при этом подумал: «А получу ли я зарплату в этом месяце?» Ночами Эллендея вела задушевные разговоры с друзьями в Москве и Ленинграде. Таис показывала мне телефонные счета: 700–800 долларов в месяц. После ночных телефонных оргий чувство вины за транжирство заставляло Эллендею поспешно искать путей экономии. Она шла вдоль наших рабочих мест, выключая все лишние — как ей казалось — лампы, приговаривая при этом: «Так мы не разбогатеем».

Ранней весной 1980 года Профферы вернулись из Нью-Йорка в состоянии эйфории. Оказалось, что тамошние друзья подняли их на смех, узнав, что они до сих пор платят подоходный налог. Была проведена просветительная работа, семинар, на котором мичиганских провинциалов научили, какими способами можно оставлять дядю Сэма с носом. Профферы всё сделали по инструкциям и отметили неожиданную удачу покупкой новой шубы для Эллендеи.

Увы, то, что сходило с рук нью-йоркским интеллектуалам, укрывшимся за стеной из прожженных адвокатов, не прошло в суровом Мичигане. Вскоре в «Ардис» пришло письмо из налогового управления, сообщавшее владельцам, что их старые и новые задолженности перевалили все пределы допустимого. Если дядя Сэм не получит в течение месяца хотя бы 20 тысяч в покрытие неуплаченных налогов, их дом может быть конфискован и выставлен на продажу. Наседали и типографии, долг которым перевалил за 30 тысяч.

В издательстве настали черные дни. Слово «банкротство», хотя и не произносилось вслух, незримо висело за каждым разговором. Профферы почти не появлялись. Только когда у дверей подвала раздавалось урчание почтового джипа, Карл – небритый, опухший, несчастный – спускался вниз, быстро просматривал конверты и, разочарованный, возвращался наверх. Или звонил из кабинета и спрашивал у Таис:

— От Вуди из Вашингтона ничего?

— Нет, ничего, — отвечала Таис.

Вашингтонский Вуди стал последней надеждой всей маленькой команды тонущего корабля.

NB: «Не в деньгах счастье», — уверяют нас те, у кого их нет.

В столице

С друзьями Профферов, Вуди и Элеонор Роу, мы с Мариной познакомились еще в Ленинграде, где они навещали нас на канале Грибоедова. Уже тогда они приглашали нас погостить у них в Вашингтоне. Теперь такая возможность представилась. Знаменитый Смитсоновский институт регулярно устраивал выступления новых русских эмигрантов, и весной 1980 года я был удостоен этой чести. Мой английский заметно улучшился за полтора года, и выступление прошло с успехом. Именно во время этой поездки произошло несколько знакомств, которые потом переросли в долгую дружбу: с профессором Университета Джорджа Вашингтона Еленой Александровной Якобсон; с югославским диссидентом Михайло Михайловым, просидевшим в Титовской тюрьме семь лет; с профессором Джоном Глэдом — энциклопедическим знатоком истории русской эмиграции. Вообще вся поездка была окрашена радостным настроением и омрачилась только тем, что Марина упала на улице и сильно подвернула ногу.

В большом доме Вуди и Элеонор нам было очень уютно, а семилетняя Наташа нашла отраду в дружбе с собачкой Панзи и с попугаем, постоянно вздыхавшим и печально обещавшим: «I'l be right back» («вернусь через минутку»).

Вуди Роу начинал свою взрослую жизнь брокером на бирже, быстро преуспел и разбогател, но к тридцати годам разочаровался в своем ремесле. Глядя, с каким увлечением друзья Профферы плавают в океане русской литературы, он решил последовать их примеру: начал изучать язык, читать запоем русские книги, а вскоре уже и писать статьи о них, а вскоре опубликовал в «Ардисе» два любопытных исследования набоковской прозы.

Жена его Элеонор тоже прошла через кризис, перевернувший всю ее жизнь. Ей было за двадцать, когда у нее открылась тяжелейшая и непонятная болезнь легких. Врачи только разводили руками и не видели шансов спасти молодую женщину. Но ее мать не смирилась, нашла какую-то целительницу, использовавшую методы китайской медицины, и они стали лечить больную морскими водорослями. Болезнь отступила, и Элеонор скоро вышла замуж, родила двух вполне здоровых сыновей. Правда, питалась она исключительно сырыми овощами. Ее история впервые заставила нас усомниться в непогрешимости американской медицины, и впоследствии мы всегда интересовались случаями таких «научно необъяснимых» исцелений.

Покинув гостеприимный дом супругов Роу, мы вернулись в Энн Арбор, где застали ту же атмосферу мрачного ожидания. Не видя другого выхода, Карл в отчаянии воззвал к Вуди с просьбой о помощи. Именно поэтому он сбегал каждый день к прибытию почты. И наконец — о, счастье! — конверт со спасительным чеком на 20 тысяч прибыл.

Все вздохнули с облегчением. Но я уже понимал, что нам нельзя больше оставаться в полной зависимости от Профферов. В следующий раз добрый избавитель не объявится — и что тогда? В случае банкротства Карл останется при своей профессорской зарплате — а мы? Нужно было искать какую-то почву под ногами, какой-то островок, на который мы могли бы приземлиться в случае катастрофы. Но где? Какой?

NB: Вариант молитвы: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день. А если завезут насущную колбаску, положи сверху кусочек».

Частные предприниматели

Славистские журналы регулярно печатали объявления об открывающихся вакансиях на разных кафедрах, и я старательно посылал свои резюме по указанным адресам, хотя понимал уже, что без американской научной степени или хотя бы диплома мои шансы равны нулю. Больше того: по секрету опытные люди сообщили мне, что подобные объявления — пустая формальность, дань невыполнимым правилам equal opportunity employment («равноправия при найме на работу»), и они публикуются уже после того, как кандидат найден и вакансия заполнена.

Единственное ремесло, которое пользовалось спросом и которым мы с Мариной более или менее овладели, был набор русских текстов. Вот если бы у нас была своя наборная машина, свой композер!.. Но это «если бы» стоило столько же, сколько новый автомобиль — около десяти тысяч. Таких денег нам взять было негде.

И все же я решил попробовать. Позвонил в фирму Эй-би-эм, производившую эти композеры, и стал расспрашивать об условиях покупки в кредит. К моему изумлению, могучая фирма тут же прислала мне своего коммивояжера, который предложил вполне посильную сделку: мы платим тысячу авансом, а остальное растягивается на помесячные выплаты с очень умеренным процентом. Видимо, к тому времени рынок был насыщен, и Эй-би-эм жадно хваталась за каждого нового покупателя.

Мы решили рискнуть. Подписали бумаги, наскребли требуемую тысячу, и через неделю бесценный аппарат занял почетное место на столе в нашем подвале, превращенном в рабочий кабинет. В первой половине дня, пока Наташа была в школе, на нем работала Марина, а я заступал «в вечернюю смену», вернувшись из «Ардиса». Мы не брезговали никакими заказами. Кто-то хотел «издать» свои стихи в одном экземпляре. Кому-то приспичило обзавестись русской визитной карточкой для поездки в Москву. Кто-то хотел разослать русским друзьям красиво отпечатанное приглашение на свадьбу дочери. Но вскоре появились и солидные заказчики.

Штатный университет в столице Мичигана, Лансинге, давно выпускал двуязычный журнал «Русский язык»[16]. Его главному редактору, профессору Муниру Сендичу, понравилось качество нашего набора, понравились расценки, и он стал регулярно подбрасывать нам заказы на набор русских статей. Работа эта была громоздкой, требовала многочисленных переходов с русского на английский и обратно, частой смены шрифтов, но мы старались на совесть.

Другим постоянным заказчиком стало небольшое издательство в Новой Англии, основанное известным диссидентом Валерием Чалидзе в 1975 году. Оно регулярно выпускало альманахи «Хроника текущих событий», «СССР: внутренние противоречия», опубликовало подлинные воспоминания Хрущева, скопированные прямо с магнитофонной ленты, репринт русского издания книги Кьеркегора «Или-или», книгу самого издателя о Сталине — «Победитель коммунизма» и другие.

По своим взглядам Чалидзе был близок к либерально-конституционному крылу диссидентского движения, так что статьи, присылаемые им для набора, не вызывали у меня серьезных возражений. Трудность отношений с ним заключалась в дру-

гом: он звонил каждый день по нескольку раз и спрашивал, как подвигается работа, сделано ли то-то и то-то, и если не сделано, то почему. Оплата наших трудов шла по затраченным часам, и сверхчестная Марина вычитала из счета даже те минуты, которые она тратила на чистку зубов. Снимая телефонную трубку, я старался оставаться в рамках холодной вежливости, но чувствительный Чалидзе слышал поскрипывание зубов в моих репликах и страдал.

— Игорь, — сказал он наконец, — почему, звоня вам, я каждый раз испытываю тягостное неприятное чувство? Этого не должно быть. Мне казалось, если я нанял печатника...

— Вот-вот, Валерий, в этом все дело! Слово «нанял» не отражает ситуацию правильно. Вы не наняли нас, а дали заказ независимому предпринимателю на определенных условиях, как даете заказ на ремонт автомобиля или пошив костюма. У нас много других заказчиков, и только мы можем решать, как распределять рабочее время между ними.

В другой раз, в телефонном разговоре о политике, он обронил аргумент, слегка меня ошарашивший: «Если все делать по закону, — уверенно заявил он, — человеку ведь и совесть не нужна». «Ну что ж, какой талантливый человек не любит время от времени щегольнуть парадоксом?» — уговаривал я себя. На пятом десятке я научился смиряться с этим, и наши деловые отношения продолжались.

Было еще маленькое русское издательство «Заря» в Канаде. Его владелец Сергей Александрович Зауэр, интеллигентный и старомодный отпрыск первой волны, росший в Югославии, предпочитал приезжать к нам из Торонто на автомобиле, чтобы не терять время на почтовые пересылки материалов. Входя в дом, обязательно снимал обувь и двадцать раз извинялся за беспокойство. Расплачивался он аккуратно, книги выпускал достойные, но, к сожалению, большого комерческого успеха его издательство не имело.

Для Марины главным заказчиком с самого начала оставался «Ардис». Вскоре и я стал увозить часть наборной работы домой. Проффера это устраивало, потому что мой композер в издательстве освобождался и на нем мог работать кто-то другой. Постепенно эта практика сделалась рутинной, и мы решили изменить характер наших деловых отношений. Моя рабочая неделя сокращалась с сорока часов до двадцати, и, соответственно, вдвое уменьшалась зарплата. «Ардис» давал заказы на наборную работу новорожденной фирме «Эрмитаж», а Ефимов приезжал в издательство исключительно для того, чтобы заниматься редактурой и корректорской вычиткой русских текстов. Уезжал я обычно в час дня, когда Профферы еще не появлялись. Казалось, всех это устраивало.

Осенью 1980 года я наконец получил из типографии плод своих полуночных трудов: свежеотпечатанную «Практическую метафизику». Сейчас-то я понимаю, что это издание должно было казаться американцам верхом полиграфического убожества: в нем не было указателя имен, система сносок нарушала все принятые стандарты, библиография была выстроена не по алфавиту, а по порядку упоминаний источников в тексте. Конечно, тот факт, что книга была издана за мой счет, несколько отравлял удовольствие. Но я утешал себя тем, что так же издавали свои труды Сведенборг, Кьеркегор, Шопенгауэр, Пруст и многие другие.

Книга вызвала определенный интерес в эмигрантской среде. Вскоре на нее появились положительные рецензии. Марк Поповский смело заявил, что «таких книг в мире не появлялось уже лет сто». Сергей Левицкий назвал свою статью «Новое слово в философии», но — словно спохватившись — добавил в конце названия вопросительный знак[17]. Однако больше всего меня обрадовало письмо от молодого грузинского философа и писателя Нодара Джина, в котором он писал: «“Практическая

метафизика” представляется мне самой значительной книгой из всего, что пришлось прочесть за довольно долгий срок... Она — как возвращение к тому величественному и милому разуму и душе прошлому, о котором каждый из нас, увы, знает только понаслышке... как возвращение-очищение... к подлинной философии».

Книга стояла в каталоге «Ардиса», на нее начали поступать заказы. С продажи я получал определенный процент, что помогало в какой-то мере гасить мою задолженность типографии. Паковать собственную книгу и наклеивать на конверты ярлычки с адресами, содержавшими слова Лондон, Париж, Мюнхен, Монреаль, Иерусалим, Токио – какая работа могла быть приятнее! В какой-то момент мне начало казаться, что все недоразумения и конфликты с «Ардисом» позади, что Проффер примирился с моим существованием у него под боком. Увы, очень скоро я понял, что недооценил вполне меру его затаенной неприязни.

NB: Можно простить ближнему богатство, талант, любовные успехи, здоровых детей, тучных коров. Но если ты просыпаешься каждое утро в тоске и страхе и видишь рядом кого-то, кто полон идиотским предвкушением счастья, — за это можно только убить.

Обнесли пирогом

В начале 1980 года группе русских журналистов в Нью-Йорке удалось создать газету, которую они назвали «Новый американец». Главным редактором стал Сергей Довлатов, активное участие приняли Петр Вайль, Александр Генис, Борис Меттер, Алексей Орлов, Григорий Рыскин. С первых же номеров газета вызвала огромный интерес среди эмигрантов третьей волны. Довлатов писал мне в письме от 10 февраля:

«Дорогой Игорь! Пишу в некотором беспамятстве. Газета вышла. Продается в неожиданном темпе. В пятницу утром — 4500. Мы заказали еще две тысячи. И сразу же продали. Обстановка прямо сенсационная. Из всех русских мест звонят: “Привезите хоть сто экземпляров. А то разнесут магазин”. Я не выдумываю».

С «Ардисом» у газеты быстро установились активные деловые отношения. По поручению и с согласия Профферов я посылал им отрывки из готовившихся у нас книг, они печатали их и в качестве гонорара помещали рекламу издательства. Кроме того, «Новый американец» пытался вести книжную торговлю по почте и для этой цели заказывал книги «Ардиса» для перепродажи. Наша с Довлатовым переписка за 1980 год переполнена денежными расчетами и деловыми обсуждениями: что, когда и в каком объеме печатать в газете.

Печатала газета и рекламу созданной нами наборной фирмы «Эрмитаж». На нее начали откликаться потенциальные заказчики из Нью-Йорка и других городов. Увы, когда они понимали, что мы предлагаем только набор, а не полное изготовление-издание книги, деловые переговоры обрывались. Платить отдельно за набор, а потом искать где-то издателя — это казалось людям слишком громоздким и ненадежным.

Вспоминаю, что именно в телефонных переговорах с Довлатовым мелькнуло впервые это сочетание слов: «Русская литература в эмиграции. Конференция, организованная Университетом Южной Калифорнии». Да, вот так. Нашлись в Америке люди, способные ценить русских писателей-эмигрантов. В рекламной брошюре сообщалось, что конференцию, намеченную на май 1981 года, финансировали Национальный фонд для развития гуманитарных наук, Рокфеллеровский фонд, Фордовский фонд, кафедры различных университетов.

— Карл — один из устроителей. Неужели он вам еще ничего не сказал? — удивлялся Довлатов. — Среди участников, я знаю, будет народ не только из Америки, но также из Европы, Израиля, Канады. Всем оплачивают дорогу и три дня пребывания там. Странно, что вам еще не сообщили.

Я постарался скрыть удивление и досаду. В конце концов, мы с Профферами встречались довольно редко, они могли и забыть. Но недели шли за неделями, мы встречались, обсуждали дела. О конференции — ни слова.

«Чего он хочет? — ломал я голову. — Чтобы я узнал на стороне и попросился? Поскребся в дверь? А он бы сделал вид, что забыл о таком пустяке? Или что приглашения не от него зависят?»

Все прояснилось, когда я получил конверт из Университета Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе. Нет, это не было приглашение. Это было письмо от сотрудницы славистской кафедры университета Ольги Матич. В нем она сообщала, что обращается ко мне по совету профессора Проффера. Он известил ее, что мистер Ефимов хорошо знаком с литературной средой российской эмиграции и может порекомендовать ей талантливых писателей и поэтов, не получивших до сих пор приглашения на конференцию.

Я сидел над этим письмом и пытался вообразить, какие чувства должны были играть в душе профессора Проффера, когда он сочинял этот хитрый кошачий ход над норкой маленькой эмигрантской мышки. Ждал ли он, что я унижусь и сам попрошу профессора Матич включить меня в список приглашенных? Или что приду к нему просить о том же? Рядом на столе лежал каталог издательства «Ардис» на 1980–1981 годы, разосланный уже в тысячи адресов. В нем фигурировали четыре книги Игоря Ефимова: уже изданные «Метаполитика» и «Практическая метафизика», запланированный роман «Как одна плоть» и включенная в раздел «Книги других издательств» — «Без буржуев». Обложку каталога украшали семейные фотографии Профферов и Ефимовых, гуляющих с детьми по улицам Энн Арбора. Почему же профессор Проффер не включил своего сотрудника в число приглашенных? Ну, наверное, он не считает его достаточно талантливым, чтобы быть удостоенным такой чести.

В письме от 14 января 1981 года Довлатов писал: «Игорь, мне кажется, Вы огорчились, что Вам не сообщили о конференции. Я хочу только сказать, что в механизме этого дела — сплошной хаос, произвол и бардак. Знаете, как я попал в приглашенные? Здесь был ничтожный юморист Д. Попросил дать ему бесплатную рекламу. И сказал: “Я могу устроить, чтобы вас (то есть – меня, Довлатова) пригласили в Калифорнию”. Я сказал: “У меня нет времени”. Но рекламу ему дал. Не ради Калифорнии, а из жалости... И вдруг приходят документы. Так что это делается, как в Союзе. Кто-то кому-то позвонил — и все».

Скорее всего, в моем случае кто-то кому-то должен был позвонить, чтобы не включали в список. Но я, видимо, опять разочаровал своего босса. На конференцию проситься не стал и ни разу не упомянул ее в наших разговорах. Однако для себя решил твердо: «Пора бежать. Насильно мил не будешь. Пора, пора бежать, парень». О чувствах же, которые кипели в груди в эти недели, дает представление неотправленное письмо, сохранившееся в моих архивах. Там были такие строчки:

«Карл и Эллендея!.. Я понимаю, что можно получать удовольствие от причинения неприятным людям неприятных эмоций, понимаю, что, наверное, попал уже в эту категорию. Одно непонятно: какое удовольствие оскорблять человека, который вам так многим обязан, который зависит от вас до такой степени, что наверняка не сможет пикнуть в ответ? Но вот что мне пришло в голову: может быть, вы из-за моей сдержанности думаете, что все прежние обиды не достигали цели, и хотите пробить

мою “толстокожесть”? Поверьте — они вполне достигали — я просто старался не показывать виду. И то, что мне не отвечали неделями на жизненно важные для меня вопросы, и то, что другие книги уходят в печать раньше моей — объявленной и обещанной, и то, что о конференции в Калифорнии я узнал на стороне, и много-много другого — все это вполне достигало цели и причиняло боль».

NB: Жизнь каждого человека есть не только получение, но и раздача обид. Так что нечего жаловаться..

Вдовствующая императрица

Так совпало, что первые месяцы 1981 года оказались заполнены тяжелейшим противоборством «Ардиса» с Верой Евсеевной Набоковой. В свое время она разрешила издательству опубликовать по-русски роман ее покойного мужа «Бледный огонь». Перевод, сделанный Алексеем Цветковым, вызвал у нее множество возражений, и она испещрила рукопись сотнями замечаний и исправлений. Цветков отказывался принять большинство из них. Карл попросил меня быть арбитром в их споре.

Прочитав рукопись, испещренную пометками, я вынужден был в девяти случаях из десяти брать сторону Цветкова. Если у него было написно «он сидел в кресле», она зачеркивала «в» и вписывала «на» — «на кресле»; вместо «подбросил шляпу в воздух» писала «на воздух»; правильный перевод английского sea horse как «морской конек» заменяла на бессмысленного «морского коня»; «профессор принимал экзамен» — вместо «принимал» писала «давал» и так далее. Было ясно, что за шестьдесят лет изгнания она утратила связь с родным языком, но, в отличие от самого Набокова, переставшего писать по-русски, воображала себя верховным судьей в вопросах грамотности и стиля.

Все же я пытался действовать с крайней осторожностью. Написал ей письмо с искренними восхвалениями романа.

«Вышло так, что я в свое время не прочел “Бледный огонь” по-английски, поэтому в моем лице Вы имеете первого русского читателя этой книги. Думаю, что все исправления, которые Вы вынуждены делать в переводе, оседают в Вашей душе чувством горечи и раздражения... Но со своей стороны хочу засвидетельствовать перед Вами, что тот текст, который ложится сейчас на бумагу, если и не полностью, то в очень большой степени доносит очарование романа, завораживает, пленяет, и вся неповторимо изящная постройка, вся щемящая драма этой изломанной души, с ее снобизмом и безответной последней влюбленностью в красоту — мира, плоти, цветка, поэмы, поэзии — вызывает сильный сердечный отклик. Я уверен, что труды наши не пропадут даром и русский читатель получит замечательный подарок».

При этом деликатно касался загадок использования русских предлогов. Да, по необъяснимым причудам грамматики, «он сидел на скамье, на стуле, на кровати, на диване», но, когда доходит до «кресла», он почему-то оказывается «в кресле». Да, «башня взлетит на воздух», но шляпу почему-то подбросят «в воздух». Вспомним: «Кричали женщины ура и в воздух чепчики бросали». «Хорошо, — писала в ответ госпожа Набокова, — Грибоедовым вы меня победили. Но в остальном — не уступлю».

Параллельно началась работа над изданием по-русски и романа «Пнин». Перевод, сделанный недавним эмигрантом, профессором Геннадием Барабтарло, в общем произвел впечатление благоприятное на сестру и вдову Набокова, но и здесь Вера Евсеевна предвидела множество трудностей. Как перевести смешные искажения английского языка, делаемые Пнином? Она была категорически против того, чтобы герой

изъяснялся на неправильном русском. Нет, пусть его речь будет чистой, а в скобках можно давать искаженный английский оригинал.

Мне предстояло набирать этот роман. Дополнительная трудность состояла в том, что переводчик Барабтарло был страстным поклонником дореволюционной русской культуры и не признавал новых правил русской грамматики. Сборник своих стихов он опубликовал впоследствии в России с «ятями» и «ерами», так же пишет и письма и отвечает (только письменно!) на вопросы корреспондентов, берущих у него интервью. То есть он принял для себя то правописание, которым пользовался Сирин, и сбить его с этой позиции невозможно.

Мои попытки редакторского вмешательства гневно отвергались либо переводчиком, либо Набоковой, либо обоими. Что касается «Бледного огня», то работа над ним просто зашла в тупик. Карл, не смевший ни в чем перечить вдове своего кумира, не без удовольствия передал мне ее письмо, в котором мои поправки — а вернее, восстановления текста Цветкова — были названы «идиотскими». В ответ на это я написал ему:

«Веру Евсеевну от души жаль. Я все же не думал, что ее горечь и озлобление дошли до такой степени. Болезнь, одиночество, нереализованные творческие амбиции... Ее конфликт с Цветковым был действительно нелегким — столкнулись два разных эстетических подхода. Со мной никакой сложности нет: я вмешивался только там, где предложенный ею перевод звучал бессмысленно или где был использован оборот, неприемлемый в современном русском языке».

На титульном листе ардисовского издания «Бледного огня» написано: «Перевод Веры Набоковой». Двухлетний труд Алексея Цветкова пропал даром. Роман «Пнин» вышел в переводе Барабтарло и Набоковой. Впоследствии в России, к 100-летию со дня рождения писателя, был выпущен его пятитомник, в котором «Пнин» и «Бледное пламя» (так в этом издании) даны в переводе Сергея Ильина[18]. Но в 2010-м «Азбука» переиздала перевод Веры Набоковой. Имя Цветкова опять не упомянуто.

NB: Тайно-враждебное, коварно-заговорщическое отношение одного супруга к другому, доходящее до планирования убийства, подробнейшим образом описано во многих романах Набокова: «Король, дама, валет», «Соглядатай», «Приглашение на казнь», «Лолита», «Бледный огонь». Всякий, кому доводилось иметь дело с гневливой госпожой Набоковой, наверное, вскоре начинал почесывать в затылке и приговаривать про себя: «А-а, теперь понимаю».

Первый каталог «Эрмитажа»

Да, «подставь правую щеку, когда тебя ударили в левую» — высокий призыв. Но там же, в Евангелии, Христос говорит: «Много званых, но мало избранных». На «избранного» я не потянул, правую щеку подставить не сумел. Кроме того, никак не мог ощутить свою семью, своих «домашних» — врагами. Мне надо было спасать себя и их — это сделалось главной задачей. И виделся единственный путь: превратить наше наборное дело в полноценное русское издательство.

В начале марта 1981 года я разослал письма знакомым писателям-эмигрантам, извещая их о своем намерении, приглашая присылать рукописи в новое издательство. Многие откликнулись, издательский портфель стал быстро наполняться. К маю мы смогли выпустить первый каталог, в котором объявляли о девяти запланированных книгах. Среди них были: сборник пьес Василия Аксенова, роман Георгия Владимова «Три минуты молчания» (без цензурных изъятий, сделанных в советском издании), сборники рассказов Руфи Зерновой и Ильи Суслова. Список откры-

вало имя Сергея Аверинцева — я давно мечтал издать под одной обложкой репринты его статей, печатавшихся в журнале «Вопросы литературы» в 1960-е годы. Он был единственным нашим автором, жившим в тот момент в России, но я полагал, что перепечатка на Западе материалов, одобренных советской цензурой, не может представлять никакой опасности для него.

В сопроводительной вводке к каталогу говорилось:

«Четверть века назад стена, разделившая русскую литературу в 1917 году на две части, дала первую трещину. С тех пор процесс разрушения этой стены шел необратимо. Советская цензура не может уже больше никого приговорить к литературному небытию — рукописи и авторы получили возможность ускользать от нее на Запад. Русский читатель в России не обречен теперь довольствоваться подцензурным оскопленным творчеством — почти любая книга, изданная на Западе, любой журнал прорываются обратно в Россию... Русская литература последней четверти века — вот главная сфера деятельности нового издательства «Эрмитаж». Участие в процессе разрушения разделяющей стены — главная устремленность. Поэтому в ближайшие годы мы планируем печатать романы и поэмы, литературоведческие сборники и философские исследования, пьесы и мемуары, написанные в послесталинскую эпоху русскими авторами, живущими как по эту сторону границы, так и по ту».

Адреса главных магазинов русской книги были собраны мною еще в Вене, адреса главных американских библиотек мы без труда нашли в специальных справочниках. Наш каталог представлял собой просто рекламную листовку, без труда влезавшую в стандартный конверт, поэтому рассылка нескольких сотен экземпляров обошлась не очень дорого. И какое это было счастье — получить в конце апреля первые заказы!

Самым крупным покупателем русских книг была нью-йоркская организация «Международный книгообмен» (International Book Exchange), занимавшаяся засылкой зарубежных изданий в Россию. Ведавшая закупкой Вероника Штейн знала меня еще по публикациям в «Гранях» и «Посеве» и сразу протянула руку помощи. Вскоре пришли и заказы из «Руссики», из мюнхенского «Нейманиса», из парижского Le Livre russe, из японского Nisso-Tosho. Оставалось только спешить с набором обещанных книг, с подготовкой макетов, с отправкой их в типографию.

Между тем в Лос-Анджелесе открылась конференция русских писателей в эмиграции. Профферы уехали на нее, «забыв» объяснить мне, куда они едут. Довлатов впоследствии забавно описал происходившее там в повести «Филиал». Имена участников спрятал за прозрачными псевдонимами: Владимир Максимов — Большаков, Андрей Синявский — Беляков, Виктор Некрасов — Панаев, Наум Коржавин — Ковригин. Только Эдуард Савенко был оставлен под своим собственным псевдонимом — Лимонов. Вот как в «Филиале» описана одна из дискуссий:

«Каждому участнику было предоставлено семь минут. Наступила очередь Ковригина. Свою речь он посвятил творчеству Эдуарда Лимонова. Семь минут Ковригин обвинял Лимонова в хулиганстве, порнографии и забвении русских гуманистических традиций. Наконец ему сказали:

— Время истекло.

— Я еще не закончил.

Тут вмешался аморальный Лимонов:

— В постели можете долго не кончать, Рувим Исаевич. А тут извольте следовать регламенту.

Все закричали:

— Не обижайте Ковригина! Он такой ранимый!

— Время истекло, — повторил модератор.

Ковригин не уходил.

Тогда Лимонов обратился к модератору:

— Мне тоже полагается время?

— Естественно. Семь минут.

— Могу я предоставить это время Рувиму Ковригину?

— Это ваше право.

И Ковригин еще семь минут проклинал Лимонова. Причем теперь уже за его счет».

А в письмо ко мне от 4 июня Довлатов вставил такую шаржевую зарисовку:

«На одном из банкетов в Калифорнии Бобышев сидел рядом с Алешковским. Тот изъяснялся в обычной красочной манере. Дима сказал:

— Ругаясь матом, вы оскверняете Богородицу.

Алешковский рассердился и закричал:

— Трах-та-ра-рах тебя вместе с богородицей!

На что Дима сдержанно ответил:

— Оскверняя же Богородицу, вы оскверняете Россию.

На что Алешковский еще громче заорал:

– Россию — тем более трах-та-ра-рах!

В такой академической обстановке проходила конференция».

К моему изумлению, Карл Проффер тоже решил по возвращении рассказать мне о конференции, приглашения на которую я не был удостоен. Он спустился из своего кабинета к нам, уселся рядом с моим столом и два часа в самой благодушной и дружелюбной манере описывал мне участников, пересказывал их речи и реплики, советовался о том, кого из них стоило бы привлечь к сотрудничеству с «Ардисом», перечислял тех, кто спрашивал обо мне и передавал привет. На вопросы «А почему Игорь не приехал?» он отвечал: «Видимо, не смог».

Я ничуть не сердился на это лицедейство, расспрашивал его с интересом, никак не показывал, что у меня тоже для него заготовлен сюрприз. Этот сюрприз я, уезжая домой, положил на стол в его кабинете: конверт, в котором лежал каталог «Эрмитажа» и письмо от нас с Мариной:

«5-16-81. Привет вам, Карл и Эллендея! Хотите верьте — хотите нет, но мы действительно, начиная эту затею с собственной фирмой, не предполагали, что жизнь так быстро станет подталкивать нас в сторону превращения в издательство. Но что было делать? Люди не хотели давать нам заказы, если мы не брали на себя и всю остальную работу по выпуску книги и дальнейшему ее распространению. Значит, пришлось разворачивать и печатание, и рекламно-торговую часть, и все остальное.

Мы очень надеемся, что вы нас не проклянете за это, не рассердитесь, не назовете “змеей, пригретой на груди”. Ведь никакой серьезной конкуренции мы вам не представляем. Все лучшие рукописи, как и прежде, будут поступать сначала к вам — и благодаря авторитету “Ардиса”, и благодаря тому, что вы можете финансировать их издание. Карл много раз выражал даже удовольствие, когда видел вещь, отвергнутую “Ардисом”, напечатанной в другом месте. Он даже высказывал убеждение, что почти все русские книги — убыточны. Я с этим не согласен, думаю, что небольшой доход с них можно получать (достаточный для наших запросов), но, конечно, он не сравним с тем, что приносят “Ардису” английские издания в твердых обложках.

Какой бы ни была ваша реакция (презрительной, возмущенной или снисходительно-одобрительной, как к неопытным щенкам), хотелось бы, чтобы она была выражена прямо, не растворена в тягостном затяжном молчании.

Какой бы ни была ваша реакция, мы никогда не забудем, что именно благодаря вам мы были избавлены от тягостной неопределенности даже в первые месяцы

эмигрантского пути, что это вы поддерживали нас и направляли наши первые шаги в Америке, что это у вас научились мы книгоизготовительному ремеслу.

Всего вам успешного, доброго и процветающего,

Игорь, Марина».

Мы погрузились в тревожное ожидание ответа. Марина была уверена, что меня уволят. Я говорил, что не решатся выбросить на улицу человека с семьей из пяти женщин (моя мать к тому времени уже присоединилась к нам). Ответ пришел на третий день. Он начинался фразой:

«Настоящим письмом Вы уведомляетесь, что с 1 июня 1981 года Вы освобождаетесь от обязанностей редактора в издательстве “Ардис”».

NB: Американцу, потерявшему работу, приходится без конца переписывать и рассылать в сотни мест свое краткое приукрашенное жизнеописание — резюме. Попробуй тут не влюбиться в себя и не озлобиться на всех неценящих.

Примечания

[1] Алексей Цветков. Сборник пьес для жизни соло. Ann Arbor: Ardis, 1978.

[2] Стивен Коэн. Бухарин и большевистская революция. Перевод с английского Нины Моховой. Royal Oak, Michigan: Strathcona, 1980.

[3] Лев Копелев. Утоли моя печали. Ann Arbor: Ardis, 1981.

[4] Carl Proffer. *Keys to Lolita.* Bloomington: Indiana University Press, 1968.

[5] Vladimir Nabokov. *Selected Letters, 1940-77* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1989), p. 391.

[6] Там же, с. 434.

[7] Carl Proffer. *Ada* as Wonderland: a Glossary of Allusions to Russian Literature. In *A Book of Things about V. Nabokov,* Ann Arbor: Ardis, 1974.

[8] Письма Набокова. Ук. соч., с. 461.

[9] Там же, с. 540.

[10] Там же, с. 560.

[11] Владислав Ходасевич. Избранная проза, (Нью-Йорк: Руссика, 1982, с. 185.

[12] Лев Лосев. Чудесный десант (Энн Арбор: Эрмитаж, 1984, с. 25.

[13] *The New York Times Book Review,* issue Jan. 6, 1985.

[14] Джон Глэд. Беседы в изгнании М. Книжная палата, 1991, с. 301.

[15] Иосиф Бродский. Большая книга интервью М.: Захаров, 2000, с. 590.

[16] *Russian Language Journal,* основан в 1947, три номера в год по 300 страниц.

[17] Газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 30 ноября 1980.

[18] М.: Симпозиум, 1999, том 3.

Эрбер МОРОТЕ

ХРАНИТЕЛЬ ЭРМИТАЖА

Пьеса

Аффективный интернационал

10 декабря 2010 года в Стокгольме прошло вручение Нобелевской премии по литературе, которой впервые был удостоен перуанский писатель,— им стал Марио Варгас Льоса. Границы становятся все прозрачнее, и вот перед нами плоды творчества еще одного перуанца — Эрбера Мороте, далекого от России латиноамериканского автора, написавшего о нас – или, вернее, о том, какими мы видимся ему оттуда, с бушующих берегов Тихого океана. Иностранным авторам непросто, должно быть, пересаживать цветы собственного сада на чужую почву: я хочу сказать, браться за работу над чужой реальностью. Непросто уже хотя бы потому, что она может в равной степени быть ими горячо любима или даже хорошо изучена, но все же оставаться малоизвестной, и если не чуждой им, то, без сомнения, чужой. В особенности это касается тех событий и периодов, которые стали важнейшими историческими вехами для народов, чью жизнь и реалии берется описать автор, — они хорошо, вплоть до мельчайших деталей, изучены на родине и составляют неотъемлемую часть исторической памяти общества, зачастую предвзятой и необъективной. В то же время именно такие моменты истории становятся и наиболее привлекательными для зарубежных авторов. Словно пламя мотылька, они манят автора.

Для народов России и всего Советского Союза таким важнейшим событием века минувшего стала Великая Отечественная война, а для ленинградцев и для всех, кто искренне любит этот город, — бесконечные годы блокады. Такие события становятся своеобразными точками отсчета, и если речь идет о «недавней истории», память о них живет не только в книгах, но и в повседневности: смотрит на нас с фотографий, сталкивается с нами на улице, стоит с нами в очереди в продуктовом магазине. Подобно отметкам о том, каких пределов достигла вода в годы наводнений, холодно и беспощадно смотрят на нас сегодняшних, ленивых обитателей фейсбука, памятные таблички: «Эта сторона улицы опасна во время бомбежек». Именно о них, о недавних годах блокады, решается рассказать нам перуанский писатель Эрбер Мороте в пьесе «Хранитель Эрмитажа», представленной на суд читателей «Невы».

Эрбер Мороте родился в небольшом курортном городке Пиментель (Перу) в 1935 году. По своему собственному утверждению, ему всегда хотелось изучать и описывать Историю. Он с юношеским рвением поступает в университет для изучения литературы, но вскоре строгая и не всегда справедливая жизнь вынуждает его отклониться от заданного курса к юношеской мечте. Реальность оказывается топким

болотом, и молодой Эрбер быстро понимает, что литературой он не сможет обеспечить себе и своей семье безбедное будущее. В Перу в то время книгой невозможно было заработать себе даже на хлеб насущный. Досадная параллель с современной Россией, не так ли... Он переучивается на экономиста и вскоре становится крупным менеджером фармацевтической компании, одно из представительств которой ему со временем предстоит возглавить. Однако мечта не перестала быть для успешного бизнесмена путеводной звездой, пусть и идти к этой звезде пришлось окольными путями, сквозь «тернии» большого бизнеса, «пер бизнес ад литература».

Только оставив «мирскую суету», то есть свой высокий пост в процветающей компании, в полные 55 лет Эрбер Мороте смог посвятить себя и все свое время возлюбленной музе. Заслуженный отдых будущий литератор отметил переездом в Мадрид — он сменил не только страну проживания, но и род своих занятий: больше к «дуинг мани» Эрбер Мороте не возвращался.

В одном из своих писем автору этого пролога Мороте признается, что с его страстью к литературе могла потягаться только его страсть к путешествиям. Действительно, мало мест и стран осталось на нашем голубом шарике, по которым не прошел бы степенной походкой перуанец. Но как нетрудно догадаться, одно из самых ярких впечатлений произвел на него Санкт-Петербург. Впрочем, об этом чуть позже.

Основными темами творчества Мороте долгое время оставались события, близкие автору, непосредственно затрагивавшие его собственную историю и историю его семьи, — события его родной страны, прошедшей через годы диктатуры. После серьезной подготовки на курсах для начинающих литераторов, где за три года учебы (а в данном контексте учеба синонимична творчеству) преподавателями Мороте успели побывать завсегдатаи полок испанских и даже латиноамериканских книжных магазинов: Хуан Майорга (автор уже знакомый читателям «Невы»), Хосе Санчис Синистерра (его пьесы ставили Театр на Литейном и Молодежный театр), Марко Антонио де ла Парра (современный классик чилийской литературы, воспитавший не одно поколение драматургов как у себя на родине, так и в Испании, где он работал атташе по культуре) и многие другие, немолодой уже мечтатель выпускает ряд любопытных текстов, наиболее знаковым среди которых оказывается эссе «Реквием по Перу, моей Родине». В то же самое время выходит его первая пьеса, а к середине 1990-х Мороте публикует роман «Удачи всем». Центральными персонажами работ автора становятся обычные люди, познающие окружающую реальность чувствами и через чувства же передающие ее ощущение читателю.

Мороте бесстрашно отправляется в исторические путешествия по родной стране, боль жителей которой ему понятна, коль скоро он сам ее некогда испытывал. Однако географическая узость мест действия творений автора вскоре перестает удовлетворять его амбиции. Так, похожие сюжеты Мороте начинает искать и в незнакомых — или, по крайней мере, малознакомых — реалиях, вдруг взявшись в качестве публициста за историю о Южной Африке. Нашему обретшему себя перуанцу кажутся тесными любые рамки: географические, жанровые, стилистические, даже идеологические. Он торопится, как сказал бы Тригорин, «пишет, как на перекладных» — слишком, слишком много времени было отдано «хлебу насущному».

В то же время Мороте последователен: его манят исторические путешествия. К середине первого десятилетия нового века появляется его пьеса о блокаде Ленинграда, в которой непосредственным местом действия становится святыня мирового, а не только российского искусства, колыбель советской интеллигенции, музей, чье имя звучит как заклинание — Эрмитаж. Но что общего может быть у перуанского беллетриста с гражданами Ленинграда, запертыми фашистскими захватчиками в неразмыкаемое кольцо? Почему Эрмитаж, блокада, Ленинград? Откуда бизнесмен из Латинской Америки может знать быт и реалии в Советском Союзе военного времени?

Наверное, ответы на эти вопросы следует искать в целеполагании автора. В пьесе «Хранитель Эрмитажа» Эрбер Мороте не стремится точно и скрупулезно описать исторические факты, не интересны ему и сухие даты событий и памятных моментов (оттого в тексте можно отыскать ряд серьезных несоответствий между исторической реальностью и ее художественным эквивалентом в интерпретации перуанца). Ну а по совести, способна ли историческая точность, ежели таковая вообще существует, уберечь от энтропии смысла? Литератору — шире: художнику — интересно нечто совсем другое, и это другое — есть эмоция, аффект, чувство, рождающие чудо из пучины отчаяния и страха. В таком понимании пьеса приобретает несколько иное прочтение: она перестает быть исторической в том смысле, в каком мы привыкли историю воспринимать, но становится архивом эмоций, фоном и побудительной силой которых стала война. Так, Эрбер Мороте получает право на свое творчество: эмоции, в его понимании, интернациональны, а чувства — вечны.

В текстах Мороте история находит отражение в чувствах «простых людей». Исторические баталии и их славные полководцы остаются лишь фоном для личной драмы. В этих переживаниях реальность передается читателю через чувства героев – людей, ставших свидетелями великих свершений. Реальность дается нам в ощущениях. Поэтому, несмотря на любовь автора к историческим событиям, мы не найдем в его пьесах точных дат и неоспоримых фактов. Анахронизм идет рука об руку с гипертрофированной влюбленностью автора в выбранную им тему. Это неподдельная зачарованность туриста, узревшего город на Неве во всем его трагическом великолепии, проникнувшегося его историей и культурой, полюбившего его. Вот почему читатель обнаружит в этой пьесе удивительный срез эмоций, сентиментальный бурлеск, в котором факт становится ничтожным, а чувство — главным историческим событием. Наш пылкий перуанец так искренне, так страстно любит литературу, что прочее меркнет перед этой юношеской влюбленностью. Он романтик, поэт. Чувство восторга переполняет его и уводит далеко от неоспоримости факта. Мороте, конечно, наивен, когда в эпизоде с сигарой Игорь говорит о том, что ее ему подарил иностранец, да и окопы у Адмиралтейства выглядят не совсем убедительными. Только песня совсем не о том...

Исторической правдой пьесы «Хранитель Эрмитажа», описывающей жизнь, кажется, совершенно выжившего из ума старика, становятся реальные невзгоды всех ленинградцев, прошедших сквозь страшные, ядовитые паучьи лапы блокады: голод, смерть, одиночество, потери... Однако на передний план выходят иные сюжеты: красота, искусство, любовь, вера в чудеса, дружба, доверие... Это ли не блокада? Это ли не ее реальность, пусть непривычная, ужасающая, но настоящая — человеческая. Трагедии, сравнимые по масштабам с блокадой Ленинграда, как лакмус, выявляют гуманизм человечества, его неодолимую жажду жить и радоваться жизни, его веру в лучшее, что есть в бесноватой человеческой природе. Даже в самых непригодных для жизни и самого существования условиях человек способен оставаться Человеком – созданием, реальность которому дана в чувствах.

Пожалуй, такой жизнеутверждающий вывод более всего соответствует чувственной душевности пьесы Эрбера Мороте. Да, немолодой, но по-юношески пылкий автор смотрит на мир сквозь розовые очки. Да, он путается в исторических фактах и помещает события, случившиеся в разное время, в один-единственный миг. Да, Мороте не скрупулезен в описании коллекции Эрмитажа, произвольно пополняя каталог картинами из собраний других музеев. Но все эти претензии меркнут, когда пьеса читается сердцем, а разум на время окунается в теплые туманы сочувствия и сострадания.

Евгений ШТОРН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Филиппович — *экскурсовод, уже немолодой человек, порою силы оставляют его. Несмотря на холод, он одет довольно легко.*

Игорь — *бывший смотритель, ему за пятьдесят, хотя на вид можно дать значительно больше, прихрамывает. На нем старая шинель, увешанная медалями, шарф и военная фуражка. Носит через плечо старое ружье со штыком.*

Соня — *жена Павла, ей 45 лет, высокого роста, бойкая, говорит проникновенным голосом. Видно, что в свое время любила хорошо одеться.*

1

В Эрмитаже. Огромное полутемное помещение. В одном конце сцены располагаются большие двустворчатые, заколоченные наглухо двери, в одной створке — маленькая дверца, закрытая на засов. Вдоль голых стен на одинаковой высоте расположены затворенные ставнями окна. К одному из них приставлена стремянка. В другом конце — две убогие лежанки, а вокруг них — грубо сколоченные ящики, которые служат столом и стульями. Керосиновые лампы. В остальном это просторная дворцовая зала. От маленькой буржуйки нет особого толка.

Игорь подметает комнату, грохот разрывающихся снарядов немецкой артиллерии слышится совсем близко. Кто-то неожиданно стучится в дверь. Игорь пугается, аккуратно берет завернутую в ткань картину, что стоит у стены, целует ее и прячет за своим лежаком. В дверь стучат все настойчивее.

Игорь. Дима, это ты? Сынок, это ты? *(Нет ответа. Грохот снарядов слышится все реже, а стук в дверь становится все сильнее.)* Иду, сынок, иду. Погоди, погоди, ключи куда-то подевались.

Соня *(снаружи)*. Игорь Игоревич, откройте же дверь. Открывайте скорее, я умру от холода.

Игорь *(кричит)*. Это не Дмитрий? Дима, сынок, это не ты? *(Ехидно.)* Видишь, видишь, у немцев уже не осталось сил на то, чтобы бомбить нас. Эти ссыкуны не выдержат советского холода, ха-ха. На-кася выкуси, ха-ха-ха. Нет, не выдержат...

Соня. Игорь Игоревич, оставьте эти глупости и немедленно откройте. Скорее, я замерзаю.

Игорь*(снимает засовы, ключ заедает, ему с трудом удается открыть)*. Погоди, погоди. А... это вы, Соня. *(Выглядывает наружу.)* А где Дмитрий? Вы не видели там моего сына?

Соня *(решительно)*. Вы и сами знаете, где он сейчас. (*Пауза.*) Я не припомню такой холодной зимы. Если вы мне скажете, что сейчас минус сорок, я не удивлюсь.

Игорь. Естественно, я знаю, где он. Как всегда, не смыкая глаз, в окопах Адмиралтейства. Дмитрий пошел в меня — сильный и храбрый. Эти медали — не просто укра...

Соня *(достает свертки из большой сумки, которую она принесла, спрятав под пальто)*. Игорь Игоревич, я принесла хлеб и вяленую рыбу, осталось еще несколько карточек, сахар уже не выдают. *(Пауза.)* Как там наш Павел Филиппович, сердце его больше не беспокоило? Где он?

Игорь *(разворачивает свертки)*. Где-то бродит. Он не заблудится. Значит, сахара больше нет, а я уже и забыл его вкус. Наверное, они отдают его нашим ребятам. И правильно. Мы, старики, умеем терпеть. *(Обращая внимание на тишину снаружи.)* Все, больше не атакуют.

Соня. Игорь Игоревич, а где именно бродит мой муж?

Игорь. А я-то откуда знаю? Я раньше ходил за ним, но теперь мне надоело. Где-где, а в этом музее он не заблудится. Даже в полной темноте. (*Пауза.*) По правде сказать, Соня, я с нетерпением ждал вас. Мне надо с вами серьезно поговорить.

Соня. Это связано с Павлом Филипповичем? Что с ним?

Игорь. Послушайте, дело в том, что я в последнее время все меньше и меньше понимаю вашего Павла Филипповича. Он сам готовил картины для эвакуации, а теперь продолжает водить экскурсии, как если бы они все еще висели в этих залах. Да... Вам известно, чем он сейчас занят? У меня даже язык не поворачивается. Лучше будет, если вы увидите это сами.

Соня. Я ничего не понимаю.

Игорь. Как давно вы здесь не были? Месяц?

Соня. Нет, не думаю, что так долго. *(Смотрит в продовольственную карточку.)* Если быть точной, то восемнадцать дней. Послушайте, товарищ... Игорь... я действительно не могла прийти раньше.

Игорь. Нет, у меня вам не зачем просить прощения, Соня. Дело в том, что вы должны увести отсюда Павла. Ваш муж не в себе.

Соня. Не в себе?

Игорь. Нет, не в себе, он сошел с ума. К тому же я как комиссар этого музея не могу взять на себя такую ответственность. У него в любой момент может случиться инфаркт, мне не нужен покойник посреди выставочного зала. Ему необходимы лечение и уход. У него с головой худо, да и сердце барахлит, а ему — все нипочем, он даже пальто не наденет, при таком-то морозе...

Соня *(снимает пальто)*. Мне кажется, вы просто преувеличиваете, здесь внутри совсем нехолодно. (*Пауза.*) Я бы забрала его с собой, только скажите: куда? В наш дом трижды попадали снаряды, от него уже даже следов не осталось. Приюты для стариков закрыты, больницы переполнены. Лекарства для сердечников нет и в помине. (*Пауза.*) Вы и сами знаете, что мы даже наших мертвецов похоронить не можем, они лежат на улице, заметенные снегом. Нет, Павлу здесь лучше, чем где-либо. В конце концов, он всегда больше любил проводить время в Эрмитаже, чем дома. Нет более надежного места в Ленинграде, чем этот музей.

Игорь. Вы являетесь членом Военного комиссариата и позволяете себе говорить столь безответственные вещи. Вы что, не доверяете Сталину?

Соня. Да как вВы смеете?! По-моему это вы не понимаете, что говорите!

Игорь. В таком случае, товарищ член Военного комиссариата, придержите свой язык, иначе у вас могут возникнуть проблемы. Фашистская Германия вскоре будет повержена.

Соня. У меня в этом нет ни малейшего сомнения, однако уверяю вас, что это произойдет не завтра. Вы окопались здесь и даже представить себе не можете, что происходит там, снаружи. В городе не осталось ни котов, ни собак. Да, мы не теряем присутствия духа. (*Пауза.*) Мы все, слышите, все должны быть заодно, вам досталось не самое сложное задание — позаботиться о моем муже.

Игорь. Ну уж нет, я комиссар музея, а не сиделка. (*Пауза.*) Я вам приказываю освободить музей от присутствия вашего супруга Павла Филипповича.

Соня. Как вы себе это представляете? Как я поведу его траншеями, окопами, пока мы не доберемся до ближайшего бомбоубежища? Знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы дойти досюда от Никольского собора? Два часа. Да, да, вы не ослышались, два часа, и это при том, что меня знают на каждой заставе.

Игорь. Я как уполномоченное лицо, как комиссар Государственного музея...

Соня. Прекратите, Игорь Игоревич, никакой вы не уполномоченный и не комиссар. На Эрмитаж не было сброшено ни одной бомбы только потому, что немцы рас-

считывают завладеть его сокровищами. Идите и приведите сюда моего мужа, он должен получить свой паек. Я хочу увидеться с ним. (*Пауза.*) Несчастный человек. (*Пауза.*) Поторопитесь, я должна вернуться в комитет до рассвета. Я повторяю: приведите его сюда.

Игорь. Да как вы позволяете себе, говорить таким тоном с пожилым человеком, Соня? Я никуда не пойду. Идите сами, если вам угодно. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь приказывал комиссару Государственного музея Эрмитаж.

Павел *(входит, грациозно беседуя с воображаемой группой туристов, Соня ошеломленно смотрит на него, Игорь складывает свертки в один из ящиков)*. Дорогие товарищи, я надеюсь, вам понравилось наше маленькое путешествие. Мне тоже жаль, что оно длилось какие-то два часа, но и их достаточно, чтобы составить себе представление о том, какими богатствами обладает наш Эрмитаж. Задумайтесь только, что если бы мы задержались у каждого экспоната более одной минуты, мы провели бы здесь двенадцать лет. Да, двенадцать лет. Возвращайтесь вновь. вы узнаете много нового, вы будете изумлены. Мы ждем вас. Не забудьте забрать свои вещи в гардеробе, хорошо застегивайтесь: на улице, должно быть, ужасный мороз. Доброй вам ночи. Еще раз спасибо за ваш визит. Нет, нет, экскурсоводам Эрмитажа не дают на чай, большое спасибо. Спокойной ночи, товарищи. *(Воцарилось гробовое молчание. Павел забеспокоился, заметив, что его жена стала свидетелем последней сцены.)* Что случилось, Сонечка? Почему у тебя такое выражение лица? (*Пауза.*) Что-то случилось? Они разбомбили наш поезд с коллекцией?

Соня. Нет, дорогой. С поездом все в порядке. Но нам пока не удается прорвать блокаду.

Павел. Главное, что искусство в безопасности! *(Подпрыгивает от радости, пытается пригласить на танец Соню и Игоря, но они упираются.)* Браво! Браво! Станцуем, Соня! Ну же, Соня! Давай, Игорь! Станцуем! Соня, ну что же ты, давай!

Соня. Прекрати, Павел, прекрати!

Павел. Я не могу понять, что же с тобой происходит? Я не узнаю тебя. Что тебя так тревожит?

Игорь. Ты ее тревожишь, Павел. Разве не понятно? Ты только что разговаривал сам с собою.

Павел. Я, сам с собою? Я разговаривал со своей женой, дурья твоя башка!

Игорь (*Соне*). С юродивыми не спорят. Уводите его, Соня, ему с каждым днем все хуже.

Павел. Кому с каждым днем все хуже? Расскажи лучше, зачем ты открываешь окно, пока меня нет? Разве это не запрещено? С кем ты там разговариваешь?

Игорь. Ну, все, Павел Филиппович! Это была последняя капля. Нашей тридцатилетней дружбе сегодня приходит конец.

Соня. Хватит, хватит, прекратите оба. Любимый, я принесла тебе твой паек. Твои карточки останутся у меня. Говорят, что сахара теперь долго не будет. Я принесла вам бутылку водки, тебе и твоему другу Игорю Игоревичу. Если хочешь, открывай ее прямо сейчас. Только прошу тебя, родной, ответь, с кем это ты сейчас разговаривал?

Павел. То есть как это с кем? Ты разве не знаешь, что я здесь работаю экскурсоводом?

Соня. Да, но здесь никого нет.

Павел. Вот именно, все уже ушли. (*Пауза*). Дорогая Соня, все, кто в состоянии взять в руки ружье, ушли на фронт, так что я, будучи больным и старым, остался единственным экскурсоводом. Из смотрителей остался только Игорь, потому что он хромоножка. Однако он утверждает, что он комиссар музея, ха-ха-ха, комиссар. Он только и делает, что следит за мной со своим нестреляющим арбалетом.

Игорь *(целится в него)*. Значит, мое ружье не стреляет?

Павел. Ах... убери его, шут гороховый. Соня, милая, раз никого, кроме меня, не осталось, я должен вести все экскурсии. Все.

Соня. Но для кого ты их водишь? И что ты показываешь?

Павел. Как обычно. Сначала я виду их в археологические залы, затем в залы живописи, немного Веласкеса, что-нибудь из Рембрандта, Ренуар, Пикассо. Хотя что я тебе рассказываю, ты и сама все знаешь. Кстати, ты не видела выставку Репина? Нет, думаю, что ты еще ее не видела. Если хочешь, я тебя провожу, и ты тоже сможешь насладиться ею. Мы привезли полотна из Русского музея и из Третьяковской галереи. Скоро мы отмечаем столетие Репина. Хочешь, я покажу тебе выставку?

Соня. Ты действительно видишь эти картины, любимый? Ты их видишь?

Павел. В последнее время зрение стало подводить меня, но я еще не ослеп. Если хочешь, ты можешь убедиться. *(Не глядя, указывает рукой.)* Там, прямо над нашими лежанками, висит фотография Сталина, видишь?

Соня. Павел, там ничего нет.

Павел *(смотрит на стену)*. Что-о-о? Ты права, там ничего нет. Нет! Игорь, куда делась фотография?

Игорь. Понятия не имею. Я тоже только что заметил. Может, солдаты упаковали ее, приняв за ценный экспонат?

Павел. Это невозможно. Количество ящиков строго соответствовало количеству экспонатов. Все строго посчитано. В конце оставались только два ящика: один для архангела Гавриила, икона неизвестного автора двенадцатого века, более известная как «Ангел с золотыми волосами», другой предназначался для «Чуда святого Георгия», новгородской иконы, датируется примерно 1475 годом. Эти иконы — ценнейшие образцы древнерусской живописи.

Соня. Любимый, я восхищаюсь твоей памятью. Но если они такие ценные, почему их упаковывали последними?

Павел. Девочка моя, человеческая природа непостижима. Загадочна. Это был приказ полковника, руководившего эвакуацией. Возможно, он думал, что чудотворные иконы защитят нас от немцев. Что скажешь, жалкий ты комиссаришка?

Игорь. Как все юродивые, порою ты глаголешь истину, а вот оскорбления здесь неуместны.

Соня. Признайте, дорогой Игорь Игоревич, что мой муж сегодня в ударе, не так ли, милый?

Игорь. Вы такая же сумасшедшая, как и ваш Павел. Хуже всякого слепого, кто не хочет видеть.

Павел. Я вижу то, что вижу, уважаемый сторожевой пес. (*Пауза.*) И, соответственно, не вижу того, чего не вижу. (*Пауза.*) А также я вижу то, чего не вижу. (*Пауза.*) А чтобы ты окончательно не запутался, одноклеточный, я приведу пример: я вижу, что на стене нет фотографии Сталина.

Соня. Милый, прошу тебя, не продолжай. (*Игорю.*) Она была ценной?

Игорь. Она не была каталогизирована, если вы об этом. Большая такая фотография, какие висят в любом официальном учреждении. Это ошибка солдат, это они упаковали Сталина. Опустел наш музей без Всевеликого Вождя.

Соня. Игорь Игоревич, вам придется признать, что мой муж не так плох, как вы. Вы уже не замечаете, как у вас из-под носа уносят вещи. Так что мне придется оставить Павла Филипповича с вами.

Игорь. Разве вы не видели своими собственными глазами, что он разговаривает с воображаемыми посетителями? Соня, он водит экскурсии для привидений.

Павел. О, темный страж, ты мелешь чепуху. Я, убежденный атеист, буду верить в привидения? Боюсь, что это по твоей части, я видел, как ты перекрещивался, и не один раз.

Игорь. Соня, он на меня клевещет, я так больше не могу. Не хватало еще, чтобы он обвинял меня в религиозности. Меня, убежденного коммуниста, атеиста и материалиста. Уводите его, иначе мне придется арестовать этого человека за оскорбление должностного лица.

Соня. Что вы, право, как дети малые? Дорогой, налей нам немного водки, выпьем за Ленинград.

Павел. Прекрасно, выпьем за Ленинград и за тебя, любимая. А еще за Игоря, простим друг другу все обиды. Я никогда не хотел обидеть тебя, прости. (*Протягивает Игорю руку*.)

Игорь (*сдержанно.*) Я прощаю тебя, но учти, что это в последний раз.

Соня. За дружбу!

Игорь и Павел. Ура!

Игорь. Ах, какая вкусная водка! М-м-м, я так давно ее не пробовал. Сонечка, вы такая умная, у вас высокая должность в комитете, скажите, должен ли человек беспокоиться о грядущем, или ему лучше смириться с судьбой?

Павел. Водка даже ослов делает философами.

Игорь (*Соне*). Вы думаете, надо дожидаться того предела, за которым начинается агония, для того...

Соня (*перебивает его*). Вы опять хотите вернуться к этому разговору? Я думала, что инцидент исчерпан.

Игорь. Значит, вы ошибались. Я, уполномочен...

Павел. Заткни фонтан, уполномоченный, и пей!

Игорь. Уже не как должностное лицо, а как старый товарищ я должен сказать тебе, Павел Филиппович, что ты окончательно рехнулся. Потому что все мы порою разговариваем сами с собой, но водить экскурсии в зале, где нет картин, это уже серьезно...

Павел. Да, я идиот, я придурок...

Игорь (*перебивает его*). Нет, Павел, сначала позволь мне закончить.

Соня. Паша, позволь ему закончить. Игорь — твой ближайший товарищ.

Павел. Хорошо. Договаривай, что начал.

Игорь. Я сказал, что нет ничего такого, в том, что ты разговариваешь сам с собой. То, что ты описываешь картины, которых нет, уже более подозрительно, но меня настораживает... капни мне еще чуточку, спасибо... меня настораживает то, что ты делаешь это для посетителей-призраков.

Павел. Призраков?

Игорь. Музей уже давно закрыт.

Павел. Ну и что?

Игорь. Вся коллекция эвакуирована, ничего не осталось. Наш паровоз обвел вокруг пальца саму блокаду, и вывез-таки последние картины, они, наверно, уже на Урале или еще где-нибудь. Здесь больше ничего нет.

Павел. Ничего?

Игорь. Ничего.

Соня. Родной мой, это правда, ничего.

(*Молчание.*)

Павел. Значит, ничего? Теперь посмотрим, нас с вами здесь трое, так?

Соня и Игорь. Так.

Павел. Отлично, неплохо для начала. Думаю, вы не станете отрицать, что мы находимся сейчас в Эрмитаже, не так ли?

Соня. Я этого не отрицаю, Паша. Мы в Эрмитаже.

Игорь. Возражений не имею. Плесни мне еще чуток.

Павел *(отдает ему бутылку)*. Пей, сколько влезет, мудрый защитник искусства. Отлично, с той стороны Нева, верно?

Игорь и Соня. Верно, верно.

Павел. Что ж неплохо, совсем неплохо. То есть, несмотря на то, что мы сейчас не видим Неву, мы можем описать эту величественную реку, мы знаем, что она застыла, что мы можем ступать по льду и не бояться утонуть. Мы даже можем почувствовать ее течение, под толстым слоем льда.

Соня. Ты прав, родной, только я не понимаю, к чему ты клонишь.

Павел. К тому... (*Хватается за грудь, как при сердечном приступе.*)

Соня. С тобой все в порядке?

Павел. Все великолепно. Я хочу, чтобы ты поняла, что мы всегда, всегда можем увидеть то или тех, кто нам дорог, кого мы любим.

Игорь. Даже когда их нет?

Павел. Разве имеет значение, рядом ли те, кого мы любим, или нет, чтобы увидеть и почувствовать их? Закрой глаза и ответь мне: ты видишь, ты чувствуешь Неву?

Игорь. Ты путаешь нас, потому что думаешь, что мы уже готовенькие. Так я скажу, что ты ошибаешься, я мог бы выпить пять бутылок водки, и все равно тебе меня не обмануть. (*Пауза*). Нет, Павел, нет, нет и нет. Одно дело — Нева, а другое — картины, но хуже всего то, что ты разговариваешь с воображаемыми посетителями.

Павел. Чертов ты цербер, отвечай: с кем ты разговаривал сегодня через окошко? Соня, мы уже не один месяц живем порознь, однако я не ложусь в постель, не рассказав тебе все, что случилось за день, разве ты не делаешь того же самого?

Соня. Еще бы, я слышу твой голос, твои наставления. Только это не одно и то же. Я видела, как ты вел экскурсию для несуществующих посетителей, и мне показа... (*Павлу становится плохо с сердцем, он хватается обеими руками за грудь, падает на колени.*) Паша! Родной! Игорь, помогите мне! Надо отнести его на постель. (*С большим трудом, им это удается.*) Нет, так не пойдет, надо подложить что-нибудь под голову. Вот так-то лучше. (*Расстегивает ему верхнюю пуговицу рубашки.*)

Павел (*едва слышно.*) Не беспокойся, родная, сейчас все пройдет. Мы еще повоюем.

Игорь. Вот видите, Соня. Я предупреждал вас, Павел очень болен.

Павел (*приходя в себя.*) Гляди, как бы мне не пришлось хоронить тебя раньше, жалкий сторож.

Игорь (*весело.*) Ничего удивительного. Что-то ты слишком быстро оправился, мошенник.

Павел. Уф...-ф-ф похоже. отпустило. Да, мне уже стало лучше. Ложная тревога. Не беспокойся, Соня, это как вспышка: неожиданно и мимолетно. Ты случайно не принесла сигарет?

Соня. Тебе вреден табак. Павел, ты же знаешь, что врачи запретили тебе курить.

Павел. Я уже много месяцев не курил. Ты можешь где-нибудь достать махорки?

Игорь. Тебе курить вредно. (*Соне.*) Тогда я буду курить за него, на моей ноге это никак не скажется.

Соня. Вам обоим придется подождать. В Ленинграде больше не осталось ни грамма табака.

Павел. А вот это действительно — трагедия.

Игорь. Да, страшная, страшная трагедия.

Павел. Не повторяй за мной всякую чепуху, Игорь. (*Соне.*) Я должен закончить то, что хотел сказать вам. На чем мы остановились? Ах... да, ты сказала, Сонечка, что я разговариваю с приви...

Соня. Не важно, родной мой, оставь это.

Павел. Нет, важно, Соня. Это очень важно.

Соня. Тебе нужно отдохнуть, вот что сейчас важно. У нас еще будет возможность наговориться вдоволь.

Павел. Соня, у меня осталось очень мало времени, слишком мало.

Игорь. Секундочку, не ты ли собирался меня хоронить?

Павел. Соня, мы должны закончить этот разговор. Для меня это действительно важно. Если ты не видишь того, что вижу я, значит, я сумасшедший и был таким всю мою жизнь. А это грустно, Сонечка, очень грустно.

Игорь. Наш мудрец, оказывается, круглый дурак! (*Соне.*) Я никогда его таким не видел. Можно мне еще капельку?

Павел. Да выпей хоть все, цербер, к черту всю эту экономию. (*Соне.*) Соня, позволь мне высказаться. (*Пьет прямо из горла.*) Я хочу, чтобы ты поняла: я не сумасшедший. Я вижу эти картины, понимаешь, вижу. И посетителей тоже. И я действительно разговариваю с ними, отвечаю на их вопросы. Я вожу экскурсии по-настоящему, Соня. Ты веришь мне, Сонечка? Веришь?

Соня. Верю. Я всегда тебе верила.

Павел. Нет, Соня. Ты говоришь так, потому что хочешь доставить удовольствие своему престарелому чокнутому мужу. Ты мне не веришь. Если бы ты призналась в этом, я бы даже обрадовался, ведь тогда я смог бы…

Игорь (*вмешиваясь*). Если правда доставляет тебе такое удовольствие, можешь рассчитывать на меня. Я тебе не верю — нет здесь ни картин, ни посетителей. Ну, ты обрадовался? А теперь, уважаемый, передай-ка мне бутылочку, а то ты всю приговоришь.

Павел. Забери ее совсем, Игорь. Тебя я не собираюсь ни в чем убеждать. Тебе луна светит ночью, а солнце днем. Вот оно истинное сумасшествие. (*Соне.*) Сколько лет мы вместе, девочка моя? Двадцать?

Соня. Двадцать — это в браке, а вместе — двадцать три.

Павел. Тогда это самый серьезный наш с тобой разговор за все двадцать три года.

Соня. Ты пьян.

Игорь. Я бы не сказал, он и трезвый так рассуждает.

Павел. Соня, пойми, это очень серьезно. Я вижу эти картины и вижу этих посетителей.

Соня. Хорошо, ты видишь эти картины и этих посетителей. А теперь постарайся отдохнуть. Мы все очень устали. Завтра мы продолжим этот разговор.

Игорь. Товарищи, вы совершенно правы. Нам надо отдохнуть.

Павел (*Соне*). Ты полагаешь, я могу отдыхать, когда моя жена безосновательно заявляет мне, что я сумасшедший? (*Указывает на Игоря.*) Мнение этого шута только делает мне честь, представь себе, что он считал бы меня таким же нормальным, как он, тогда я действительно был бы окончательно уничтожен. Но тебя, милая, родная моя девочка, я должен убедить в том, что это не так. (*Пауза.*) Вот что мы сейчас сделаем. (*С превеликим трудом поднимается с кровати.*) Мы пойдем смотреть картины.

Игорь. Павел Филиппович, я запрещаю тебе вставать с постели.

Соня. Игорь прав. Павел, послушай дружеского совета, постарайся отдохнуть.

Павел. Впереди меня ждет бесконечный отдых. Пойдем, Соня, я покажу тебе картины. Начнем с икон?

Соня. Но разве не ты говорил, что все иконы эвакуированы?

Павел. Милая, ну какое это имеет значение? Я покажу тебе их, они великолепны.

Игорь (*сам с собою*). Он окончательно свихнулся. Господи, чем все это закончится?

Соня. Ты уверен в своих силах?

Павел. Еще бы.

Соня. Тебе не тяжело ходить?

Павел. Я мог бы до Урала дойти пешком! Или даже дальше!

Игорь (*сам с собою*). Он сейчас прямо тут окочурится.

Соня. Ты действительно хочешь показать мне картины?

Игорь (*сам с собою*). Господи, и эта тоже помешалась. Я пропал!

Павел. Чего ты там ворчишь, глубокоуважаемый уполномоченный? Не угодно ли тебе посетить вместе с нами Государственный Эрмитаж?

Соня (*оживляясь*). А что, Игорь Игоревич, у нас будет свой персональный экскурсовод. Вот это удача!

Игорь. Товарищ член Военного комиссариата, очевидно, у вас помутился рассудок. Вы забыли, что коллекция музея эвакуирована?

Соня. Ну же, Игорь Игоревич, пойдемте с нами. Вы лучший друг моего Паши, я не позволю вам пропустить такое.

Павел. Трус, не бойся реальности. Пойдем с нами.

Игорь. Какой реальности? Это фантазия, сумасшествие, бред.

Павел. Реальность, фантазия, сумасшествие, бред — это слова-синонимы. Экскурсия будет недолгой, дабы не утомлять твою хромую ногу. Недолгой, но достойной! Что ты хочешь увидеть? (*Соне.*) Он весьма недурно разбирается в живописи. Диффузия знания, ха-ха-ха.

Игорь. А вот и не смейся. Кое-что мы тоже понимаем.

Соня. Тогда, тем более. Нас ждут жемчужины коллекции Эрмитажа.

Игорь. Какой коллекции? Там ничего нет.

Павел. Сделай это ради меня.

Соня. Пойдемте, Игорь Игоревич.

Игорь (*берет один светильник и гасит остальные*). Хорошо, я пойду с вами, раз такое дело, но только не думайте, что я поверил в ваши бредни. Я иду ради дружбы. А главное, я ответственен за порядок в здании и за безопасность его содержимого.

Все выходят.

Павел. Я что-то не расслышал, ты сказал, что отвечаешь за содержимое музея?

Игорь. Не начинай, Филипыч... не начинай...

ЗАТЕМНЕНИЕ

2

Все трое входят в огромный зал. Полумрак, Игорь несет керосиновую лампу.

Павел. Обычно экскурсии начинаются в археологических залах...

Соня (*с нетерпением.*) Ты сказал, что мы начнем с живописи.

Павел. Воля ваша, начнем с живописи, к черту археологию. Я предложил археологию, потому что многие посетители очень любят посещать именно эти залы. Археологическая коллекция музея насчитывает свыше семисот тысяч экспонатов.

Игорь (*с ухмылкой.*) Надеюсь, ты собирался показать нам все семьсот тысяч? Послушай, дорогой Павел, всему есть предел, и...

Павел. Игорь, не говори чепухи. Как ваш персональный экскурсовод, я хотел обрисовать вам весь круг ваших возможностей.

Игорь. Весь круг? (*Размышляет.*) Что ж, меня особенно интересует нумизматика.

Павел. Наш музей обладает более чем одним миллионом монет и медалей. Ты собираешься посмотреть весь миллион?

Игорь. Нет. (*Размышляет.*) Но я бы посмотрел те, что относятся к эпохе Ивана Грозного.

Соня. Игорь, вы шутите? Монеты и медали — это самое скучное, что можно найти в музее.

Игорь. Уважаемая Соня, наш персональный экскурсовод Павел Филиппович сказал, что мы вольны выбирать залы в соответствии с нашими интересами. Так вот, мне интересны монеты и медали.

Павел. А я назло тебе не стану их показывать, Игорь.

Игорь. Ты подлый обманщик.

Павел. Нет, подлый обманщик — это ты. Разве ты не знаешь, что все монеты, медали и другие воинские награды были эвакуированы на Урал?

Игорь. Что-о-о?

Павел. А чему ты так удивляешься, дубина стоеросовая? Это, видимо, ты сошел с ума, если тебя вдруг заинтересовали монеты.

Игорь. У меня даже в глазах потемнело. То есть теперь сумасшедший — это я?

Павел. Естественно, ты хочешь увидеть эвакуированные экспонаты. Не ты ли помогал нам упаковывать их и грузить в машины?

Игорь (*сильно нервничает*). Ты доведешь меня до греха. Это невыносимо.

Соня. Игорь Игоревич, миленький, ну, что вы? Он же шутит.

Павел. Нет, я совершенно серьезно. В музее не осталось ни монет, ни медалей.

Соня. Я знаю, но в таком случае, здесь не осталось и картин, однако ты ведешь нас посмотреть их.

Игорь. Спасибо, Сонечка. Я уж было подумал, что вы тоже... того... в общем, вы меня понимаете.

Павел. Картины — это совсем другое дело. Картины... эти картины, они... но зачем объяснять все по-новому. Пойдемте же к ним, и вы во всем убедитесь сами. Мы начнем с икон. (*Игорь ужасается.*) А чтобы наш хромоножка не выбился из сил, мы остановимся только у одной из них, а именно у иконы Архангела Гавриила, более известной как «Ангел с золотыми волосами».

Игорь. А иконы, между прочим, тоже не живопись.

Павел. Иконы — это живопись, неуч.

Игорь. Это больше, чем живопись, — все это знают.

Павел. А теперь пройдем к Архангелу Гавриилу.

Игорь (*сильно нервничает*). Нет, только не к Архангелу Гавриилу, только ни к нему. Я заклинаю.

Соня (*с раздражением*). Все, прекратите! Хватит! Вы меня замучили, оба. Если вы и дальше собираетесь переругиваться, я никуда не пойду. вам не по пять лет. (*Пауза.*) Паша, покажи нам то, что считаешь нужным, только поскорее. Не забывай, что я до рассвета должна вернуться в комитет. А вы, товарищ комиссар, следуйте за нами и постарайтесь никого не перебивать.

Игорь. Знаете, я тоже попрошу вас подбирать выражения в разговоре с уполно...

Соня. Да, прекратите же! Я больше не выдержу. Еще раз вы откроете свой рот и я...

Павел. Соня... Сонечка... ну, разве можно разговаривать так с Игорем. Он грубиян, но внутри его бьется золотое сердце. Пусть говорит все, что захочет.

Соня. Я и тебя тоже не понимаю, Павел. Теперь ты будешь заступаться за этого... этого...

Павел. За этого невежду? Да, Соня, это мой долг. Друзья как вид находятся на грани уничтожения — они теперь на вес золота, поэтому их надо беречь... и терпеть. Да, терпеть.

Игорь. Спасибо, Филиппыч.

Павел. Не за что, Игорь, не за что.

Соня. Хорошо, я больше не вмешиваюсь, только давайте вернемся к нашим баранам. Если вы опять начнете пререкаться, я повернусь и уйду.

Павел. Решено, никаких больше пререканий, Игорь.

Игорь. Никаких пререканий, Павел.

Павел. Вот и славненько. Тогда мы, не останавливаясь у икон, пройдем сразу к моим самым любимым художникам.

Игорь и Соня. Наконец-то.

Павел. Начнем с испанца Веласкеса. Пойдемте сюда, следуйте за мной. А чтобы вам не было скучно, я расскажу вам немного об Эрмитаже. (*Павел со всей грациозностью царедворца ведет своих посетителей по залам музея, рассказывая о его истории. Игорь и Соня отстают от него на несколько шагов.*) Сейчас мы с вами находимся в залах императорского Зимнего дворца. Проект здания принадлежит итальянскому архитектору Бартоломео Растрелли, строительство было окончено в... (*Павел продолжает вести экскурсию, однако слова его уходят на второй план. Он не реагирует на разговор Игоря и Сони.*)

Игорь (*Соне, шепотом*). Вы думаете, мы увидим эти картины?

Соня. Ой, не знаю, не знаю.

Игорь. То есть как это, не знаю? Вы что считаете, что здесь остались картины?

Соня. Нет, я понимаю...

Игорь. Ну?..

Соня. Я хочу посмотреть, как поведет себя Павел.

Игорь. А-а-а... ясно. Вы хотите убедиться в том, что он сумасшедший.

Соня. Нет, я почти уверена, что это не сумасшествие. Его слова не лишены логики.

Игорь. Да, но как вы собираетесь увидеть то, чего нет?

Соня. Говорите тише.

Игорь. Это невероятно. Я думаю, что у вас разум тоже помутился.

Соня. Это не исключено, но даже если это и так, оно лишь приблизит меня к моему Павлу.

Павел (*не изменяя своей грациозности*). Дорогие гости, мы с вами в первом из залов, которые нам предстоит сегодня посетить. Как вы можете видеть, здесь представлена в основном испанская живопись, и в большей степени полотна Диего Веласкеса. Веласкес родился в 1599 и умер в 1660 году. Он по праву считается великим портретистом. Его кисти принадлежат портреты римских пап, королей и других вельмож. Также он писал нищих, пьяниц и уродов. Во всех его работах отчетливо читается мысль о том, что вне зависимости от внешнего облика человека внутри его скрывается существо способное любить или ненавидеть, сомневаться, ранить или смеяться над самим собой. Ему удалось запечатлеть человека со всеми его достоинствами и недостатками, человека как такового. Перед вами одна из вершин его творчества... (*Откашливается.*) Хм, хм... Музею Эрмитаж выпала великая честь иметь в своей коллекции портрет графа-герцога де Оливареса. Портрет написан около 1630 года, когда Оливарес был воплощением власти в Испании, а Испания — воплощением власти в мире. Обратите внимание на суровость графа-герцога... (*Павел продолжает рассказывать о портрете, как если бы он действительно висел на стене, не обращая внимание на своих посетителей. Соня внимательно слушает его рассказ, Игорь отрицательно качает головой, слова Павла уходят на второй план.*)

Игорь (*Соне, шепотом*). Я ничего не вижу, а вы?

Соня. Дайте мне послушать его.

Игорь. Ну, теперь-то вы убедились, что он помешанный?

Соня (*смотрит на стену, на которую указывает Павел*). Хм, хм.

Игорь. Соня, он сумасшедший. Я ничего не вижу. И вы тоже. Правда ведь, что вы ничего не видите? Правда? Правда?

Соня (*не сводя глаз со стены*). Товарищ, не будьте таким навязчивым.

Игорь. А вы все-таки ответьте. Вы что-нибудь видите? Видите или нет, Соня?

Соня. Игорь, вы невыносимы.

Павел (*продолжает свой рассказ*). Однако бросается в глаза то, что Веласкес изображает этого богатого и невероятно влиятельного человека в строгом черном наряде без кружев и драгоценностей. Возможно, на то были причины государственного масштаба. Тем не менее неброские темные тона одеяния гармонично сливаются с черной бородой и такого же цвета волосами, но это только подчеркивает черты лица. (*Продолжает говорить, но его не слышно.*)

Игорь. Соня, Соня, ну, ответьте, на что вы смотрите? На что вы смотрите?

Павел (*продолжает свой рассказ*). Сначала может даже показаться, что перед нами радушный, чувствительный, даже нежный человек. Так мог бы быть изображен добрый отец семейства. (*Продолжает говорить, но его не слышно. Соня вздрагивает, ей показалось, что на стене мелькнуло изображение портрета, он действительно появляется там.*)

Игорь. Вы что-нибудь заметили, Соня? Нет, ну, это уже невежливо — так игнорировать человека.

Соня не отводит взгляда от стены, жестом показывает Игорю, чтобы он оставил ее в покое.

Павел (*продолжает свой рассказ*). Однако если вы всмотритесь внимательнее, вы увидите, что за его улыбкой и нежным выражением лица притаился сосредоточенный взгляд строгого, даже жестокого и скрытного человека. Я бы с таким в разведку не пошел. Взгляд умного, проницательного, но все же коварного и опасного до извращенности политика. Воистину, маэстро Веласкес не дал себя обмануть вежливым обхождением и открыл нам истинную сущность графа де Оливареса. (*Пауза.*) Загляните в его глаза, и вы поймете, что... (*Продолжает говорить, но его не слышно.*)

Соня опять вздрагивает, она отчетливо увидела глаза графа Оливареса, на этот раз изображение на стене задержалось дольше, чем ранее.

Игорь. Соня, Соня, что с вами?

Павел (*заканчивая свой рассказ и обращаясь непосредственно к посетителям*). Да, мои дорогие, это одна из самых великих творческих побед маэстро Веласкеса. Он совершенен. (*Пауза.*) Вы согласны?

Игорь. Я ничего не видел.

Павел. Так уж и ничего?

Игорь. Ничего.

Павел. У тебя начались проблемы со зрением, товарищ комиссар. Это возраст. Но ты не переживай, как только наши войска прорвут блокаду, мы первым делом закажем тебе добротные очки.

Игорь. Со зрением у меня все в порядке. На этой стене ничего нет.

Павел. Не переживай раньше времени, Игорь, скоро у тебя будут очки, и ты все увидишь в другом свете. (*Пауза.*) А ты, Сонечка, что скажешь об этой картине?

Соня. Мне особенно запомнились твои слова о взгляде этого аристократа. Действительно, есть в нем что-то извращенное.

Игорь. Соня, но только не говорите, что вы виде...

Павел. Игорь, тебе определенно нужны очки.

Игорь. К черту твои очки! Это вам необходимо немного здравомыслия.

Павел. Твою слепоту легко исправить парой хороших очков... а известно ли тебе, о верный страж, что один великий художник продолжал писать свои удивительные полотна, даже когда совсем ослеп?

Игорь. Да, я уже слышал эту историю, только никогда в нее не верил. Я всю свою жизнь сторожу эти залы и уже довольно наслушался всяких бредовых историй. Я не верю, что слепой может рисовать.

Соня. Я тоже.

Игорь. Наконец-то, Соня.

Павел. Его звали Моне. Мне даже кажется, что свои лучшие работы он написал, уже будучи слепым.

Соня. Но ведь это невозможно.

Игорь. Видимо, он держит нас за круглых дураков.

Павел. Я клянусь вам, об этом есть во всех книгах. Если Бетховену удалось написать Девятую симфонию, будучи совершенно глухим, почему же слепому Моне вами отказано в живописи?

Игорь. Потому что этого не может быть никогда.

Павел. Тогда пойдемте, я покажу вам его работы.

Соня. Это будет просто замечательно.

Игорь. Ты и дальше собираешься водить нас по пустым залам и показывать голые стены? К тому же я прекрасно помню картины этого Моне.

Павел (*Соне.*) Я же говорил. Он великий знаток искусства. (*Игорю.*) Сделай над собой усилие, дружище, мы идем к Моне, его творчество имеет для нас особое значение. Лучшие его работы относятся к периоду Первой мировой войны, когда французские солдаты гибли на поле брани против Германии.

Соня. Расскажи мне, родной.

Вдали снова слышится грохот разрывающихся снарядов, он продолжится до конца сцены.

Павел. Моне, будучи уже в летах, не выходил из своей мастерской, он создал множество полотен, он хотел подарить их французским солдатам, когда те вернутся победителями. Так он сражался за родину. (*Пауза.*) Все полотна этого периода поистине великолепны. Это ослепительная симфония цветов, исполненная лилиями, ирисами, роем миролюбивых пчел, плакучими ивами, склонившимися над прудом. Это великий гимн миру. (*Пауза.*) Его старания нашли отклик в сердцах многих соотечественников среди боли и страданий войны — люди пристально следили за творчеством мастера. Даже глава французского правительства Клемансо, рискуя своею безопасностью, посетил его. (*Пока Павел Филиппович рассказывал, на стенах возникали и гасли картины Моне, Соня смотрела на них зачарованно, а Игорь не верил своим глазам и потому потирал их непрестанно.*) Итак, вы готовы к встрече с Моне?

Игорь (*все еще в растерянности*). Нет, нет, к тому же я... я...

Павел. Ты утомился? Мы можем сходить к нему в другой раз.

Игорь. Да, лучше в другой раз.

Павел. Ты прав, не знаю, почему я вспомнил о Моне, до него далеко идти, а твоя нога...

Игорь. Не беспокойся о моей ноге. Я тоже мог бы дойти пешком до Урала.

Соня. Пашенька, какую замечательную историю ты рассказал. О подвиге Моне должны узнать бойцы Красной армии. Это поможет им в борьбе. А эти чудесные краски, они такие, такие оптимистичные, они полны надежды, жизни.

Игорь. Только не говорите, что вы увидели картины Моне. К вашему сведению, они на третьем этаже.

Павел. Твоя правда, Моне находится этажом выше. Думаю, сейчас мы можем посетить другого художника. В следующем зале нас ожидает Рембрандт.

Соня. Хорошо, пойдемте к Рембрандту, но мне очень хочется увидеть сегодня Моне.

Игорь. А нам обязательно к Рембрандту? Я шесть лет охранял его.

Павел. Игорь, ну, разве можно устать от Рембрандта?

Соня. Тогда пойдемте скорее.

Павел идет впереди. Остальные следуют за ним.

Игорь (*Соне*). Вы действительно видели сейчас картины Моне?

Соня. А Вы?

Игорь. Надо признаться, что ваш супруг меня окончательно запутал. Я сам не знаю.

Соня. Чего вы не знаете? (*Павлу, который внезапно останавливается и хватается за грудь.*) Паша, Пашенька, родной, что с тобой?

Павел. Сейчас, сейчас. Уф-ф-ф, сейчас все пройдет. (*Пауза.*) Секундочку... (*Игорь подставляет ему ящик, чтобы он присел.*)

Соня. Я думаю, на сегодня хватит. Ты был прав, ты не сошел с ума, картины по-прежнему здесь.

Павел. Уф-ф-ф. Сонечка, все уже прошло. Чуть прихватило, и будет. (*Делает глубокий выдох.*) Да, действительно, мне уже легче, мне уже легче.

Игорь. Но, на сегодня довольно, Павел.

Павел. Нет, нет.

Игорь. Послушай доброго совета. Соня права, ты убедил нас. Я тоже видел картину Веласкеса.

Павел. Игорь, глупцы не способны к обману.

Игорь. Клянусь, я ее видел. И картины Моне я тоже видел, Соня, ну, скажите ему.

Павел. Дубина, Моне этажом выше.

Игорь. Ну и что, а я их видел здесь. Наверное, кто-нибудь их перевесил.

Павел (*встает*). Игорь, вот только не надо меня путать. Теперь ты скажешь, что видишь больше, чем я. (*Пауза.*) Мне стало лучше. Рембрандт ждет нас. Раскрой глаза, Игорь Игоревич, и не вздумай больше меня обманывать. Друзьям говорят только правду. Обещаешь?

Игорь. Обещаю, Филипыч.

Павел. И если ты ничего не увидишь, ты мне так и скажешь. Меня это не обидит. (*Соне.*) И ты тоже, птенчик. Говори мне только правду, я не хочу умирать, сомневаясь в тебе.

Соня. Не надо говорить о смерти. Веди нас к Рембрандту.

Павел (*входя в смежный зал*). В этом зале представлены двадцать четыре работы Рембрандта, включая мою любимую Данаю. Подойдем к ней. (*Проходит еще немного и останавливается у стены.*) Посмотрите внимательно.

Игорь (*останавливается в нескольких шагах от Павла*). Ты ошибся, Даная здесь, прямо напротив меня.

Павел. Что-о-о?

Игорь. Ты что ослеп? Даная не там, она здесь.

Павел. Какая разница, там или здесь?

Игорь. Большая разница. Экскурсовод называется, и такое халатное отношение. Даная, сколько я себя помню, всегда висела именно здесь. В двух метрах от входа, рядом со стулом смотрителя. Ее место здесь, здесь и нигде больше.

Павел. Бюрократ, зануда.

Соня (*раздраженно*). Я прошу вас, не продолжайте. (*Павлу.*) Прошу тебя, встань туда, куда говорит Игорь Игоревич, и начнем.

Павел (*делает несколько шагов в сторону Игоря*). Здесь вас устраивает?

Игорь. Нет, ты все равно далеко стоишь. Даная висит прямо напротив меня.

Павел (*подходит вплотную к Игорю*). Теперь ты доволен? Итак, как я говорил вам, Даная — это моя любимая работа Рембрандта. Сюжет был заимствован Рембрандтом из...

Игорь. Эти подробности можно опустить, они всем известны.

Павел. Правда? Тогда расскажи мне ты.

Игорь. Я? А причем здесь я? Просто, не надо заставлять Соню скучать.

Соня. А я и не скучаю. Расскажите нам, товарищ уполномоченный. Мне будет полезно освежить в памяти эту историю.

Павел. Ну, что же ты засмущался? Не лезь вперед батьки в пекло.

Игорь. Я? Засмущался? Еще чего! Сейчас я вам расскажу, вот только подержи мое ружье, аккуратней, а то еще отстрелит тебе чего-нибудь. (*Игорь отдает ружье Павлу, а лампу Соне, затем пытается имитировать Павла Филипповича.*) Хм, хм... Дорогие посетители, Эрмитаж имеет честь представить вам жемчужину своей коллекции, выдающееся произведение кисти голландского художника Харменса ван Рейна, более известного под именем Рембрандт, картину «Даная». В основе ее лежит сюжет античного мифа. Однажды оракул предсказал царю Аргоса, что он погибнет от руки своего внука, которого родит его дочь Даная. Страшась этого предсказания, царь приказал заключить свою дочь под стражу. Никто, кроме старой служанки, не мог входить к ней. Однако это не смогло помешать всемогущему Зевсу, узнавшему о невероятной красоте Данаи, проникнуть в ее темницу. Коварный и сладострастный бог решает прорваться сквозь неприступные заслоны, пролившись золотым дождем. К этому сюжету обращались многие великие художники, в том числе и Тициан. Однако у Тициана Зевс пролился дождем из золотых монет, очаровав девушку и подкупив старуху. Столетие спустя шведский художник Ульрик Вертмюллер написал такую... такую, ну, скажем, эротичную Данаю, что в Соединенных Штатах он брал деньги за то, что люди приходили смотреть на нее, а ни один музей не решался ее выставлять. Картина Рембрандта, как вы с легкостью можете заметить, более романтична и изысканна. (*Делая реверанс.*) Дорогие товарищи, имею честь представить вам Данаю Рембрантовну. (*Павлу.*) Товарищ специалист, вы можете продолжать...

Павел и Соня (*аплодируют*). Браво, браво Игорь. Прими наши поздравления.

Соня. Сказать по правде, я совершенно потрясена, Игорь Игоревич. Я и представить себе не могла, что у вас актерский талант.

Павел. А я давно догадывался, что он великий лицемер. Удивительный лицемер.

Игорь. Да ничего подобного. Просто, я много лет пробыл смотрителем и наелся вдоволь твоих экскурсий. Давай возвращай мне ружье.

Павел. Но должен признаться, у тебя есть талант. Ты, что называется, здоров врать.

Игорь. Врать? Я вообще никогда не вру, за исключением экстренных случаев.

Павел. Как, когда ты сказал мне, что видел картину Веласкеса?

Игорь. Великолепный пример «экстренного случая», спасибо. Ты ведь и сам знаешь, что в музее не осталось ни одной картины.

Павел. Даже Данаи?

Игорь. Если ты не хочешь, чтобы я тебя обманывал, я скажу, что здесь нет ни Данаи, ни какой-либо другой картины.

Павел. Раскрой глаза, слепец, да прикрой рот, а я тем временем расскажу тебе о Данае. (*Соне.*) Ты не возражаешь, мышка?

Соня. Конечно, нет, родной. Я вся внимание.

Павел. Перед вами Даная. Прекрасная Даная, она юна, девственна, сладка и уже так чувственна, даже сладострастна. Вам может показаться, что у нее слишком пыш-

ные телеса. Это справедливо, Даная дородна и прекрасна, по законам красоты того времени. Но будьте внимательны, наша Даная не какая-нибудь тучная, заплывшая грация Рубенса. Вглядитесь, ее руки и бедра пышны, но не безобразны. Ее маленькие, аккуратные, свежие груди говорят о том, что она еще не познала материнства и даже мужского тела. А почему она лежит обнаженной в кровати? Очевидно, она и не помышляет об отдыхе или сне. Обратите внимание на то, что у нее идеально уложены волосы, как если бы она собиралась на званый вечер. Из одежды на ней только жемчужные и коралловые браслеты — напоминание о морском происхождении Венеры. (*Во время рассказа Соня не отрываясь смотрит на появившуюся картину, а Игорь рассматривает пол, потолок, показывая всем своим видом, что ему неинтересно.) (Игорю.)* Ты видишь ее, жалкий сторож?

Игорь. Кого ее? Твою замороченную жену? Не смешно.

Соня. Паша, продолжай. Не обращай на него внимания. Продолжай, ты остановился на жемчужных и коралловых браслетах, как напоминании о морском происхождении Венеры.

Павел. Да, но Игорь не принимает никакого участия.

Соня. Сделай это ради меня, Пашенька, продолжай. Браслеты как напоминание о Венере. Что дальше? Что дальше?

Павел (*Игорю*). Чтоб ты провалился, комиссаришка. (*Снова указывая на картину.*) Сосредоточимся на позе Данаи. Она сладострастно растянулась на своем ложе, как бы приготавливая место для своего любовника, который должен появиться с минуты на минуту. Все в ней зовет его, мы можем даже услышать запах ее экзотических духов.

Игорь (*ударяя ногой об пол*). Духов? Ты зарапортовался, тебя уже не туда понесло.

Павел. Нет, посмотри внимательно, Игорь Игоревич, на эти покои полные подушечек, ковриков и скатертей. Ты видишь эти чудесные персидские тапочки, которые она в спешке небрежно скинула у кровати. (*Игорь начинает всматриваться в картину.*) Все экзотично в этой темнице. Интимный полумрак комнаты навевает мысли о запретном, интимном, развратном. Тени вокруг кровати будто заряжены страстью и вожделением. В этот самый момент хлынет золотой дождь, в который обратился Зевс. Даная протягивает к нему свою руку, она в нетерпении, она уже не может больше ждать, она хочет перейти черту. Смотрите, как у ее изголовья шаловливый и неугомонный купидон заворожено глядит на нее. У Рембрандта это не история о том, как коварный и ненасытный бог изнасиловал бедную пленницу, а скорее наоборот — это долгожданная любовная встреча, очаровывающая своей романтикой и нежностью, неотъемлемыми атрибутами любовного соития.

Соня. Как интересно. Спасибо. Ты прекрасный рассказчик. И картина просто великолепна.

Игорь. Только ты не закончил, а старуха?

Павел. Прости, ты совершенно прав. Не знаю, как это у меня из головы вылетела твоя коллега. Хм, хм... За пологом, как вы заметили, притаилась старая служанка, в руках у нее огромная и бесполезная связка ключей. Она парализована, неподвижна, лицо ее не выражает никакой эмоции, очевидно, Зевс обездвижил ее. В любом случае она станет свидетелем долгожданной встречи. Вы довольны, Игорь Игоревич?

Игорь. Вполне, Павел Филиппович, вполне.

Павел. Значит ли это, что ты видел картину?

Соня (*перебивая*). Пашенька, я думаю, что твоя работа заслуживает того, чтобы открыть музей для посещений. Я доложу об этом в комиссариат, и они будут отправлять каждую ночь наших товарищей, а ты будешь водить для них экскурсии.

Игорь. Боюсь, что это невозможно, уважаемая. Гардероба нет, кассы закрыты, уборные тоже. У нас даже света нет.

Соня. Как сказал бы мой муж: «Милая, ну, какое это имеет значение?» Если комитет прикажет вам открыть музей, вы никуда не денетесь. Что скажешь, Паша? (*Долгое молчание.*)

Павел сомневается, нервно ходит по кругу.

Соня. Что с тобой, родной? Ты на что-то сердишься? Придут настоящие люди, из плоти и крови.

Павел. Настоящие люди?

Соня. Да, из плоти и крови.

Павел. И ты хочешь, чтобы я водил экскурсии для этих людей?

Соня. Да, как ты это сделал для нас.

Павел. Не знаю, не знаю. Ты и Игорь, вы — самые близкие мне люди, я не отличаю вас от себя...

Игорь. Филиппыч, давай-ка не усложняй. Значит, водить экскурсии для людей, которых видишь только ты, — можно, а...

Соня. Вот именно, сегодня, когда я пришла, я видела тебя: ты прощался с воображаемыми посетителями. Вся разница будет в том, что завтра к тебе придут настоящие люди из комитета.

Павел (*нервничает, ходит кругами, долго молчит.*) Воображаемые посетители были... Они были... Нет, Соня, это не одно и тоже, они были моими... словом, то, о чем ты просишь, это другое дело.

Соня. Я тебя не понимаю.

Павел. Да, это не удивительно, что ты меня не понимаешь. Я тоже себя не понимаю, хотя чему тут удивляться, я никогда особенно не старался понять себя.

Соня. Пашенька, родной, соглашайся. Многим сегодня это может помочь.

Игорь. Дорогая Соня, ваш муж — очень странный тип. Даже подозрительный.

Павел. Игорь, все люди странны и сложны, даже такие неисправимые простофили, как ты.

Соня. Может быть, ты отказываешься по состоянию здоровья?

Павел. Здоровье здесь ни при чем.

Соня. Тогда в чем же дело? Понимаешь, скольким людям ты можешь вернуть надежду в дни этой гнусной блокады. Наш комитет выбивается из сил, пытаясь помочь нашим товарищам не терять присутствия духа. Мы все должны содействовать комитету.

Игорь. Я полностью в вашем распоряжении, товарищ член Военного комиссариата. Я встречу на высочайшем уровне всех и каждого, кто придет к нам на экскурсию.

Соня. Спасибо, Игорь Игоревич, вы достойный гражданин. *(Павлу.)* Павел Филиппович, Родина может на вас рассчитывать?

Павел (*продолжает ходить кругами*). Вы не понимаете меня, не понимаете.

Соня (*уверенно*). Вы начинаете меня раздражать, Павел Филиппович. (*Тяжелое молчание.*) Думаю, сейчас не время раскисать. Ты последний из гвардии Эрмитажа, и ты обязан защищать его всеми силами.

Павел. Соня, Сонечка, зачем ты так со мной говоришь?

Соня. Я не думала, что до этого дойдет, но отстоять Ленинград — это самая главная задача. Сегодня, у нас нет другой цели. Я видела, что твои экскурсии творят чудеса, и ты будешь водить их для реальных посетителей, если на то будет приказ.

Павел (*раздумывает.*) То есть ничего еще не случилось, приказа ГКО может и не последовать.

Соня. Может, и нет. Однако думаю, что они прислушаются ко мне.

Павел. Ну да, еще бы. А если я заболею?

Соня. Ты доказал мне сегодня, что ты умеешь быстро брать себя в руки. (*Взрывы снарядов становятся все слышнее.*) И хватит разговоров. (*Смотрит на часы.*) Мне пора, я сильно задержалась. Береги себя. Жди меня. До скорого.

Павел. Береги себя, моя девочка, береги себя.

Соня целует его на прощание. Свет гаснет.

3

Сцена оформлена так же, как в первом акте. Павел сидит, согнувшись на своей лежанке. Мочит и выжимает платок в тазике с водой (что стоит на ящике рядом с лежанкой) и прикладывает его ко лбу. Игорь возится у буржуйки, заваривая чай. Вдалеке изредка слышаться взрывы снарядов.

Игорь. Чаек тебе поможет. (*Молчание.*) Тебе не стало лучше? (*Пауза.*) Ну, хоть немного стало лучше? (*Молчание.*) Если ты молчишь, значит тебе совсем плохо.

Павел. Кажется, пришла пора покинуть мне этот мир, Игорь. Я уже чувствую этот долгожданный холод, который ни с чем не перепутаешь.

Игорь (*бросает буржуйку и спешит укрыть Павла одеялом со своей лежанки*). Давай-ка укроемся. Выпьешь чаю, и все пройдет. (*Возвращается к буржуйке.*)

Павел. Боюсь, что мне уже не поможет ни чай, ни чудодейственное зелье. (*Громким голосом.*) Милая смерть, я не боюсь тебя. (*Отшвыривает одеяло, встает, идет, пошатываясь.*) Забери меня, да поскорее. Не трать свое время на защитников Ленинграда, лучше возьми меня. Я готов. Я уже слишком задержался. Только прошу тебя, не отводи меня с немецкими солдатами. Пусть они отправляются к своим валькириям, меня же отведи к моим друзьям: художникам и скульпторам. К Моне и Веласкесу, к Репину, к буйно помешанному Ван Гогу, к оглохшему Гойе, к Родену и Микеланджело. У меня накопилось много вопросов к Леонардо, к Рафаэлю, я бы хотел повеселиться с Ренуаром и Писарро. Впрочем, милая смерть, ты мудра, веди меня, куда угодно. И если мои друзья поджариваются в аду, что ж, значит, и мне туда. Хотя и от рая я не откажусь, коли они там. (*Пауза.*) Ты слышишь меня, глухая старуха! Чего ты ждешь? С кем ты там задержалась? Я здесь, я хочу тебя, я не могу больше без тебя. (*Падает без сил.*)

Игорь (*с трудом ему удается дотащить Павла до лежанки и укрыть его*). Филиппыч, Павел, ты чего это разошелся? Успокойся, успокойся. Что я тут буду делать без тебя, в полном одиночестве? (*Возвращается к буржуйке и наливает Павлу чая.*) Выпей чайку, тебе станет лучше. Давай, выпей немного, вот, еще глоточек. Павел, давай еще глоточек. Голова не болит? (*Павел отрицательно качает головой.*) А сердце? (*Снова отрицание.*) А где тогда? (*Павел качает головой.*)

Павел (*слабым голосом*). Знаешь, Игорь, это не боль — мне что-то сдавило в груди. Это последние усилия жалкого тела, которое мучает мою душу. Отпусти меня, чертов каркас, я хочу быть свободным.

Игорь. По-моему, у тебя температура.

Павел. Игорь, мой друг, я ухожу, и теперь я вижу все иначе.

Игорь. А на что тут смотреть, Филипыч, тут все также. Мы не сдадимся немчуре и будем стоять не на жизнь, а на смерть. Скоро придет Соня и приведет посетителей, настоящих посетителей.

Павел. Одна эта мысль мне невыносима. Я не хочу больше водить экскурсий в этом проклятом мире.

Игорь. Скоро ты поправишься, и все встанет на свои места.

Павел. Жалкий ты идиот, напряги мозгульки. Ты понимаешь, что дело не в моем здоровье, а в... в... Мечтами и фантазиями нельзя поделиться с посторонними, это частная собственность, что бы там ни говорил Сталин.

Игорь. А вот Сталина не трогай!

Павел. О, ты невыносим. Пойми же, мечты и фантазии живут внутри нас. Теперь, у последней черты, я понял, что я забираю с собой свои мечты и фантазии, а объективная реальность остается как ни в чем не бывало.

Игорь. Не ты ли говорил, что реальность, фантазия, сумасшествие, бред — это слова синонимы?

Павел. Я и сейчас тебе так скажу, но у каждого они свои. Есть вещи, которые нельзя разделить с другими. Это не в их природе, понимаешь? (*Пауза.*) У меня свои фантазии, Игорь, а у тебя – свои.

Игорь. Какие такие фантазии?

Павел. Да, дрессированный ты материалистишка, у тебя тоже есть фантазии, мечты, иллюзии, и, несмотря на наше многолетнее знакомство, ты никогда мне о них не рассказывал.

Игорь. Ты и так все обо мне знаешь.

Павел. Да, только я часто молчу и не говорю тебе ничего. Как если бы я ничего не знал.

Игорь. Давай допивай свой чай.

Павел. Это гадость, а не чай. Из чего он?

Игорь (*смеется*). Небесная травушка.

Павел. Небо, очевидно, совсем прогнило. Может быть, в аду чай покрепче. (*Пауза.*) Послушай, Игорь, я не буду водить экскурсии, потому что моя реальность существует только для меня. Люди не увидят картин.

Игорь. Но я же увидел.

Павел (*после долгого молчания*). Ты простишь меня, если я позволю себе задать один очень жестокий и личный вопрос? Я ни в коем случае не хочу обидеть тебя, просто, боюсь, иначе тебе меня не понять.

Игорь. Ты можешь задать мне любой вопрос.

Павел. Заметь, ты сам мне разрешил.

Игорь. Заметил.

Павел. Хорошо. Ты действительно разговариваешь со своим сыном, как если бы он был жив? (*Молчание.*) Признайся мне.

Игорь. Ты не жесток, ты бездушен. Я не ожидал от тебя.

Павел. Прости. Ты разрешил мне задать вопрос. (*Молчание.*) Фантазии и реальности, мой милый Игорь, личное дело каждого. Только не гневайся на умирающего друга, готового присоединиться к твоему сыну Дмитрию. (*Пауза.*) Я хочу попросить тебя об одолжении, положи меня в тот же окоп, у Адмиралтейства, где лежит Дмитрий, а весной, когда чертова немчура уберется отсюда, ты отвезешь нас на кладбище, только до того, как мы оттаем. (*Молчание.*) Обещаешь? Обещай!

Игорь. Обещаю. (*Молчание.*) Я действительно разговариваю с сыном через это окошко.

Павел. Я знаю, и ты совершенно прав, потому что пока ты думаешь, что твой сын жив, он жив. Я даже думаю, он тебя слышит.

Игорь. Ты правда так думаешь? Он меня слышит?

Павел. Я в этом совершенно уверен.

Игорь. Значит, есть фантазии, реальности и иллюзии, которыми можно поделиться?

Павел. Конечно, с друзьями надо делиться всем, особенно мечтами.

Игорь. Тогда почему же ты не хочешь поделиться ими со своими товарищами военкомами?

Павел (*не сразу*). Хороший вопрос, Игорь, хороший вопрос. Как бы ни выяснилось, что ты — человек высокого ума. Дай мне подумать. (*Пауза.*) Мне даже стало

легче от твоих вопросов. Что ж... ага... (*Пауза.*) Я не могу водить экскурсии для товарищей военкомов, потому что они знают, что картины эвакуированы и просто придут посмеяться надо мной. Или решат, что я их обманываю. Они будут смотреть на меня, как на клоуна, понимаешь, как на несмешного клоуна. Я буду убог и жалок. (*Павел хватается за грудь.*)

Игорь. Что, тахикардия? (*Павел отрицательно качает головой.*) Опять давит? (*Павел кивает в подтверждение, его выворачивает от боли.*) Сильно? (*Павел кивает*). Сильно-сильно? (*Павел кивает.*) Скорее бы пришла Соня. Давай-ка присядем, так, очень хорошо, теперь глубоко вдохни и медленно выдыхай, не торопись, умница, хороший мальчик. (*Похоже, что Павлу становится легче. Он жестом просит Игоря оставить его в покое, укладывается на лежанку.*) Тебе плохо? (*Павел кивает.*) Совсем плохо? (*Павел кивает.*) Ты что, умираешь? (*Павел кивает.*) Ты надо мной подшучиваешь? (*Павел отрицательно качает головой.*) Ладно, Филиппыч, прежде чем ты покинешь наши края, я покажу тебе то, что поможет скрасить твой уход. (*Игорь достает из-за своей кровати картину, завернутую в ткань.*) Ты догадываешься, что это? (*Павел отрицательно качает головой.*) Угадай, сначала угадай!

Павел (*отворачивается*). Проклятый коммунистишка, ты хочешь, чтобы последним, что я увижу, стал портрет Сталина? Не хочу, плевать я на него хотел.

Игорь. Нет, это не фотография Сталина. Ну-ка, попробуй еще.

Павел (*не сразу. Приподнимается*). Только не говори мне, что ты спрятал здесь картину из коллекции.

Игорь. А вот и скажу. (*Скидывает ткань.*) Вашему вниманию «Ангел с золотыми волосами».

Павел. О, несчастный, будь же ты проклят. Ты понимаешь, что ты наделал?

Игорь. Я поменял его на Сталина. Я знал, что нам здесь не обойтись без ангела.

Павел. Глазам своим не верю, этого не может быть. Я тебя расстреляю. Я сообщу об этом куда следует. Ты понимаешь, насколько ценный экспонат ты похитил?

Игорь. Это наша самая любимая.

Павел. Эта икона должна была быть эвакуирована.

Игорь. Она чудодейственная.

Павел. Я покажу тебе, какие чудеса она совершает. Ты совершил преступление, животное, изверг, вандал, варвар.

Игорь. А разве не чудо то, что ты только что был одной ногой в могиле, а сейчас похож на всегдашнего Филиппыча? Ангел тебя спас.

Павел. Никто меня не спас. А вот ты меня точно в могилу сведешь, идиот. (*Берет у него икону.*) Это блистательная живопись. Какие бездонные глаза, Игорь, это лучшая икона, которую я видел в жизни. Как безукоризненно очерчены губы. Если бы ангелы существовали, они были бы похожи на него.

Игорь. Значит, ты, это, не станешь сообщать куда следует?

Павел. Нет, дурачина, конечно, нет. Еще чего не хватало. Я скорее убью тебя своими собственными руками, но сначала надо подождать подходящего момента. Позволь мне налюбоваться этой красотой.

Игорь. Но это еще не все.

Павел. Если ты сейчас достанешь еще одну картину, я выпущу тебе кишки, не задумываясь.

Игорь. Да нет, картин у меня больше нет. Я все ждал подходящего случая, чтобы выкурить кубинскую сигару, которую подарил мне один турист.

Павел. Кубинскую сигару? И ты выдержал столько времени?

Игорь. Да, я поклялся, что выкурю ее, когда вернется мой сын.

Павел. Тогда мы не станем ее курить.

Игорь. Нет, станем. Дмитрий сегодня здесь, с нами. Ты помог мне понять это.

Павел. Я? Что-то я такого не припомню. Но, если ты считаешь, что в честь твоего сына мы можем сегодня выкурить эту сигару, я не смогу тебе отказать. Слушай, а водочки ты случайно не припрятал?

Игорь. Припрятал. Осталось немного той, что приносила Соня.

Павел. Тогда не медли. Давай скорее водку и сигару. За «Ангела с золотыми волосами»!

Игорь. За моего сына, Дмитрия Игоревича!

Павел. Отныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Павел и Игорь курят сигару и пьют водку, смеются и танцуют. Посреди этого веселья раздается стук в дверь, который они не сразу замечают. Слышится голос Сони, она просит открыть ей. Павел и Игорь нервничают, наспех заворачивают икону и прячут ее за лежанку Игоря. Машут руками, пытаясь разогнать клубы дыма. Павел укладывается. Игорь открывает дверь.

Соня. Игорь Игоревич, вечно надо ждать, черт знает сколько, пока вы соизволите открыть. (*Принюхивается.*) Чем это тут пахнет? Чем вы тут занимались? Паша, как ты себя чувствуешь? (*Подходит к нему. Целуются.*) Ты курил, Павел Филиппович? Ты соображаешь, что делаешь? Вы что, с ума сошли оба? От тебя пахнет водкой и табаком.

Игорь. Мы тут отмечали кое-что. Мы праздновали... а что мы праздновали, Филиппыч?

Павел. Мы праздновали мою смерть.

Соня. Да вы пьяны.

Игорь. Нет, по правде сказать, мы праздновали мою тайну.

Соня. Какую тайну?

Игорь. Да я тут спрятал...

Павел. Э-э-этот идиотина спрятал кубинскую сигару, которую подарил ему один турист. Он уже думал, что потерял ее. Но тут мы ее обнаружили и приговорили. Вот и вся тайна... и заодно мы допили водку, что ты приносила в прошлый раз. Больше ничего не осталось.

Соня. А вам не стыдно, товарищ уполномоченный, давать сигареты моему мужу?

Игорь. Я просто хотел сделать ему приятно. Больше все равно ничего не осталось, так что можете не беспокоиться. (*Пауза.*) Однако у вас сегодня боевое настроение, товарищ член Военного комиссариата.

Павел. Что там происходит, Сонечка? Что тебе сказали по поводу экскурсий?

Соня. Утверждены. Первыми к тебе пожалуют собственнолично члены Военного комиссариата. Если все пойдет по плану, они придут часа через два.

Игорь. Думаю, что вам надо опередить их и сказать, чтобы они не приходили. Павел не собирается ни с кем делиться своими фантазиями и реальностями и еще чем-то там.

Соня. Если честно, то сегодня мне не до шуток.

Павел. Нет, Игорь не совсем точно выразился. Я был на пороге смерти всего несколько минут назад.

Соня. Что за вздор! Несколько минут назад, мой дорогой, ты пил, курил и смеялся.

Игорь. Да, но прямо перед этим он чуть копыта не откинул.

Соня. Прекратите немедленно. У меня сегодня очень плохое настроение. Наши терпят поражения на всех фронтах.

Павел. Они сдают город?

Соня. Нет, пока, к счастью, нет. Только теперь вместе с бомбами немцы скидывают свои агитки и ведут активную пропаганду по радио. Хотите узнать, что они пишут? (*Достает листовку.*) Они заявляют, что в скором времени немецко-фашистские войска под командованием самого Гитлера пройдут парадом по Невскому проспекту. Затем приводится меню банкета в «Астории» по случаю взятия Ленинграда. Будет подан гусь с черникой и рейнские вина. Они описывают каждую деталь празднества в честь завоевания нашего города. Вплоть до музыки, которая будет играть на приеме.

Павел. Вагнер, конечно.

Соня. Нет, Лист. Вот, прочти.

Павел (*читает листовку*), И правда Лист. Проклятое чудище хочет показать, что оно тоже способно чувствовать. (*Пауза.*) Нам надо ответить как-то на это.

Соня. Мы стараемся поддерживать дух ленинградцев. И его действительно трудно сломить, однако я все чаще замечаю потухшие огоньки в глазах.

Павел. Думаю, тебе стоит увидеть картину Репина.

Игорь и Соня. А при чем здесь Репин?

Павел. Когда увидите, вы сами все поймете. Он в выставочном зале. Мы отмечаем столетие этого великого художника.

Игорь. А какую картину ты нам покажешь? Я их все видел.

Павел. Еще бы. (*Соне.*) Ты тоже должна знать эту картину, Сонечка. Это знаменитая «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Соня. Да, я что-то припоминаю. Но какое это имеет отношение к Гитлеру?

Павел. Самым правильным шагом станет ответить нацистской пропаганде той же монетой. Надо попросить каждого ленинградца написать письмо Гитлеру и сказать ему все, что мы о нем думаем.

Соня и Игорь. Хорошая идея, Павел, очень хорошая идея.

Павел. Пойдемте к Репину.

Соня. Скорее.

Павел. Ура! (*Раскуривает остаток сигары.*)

Соня. Курение плохо сказывается на твоем сердце.

Павел. Кубинская сигара — что может быть лучше для приговоренного к смерти. Не будем тратить на это время, милая Соня, нас ждут казаки!

Игорь берет лампу и поспешает за Павлом и Соней.

Игорь. Чуть погромче, Павел. Я тебя почти не слышу.

Павел. Разве не ты говорил, что и так все знаешь?

Игорь. А ты всегда что-нибудь новое придумываешь.

Павел. Хорошо, хорошо. (*Он несколько высокопарен и велеречив.*) Во все века мир посещали великие злодеи. В двадцатом веке воплощением этакого античеловека стал, несомненно, Гитлер, однако, говоря о веке восемнадцатом, нельзя не отдать пальму первенства властителю столь жестокому, сколь и могущественному, — печально известному Турецкому Султану, грозе Европы и Азии. Его владения простирались вплоть до городских врат Вены, ему принадлежало Черное море и большая часть Средиземноморья. Он хозяйничал не только в Крыму, но и на большей части территории Украины, словом, его жестокие войны не знали отпора, если бы не...

Игорь. Запорожцы...

Павел. Совершенно верно.

Соня. Да-да, кажется, я что-то припоминаю.

Павел. И эта картина, без сомнения, тоже должна быть вам знакома. Вот мы и пришли.

Игорь. Я ничего не вижу.

Павел. Ты опять за свое? Я еще ничего не сказал, а ты уже запел свою песню.

Соня. Пашенька, давай скорее начнем.

Павел. Хорошо, как я уже говорил, всемогущественные войска султана победоносно шествовали по Украине. Они не ведали преград, кроме Запорожской Сечи, стоявшей не на жизнь, а на смерть. Запорожские казаки — это народ жестокий, яростный, даже зверский в войне, но невероятно нежный в обычной жизни. Не лишенные недостатков, страстные и безрассудные, пьющие до одури, казаки все же люди смелые и отважные.

Игорь. Филиппыч, заканчивай уже с казаками, давай лучше про картину, а то я ничегошеньки не вижу.

Павел. Хм, хм, дорогие друзья, в рамках праздничных мероприятий, посвященных столетию Ильи Репина, Государственный Эрмитаж имеет честь представить одно из его самых великих полотен: «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Как вы можете видеть, великим людям – великие полотна: размеры этой картины составляют два метра в высоту и три с половиной в длину.

Игорь. Да, немаленькая, только я ее не вижу.

Павел. Ну же, Игорь, сделай над собой усилие, вот она. (*Картина появляется на стене.*) Для начала нам достаточно общего взгляда на картину. Похоже, эти дикие воинственные казаки что-то празднуют, а над чем же они смеются? На заднем плане дымится славная Сечь, они отбили ее у турков, обратив их в бегство. Неукротимые запорожцы сражались на славу, да так, что захватили несколько вражеских пушек. Возможно, это первое поражение оттоманцев, и уж точно самое бесславное. Однако конца этой войне не видно, султан шлет из Стамбула страшные угрозы, обещает послать на расправу с запорожцами самых жестоких своих янычар. Заклинает их немедленно капитулировать, иначе он сотрет их с лица земли. Казаков же это только подзадоривает, и они, разгоряченные недавней победой, решают написать султану ответное письмо. Вглядитесь, вглядитесь: в самом центре мужчина, стриженный под горшок, с пером в руке, аккуратно пишет, облокотившись о грубо сколоченный стол, под диктовку своих собратьев по оружию. Стоит только взглянуть на их веселые, беззаботные лица, чтобы понять содержание этого письма.

Игорь. Может, ты нам тогда его зачитаешь?

Павел. С удовольствием. Ты будешь смеяться так же, как тот казак, что стоит справа от стола.

Игорь. Их там несколько.

Павел (*появляется изображение казака.*) Самый высокий, в белой шапке, тот, что выпятил широкую грудь и внушительный живот.

Игорь. Тот, что сейчас животики надорвет от смеху?

Павел. Именно, животики. Видишь того, что слева от него? (*Появляется изображение этого казака.*) Видишь, он скорее напоминает татарина, нежели казака, так вот он сейчас задохнется от смеха. Или у него случится удар.

Соня. Они все очень заразительно смеются. Ну, а что же там, в письме? Прочти его нам.

Павел. Сейчас, сейчас, взгляните еще на того, что в центре, рядом с тем, который пишет. Он один из предводителей, судя по одеянию, курит трубку, не смеется, мысли его за тысячи километров. Он представляет себе лицо султана, когда тот прочтет: «Свинячья морда, лошадиная срака, мясника собака, некрещеный лоб, мать твою штоб». (*Все заливаются смехом.*)

Игорь. А этот, смотри, диктует (*появляется изображение другого казака*): «Какой же ты, к черту, рыцарь, когда голою жопой ежа не убьешь? Черт высирает, а твое войско пожирает». (*Все смеются.*)

Соня. «Вавилонский ты повар, македонский колесник, иерусалимский пивовар...» (*Все смеются.*)

Павел. «...Александрийский козолуп, Большого и Малого Египта свинопас, армянская злодеюка, татарский сагайдак...» (*Все смеются.*)

Соня. Смотрите вот на этого, он покраснел от смеха. (*Появляется изображение покрасневшего казака.*)

Игорь. «Каменецкий палач, всего света и подсвета дурак, самого аспида внук и нашего сами знаете чего крюк. Вот так тебе запорожцы ответили, плюгавый». (*Все смеются.*)

Павел. «Числа не знаем, ибо календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день такой у нас, какой и у вас, и за это целуй в сраку нас!»

Соня. Ой, я больше не могу, Паша, я сейчас умру. Мне даже в туалет захотелось по-маленькому. (*Все смеются.*) Все, не продолжайте, я не выдержу.

Игорь. Я уже сто лет так не смеялся.

Соня. И я.

Павел. И я. (*Пауза.*) Как хорошо смеяться, особенно в такие дни.

Соня. Пашенька, спасибо тебе огромное. Я уверена, что нашим товарищам тоже захочется увидеть эту картину. Ой... они с минуту на минуту будут здесь. Пойдемте скорее к выходу, мы не можем заставлять их ждать на улице, они околеют от холода.

Игорь. Соня, но ведь Павел Филиппович просил вас не делать этого.

Павел. Когда это я просил?

Игорь. Тогда. Ты уже забыл, что реальность и мечты, ими, это, нельзя поделиться.

Павел. Когда речь идет о национальной безопасности – можно, а значит, нужно делиться всем без исключения.

Игорь. Ты, Павел Филиппович, какой-то непоследовательный.

Павел. Признайте хотя бы, Игорь Игоревич, что я последователен в своей непоследовательности.

Игорь. Значит, экскурсия состоится?

Павел. Само собой разумеется, ваше уполномочество. Пока я жив, я буду водить экскурсии в этом блистательном музее.

Игорь. А если...

ЗАТЕМНЕНИЕ

4

Сцена оформлена так же, как в первом акте. Открывается дверь, входят Игорь и Соня, красные от мороза. Вдалеке слышится грохот взрывающихся снарядов.

Соня. Спасибо, Игорь. Я думаю, ему будет там удобно.

Игорь. Из окопа он будет смотреть на свой любимый музей.

Соня. Да, его истинной любовью был Эрмитаж, я была только случайной попутчицей.

Игорь. Это неправда, Павел вас очень любил.

Соня. Любил, но Эрмитаж он любил больше. Что же мы теперь будем без него делать? Экскурсии... сколько он успел дать? Если посчитать, три экскурсии за ночь, на протяжении четырех месяцев... Да, не всякому это по силам, а он к тому же болел. (*Пауза.*) Теперь он покоится в мире, а весной, когда немцев уже не будет, мы похороним его по-человечески. (*Пауза.*) Что ж, Игорь Игоревич, мне пора. Берегите себя, прошу вас, берегите себя. Я буду приходить, как только смогу, будьте в этом уверены.

Игорь. Спасибо, Соня, я знаю. Я только хотел сказать вам... но... нет... Вы подумаете, что я совсем свихнулся.

Соня. Говорите, не стесняйтесь, вы можете мне слепо доверять.

Игорь. Я не знаю, имею ли я право. Нет, не сегодня, я еще не готов, давайте в следующий раз.

Соня. Как скажете. Мне надо бежать, люди должны прийти сегодня на экскурсию, их надо предупредить. Им приходится добираться сюда чуть ли не по-пластунски, не нужно, чтобы они рисковали.

Игорь. Собственно, именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Соня. Да? Так зачем вы медлите?

Игорь. Мне никак не подобрать нужных слов. Я, это, стесняюсь.

Соня. А вы напрямую, как если бы вы беседовали с Пашей.

Игорь. Ладно, я вам скажу, только вы отвернитесь к стеночке.

Соня. Вы так и не выросли, Игорь Игоревич.

Игорь. Если вы не отвернетесь, я тогда ничего не скажу.

Соня (*отворачивается*). Хорошо, теперь вы готовы? Давайте выкладывайте все как есть.

Игорь. А вы не станете смеяться? Обещайте, что не станете смеяться.

Соня. Обещаю, только решайтесь поскорее.

Игорь. Соня, знаете... Помните, что вы обещали мне не смеяться. Все, я готов сказать Вам, Соня... (*Пауза.*) Соня, я хочу взять на себя э... экскурсии.

Соня (*резко поворачивается к нему.*) Вы?

Игорь. Да, я. Я думаю, я готов взять на себя этот труд, конечно, это будет совсем не так, как у Павла, но я уверен, что смогу справиться. Я наизусть запомнил все его рассказы. (*Достает из кармана шинели записную книжку.*) А многое даже записал. Хотите, я вам покажу? Смотрите! (*Ставит в сторонку ружье, пытается имитировать Павла.*) Хм, хм уважаемые посетители, Государственный Эрмитаж имеет честь познакомить вас сегодня с...

Соня. Игорь Игоревич, я верю вам. Я знаю, что вы справитесь, ну, конечно. Как мне самой не пришло это в голову раньше.

Игорь. Мне до Филиппыча далеко, но...

Соня. Незаменимые есть, но вы справитесь, я в этом уверена. Как я рада, это чудесно. Теперь я побегу сообщить в комиссариат, что у нас есть новый экскурсовод.

Игорь. Вы им прямо так и скажете?

Соня. Да. Продумайте хорошенько вашу первую экскурсию. Мне надо бежать, Игорь Игоревич, до встречи.

Игорь. До встречи, Сонечка. (*Когда Соня уходит Игорь закрывает дверь на засов, достает икону «Ангела с золотыми волосами», разворачивает ее, осеняет себя крестным знаменем, молится, поднимается на стремянку и открывает окошко.*) Павел! Филиппыч! Ты меня слышишь? А? Ты извини, что не даю тебе отдохнуть, но скажи мне, как ты думаешь, может ли атеист верить в чудеса? Правда? Ну, спасибо, я знал, что ты меня поддержишь. Так вот, наш «Ангел с золотыми волосами» творит чудеса, не погнушался тем, что я атеист, даже еще хуже — коммунист. Когда? Да только что. Сразу после того, как мы оставили тебя в окопе. В общем, я теперь буду водить экскурсии. Где, где? В Эрмитаже. (*Пауза.*) Что? Как ты сказал? Ха, это я и так знаю. Можешь и дальше называть меня дурачиной и идиотиной, только знаешь, я думаю, что я тоже смогу помочь отстоять Ленинград. Я буду повторять за тобой слово в слово. Я буду тебя копировать. (*Пауза.*) Ты ведь не обижаешься? А если и обижаешься, так тебе же и хуже, сделать-то ты ничего не можешь. В конце концов, ты сам довел себя до смерти. Зачем надо было так много работать, а? Ты довел себя до смерти, и те-

перь я должен делать за тебя твою работу. (*Пауза.*) Ты правда не сердишься? Правда? Хорошо, теперь я хочу задать тебе несколько вопросов по работе. (*Достает записную книжку.*) Никак не могу вспомнить, как звали того президента, что ездил проведывать Моне? (*Пауза.*) Как, как? Клемент? Нет? Клемент или Клемант? Не Клемант, нет? Скажи по буквам, Филиппыч, сейчас уже люди придут. Как? Климентин? Клемантин? Громче! Как? Клементант?

ЗАНАВЕС

Перевод с испанского Евгения ШТОРНА

Евгений Михайлович Шторн родился в Чимкенте в 1983 году. Молодой переводчик и театральный режиссер, получивший образование в России и за рубежом.

В 2004 году Евгений Шторн поступает в Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства, а уже через два года продолжает обучение в Стране Басков (Испания). В 2008 году становится членом труппы и педагогом в *Nexo Teatro* («Нексо Театро») в городе Бильбао. Одновременно с этим Евгений занимается организацией и проведением иных культурных мероприятий: феминистского фестиваля *Feministaldia* («Феминистальдия») в Сан-Себастьяне, циклов русского кино в Бильбао, ставит церемонию открытия кинофестиваля *Zinegoak* («Синегоак»), читает лекции по русской литературе в рамках программы пополнения фондов в муниципальных библиотеках Бильбао. В качестве режиссера Евгений выполняет несколько театральных постановок на разных площадках Бискайи: перформанс *Rosa Parks* («Роса Паркс»), спектакль *Serpientas* («Серпьентас» по мотивам драмы «Служанки» Жана Жене), спектакль *Puedo escribir los versos más tristes* («Я не писал печальнее стихов, чем этой ночью» (строчка в переводе Е. Хованович) по мотивам философских эссе Карло Фрабетти и поэзии Пабло Неруды), спектакль *El lenguaje de la montaca* (по пьесе Гарольда Пинтера «Горский язык»). Важно также отметить педагогическую составляющую деятельности Евгения Шторна. За последние пять лет его воспитанниками стало более ста человек разных возрастов (от 10 до 75) и национальностей (Россия, Испания, Украина, США, Южная Корея, Марокко, Мексика, Литва и Германия). Посвящая театру все свободное время, Евгений берется за перевод пьес с испанского языка на русский. Так впервые на русском языке публикуются пьесы мадридского авангардного Неотложного театра в журнале «Современная драматургия» (2010, № 3, с. 144–159). Также в его переводе отдельной книгой публикуется пьеса чилийца Марко Антонио де ла Парра «Достоевский отправляется на пляж» (Чимкент: Дара, 2010).

К 70-летию начала блокады Ленинграда

Дмитрий КАРАЛИС

ЦЕНА ПОБЕДЫ – ПОБЕДА!

Поколение воевавших уходит. Это серьезное обстоятельство для общества. Ибо это последнее поколение, которое с абсолютно чистой совестью, без всяких общих слов могло считать себя еще при жизни выполнившим долг перед историей с полнейшей наглядностью.

Виктор Конецкий

Прежде чем познакомить читателей «Невы» с новой частью воспоминаний ленинградских железнодорожников о войне и блокаде, я хотел бы задать себе и читателям несколько вопросов, имеющих, на мой взгляд, прямое отношение к нашему настоящему и будущему.

Первый. На чем строится уверенность, что войны на территории нашей страны больше не будет? А если такой уверенности нет, то что делается, чтобы отвести от нашей страны эту угрозу?

Второе. С какой целью проводятся всевозможные «суды времени» над прошлым нашей страны и прочие радио- и телепередачи, объединенные общей идеей — «вычислить, какую цену заплатил наш народ за победу в Великой Отечественной войне», и показать, что воевали наши предки значительно хуже фашистов? Если целью этих передач является изучение горького опыта войны и устранение будущих возможных ошибок, то какие рекомендации нынешнему политическому и военному руководству России могут быть даны или уже даны по окончании «разбора полетов» семидесятилетней давности?

И третье. Кто проводит эти всенародные слушания о нашем прошлом, могут ли эти «ведущие программ» и «руководители проектов» считаться честными и компетентными судьями в таком деликатном деле, как оценка нашего прошлого и деяний отдельных руководителей страны? Иными словами, а судьи кто? Кто их выбирал и назначал на столь уникальные должности, или, может быть, они являются самовыдвиженцами, оказавшимися на переднем краю исторической политики (не истории, а именно исторической политики!) в силу своей квазипассионарности?

Дмитрий Николаевич Каралис — петербургский прозаик, сценарист, публицист. Автор четырнадцати книг прозы. Основатель и директор (1997–2007) Центра современной литературы и книги. Лауреат литературных премий. Обозреватель «Литературной газеты».

1. Войны прошлые и будущие

Начнем сразу с войн будущих, которые, как показывает история, всегда почему-то приходят на нашу землю внезапно.

На нас (4 процента населения планеты, 40 процентов сырьевых ресурсов) давно поглядывают со всех сторон — мы уже не один из центров многополярного мира, а сырьевая пустыня, зарастающая бурьяном, безлюдная и потому привлекательная. Осталось решить проблему окончательного разоружения России, и страну можно брать голыми руками. Полагать, что нас забудут, мы отсидимся в стороне от всех войн и агрессий, которые ведут США и их союзники во всем мире, было бы просто нелепостью, ротозейством. Нас уверяют: мы живем в изменившемся мире, война никому не нужна. Однако Америка ведет сразу три войны: в Афганистане, Ираке и Ливии, играет, словно кошка с мышкой, со всем светом, наращивает свои электронные и территориальные мышцы. А до этого, как известно, была Югославия, куда тоже залетал погадить голубь мира, выпущенный из США.

При этом, по оценкам военных специалистов и социологов, в Российской армии происходит разложение, какого не было со времен массового дезертирства солдат под влиянием большевиков в 1917 году, накануне позорного Брестского мира.

Оборонный заказ 2010 года провален, корабли для ВМФ покупаем во Франции, ракеты не летают, остатки оборонного комплекса работают на Индию, Китай, Пакистан, летчикам платят премии, часть которых идет начальству, некогда лучший в мире автомат Калашникова устарел, и замены ему пока нет! Руководство в армии меняется каждые полгода, реформа ВС, по оценкам офицерского корпуса, ничего не дала нашей обороноспособности, и в России сейчас попросту нет боеспособной армии – сходятся во мнении эксперты разных стран. В том числе наши собственные эксперты.

Война может начаться в любой момент, под любым предлогом, и мы раскорячимся с рублевскими коттеджами и шикарными «лексусами», уткнемся носом в такую грязь и безнадегу, что просчеты Сталина покажутся мелкими оплошностями, лишь отсрочившими взятие Берлина на три года.

В сорок первом к нам непрошено пришла вся Европа. Теперь к нам может прийти весь цивилизованный мир во главе с США. Как изображено на одном плакате: «Вы еще не верите в нашу демократию? Тогда мы летим к вам!» И чем мы будет встречать незваных гостей? Давить на ядерные кнопки? Не надо быть специалистом ЦРУ, составляющим психологические портреты высшего руководства стран — потенциальных противников, чтобы понимать: ни у одного из лидеров нашего государства не хватит духу развязать ядерную войну. Но если бы даже и хватило буйства-удали, то как нажмешь ядерную кнопку, если дети большей части нашей элиты давно живут там, поближе к родительским деньгам и подальше от «страны-неудачницы». Нажать нельзя помиловать. (Пусть каждый поставит запятую сам.) И здравый смысл, даже и такого свойства, радует. Но огорчает другое. Мы катастрофически отстали за последние двадцать лет от ведущих военных держав в войне безъядерной, войне точного оружия, войнах-налетах, замаскированных под спецоперации... Тронь лазерным лучом спутник связи на орбите, и от Камчатки до Смоленска исчезнет мобильная связь, придется кричать или зажигать сигнальные костры, чтобы передать ценные указания, или вспоминать по учебникам морскую семафорную азбуку.

Почему об этом во всевозможные памятные даты не говорят по телевизору господа историки?

Когда нас успокаивают — войны, дескать, не будет, у нас дружба с лидерами всех крупнейших стран, мы чуть ли не молочные братья со всеми президентами и т. п.,

хочется напомнить, что так всегда и бывает перед крупными войнами. Сегодня — лучшие друзья, даже родственники, как русский царь Николай II с германским императором Вильгельмом, а завтра — «совершили вероломное нападение на Советский Союз». И хотя Советского Союза, как и царской России, уже нет, но проблема внезапности нападения, неподготовленности к войне остается.

При этом зрителям и радиослушателям усиленно внушается: не было у русского народа героев, были лишь смешные уроды, которых время превратило в забронзовевших идолов. Зоя Космодемьянская и Александр Матросов были попросту сумасшедшими, герои-пионеры — оболванены сталинской пропагандой, насилие над немками в 1945 году требует особого суда мировой общественности наподобие Гаагского трибунала...

Что-то еще найдут в нашей истории? Кому мы еще окажемся должны?.. Странная дальнозоркость обнаруживается у подобных исследователей российской жизни. Обличительного пафоса и гнева хватает только на дела прошедшие. Но перст указующий вянет, и горящие очи гаснут, едва дело доходит до несправедливости нынешних дней: роскоши олигархов на фоне нищеты и неестественной убыли народов России, развала Российской армии и флота, бомбежек Ливии, в которых гибнут дети и внуки лидера страны, агрессии против Ирака и Афганистана, где счет потерям среди мирных жителей идет уже на десятки тысяч...

Наше телевидение в своих худших программах производит небывалый антигосударственный цивилизационный сдвиг, по сравнению с которым прямая оккупация территории сравнима с поучениями засидевшегося в гостях дядюшки.

Неужели мы забыли пословицу: «Если в прошлое бросить камень, будущее выстрелит в вас из пушки!»? Зачем устраивать эти позорные для русских людей шоу? Чтобы показать, насколько несовершенен был социализм в Советском Союзе? Показали. Что дальше?

Теперь глянем на нашу капиталистическую повседневность и скукожившуюся в пять раз, до миллионной численности, армию?

Если сейчас военкоматы устраивают засады на молодежь призывного возраста, то грядущие военные призывы, скорее всего, будут просто провалены. Подрастут те, кто с детства представляет Российскую армию только в черном цвете ада. Кто захочет служить в аду? Будет легче набрать русских подростков в армию США, чем в собственную. Там, в виртуальном мире, у наших ребят много добрых знакомых: бравые сержанты, сытые лейтенанты, разъезжающие в джипах красавцы полковники, и за всеми этими парнями стоит мощное государство, которому они служат и которое за вырванный с их головы волос насылает на обидчиков авианосцы и армады самолетов. А в Российской армии — сплошные пьяницы и придурки, их ежедневно изображает по телевизору бригада универсальных хохмачей. «Учить патриотизму» молодого человека, то есть «учить» любить Родину при нынешнем раскладе телевизионных сил, все равно что вести контрпропаганду звеном октябрят в тылу матерого противника. Образ Родины, который должен полюбить молодой человек, ежедневно заплевывается, унижается, втаптывается в грязь и подвергается осмеянию. Телевидение, которое на 90 % формирует взгляды современной молодежи, дает государству шанс вырастить патриота, соизмеримый с шансом травы пробиться сквозь свежеуложенный асфальт. Победили фашизм? А какой ценой? Восстановили страну? А зачем? Чтобы строить танки и бряцать на весь мир оружием? Покорили космос? А сколько народу при этом сидело в лагерях?..

Теперь о войне минувшей. Из нашей неподготовленности к ней, из растерянности, с которой мы вступили в нее, из неудач первых ее периодов можно сделать выводы самые разные.

Давайте говорить серьезно. Что толку в том, что мы сто раз назовем генералиссимуса последними словами, хотя он этого, на мой взгляд, да и по мнению большинства россиян (см. результаты конкурса «Имя России», где Сталин занял почетное третье место), не заслуживает. Толк появится, если мы, вскрыв ошибки наших отцов и дедов, поспешим принять все меры, чтобы они не повторились.

Лично у меня сложилось впечатление, что мы не только не готовы к современной войне, но даже и не собираемся готовиться вопреки всем вековым мудростям, вроде «Хочешь мира — готовься к войне». Мы живем так, словно Россия — хранимая по особому договору с Богом страна, где войны больше никогда не будет, а если и будет, то лет за сто до ее начала нас уведомят по телефону. Так что все-таки делается, чтобы отвести от нашего народа, нашей страны, угрозу новой войны?

Нет у меня ответа на этот вопрос. Думаю, у нашего руководства, провалившего военный заказ 2010 года, тоже нет утешительного ответа.

Известно лишь другое — во всех войнах страдают в первую очередь простые люди, народ. Богатеи, элита, власть находит способ скрасить свою жизнь в военное время.

Если хлопоты нашей власти о безвизовом режиме со странами ЕЭС увенчаются успехом, то бегство из страны для всех заинтересованных лиц упростится до покупки в аэропорту билета и прощальной бутылки водки. Пахнуло керосином — сел в самолет и улетел к деньгам и детям в Лондон, прихватив родителей и верных слуг.

2. Кому выгодно?

Вопрос третий: с какой же целью проводятся всевозможные «суды времени»?

Рассуждения некоторых политиков и историков о ленинградской блокаде напоминают мне недоумение четырехлетнего мальчугана, который, выслушав историю о блокадном голоде, пожал плечиками и развел ручками: «Надо было пойти в магазин и купить еды!»

С такой же наивностью, глядя из нашего сытого времени в те лихие годы, они одной фразой разворачивают полки и дивизии, отступающие в сорок первом, изменяют маршруты эшелонов с продуктами и беженцами, щелканьем пальцев отменяют приказы Ставки, улюлюкают вслед давно сошедшим в могилу А. Жданову, А. Кузнецову, Сталину. По мысли некоторых особо ретивых «судей истории», всему руководству страны требуется вбить осиновый кол за ленинградскую битву. Что они, собственно говоря, и пытаются делать, продолжая изображать из себя бесстрастных судей в черных судейских мантиях. Но видно невооруженным глазом: в рукавах их мантий прячется либо булыжник-джокер для ловкого броска в чашку весов, либо таинственный документ, которым шумно размахивают, но в руки не дают, незаметно подтягивая при этом нужную чашку весов вниз. Вот в двух словах весь механизм «суда истории». Это не только мое мнение. Так думает большинство историков, с которыми мне довелось обсуждать эту тему, и большинство зрителей. (По одной из версий, передачу закрыли, потому что она провалилась – народ повально голосовал за Кургиняна, отстаивающего версию «хорошей» советской власти. Страна не захотела умирать...)

Ленинградской блокаде достается со всех сторон. Ругают руководителей, задним числом увеличивают число погибших от голода, словно эти смерти не были запланированы строгими немецкими учеными-пищевиками и генеральным штабом вермахта, а явились по указанию военного командования Ленфронта и горисполкома.

Плевать в генералиссимуса уже стало традицией: истребил маршалов, выбил командный состав РККА, прозевал начало войны, допустил блокаду Ленинграда... И вообще, какую цену заплатил наш народ за победу?

Что на это ответить? Лишь одно — не стоит забывать мудрость древних: цена победы — победа! И ничто иное.

Кто из этих исторических крикунов возжелал бы поражения в войне при минимальных, допустим, потерях? Ну, представим себе совсем минимальные потери при начале войны на всем пространстве от Баренцева до Черного моря. Скажем, погранвойска и случайно погибшие мирные жители при разрыве первых снарядов и бомб. А дальше — ни единой смерти, дальше безоговорочная капитуляция или какой-нибудь почетный мир с уступкой части территории и выдачей фашистам комиссаров, евреев, цыган и прочих нежелательных для «нового порядка» элементов. Сочли бы наши историки-агитаторы приемлемой такую цену? Бесспорно, нет. Зато нынешняя «цена» (словно разговор ведется около кассы в супермаркете) их, видите ли, не устраивает. Плен устраивает? Печи Освенцима устраивают? Новый мировой порядок, который Гитлер нес Европе и миру, устраивает?

Перефразируя Ю. Лотмана, можно сказать, что история для некоторых «исследователей» — меню, откуда они заказывают блюда по своему вкусу.

3. А судьи кто?

В Сети распространено мнение, что разговор во всех этих исторических передачах ведется по большому счету ни о чем. Сидеть и слушать рассуждения Сванидзе, Млечина или Дымарского, не зная истинных мотивировок их поведения, все равно что столбенеть под взглядом цыганки-гадалки, — и время потеряешь, и деньги уведут.

Генерал-майор КГБ СССР в отставке Юрий Дроздов, двадцать лет возглавлявший управление «С» нелегальной разведки КГБ СССР, отметил, например, что он с интересом смотрел передачу «Суд времени» с участием Николая Сванидзе, который «нарочно умалчивает о важных фактах, ну, а если собеседник ему о них напоминает, то он его быстро обрывает». По его мнению, Сванидзе в этой передаче демонстрировал «принцип выборочной памяти в отношении истории», а также добросовестность «работы американцев по осуществлению операции влияния на противную сторону». При этом Ю. И. Дроздов пояснил, что в США давно разработана «система влияния на большие людские массивы, для того чтобы убедить их принять американскую точку зрения по тому или иному поводу».

Как известно, историческая политика — часть идеологии (историю пишут победители!), и партия растащивших Советский Союз уже давно пытается сочинять новую историю своей жертве, чтобы простому народу и жалеть было нечего.

Лично у меня создалось впечатление, что стоящие на историко-идеологическом шухере специалисты хотят в ближайшие годы решить два главнейших, по их разумению, вопроса. Попробовать доказать народу, что Сталин в своих злодеяниях был не только равен Гитлеру, но и превосходил его. И как бы не противореча приговору Нюрнбергского трибунала, навесить на Сталина все злодеяния фашистов, а его самого повесить на Красной площади под аплодисменты либеральной общественности.

Вот, например, Виталий Наумович Дымарский, ведущий программы «Цена победы» на радиостанции «Эхо Москвы», пригласив в гости доктора исторических наук Юлию Кантор в дни 70-летия начала Великой Отечественной войны, все еще не уверен, кто был прав, а кто виноват в этой войне и кто же преступник, а кто не преступник.

Вот фрагмент этой беседы, взятый с сайта радиостанции[1].

В. ДЫМАРСКИЙ: Во-первых, я представляю гостя. Доктор исторических наук, сотрудник Государственного Эрмитажа Юлия Кантор.<...> Сегодня <...> мы договорились поговорить о том, с чем, собственно говоря, российские историки, российские исследователи пришли к этому 70-летию, что интересного издано в связи с этим, что интересного мы узнали, нового. Ну, в общем, такой без конкретно заданной темы такой вот обзор как научной литературы, так и некоторых взглядов, мнений на тот очень спорный период, на эту очень спорную дату. Спорной в том смысле, что мы, *общество* (курсив мой. — *Д. К.*), за 70 лет никак не можем между собой договориться, кто преступник, кто не преступник, кто прав, кто виноват.

Ю. КАНТОР: Ну, по-моему, договорились на Нюрнбергском процессе, нет?

В. ДЫМАРСКИЙ: Ну, я имею в виду, что если мы говорим о трагедии сорок первого года для Советского Союза.

Ю. КАНТОР: Ну тут преступник, в общем-то, тоже понятен.

В. ДЫМАРСКИЙ: Ну, кому-то понятен, кому-то нет. Я просто участвовал в дискуссиях на этой неделе и могу вам засвидетельствовать, что далеко не всем это понятно...

Забегая вперед, скажу: версия равной вины Сталина и Гитлера не была подддержана петербурженкой Юлией Кантор!

Мысленно аплодирую Юлии Зораховне, которая с достоинством русского историка ответила на все скользкие вопросы ведущего про граммы «Цена победы».

Звучит нелепо, но через семьдесят лет после начала Великой Отечественной войны и через шестьдесят пять лет после вынесения приговора в Нюрнберге «историки и журналисты» с дипломами преподавателя французского языка не могут разобраться, кто на кого напал в сорок первом и кто совершал зверства на чужой территории.

Одно время мне казалось, что отряд историков, взявшийся копаться в недалеком прошлом нашей страны, сильно ошибается, заблуждается, не видит очевидного, достаточно им ознакомиться с новейшими архивными данными по тому же предвоенному заговору маршалов или ознакомиться с решением Сената США, установившему, что помощь СССР будет оказана лишь в том случае, если он «не спровоцирует агрессию Германии», чтобы понять, что поведение Сталина перед войной — не одна сплошная ошибка, а логически строгое соблюдение национальных интересов.

Как я был наивен в оценке этих историков! Но стоило мне убедиться, что это вовсе не историки, а пиар-менеджеры с хорошими окладами и у них другая задача — не поиск истины, не поиск путей для новой России, а пинание тяжело раненного льва, пинание со злым хыканьем, кровожадностью и одновременно страхом: а вдруг он поднимется, и нас, бывших штатных агитаторов ЦК КПСС, притянут к ответственности? — и все вопросы к этой группе, вычисляющей «цену победы», отпали.

Чем раньше, при советской власти, занимались эти люди? Читаешь их биографии в Сети — просто пламенные революционеры.

Справка: Дымарский Виталий Наумович — генеральный директор ГРК «Радио России» (дочернее предприятие ВГТРК) с января 2000 года; родился 22 февраля 1947 года в г. Львове; окончил МГПИИЯ им. М. Тореза по специальности «преподаватель французского языка» в 1971 году; 1968–1973— редактор издательства «Прогресс»; 1973—1983 — переводчик, старший референт, редактор-консультант журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага, Чехословакия); 1983–1989 — редактор, обозреватель Агентства печати «Новости»; 1989—1990 — редактор, заместитель заведующего отделом журнала «Коммунист»; 1990—1991 — заведующий отделом журналов «Мегаполис» и «V.I.P.»; 1991–1992 — заместитель главного редактора газеты «Российские вести»; 1992–1999 — заведующий корпунктом РИА «Новости» во Фран-

ции; 1999–2000 — директор Дирекции общественно-политических программ «ТВ Центра»; сотрудник радиостанции «Эхо Москвы», ведущий программы «Цена победы». Лауреат премии АПН; женат, имеет двоих детей; увлечения: шахматы, путешествия.

Или, например, Леонид Млечин — написал в 1980 году в соавторстве со своим отчимом Виталием Сырокамским (бывшим заместителем главного редактора «Литературной газеты» и главным редактором «Вечерней Москвы») книжку о страданиях детей в капиталистических странах под грустным названием «Дети, которых лишили детства».

Вот начало и конец этой книги[2]:

«**Нашему читателю**

Для тебя, наш читатель, «капитализм», «буржуазное общество», «безработица», к счастью, всего лишь слова из учебника обществоведения, а потому зачастую кажутся, наверное, абстрактными. И кое-кто, слушая учителя, иной раз думает; «Ну, что он (или она) заладили: капитализм, капитал... Живут небось припеваючи». Вспоминают при этом глянцевые обложки иностранных журналов с цветными снимками роскошных автомобилей — и фотомир рекламного изобилия представляется реальной жизнью. Вот и давай поговорим о реальной жизни на Западе. Ты познакомишься со своим сверстником из Нью-Йорка, Мюнхена, Токио, увидишь его совсем малышом, который делает первые шаги в жизни, пойдешь вместе с ним в школу и испытаешь проблемы юноши, ищущего работу. И тогда, мы уверены, понятие «капиталистическая действительность» перестанет казаться тебе отвлеченным, а наполнится болью и страданиями миллионов детей и подростков, таких же, как ты, веселых, задумчивых, пытливых, но родившихся в другом мире. <...> Пусть эта книжка не только познакомит тебя с теми, кто мог бы стать твоими друзьями и товарищами, но и заставит задуматься над трагедией искалеченного детства. Ведь, как сказал поэт, «чужого горя не бывает».

Лучшее — детям!

Перевернута последняя страница, закончен наш разговор об украденном детстве на Западе. <...> Главный виновник детских страданий, с неумолимой жестокостью преследующий маленького американца, англичанина или итальянца, — не отец-алкоголик, не злой учитель, не бессердечный фабрикант. Корень зла — в системе бесчеловечных отношений, на которых построено буржуазное общество.

<...>

Трудно даже пытаться сравнивать положение детей в социалистических и капиталистических странах — настолько оно различно. У нас дети не умирают от голода, не страдают от постоянного недоедания и эпидемий. Не бросают школу, чтобы своими детскими руками прокормить семью. Их не покупают и не продают, не истязают... Какое бы социальное зло мы ни взяли, ему нет и не может быть аналога в социалистическом государстве. «Дети в СССР остаются «привилегированным классом». Их холят, нежат, иногда балуют, и нет в стране другой категории жителей, которая была бы окружена таким вниманием, как они». <...> В новой Конституции СССР обобщено, в законодательном порядке закреплено то, что уже стало нормой нашей жизни: любовь к детям. Именно этим чувством продиктованы емкие строки целых пяти (!) статей Основного Закона, которые имеют самое непосредственное отношение к подрастающему поколению. За каждым словом, гарантирующим право на счастливое детство, — реальные достижения нашей страны, возросший уровень благосостояния народа.

Особой заботой, говорится в статье 42 Конституции, должно быть окружено здоровье подрастающего поколения. Запрещая детский труд, наша Конституция ставит задачу растить крепкими, физически закаленными советских людей. Постоянную борьбу с детскими болезнями ведут врачи двенадцати тысяч детских поликлиник. Строятся одна за другой специализированные больницы для детей. Ни в одной стране мира не заботятся так и об отдыхе детей. Сколько раз ты, читатель, вместе с друзьями ездил в пионерские лагеря, загорал, купался, играл в футбол, путешествовал с родителями, побывал на море? Беспокоиться о здоровье, считают врачи, надо раньше, чем придется прибегнуть к медицинской помощи. Вот и созданы у нас в стране детские санатории, путевки туда бесплатны. Предусмотрены пансионаты и для семейного отдыха. Да все и не перечислишь. <...>

Мы вовсе не утверждаем, что в социалистическом обществе все безупречно — оно развивается, улучшается, самосовершенствуется. Но оно несравненно выше и гуманней общества капиталистического. Человечней! <...> Отношение к детям — прекрасное доказательство этому».

Удивительно, но почти все, что было написано в 1980 году о наших детях, правда! Как стало страшной правдой для нашей страны и все то, что было рассказано Леонидом Млечиным и его отчимом-соавтором, крупным партийным журналистом Виталием Сырокамским о детстве в капиталистических странах тех лет.

Воля ваша — вы можете верить или не верить пассионариям, меняющим свои убеждения, как перчатки, но лично я всерьез опасаюсь таких людей, перебежавших из одной армии в другую, сменивших флаг и окошко кассира.

Вчера — ярые слуги советского строя: вдумчивые радиожурналисты, пламенные публицисты, идейные литературоведы, не садившиеся есть и пить без упоминания работ Ленина, сегодня — телевизионные аналитики и комментаторы, в гневе брызгающие слюной при одном упоминании об их вчерашнем кумире. Если бы они отдали гонорары за свои книги-агитки в фонд репрессированных, сдали квартиры и дачи, полученные за службу у коммунистов, и, прозрев, перешли в новую армию рядовыми, было бы понятно и убедительно. Они же перебежали к другому окошку с сохранением чинов, званий и окладов; некоторые даже с повышением.

Достаточно услышать перед началом передачи, что всё происходящее в студии «Эха Москвы» смотрят по каналу RTVI[3] в США, чтобы догадаться, почему обозреватели этой радиостанции с редким усердием рассказывают о грехах Советского Союза, а не пытаются, например, нагрузить американских телезрителей правдой об истреблении индейцев или напалмовых подвигах американских солдат во Вьетнаме. Кто же им позволит? В США отступление от официально признанной истории страны карается строго — вылетишь с работы впереди своего визга. Даже фильмы, показывающие американскую жизнь с дурной стороны, мягко говоря, не приветствуются ни обществом, ни властью.

И честно говоря, я не понимаю, почему деньги от продажи российского газа (если верить Википедии, совладелец «Эха Москвы» — одна из дочерних структур «Газпрома») идут на разрушение исторической памяти России?

Отношение к «разрушительно-просветительским» передачам в Сети настороженное. Если не сказать более. Вот несколько типичных отзывов:

«Считаю Николая Карловича, в его интеллектуальной деятельности, мыльным пузырем, надутым обстоятельствами. Его можно изучать как явление определенной эпохи. Но факт его членства в КПСС или масонской ложе, лично для меня, никакого значения не имеет. Что это членство меняет в образе Сванидзе?»

«Вряд ли найдется второй такой «деятель», вещающий с интонациями пророка прописные истины или явную чушь. Гнать в шею таких пустобрехов!»

«Как же! Их в дверь — они в окно!»

Суждения резкие, но небезосновательные.

Известный блогер-публицист Виталий Овчинников задает в Сети задиристый вопрос: «Кто вы, Млечины и Сванидзе?» — и рассуждает о передаче «Суд времени»:

«...разговор идет об истории моей Родины, причем разговор довольно откровенный, очень неравнодушный, хотя порой и чрезвычайно тенденциозный. Я интересуюсь историей России, особенно советской историей. Как это не покажется странным, но сегодня у России нет написанной истории двадцатого века! <...> Мы становимся народом без собственной истории, мы становимся Иванами, не помнящими родства, а значит, мы превращаемся в стадо, в народ без будущего. Кого-то это устраивает. Меня лично — нет!»

Соглашаюсь с Виталием Овчинниковым, меня это тоже не устраивает.

«Что меня поражает в этой передаче? — продолжает блогер. — Ведь я довольно неплохо знаю историю СССР и смотрю передачу осмысленно. Я долгое время собирал материалы по истории СССР, одних биографий репрессированных политических, военных и хозяйственных деятелей страны у меня свыше десяти тысяч. Есть даже уникальнейшая первая однотомная история Гражданской войны, написанная комиссией под руководством Тухачевского еще в 1926 году! Там даже Троцкий есть! Не враг народа, а выдающийся политический и военный деятель страны, создатель Красной армии организатор ее побед в Гражданской войне. <...>

Я смотрю телепередачу Сванидзе, и меня поражает поведение обвинительной стороны под руководством Млечина. Мощный поток грязи, выливается из их уст на наш советский период жизни. Причем грязи густой, липкой и очень дурнопахнущей. Обвинители действуют по принципу — цель оправдывает средства. А цель у них простая — любой ценой опорочить советский период России в глазах ее граждан. Откуда все это? Ведь Леонид Млечин, как и его помощники, а также сам Сванидзе, люди уже пожилые, им всем хорошо за пятьдесят. Они родились, выросли и состоялись в советское время. Откуда же тогда такая ненависть ко всему советскому? Я открываю Интернет, смотрю биографию Млечина, Сванидзе и от неожиданности открываю рот. Оказывается, все они из советских товарищей. Причем из активнейших советских товарищей! Вот, к примеру, биография господина Млечина. Вырос господин Млечин в семье высшей советской правящей элиты...»

Справка: Леонид Михайлович Млечин родился 12 июня 1957 года в Москве. Его отчим Сырокамский был заместителем главного редактора «Литературной газеты» и главным редактором «Вечерней Москвы», а мать — филологом, специалистом по немецкой литературе. После окончания в 1979 году международного отделения факультета журналистики МГУ, где он специализировался на Японии, Леонид Млечин стал корреспондентом, позже — международным обозревателем еженедельника «Новое время». В 1993–1996 годах — редактор международного отдела и заместитель главного редактора газеты «Известия». Постоянный автор и член редакционного совета журнала «Новое время», автор журнала «Эксперт».

«А у Сванидзе, — продолжает Овчинников, — биография советского периода еще похлеще. Он внук брата первой жены Сталина, Николая Самсоновича Сванидзе, репрессированного в 1937 году. Его отец работал заместителем главного редактора Главполитиздата, а мать — доктор исторических наук, профессор МГУ.

После окончания МГУ он работал в одном из самых блатных мест для детей верхушки — в Институте США и Канады АН СССР. И проработал там до самого развала Союза, причем, как и Млечин, уже не на рядовой должности, а заместителем начальника отдела...»

Справка. Николай Карлович Сванидзе (род. 2 апреля 1955 года, Москва) — российский тележурналист, историк, профессор, руководитель Института массмедиа РГГУ, ведущий телевизионных программ, член Общественной палаты Российской Федерации..
Отец — Карл Николаевич Сванидзе (род. 1921), один из руководителей Политиздата при ЦК КПСС.
Мать — Аделаида Анатольевна Сванидзе (род. 1929), историк-медиевист, специалист по Скандинавии, преподает в МГУ и РГГУ. Внучка первого прокурора Москвы и Московской области (в 1936—1937 годах) Андрея Владимировича Филиппова, участвовавшего в Комиссии по изъятию церковных ценностей и в подавлении кронштадтского мятежа.
Жена — Марина Сергеевна Жукова, журналист, главный редактор телепрограммы «Зеркало».
Назван в честь деда — расстрелянного в 1937 году партийного деятеля Николая Самсоновича Сванидзе, брата первой жены Сталина. Бабушка Сванидзе по отцовской линии — Циля Исааковна — была членом партии большевиков. По словам Николая Сванидзе, она ненавидела Сталина. Окончил исторический факультет МГУ (1977), специальность «историк, преподаватель истории со знанием иностранного языка». Работал в Институте США и Канады РАН.
В 1975–1991 годах — член КПСС. На российском телевидении — с 1991 года. С 1996 года — заместитель председателя, а с февраля 1997 года по май 1998 года — председатель ВГТРК.
Автор и ведущий цикла исторических телевизионных программ и телефильмов.
Преподаватель Московского института телевидения и радиовещания «Останкино».
Член бюро Союза журналистов Москвы.
В ноябре 2008 года принимал участие в создании партии «Правое дело».
С 2009 года — член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Виталий Овчинников продолжает: «То есть в советское время господа Млечин и Сванидзе получили прекрасное гуманитарное образование и оба сделали блестящую политологическую карьеру. С развалом Союза обоим надо было срочно перестраиваться, чтобы вписаться в новую реальность, так непохожую на былую. Что они великолепно и сделали».

Лично меня во всей этой истории поражает не крутая смена идеологического курса одного из ведущих сотрудников нынешнего российского телевидения и профессора нескольких учебных заведений, а участие Николая Карловича Сванидзе в Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Что же это за комиссия такая, прости меня, Господи, и какие интересы России она защищает, если ее членом является историк с такими оригинальными взглядами...

Простой человек в непростой истории (из рассказов железнодорожников)

В своих дневниковых повестях[4] и книге «Петербургские хроники»[5] я приводил воспоминания ленинградских железнодорожников о войне и блокаде, которые мне передала Мария Ивановна Яблонцева, председатель Совета ветеранов Октябрьской железной дороги, и которые были использованы при подготовке сценария документально-исторического фильма «Коридором бессмертия».

Это живые непосредственные рассказы о войне, собранные в шестидесятые годы прошлого века Георгием Иосифовичем Федоровым, политруком 48-й паровозной колонны особого резерва НКПС, о которой и был снят фильм.

Долго, очень долго разбирал я рукописные свидетельства очевидцев, сверял названия городков, станций, даты событий, уточнял имена, затем перевел материалы в компьютерный вид и вернул оригиналы в Совет ветеранов — им место, конечно, в музее.

Самый главный вывод, который можно сделать, читая народные воспоминания о войне: победу одержала не Красная армия, не генералиссимус Сталин, а народ. Весь советский народ, поднявшийся на защиту страны от мала до велика...

Историю пишут не историки — историю пишет народ.

И пусть говорят участники тех событий. Лишь иногда я позволю себе прокомментировать события из нашего времени.

Помощник машиниста В. Нагорный:

Мы были молоды, но белофинская опыта и хитрости добавила. Пошел в Володарский РВК, а там деповских ребят полно. Дошла очередь до меня. «Броня есть?» — спросил капитан. Я дураком прикинулся: «Какая броня? Нет никакой брони. Добровольцем запишите». И меня отправили в часть, она находилась на Тележной улице. Мы дали присягу и поехали под Псков.

Л. Шалоня, в 1941 году учащийся школы ФЗУ «Юный пролетарий»:

Мы, пацаны, учились на помощника машиниста и держали в секрете от учителей, что уйдем добровольцами. С нами собирались несколько девчонок, они окончили курсы медсестер. И в начале июля тридцать пять человек смылись из училища. Нарвский военкомат зачислил нас в Кировскую дивизию народного ополчения. Направили под Псков.

Мастер депо Минин А. В.:

16 июля 1941 года подняли всех по общему авралу, погрузились в товарные вагоны и поехали на станцию Бабино рыть окопы. В Обухове еще добавился народ — женщины, подростки.

В Бабине рыли по речке противотанковый ров, строили дзоты, устанавливали пулеметные колпаки, жили в шалашах из еловых лап. Через неделю вернулись в депо.

А в дежурке народу невпроворот, прибывающие проводники из Бологого делятся своими соображениями, вспоминают военные эпизоды.

Машинист Николай Андреевич Гаврилов — депо Балтийское:

Было это в начале войны. На своем паровозе «Тысяча и одна ночь» — Эл-1001— доставил до станции Тапа «окопников», и мне прицепили наливной состав на Ленинград, весом 1000 тонн. Ждем отправку, вдруг на паровоз лезет человек в железнодорожной форме комсостава. Показывает документ: «Уполномоченный НКПС Северо-Западного направления Богданов Василий Дмитриевич».

И говорит тихо:

— Слушай меня, Коля, внимательно! Под Таллином идут тяжелые бои, эвакуируем всё. Возможно, тебе придется сопровождать сплотки с горячими паровозом в тыл. На них будут эстонские паровозные бригады, будь с ними осторожен, прикажи им говорить по-русски. Кроме того, в лесах появились банды «зеленых» с пулеметами, нападают на паровозы и поезда...

— Так у меня нет оружия! Если полезут на паровоз, чем защищаться?

— Нету, так будет! — Василий Дмитриевич дает мне и помощнику В. Липко по нагану. — Держите! Они заряжены, и вот к ним еще патроны, берите больше, — он стал сыпать из карманов патроны. — Состав идет до Лебяжьего, о нем знаете только вы, и больше никто. Кровь из носу, а доставить надо!

— Хорошо, — говорю, — если кровь только из носу, а не из других мест.

— А ты, — говорит, — весельчак! Держитесь, ребята!

Наган приятный, увесистый, со следами смазки. Давно не держал в руках оружие, а в руку легло по месту. Протер, положил на полочку, ветошкой закидал, лучше бы он не понадобился.

— Ребята, я в вас верю! Если пойдет стрельба по паровозу — обороняйтесь, стреляйте на поражение! Не сдавайтесь, один патрон оставьте для себя. В Котлах вас встретит Алексей Недбаев...

Веселенькое, думаю, дело: бандиты с пулеметами в лесу, а мы с наганами в фанерной будке, покрытой кровельным железом. Но ничего не сказал.

— Будем стараться, — говорю.

Тут снизу стучит главный кондуктор Лазаренко: «Механик, поехали! Жезл есть!» И лезет, кряхтя, в контрбудку. Богданов спрыгнул на левую сторону, так что Лазаренко его и не заметил.

Составу в тысячу тонн до Нарвы — рукой подать: профиль пути равнинный, почти без кривых.

На подъезде к Нарве, в лесочке, попали под первый обстрел: били из пулеметов по цистернам, мы с помощником и отвечать не стали, горе на свою голову призывать не хотелось. Пробитые цистерны потекли немного, но не беда, через Нарву следуем ходом, бросил заявку на уголь, — на станции Весси паровым краном набросали нам в тендер сланца и угля, залили воду. До нашего диспетчера не дозвонился.

Отправились. Следующая станция Сала, нас поставили на обгон. Стали с помощником латать простреленные цистерны — заколачивать колышки с тряпками в дырки, нам помогали все станционники и путейцы. Вдруг вкатывается состав с эвакуированными — теплушки, пассажирские вагоны. Дежурный по станции приказывает мне эти 600 тонн поставить в своем наливном составе с головы. Получится 1600 тонн!

— Моя «Тысяча и одна ночь» его не одолеет, — говорю дежурному.

— Коля, в нем люди, их надо спасать! В голове у вас будет паровозик-гонялка — поможет вам малость, у него пробоины в котле, пару не сдержать, только до Веймарна! А вы будете толкачом с хвоста.

Хорошо. Дали отправку. С места взяли бойко, через двадцать минут прошли Кингисепп. Впереди подъем. У платформы Тикопись — пулеметная трескотня из леса. Уже и по паровозу бьют. Несколько пуль прошили будку, помощник бросился на пол, я и испугаться не успел. Какой тут наган!

Только прошли входной светофор Веймарна, началась бомбежка станции. Дежурный по станции подает на жезле записку: «Коля, уходи скорее, Веймарн будут еще бомбить, путь на Котлы свободен. Диспетчер Алексеев».

Тут «мессера» пошли — поливают свинцом, летят низко, рожи летчиков видно, смотрят вниз, улыбаются, один даже ручкой мне помахал. Хватаю наган — сейчас я вас, сволочей, угощу!

И тут меня поднимает и выбрасывает из паровоза — бабах! — доски трещат! Я барахтаюсь в чем-то вонючем, захлебываюсь, дышать нечем, в голове шум, в глазах красные и черные круги...

Оказалось, меня взрывной волной выбросило в станционный туалет, в ящик с «золотом».

Выбрался, отплевался, наган в руке зажат, бегу к паровозу, Галочкин смотрит на меня белыми от ужаса глазами, сует жезл: «Твой помощник убит — вон там лежит. Скорее уводи состав! Они снова прилетят!» От меня вонища, как от парфюмерной фабрики, без сапог, без штанов — там остались. В дерьме, но с наганом — знай наших! В вагонах, где эвакуированные ехали, крики, плач, но состав цел, не разорвало. Рядом с путями воронки дымятся...

Залез, наган протер, положил рядом. Мыться некогда. Дернулись, пошли.

Я на паровозе один в трех лицах — и за себя, и за помощника, и за кочегара. И вот на подходе к платформе Кихтолка путевой сторож останавливает меня красным сигналом. Хватаю наган и босиком, в вонючих подштанниках и нательной рубахе спрыгиваю с паровоза: «В чем дело, дед?» Сторож глаза вытаращил, крестится, убери, говорит, наган, мил человек. Из-под откоса девушка в военной форме, едва передвигая ноги, тащит на плечах военного: «Возьми! Спаси этого человека! В Котлах сдашь его в санбат!» Тут-то у меня на голове волосы зашевелились: военный без обеих рук, зубами скрипит, стонет, головой мотает. Втроем погрузили раненого на паровоз.

— Есть чем перевязать, механичек? — а сама плачет.

В аптечке оказались йод, жгут, пара бинтов. Обмыли ему водой из тендера обрубки рук, дезинфицировали водкой, остановили кровотечение. Достал незаметно из сундучка-шарманки одеколон, побрызгал себе на подштанники...

— Я, — говорю, — один еду. Помощника убило, кочегара нету, даже помыться некогда...

— Отвернись, — говорит. А сама, чувствую, принюхивается.

Я стал кидать в топку, она сняла гимнастерку, разорвала на куски тельняшку и перевязала обе руки...

— Это батальонный комиссар с Кингисеппского укрепрайона, — говорит. — Дот номер тринадцать, обязательно помоги ему, механик. — Поцеловала его, еще раз понюхала воздух и сошла с паровоза в кусты.

Тронулся. Раненый очнулся, дал ему водки, рассказал, как было со мной дело, чтобы не удивлялся запаху в будке. «Мне бы, — говорит, — твои заботы, приятель. Сам видишь, что со мной. Я перед самой войной мотоцикл купил, жениться хотел, как теперь без рук поездишь?» — и заплакал.

Едем. Надо и уголек кидать, и за путём следить, и за приборами, и стреляют где-то — собой заняться некогда.

Аэродром Котлы горел, горела деревня Котлы, бомбардировщики фашистов уходили в залив. Станция приняла под закрытый входной семафор. Встал под воду, подъехала «санитарка», на паровоз влез Недбаев, мой товарищ по комсомолу, с 4-го участка тяги. Я еще и помыться не успел. Носом водит, морщится.

— Ты что, — говорит, — со страху обделался? Ну, ничего, ничего, бывает. Первый раз под бомбежкой, с каждым может случиться.

— Щас как дам лопатой по башке! Сам ты обделался! Меня взрывной волной в туалет забросило!

Он губы кривит, чтобы не рассмеяться. Рассказал, как было дело, — вроде поверил. Вспомнили моего помощника, погоревали. Политрука забрала «санитарка».

— Ну, Николай! Ты в тельняшке родился! — сдерживает улыбку Недбаев. — Твой героический поступок не останется без внимания! Я об этом в стенгазету напишу!

— Я тебе напишу! — погрозил ему лопатой. — Только попробуй!

— Ладно, — говорит Недбаев. — Быстренько мойся под колонкой, сейчас одежду принесу.

Принес тельняшку, парусиновые штаны и русские сапоги, Я облачился в новую форму. Вдвоем довели состав до Лебяжьего.

В Ленинград попал только через неделю — встал на промывку котла. А в депо уже все знают, что я от немецкой бомбы «золочение принял», хохочут. Сдал наган начальнику депо, написал объяснительную. Он мне расписку дал, что оружие принял.

Потом Недбаев частенько мне этот случай вспоминал.

Справка. *Гаврилов Николай Андреевич, 1914 года рождения. Член ВЛКСМ. Перенес блокадную зиму 1941—1942 годов. В навигацию 1942 года через Ладожское озеро на понтонах до Кобоны следовал с паровозами в тыл страны. Участник взятия Кёнигсберга.*

Из воспоминаний секретаря парткома Финляндского узла Октябрьской железной дороги Д. Я. Барнаулова об участии в обороне Ленинграда в 1941 – начале 1942 г.[6]

...1941 год был годом материального подъема. Был бурный рост промышленности, и в соответствии с этим развитием прогрессировали наука и культура. Мы собирались и говорили, что наступает прекрасная жизнь.

Но вот 22 июня 1941 года началась война. Мне и сейчас трудно без волнения вспоминать этот день. Враг напал на нас без объявления войны, вроде как на сонных.

<...> Молодежь пошла на фронт. Некоторые даже самовольно уходили. На участке Тихвин я в один день недосчитался 250 человек. Они не вышли на работу и все сразу, в организованном порядке, явились в военкомат. <...>

В сентябре я ушел с 3-й дивизией Красногвардейского района. Немцы уже подходили к Пулковским высотам в маршевом порядке. В ночь с 13 на 14 сентября мы вступили на высоты и с 15 до 19 сентября вели ожесточенные бои.

...Вооружены мы были плохо. У нас были винтовки, пулеметы, но они по большей части были неисправны. Через несколько месяцев армия уже была оснащена. А в сентябре мы не имели достаточного количества боеприпасов для нашей артиллерии. Снабжение продовольствием было организовано плохо.

Несмотря на ряд непростительных недостатков, все же на Пулковские высоты немцев так и не пустили. Они много сил там положили, устраивали неоднократно психические атаки, пускали все в ход, но патриотизм питерских рабочих, и особенно рабочих Выборгской стороны, восторжествовал, и тут было доказано, что, несмотря ни на какие недостатки вооружения и оснащения, мы можем немцев победить. <...>

Тогда уже стало ясно, что немцы в Ленинград не пройдут. Каждый боец знал это <...> Все говорили: «Ляжем до последнего, а в Ленинград врага не пустим!»

27 сентября попадавшиеся в плен немцы были уже деморализованы. Тогда был взят в плен один офицер. На его карте были пометки с указаниями дат и объектов. Там были указания, когда и как они должны захватить Петроград. На полях карты было записано: «Каждый третий в Петрограде — большевик — вздернуть». Нас поразила наглость в этих записях.

А вот выписки из политдонесения 1-й дивизии народного ополчения в штаб Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО):

Общая нехватка винтовок выражается в 1000 шт.

В целой группе вооружения дивизия недоснабжена. Так, по наганам, потребность 1633, получено же 600. Пистолетов-пулеметов положено 1100, не получено ни одного.

Пулеметов «ДП» должно быть 375, получено только 160, при этом только 60 являются годными, а остальные без мушки и сошек. <...> Пулеметов «Максим» с оптическим прицелом полагается 180, на самом деле ни одного не получено.

Комплект зенитных пулеметов — положено 18 шт., однако ни одного не получено.

<...> Из положенных к получению 465 биноклей получено лишь 250. Отсутствует 28 наименований разных приборов и оптики.

Получено 300 ракет, но пистолетов к ним нет.

Такое состояние снабжения вызывает недовольство отдельной части бойцов.

В 1-м полку 6-й роты бойцы, беседуя с политсоставом, заявляли: «Мы получили оружие, но стволы не только болтаются, а есть трещины. Мы хотим драться, но надо знать, чем бить врага. Не может быть, чтобы такое оружие давали из-за недостатка».

Выводы:

В целях выявления полной картины качества оружия по полкам и подразделениям созданы комиссии, работа которых должна быть закончена 10 июля. Требуется срочное изъятие негодного оружия и замена его годным, что породит большую уверенность в свои силы у бойцов.

В этих же целях необходимо додать гранаты и другие виды вооружения и устранить некомплектность.

Начальник ОПП Первой стрелковой дивизии
полковой комиссар П. Иванов[7]

Постановление Военного совета обороны Ленинграда о формировании батальонов народного ополчения

25 августа 1941 г.
Совершенно секретно

1. Для непосредственной обороны города сформировать из числа трудящихся предприятий и учреждений города по территориально-производственному принципу 150 батальонов народного ополчения численностью по 600 человек каждый.

2. <...> В формируемые батальоны включать также женщин на добровольных началах, а также организовать группы подростков для разведки, связи, снабжения личного состава батальонов боепитанием, продовольствием, водой и т. д.

.....

4. Вооружать батальоны народного ополчения винтовками, охотничьими ружьями, пулеметами, пистолетов-пулеметов Дегтярёва, гранатами, бутылками с горючей смесью, а также холодным оружием: саблями, кинжалами, пиками и др.

5. Предложить т. Капустину в кратчайший срок увеличить выпуск необходимого для батальонов народного ополчения вооружения (гранаты, бутылки с горючей смесью, пистолетов-пулеметов Дегтярёва, пики, кинжалы, сабли и т. д.)[8].

<...>

Председатель Военного совета
Обороны г. Ленинграда
Маршал Советского Союза
К. Ворошилов

Член Военного совета
Обороны г. Ленинграда
А. Жданов

(ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 151, д. 1, л. 7–8. Подлинник)

Впору удивиться и вознегодовать: как можно было хранить на военных складах винтовки без целика (попросту говоря, без прицела) и как можно было отправлять рабочих и студентов с пиками, самодельными саблями, кухонными ножами, бутыл-

ками с зажигательной смесью и кривыми драгунскими винтовками против танков?

«А что изменилось?» — спросит умудренный опытом читатель, и будет прав. Разве взрывающиеся военные арсеналы, собачьи консервы, закупленные интендантами под видом солдатской тушенки, и поборы с летчиков фронтовой авиации говорят о прогрессе в современных Российских вооруженных силах? Скорее, наоборот.

Читаешь историю войны, историю блокады, и начинаешь понимать, какую жуть, какую оторопь от собственного бессилия испытал наш народ в самом начале войны... «Война будет вестись малой кровью, на чужой территории» — и вдруг — на тебе! — 24 июня захвачен Вильнюс! 28 июня — столица Советской Белоруссии Минск! 6 июля — Рига.

Еще немного, и «враг у ворот!» Да как же этот окаянный немец прошел от границы до города трех революций? Кто ему позволил? Где были наши доблестные красноармейцы и красные командиры?

История никого ничему не учит, и каждому поколению суждено ошибаться заново, по-своему.

Научила ли чему-нибудь наш народ война? Научила ли блокада? Очень немногому. Науку вынесли только те, кто страдал в войне и в блокаде. Да, старики, прошедшие войну и руководившие страной в 50–80-е, никому не доверяли и копили оружие, постоянно его совершенствуя и развивая оборонную отрасль даже во вред остальным отраслям народного хозяйства. Тезис «Хочешь мира — готовься к войне» не подвергался сомнению. Советские танки и ракеты стояли по всей Евразии — от свистящих ветрами монгольских степей до уютных немецких городков. Так же, как американские стояли (стоят) вокруг СССР (России). Наши военные базы без какого-либо стеснения располагались в Восточной Европе и во Вьетнаме, в советской Прибалтике и Закавказье. В 1962 году наши воевавшие отцы и деды даже притащили ядерные ракеты к самым дверям Америки — на Кубу, что, правда, вызвало «карибский кризис», но и результат этой отважной экспедиции был неплохой: Америка убрала размещенные в соседней с нами Турции ракеты средней дальности, с подлетным временем до Москвы в десять минут, а в 1963 году был заключен Договор о прекращении испытаний в трех средах: в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Старики бдили. Им не хотелось вновь жить в землянках, отступать по грязи, вязнуть в болотах, стрелять вдесятером из одной винтовки, голодать и ждать помощи от союзников, которые вдруг стали врагами.

Но вот «эпоха стариков» закончилась: ушли Брежнев, Андропов, Черненко. Страной стал править пятидесятилетний Горбачев, мальчонкой живший на оккупированной немцами территории. Чего он там, на родном Ставрополье, насмотрелся в военные годы, мы не знаем, но только вся прежняя бдительность в дым разлетелась за несколько лет его правления. Армии в тысячи танков и самолетов, ракетный арсенал — весь этот щит, вынесенный страной-победителем буфером перед своими границами и стоявший противовесом войскам НАТО, был выведен в чистые поля России, солдаты и офицеры оказались в палатках, военное имущество бросалось или распродавалось местным дельцам и спекулянтам за марки, форинты, злоты... Если верить мемуарам президента США Рональда Рейгана, новый лидер Горбачев поразил и испугал его: он нашептывал во время доверительных бесед такие лихие предложения, что приходилось с опаской думать — а что он захочет получить взамен? Может быть, возвращение Аляски? Но для Америки все обошлось благополучно. НАТО как стояло, так и стоит. И даже успешно расширилось под флагом борьбы с терроризмом.

Но что же делал народ? Как он хлопотал о своем безопасном будущем, о будущем

своих детей и внуков? Да очень просто. Его «наиболее прогрессивная часть» торопила Горбачева и отдавала симпатии его внутрипартийному конкуренту — первому секретарю Московского горкома партии Ельцину, который, казалось, готов зажечь очистительный огонь в нашем доме более сноровисто, веселее. «Менее прогрессивная» часть народа, которой были прилеплены ярлыки «коммуняки», «совки» и «сталинисты» пыталась роптать, в том смысле, что разоружаться надо одновременно, не делая резких движений, а тем более не доверяя противнику на слово. Какие, например, гарантии дает Америка, что НАТО не расползется на Восток? «Да идите вы на фиг со своими гарантиями и «железным занавесом!» — рычали перестройщики. — Хватит! Натерпелись на ваших собраниях! За границу хотим! В свободное общество! Никто на нас нападать не собирается!»

И что? Да, ничего. Не напали. Пока...

Но послушаем голоса очевидцев.

Из дневника Федоровой Л. Н., работницы депо «Московская-Сортировочная»:

1 сентября 1941года. <...>

В стойлах депо, где стоят новые паровозы «ФД» (Феликс Дзержинский) все окна заделаны кирпичом, лишь оставлены бойницы, как в крепости. На поле Щемиловки военные роют траншеи и окопы. Провожали на фронт наших ребят, с ними ушли путейцы и движенцы. Сортировка встала. На угольном складе темнеют холодные паровозы, их скоро угонят на базу. Теперь у токарных станков висят плакаты: «Работаю за того парня, что ушел на фронт!».

4 сентября 1941 года. Получила письмо от Гоши — воюют наши мужья. На станции разорвался дальнобойный снаряд, есть убитые и раненые. Говорят, немцы нащупали наше депо, теперь будут обстреливать. В депо срочно закрывают окна мешками с песком, заколачивают досками, темно стало. Остались несколько токарей и слесарей, их на фронт не берут, а они требуют, чтобы отправили. Домой ехала до Навалочной, а там — через кладбище пешком. Берега Волковки женщины и подростки укрепляют шпунтовыми досками. То же самое на Обводном канале. Фашисты топчутся под Урицком. Не бывать им в городе!

Машинист А. Ткачевский:

Фашистский самолет напал на наш наливной состав у Дубцов. Строчит по цистернам, они текут, хорошо, мазут, а не бензин. Помощник плеснул в топку ведро мазута — над составом черный шлейф дыма, замаскировались слегка. Самолет отстрелялся и ушел. Проскочили Чудовский мост, остановились, чтобы цистерны осмотреть, — опять налет! В середине состава взорвалась цистерна, земля горит, цистерны текут, — едва ушел с половиной состава.

Машинист Н. Спиридонов:

Подошли с воинским эшелоном к станции Березайка. Станция в дыму, все кругом горит. Помощник кричит: «Есть сигнал на проход!», я тоже ясно вижу — диск сквозного прохода наш. Кочегар кричит: «Воздух!» — над составом прошел фашист, прострочил и ушел. Из дыма поднялись две зеленые ракеты. Что? Почему? Непонятно! Семафор открыт, идем ходом, слышен треск пулеметов, стрельба пушек... Только я хотел добавить пару, как помощник кричит: «В тупик идем!» Дал контрпар, торможу. Заскрежетало, остановились. Глядь — тупик, за ним речка. Кто стрелки перевел? Тут из вагонов на паровоз повалили солдаты, клацают затворы. Крики, угрозы — я стою, фуражку снял, пот вытираю. Где дежурный по станции? Привели его, постави-

ли на насыпь и дали по нему залп — самосуд свершился. Осадил поезд назад, за стрелку, пошла бомбежка станции, но скоро кончилась. Выбрались.

Из «Сводки главного инспектора тыла Северо-Западного направления К. Е. Ворошилову и А. А. Жданову о положении на железных дорогах»[9]:

21 августа 1941 года

Совершенно секретно

1. В течение 21.8.41 станции Гатчино-Варшавская, Балтийская и Балтийская-Товарная неоднократно подвергались воздушному нападению, артиллерийскому, минометному и пулеметному обстрелам. Все пути на станции Гатчино-Балтийская разрушены. Связь порвана. Сгорела сенобаза. Частично сгорел поселок.

С 16.00 все три станции Гатчино покинуты железнодорожниками и комендантом станции, которые находятся на станции Пудость. На станции оставлено два пассажирских вагона из-за невозможности вывезти их по разрушению путей.

2. 20.8.41 около 20.00 со станции Сиверская был отправлен эшелон с эвакуируемым имуществом ВВС (авиабомбы, походные мастерские, имущество и т. п.). При выходе со станции Суйда паровоз был подорван миной. Начальник эшелона, идя к хвосту поезда, услышал немецкую речь и, решив, видимо, что поезд ему не спасти, отдал команду поджечь поезд, что и было выполнено. Для разгрузки участка 21.8 утром был послан восстановительный поезд, но дойти до сгоревшего эшелона не смог ввиду обнаруженных мин. Возвратившись в Гатчино и захватив с собой подрывников, восстановительный поезд снова отправился к эшелону. Не дойдя до эшелона, паровоз был подбит артснарядами. Оставшийся на перегоне восстановительный поезд противник расстрелял из артиллерии и минометов. На 21.00 оба поезда находятся на перегоне. Имеются убитые и раненые.

<...>

Главный инспектор тыла Сев.-Зап. направления генерал-майор[10]

Начальник отдела ВОСО, военинженер 1-го ранга Щепенников

(ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 3, д. 23, л. 183–184. Подлинник)

Два ответственных человека сообщают двум еще более ответственным людям, что все три станции Гатчино покинуты железнодорожниками и на одной из них оставлены два пассажирских вагона, которые никак не удалось вывезти из-за разрушенных путей. А все остальное, стало быть, вывезено, эвакуировано, кроме того, что взорвали по недоразумению.

Так ли было на самом деле? Не знаю.

Но вот что рассказывала в 1968 году ***Софья Кирсанова, помощник машиниста*:**

26 августа 1941 года на Варшавский вокзал прибыл последний пригородный поезд из Гатчины, народу в нем — битком, все бегут в Ленинград. Неделю назад из депо ушел эвакопоезд с семьями рабочих в тыл — на Урал. Оставшиеся паровозы погасили и отправили на базу холодного отстоя, а пассажирские, серии Су, давно ушли в тыл. Осталась по хозяйству одна наша «овечка».

У дежурного по депо телефонные звонки, проводники сидят и лежат на полу, отдыхают, ждут по наряду. Шум, гвалт, жалобы.

Вошел заместитель начальника депо Каинц — все встали, тишина. Оглядел свой народ и говорит:

—Товарищи! Сейчас позвонили — в Гатчине остался паровоз «щука»! Машиниста там нет ни одного. Не оставлять же наш советский паровоз фашистам! Кто добровольно пойдет за ним на «овечке»?

Молчание, перешептываются.

— Повторяю, добровольно! Принуждать не буду, если нет, сам пойду!

Я встала:

— А ну, Винер, пошли, нечего носом хлюпать! «Щука» еще сгодится!

Народ загудел одобрительно, машинист Винер поднялся, поклонился всем, и мы втроем вышли из «брехаловки». На ходу Каинц говорит мне: «За ним твой глаз, а меня возьмете на Шоссейной у входного светофора, я тоже иду на фронт, только по другую сторону. Со мной будет мотоцикл. Я вам мигну зеленым фонариком».

Наша «овечка» стоит под парами, угля — полный тендер, воды тоже. Ночь хоть глаз выколи, идем без прожектора, и фары погашены — светомаскировка. В окно высунешься — прохладно. На горизонте, за Пулковской горой, вспыхивают зарницы, глухо доносятся залпы. Открылась Шоссейная — прошумел переезд, мигнул зеленый. Притормозили. Встали. Подошел дежурный по станции, подал «красное», в котором было прописано: «Ранее отправленный бронепоезд прибыл на станцию Александровская». Стали совещаться. Винер очень беспокоился, все у дежурного расспрашивал, нет ли фашистов у Александровской. Каинц тем временем погрузил свой мотоцикл на тендер и сидит там в брезентовом плаще, курит.

Отправились. Через десять минут были в Александровской. Связь прервана. Пошли на Гатчину. Все горит!

Медленно подходим к черной громаде, это наша «щука». Остановились. Прицепила ее, родимую, включила автотормоза, влезла на паровоз, а он еще тепленький, — мама родная! На тендере — люди с пожитками, в будке паровоза раненые красноармейцы, матросы... Стонут, пить просят, а один матрос без левой руки, голова завязана, через бинты кровоточит, он ко мне:

— Сестренка, закурить бы! Что тебе помочь? Ведь я из БЧ-5, что смогу, помогу.

Я чуть не заплакала.

В темноте наткнулась на Каинца, он возился со своим мотоциклом, сказала, что на тендере много беженцев и раненых. Вези, говорит, их в Ленинград. Дал пачку «Звездочки», коробок спичек, да прибавил пачку махорки.

— Присядем на прощание, — говорит.

Присели, помолчали, расцеловались.

— Не поминай, Сонечка, лихом, — говорит. — Фашисты от меня не уйдут, расчет будет короткий и полный.

Ушел. Поднялась на «овечку», доложила Винеру, что поршневые дышла у «щуки» не сняты. Он чуть не в слезы:

— Как поедем?

— Как ехали, так и доедем! Надо только машину принудительно мазать, сорок километров пути, можно и цилиндры задрать.

Он ко мне:

—Сонюшка, не уходи, не могу один!

Пошла на «щуку», дала моряку курево, масленку с мазутом, показала, куда через каждые пять километров лить смазку.

Пришел дежурный по станции Броня Санюк, дал «красное предупреждение».

— Броня, а ты с нами?

— Нет, с Суйды дрезина придет, взорвем все — тогда в Ленинград! Фашистам ничего не достанется. — А сам дрожит: то ли от холода, то ли от нервов.

Отправились за полночь. Тяжело тащить холодную «щуку», да еще с неснятыми поршневыми дышлами. Несколько раз на ходу перелезала через буфера на нее — однорукий матрос все делал правильно, видать, был знаком с паровыми машинами.

В Александровской уже паника — гражданские просят, военные требуют, стращают трибуналом. Порядок навел дежурный по станции Володя Евсеев. Прицепил нам пять теплушек, несколько порожних платформ и один классный вагон с ранеными. На платформы погрузились гражданские, железнодорожники, Я сказала Евсееву, чтобы он в Ленинград телеграмму дал: раненый матрос без руки, нужна медицина.

— Сделаю все, Сонечка, — сказал он, — вот тебе «красное» и – алле!

— А ты?

— Меня подберет дрезина! Зажжем три красных и поедем!

Три красных сигнала по ПТЭ означают: «Ухожу последним, станцию взрываю».

Отправились. У Пулковского переезда оглянулась, огромный столб огня взметнулся в темноте ночи. Евсеев дело сделал.

Через полчаса мы были под шатром Варшавского вокзала, подошла машина «скорой помощи». Пошла на «щуку», нашла своего матросика, он сидел в окружении своих моряков. Распрощались.

В октябре я попросилась на бронепоезд «Народный мститель» помощником машиниста...

(Запись 1968 года, электродепо «Балтийское». Софья Кирсанова до войны окончила ФЗУ «Юный пролетарий», член ВЛКСМ, коммунист, помощник машиниста бронепоезда «Народный мститель», тяжело ранена при снятии блокады, после войны помощник машиниста, машинист электропоезда депо «Балтийское»)

Город Гатчину фашисты взяли 13 сентября, уже после того, как замкнулось кольцо блокады.

Два поезда и баул с деньгами

Заканчивается август, и станция Мга, через которую стремительно взятый в тиски Ленинград еще держит железнодорожную связь со страной, подвергается сокрушительным налетам авиации.

Евдокимов П. И., монтер железнодорожной связи, станция Саперная:

В 7 часов заступил на дежурство, проверил диспетчерскую связь, прослушивается нерусская речь, команды, писк морзянки, пошел проверять провода по столбам к мосту через реку Тосну. В нескольких местах обрывы, восстановил их, на 30-м километре кто-то повесил «жучков» — провода шли к речке, — оборвал. Через мост меня пограничники не пропустили, хотя у меня был спецпропуск. Около 12 часов дня через Саперную проследовал поезд из Мги.

Ребята, на паровоз! Будем прорываться!

Машинист Григорьев Н. В.:

Рано утром 27 августа 1941 года взял из Ленинграда эвакосостав на Волхов. В теплушках женщины, дети, — двинулись. Поезда от Мги на Волхов шли параллельно, сразу два эвакуационных поезда рядом, кто-то додумался... В Саперной остановился, добавил воду. Подошел дежурный по станции: «У моста через реку Тосну фашисты вчера поезд обстреляли! Будь осторожен!» — «Понял!» С треском летим к мосту, кричу помощнику: «Ставь форсунку!» Он сунул в топку масленку с мазутом, загудело в топке, мост позади, и черный маскировочный шлейф дыма над составом и по сторонам...

Подъезжаем к Ивановской, под откосом лежит сгоревшая электричка — от состава в 12 вагонов одни железные скелеты, еще дымятся. Вдруг помощник кричит: «Красным махают остановку!» Остановил состав. На пути две девушки в купальных костюмах, босиком. Плачут навзрыд, пионерскими галстуками утираются: «Меха-

ник, спаси наших детей! Вон у электрички лежат, только скорее, а то стрелять начнут...» У меня волосы на голове зашевелились. Подняли этих сироток на паровоз, они не плачут, личики испуганные... Только мы двинулись, они, словно по команде, заревели на все голоса. Есть хотят, три дня не ели, пить хотят... Мы с помощником отдали девушкам свои сундучки — то, что нам в дорогу дома собрали: сгущенка, какао, хлеб... Десять ребятишек. Пять с правой стороны у меня, сжавшись в кучку, сидят, и пять — у окна помощника... Путь далекий — чем кормить?

В вагонах все строго по спискам, может, и примут, да времени нет хлопотать. Решили все поступки брать на себя — выхода нет.

Останавливаю состав в Горах. Лавка у станции полуобгорелая. Помощник побежал, я в топку уголь кидаю. Минуты казались вечностью. Наконец вернулся, принес несколько пачек печенья, пачку сахара, два кирпичика белого хлеба и кирпич черного, бутылку подсолнечного масла.

— Лавка пустая, — говорит, — оставил четыре рубля на прилавке.

Сунули чайник в топку, скипятили воду, сделали какао...

Вкатились на станцию Мга — дым, пожарища, разрушенные домики путейцев, на входных стрелках машут: «Вперед! Вперед!» Прошли Мгу — как из ада вырвались.

В будке запахло вкусным, две кружки пошли по кругу, девушки выдают белый хлеб с намазанной сгущенкой. Ребятишки повеселели, сидят, сбившись в кучу, грызут печенье, смеются.

Со станции Новый Быт параллельно со мной пошел бронепоезд «Ленинградец». Но какой он? Будка паровоза — без брони. И вот мне с бронепоезда показывают: «Притормози!» Перелез комиссар в кожанке, интересуется, что за дети и девушки у меня на паровозе.

— Подобрал в Ивановском... — отвечаю. — Электричку разбомбило.

— А девушки? Их сопровождают?

— Вроде того...

Мой помощник говорит:

— Надо бы их одеть во что-нибудь да ребят накормить.

Живо принесли узел с бельем и продуктами, девушки облачились во флотское обмундирование, дети смеются. Бронепоезд, дымя, покатил вперед. Сказали, что до самого Тихвина нас прикрывать будут. Девчата заварили в чайнике суп с консервами, накормили детишек — с бронепоезда отдали нам пять деревянных ложек и пять мисок — ели по очереди. Прибыли в Волхов — от вокзала только фундамент остался, пыль, дым, покореженное железо.

Подошел кран, накидал хорошего угольку, залили воду. На паровоз взобрались с узлами две женщины, стали детей одевать, а у самих слезы на глазах. В Тихвине полусонных ребятишек перенесли на санитарный поезд. Последними с паровоза сошли две девушки, они перецеловали нас на прощание. 29 августа резервом прибыл в Волхов, сдал паровоз, и мне сказали: 28-го пала Мга, железнодорожное сообщение с Ленинградом прервано... Мы и были тем последним поездом, что ушел из Ленинграда... А вот что происходило на станции Мга в тот же день.

Машинист А. Харламенков:

Утром 27 августа прибыли из Волховстроя во Мгу. Паровоз поставили в тупик, какой-то военный приказал: «С паровоза не уходить, держать пары на полную катушку!» И ровно в двенадцать дня — воздушная тревога, над станцией повисла армада немецких стервятников. Наших не видно, не слышно. Сначала беспорядочная бомбежка, потом они, словно веселясь, стали на бреющем полете гоняться за коровами и людьми. Станцию растерзали, улетели. На станции сплошной ад. Вдруг гляжу — маневровый паровоз выводит на главный путь состав, на платформах — домашний

скарб, сундуки, коровы, даже зеркальный шкаф и бабка с кошкой на руках. Обезумевшие люди бросаются к вагонам, лезут на крыши, вскакивают на тормозные площадки, кричат дети. Дают сигнал, беру этот состав на Ленинград. Пошли! У Пеллы путевой сторож останавливает красным сигналом: «Немцы в Пелле и Ивановской!» Пробежал вдоль состава, нашел несколько красноармейцев, у них «максим», прошу: «Ребята, на паровоз! Будем прорываться!» Притащили пулемет, установили на тендере. Нашли под откосом у убитого «дегтярь», пару дисков к нему, две гранаты — взяли на паровоз, едем! Ивановская встретила пулеметным огнем, с тендера огрызается «максим», бьет зло, короткими очередями, «дегтярь» тукает, вот и мост через речку Тосну. Проскочили. Команда «Ложись!». Пули прошили левую стенку будки машиниста. Манометр разбит, но все живы. Добрались до Саперной, а там и до Питера рукой подать!

Так и хочется подсказать из нашего времени: не надо с детишками в Ленинград, езжайте в другую сторону. Но время не повернуть вспять.

В тот день была еще одна поездка в уже отрезанный от внешнего мира Ленинград...

Замполит восстановительного поезда И. Власов:

Стоим на станции Горы, вдруг подбегает дежурный по станции: «Забыли во Мге баулы Госбанка с деньгами, и паровоз, который за ними послали, потерялся! А вдруг ушли?» Начальник послал меня ловить этот паровоз. Он стоял на подъеме 45-го километра. Влезаем – будка прошита пулеметной очередью, вся бригада погибла, опечатанные баулы в крови, но целы. Сложили убитых на тендере, прикрыли, подняли пар и пошли вслед последнему поезду на Ленинград...

Машинист Л. Трофимов.:

По ночам ходим в дозоры паровами, выдали австрийские винтовки без патронов, в казенной части дырки, стрелять нельзя.

Появилось много ракетчиков, во время воздушной тревоги они дают ракеты, предстоит их вылавливание. В последних числах августа моросил дождик, мы вышли в дозор с Еремеевым — прочесывать поселок Шаумяна и Фарфоровский поселок. По небу начали шарить прожекторы, в их лучах серебряная точка мечется. У завода «Красный нефтяник» взрывы, пламя. Вдруг за деревянными домами Фарфоровки взметнулись в небо две зеленые ракеты. Побежали и за домом общежития обнаружили женщину — Фрося-управхоз, у ее ног валялись две гильзы, отобрали ракетницу и отвели куда надо.

Из докладной записки ОК ВКП(б) А. А. Жданову о необходимости усиления охраны Октябрьской и Ленинградской железных дорог[11]

8 июля 1941 г.

Искусственные сооружения и железнодорожные узлы на Октябрьской и Ленинградской железных дорогах не только не защищены от воздушного нападения, но значительная часть объектов вообще не охраняется вооруженной охраной.

Так например: по Октябрьской дороге из 463 искусственных сооружений только 157 охраняется частями НКВД и отделами стрелковой охраны. Ни один из охраняемых объектов не имеет зенитных установок.

<...>

Отсутствие зенитно-пулеметных средств <...> дает возможность противнику безнаказанно бомбардировать станции, воинские эшелоны и искусственные соору-

жения, разрушения которых вызовет перебои в железнодорожном сообщении и потребует продолжительного времени на их восстановление.

<...> Кроме этого, считаем необходимым установить патрулирование самолетов по железнодорожным линиям...

Секретарь обкома ВКП(б) по железнодорожному транспорту Н. Минкин

Зам. Зав. Отделом железнодорожного транспорта обкома ВКП(б) Н. Масленников

(ЦГАИПД СПб., ф. 24, оп. 20 в, д. 885, л. 1–3, Подлинник)

Машинист Федоров Николай Андреевич:

Блокада опоясала город, поезда встали, политотдел из всех рабочих депо организовал истребительный отряд, выдали канадские винтовки без патронов — нести охрану железнодорожных объектов, а по ночам патрулировать по товарной станции, ловить «ракетчиков».

Машинист бронепоезда «Народный мститель» Лазарев Илья Васильевич:

В ноябре сорок первого ноябрьские утренники были суровыми: термометр показывал минус 19. Увеличился расход угля на бронепоезде, не говоря о воде. Ее бригады брали из воронок от снарядов простым пожарным ручным насосом.

Экономили уголь, его на складах депо оставалось мало. Переходили на дрова.

Наш квадрат — станция Дунай. Ведем артогонь по скоплению немецких машин у Отрадного, поминутно меняя свою позицию. Наши наблюдатели, что находились на правом берегу Невы, доносили: «Накрытие! Накрытие!» Взрывы, груды взорванных автомашин.

По батареям дали сигнал «дробь» — орудия замолчали. На морозном воздухе дымились стволы. Разгоряченные комендоры в пропотевших тельняшках надели бушлаты.

Последовал сигнал комдива менять позицию на шесть километров назад, и мы откатились — справа лес и слева лес. Команда «машина, стоп», общий аврал — пилить и валить лес.

Визг пил, стук топоров. Все 100 человек команды стали лесорубами, остались на вахте только комендоры у орудий да машинист с помощником. (А на дровах бронепаровозы проработали почти все 900 дней блокады.)

Но вот комдив получает новую «заявку» — дать «прикурить» фрицам в районе станции «Ш» — Дубровка.

Орудия с ходу бьют по левому берегу Невы, артразведчики засели в развалинах Дубровского бумажного комбината и корректируют наш огонь и огонь соседей — батарейцев Краснознаменного Балтийского флота в Манушкино.

Фашисты попали под перекрестный огонь, не зная, кому отвечать и куда бить. У них паника!..

Старший механик паровоза Теодор Раух (участник Гражданской войны):

Это было 21 ноября 1941 года. Морозным утром наш «Народный мститель» прибыл на Балтийскую-Товарную, заняли удобную позицию — под козырьком пакгауза — при стрельбе вспышка незаметна. Паровоз почти две недели не осматривали, надо сменить тормозные колодки тендера, набить сальники паровой машины, основательно продуть котел да еще забежать на минутку в депо. Броня тендера и паровоза открыта — идет осмотр. Я хожу вдоль колесных пар...

Вдруг за моей спиной:

— Дядя, а дядя! Дай хлебца кусочек, два дня не ел, мамка и папка погибли, не дай умереть.

Худенький мальчонка, лет пятнадцати, стоптанные ботинки, пиджак с чужого плеча, шарф на груди, как беспризорник после Гражданской, — меня как ножом по сердцу резануло, а он чуть не плачет, шмыгает носом.

— Мне бы хлебца! Дядь, не бросай сироту! Не дай погибнуть.

— Вон, видишь, бидон стоит с мазутом, налей его в масленку и заливай эти буксы, не пролей, его мало.

Пацан оказался смышленым, даже масленку обтер и поставил на котел. Я доложил комдиву как есть. Он приказал: «Бери его кочегаром! Будет сыном дивизиона, а довольствие — с общего котла». Это был Борька Альков, много мы с ним боевых вахт отстояли на «Народном мстителе», стал он настоящим сыном дивизиона.

Специальное сообщение УНКВД Ленинградской области А. А. Кузнецову о жилищно-бытовых условиях населения, эвакуированного в Ленинград и пригороды[12]

28 ноября 1941 г.
Совершенно секретно

В Ленинграде, Всеволожском и Парголовском районах Ленинградской области размещено 64 552 чел., эвакуированных из других районов граждан, в том числе 23 246 детей.
Жилищно-бытовые условия эвакуированного населения крайне неудовлетворительны. Большинство общежитий не отапливается, не обеспечено постельными принадлежностями, в общежитии грязь, воды нет, больные не изолируются.
<...> Проживающие в поселке Лахта семьи Куконина и Рыжова едят мясо кошек и собак.
В Токсовском эвакопункте прибывший из Красногвардейска некий Замушин на глазах проживающих убивал кошек и собак и раздавал мясо для изготовления пищи. Замушин арестован.
<...>
Начальник Управления НКВД ЛО комиссар государственной безопасности 3-го ранга Кубаткин

Есть мясо кошек и собак еще дико. Чуть позднее — норма. Потом — блокадное счастье!

Сообщение П. Г. Лазутина А. А. Жданову о невыполнении плана поставок продовольствия Ленинграду[13]

27 января 1942 г.
Совершенно секретно

...Октябрьская железная дорога не выполняет плана перевозок со станции Ладожское Озеро в Ленинград, установленного Военным советом Ленфронта в 3270 т продовольственных грузов в сутки.
За последние дни со станции Ладожское Озеро отправлено продовольствия:

22 января .....114 вагонов
23 января .....48 «-»
24 января .....73 «-»
25 января .....25 «-»
26 января .....16 «-«

Грузы продвигаются нетерпимо долго — до 4–6 суток, подача вагонов под разгрузку задерживается.
Как выход из создавшегося положения считаю необходимым разрешить перевозку 2 тыс. т продовольственных грузов автотранспортом, в том числе: мяса — 700 т, сахара — 800 т и крупы — 500 т.

(Лазутин)

(ЦГАИПД СПб., ф.24, оп.2-в, д. 6221, л.13. Отпуск)

Работать на железной дороге было уже некому. Управляться с паровозом мог далеко не каждый железнодорожник, тем более морозной голодной зимой, когда нет

угля, а есть лишь сырые дрова, водокачки замерзли и воду надо по ведерку заливать в котел...

Машинист Ефимов Иван Петрович:

Живем на казарменном положении, ночуем в бомбоубежище, там теплее, чем в других помещениях, там, в подземелье, двухэтажные нары. В «бомбе» к концу рабочего дня собираются все живые, кто может передвигаться, почти все с палочками — верными спутником блокады...

В двадцатых числах января, в самый мороз, начальник депо Н. В. Исупов отправил нас к начальнику Октябрьской железной дороги Саламбекову по важному партийному делу. Бредем втроем (это П. К. Федосеев, И. В. Власов, И. П. Ефимов) по Невскому, поддерживая друг друга. Замороженные автобусы и троллейбусы, на панелях узкие тропинки, люди тянут саночки с умершими. Пока шли до Чубарова переулка (ныне Транспортный переулок, соединяет Лиговский проспект и Днепропетровскую улицу. — *Д. К.*), шесть раз отдыхали. За три часа дошли, уже темно. Саламбеков сидит в холодном кабинете, худющий, пожелтевший от голода. Шторы задернуты, на письменном столе — коптилка, мраморный камин без огня. Стоим в пальто, жмемся. Он трубку на рычаг положил:

— Здравствуйте, товарищи коммунисты, садитесь.

Только уселись, голоса в дверь:

— Борис Константинович! Принимай гостей!

Прямо в кабинет с санками досок ввалились машинисты П. Сладких, А. Соколов, Корнилов и Клочков.

Растопили камин, запылали доски. Саламбеков усадил всех к огню.

— Товарищи! У меня от вас секретов нет. Поезда на Ладогу водить некому. 30 декабря машинист Алексей Чернышов привел с Ладоги поезд, сдал маршрут и тут же у дежурного умер.

Все поднялись, сняли шапки, помолчали.

— Нарком путей сообщения товарищ Ковалев звонил из Москвы, сказал, что скоро с Большой земли перекинут несколько паровозных бригад. Поселим их в теплушках за паровозами. Возможно, прибывшие люди впадут в панику, возможно, погибнут от голода, но иного выхода нет — Ленинград ждет хлеб, надо вывозить людей на «Дорогу жизни», надо подвозить... А!.. — он махнул рукой. — Все надо! А людей нет. Дорогу и профиль пути на Ладогу они не знают, вот вы и будете в этих бригадах политруками. Не хватит дров на паровоз, возьмете топор и возглавите пилку леса, но поезд не бросите. Возможно, будете выпускать в теплушке «боевые листки». У вас нет сил, но есть опыт, знания! Понятно?

— А пилы, топоры?

— В каждой теплушке инструмент будет!

— Все понятно — будем работать.

Посидели немного, разошлись. В тот же день добрели до депо, пришли в кабинет начальника Исупова, отдышались, доложили.

— Молодцы политруки! Вот вам по кружке какао-велло! Больше нет ничего. Может, полегчает.

Выпили, а хлеб бережем. Действительно полегчало! Покраснели, языки развязались, стали вспоминать, о чем говорил Саламбеков.

— Николай Васильевич, что это за нектар вы нам дали для подкрепления?

Все засмеялись голодным смехом, так, что в животе больно стало.

— Кто-то принес с «Кокорей» полную шапку какао вперемешку с землей, мы промыли, смешали с денатуратом, подогрели, и получился «нектар»! Давайте, ребята, еще по кружечке!

На следующий день нас троих отправили на базу холодных паровозов на станцию Дача Долгорукова. Вышли рано утром, затемно — пришли к ночи, остановились в теплушке у начальника базы Елохина. Хорошо, что у него тепло.

Котельный мастер Л. Михалев:

В феврале 1942 года получили срочное задание — выдать в работу шесть паровозов из запаса для обеспечения перевозок по «Дороге жизни». В обычных условиях паровозы с базы холодного отстоя тянут в депо и там, на канавах, по-человечески заправляют. Но депо стоят без воды, без света, в стойлах сложены трупы умерших работников. Решили заправлять паровозы прямо на месте, на станции Дача Долгорукова.

Подтащили их маневровым локомотивом на мост реки Оккервиль и с помощью пожарников наполняли котел водой. Затем истощенные, с трудом передвигающиеся на ногах котельщики и слесари делали все необходимое на паровозах. А локомотивные бригады разжигали огонь в топках. За день все шесть паровозов были выданы в работу. За такой короткий срок и в мирное время паровозы не заправлялись. Но справились, дали все шесть!

Следует напомнить читателю, что растопка паровоза при горячей воде идет 4—5 часов, а тут все холодное — и вода, и котел.

Машинист И. С. Белых:

Это было в феврале сорок второго, когда мы с замнаркома путей сообщения т. Багаевым С. И. ступили на ленинградскую землю, где предстояло нам работать. Нас было 12 человек — паровозники, кочегары и помощники машинистов, и первое удивление — паровозы идут на дровах, а мы с Урала, с мощных «ФД»! А тут какие-то паровозики Эу и Эм... Ну, что ж, будем их заставлять работать на Ленинград! Тогда-то я и получил паровоз Эу 702-74, с которым прошел Ладожскую эпопею, и после прорыва блокады и постройки «Коридора смерти» наш паровоз вошел в состав 48-й паровозной колонны особого резерва НКПС... И мы, уральцы, повели поезда этим коридором на Большую землю.

Диспетчер Валерьян Виноградов:

За проведение тяжеловесного поезда с Ладоги на Ленинград выдавался талон на получение 100 граммов сахара, 100 граммов жира и пачки папирос «Беломорканал»... Этот маленький паек сумели выкроить секретарь горкома партии А. Кузнецов и председатель горисполкома П. Попков. Маленький? По тем временам — драгоценность! А как он воодушевлял паровозников и движенцев, давал почувствовать, что люди не забыты!

Машинист И. И. Елизаров:

Приказали взять брошенный холодный паровоз на станции Средняя Рогатка и доставить в депо для заправки. Отправились — я, помощник Назаров и кочегар Таня Шемерянкина. Целый день шли через весь город, к вечеру дошли, хлеб съели весь, а что завтра?.. В тупике у мясокомбината стоит морской паровоз КБФ с теплушкой, а их батарея из укрытия ведет артиллеристский огонь по Пулковской горе. Моряки нас обогрели, чаем напоили, кто-то из моряков дал Татьяне большой ржаной сухарь, ночку переночевали, а поутру стали у паровоза лед околачивать. Проверили — в тендере вода, малость подмороженная, зато три тонны настоящего угля! Как его доставить в Финляндское депо? А тут бежал под воду «Борис Палыч» («Борис Павло-

вич» — на военно-железнодорожном жаргоне бронепоезд. — *Д. К.*), упросили машиниста взять на буксир.

— Только до Сортировки, — согласился машинист в морском бушлате. — Я на задании.

Довез, бросил на посту «М». И тут, на счастье, — попутный паровоз, взял нас на сцепку, и через час прибыли на станцию Кушелевка, где нас встретил Аверкиев:

— Ребятки-комсомолятки! Разжигайте паровоз, торф нужен для Пятой ГЭС, иначе она встанет! Горячую воду даст первый паровоз, что прибудет с Ладоги! Запасайтесь мазутом, дрова вам подадут...

Подошел паровоз — подал горячую воду в котел. Нашли остатки забора, все выломали — и в топку... Тут и девушки стали подавать дрова по цепочке... Растопили, из трубы дым попер — живем!

Кочегар Татьяна Шемерянкина:

Котел растопили, машинист мне приказал: проворачивай аппарат Фридмана, проверь по контрольным «солдатикам» — идет ли смазка в золотники и цилиндры, да еще открой краны на водомерном стекле, пусть согревается. Попробовала — аппарат Фридмана не проворачивается, смазка застыла. Устроила под ним костерок на железке из мазутных концов — через час трещотка стала проворачиваться, смазка пошла. Слава Богу, одно дело сделала! К вечеру котел зашумел — первый признак. А Лешка-помощник говорит: «Продуй паровой манометр и проверь уровень воды в котле по водопробным краникам, правильно ли показывают». Чувствую, Назаров мне доверяет. На раме паровоза два главных резервуара, два краника. Взяла факел, отогрела краники на главных резервуарах, выпустила воду, стало понятно.

Пришел механик Иван Иванович с хлебом, раздал нам по норме и говорит: «Как пары поднимутся, поедем на Рахью за торфом». – «А где жить будем?» — спрашиваю. «По-цыгански, в теплушке», — смеется Елизаров.

...За полночь прицепили к нам вагон мягкого класса: семь отдельных купе, диваны мягкие, тепло — просто сказка! Провели свет от паровоза. Нас сменила другая бригада. Я рассказала кочегару Маше Швайковой все про машину — что, где, чего. И мы трое ушли на отдых. Сквозь сон слышала, что поехали. Так торф и возила на этом паровозе для Пятой ГЭС (*запись 1970-х годов)*.

Машинист Самойлов А. А.:

К началу марта сорок второго образовалась колонна торфяных поездов, они доставляли торф и дрова на одну-единственную электростанцию № 5. Подтверждаю, что мы доставляли на ГЭС и дрова. Их пилили на чурки и сжигали в топках котлов.

Зарецкая Мария Михайловна, старший кондуктор:

В марте 1942 года поступила на курсы дежурного по станции, при Балтийском вокзале. Нас, блокадных девочек, было около 30 человек. Сдали экзамены, и нас направили на лесозаготовки в поселок Каменку. Июнь 1942 года. Мы худенькие, все весом до сорока килограммов, и тут деревья по 90 сантиметров в обхвате. Пилить надо лучковой пилой — застрянет, и не вытащишь. Не было ни мыла, ни бани, ни жилья, ни карточек на продукты — один раз в день баланда — и всё! Золой зубы чистим, а они шатаются. Дошли до предела. Сентябрь 1942 года. Была у нас Вера Егорова, волевая натура. Организовала побег — и мы в Ленинграде у начальника дороги. Он увидел нас, всё понял и отправил на учебу в железнодорожный Дом техники. Там я выбрала должность старшего кондуктора...

Из докладной записки транспортного отдела НКВД Северной железной дороги в Областной комитет ВКП(б) о плохой организации эвакуации населения из Ленинграда[14]

5 марта 1942 г.
Совершенно секретно

Несмотря на указания директивных органов, перевозка населения, эвакуированного из Ленинграда, проходит крайне неудовлетворительно. Ст. Жихарево (это уже на Большой земле, за блокадным кольцом, куда люди попадали после мучительного путешествия по льду Ладоги — *Д. К.*), как основной пункт формирования эшелонов для эвакуируемых и погрузки их, систематически не выполняет указания директивных органов, формируя эшелоны с большим количеством недостатков.
<...>
Все это подтверждается следующими фактами:
12 февраля 1942 г. на станцию Вологда-2 прибыл эшелон № 446 в составе 72 теплушек с количеством людей 2750 человек. При проверке эшелона оказалось:
Вагоны совершенно не оборудованы съемными досками, и люди вынуждены лежать на своих вещах или на полу, вагона-изолятора и с кипятильником в эшелоне не имелось, медперсонал и проводники отсутствовали, таким образом, люди в пути следования не имели кипяченой воды, а иногда употребляли снег. Медпомощь в пути следования не оказывалась, вагоны находились в антисанитарном состоянии...<...> в результате чего среди эвакуированных имеются случаи массовых заболеваний и смертности, так:
В прибывшем 27.02.42 г. на ст. Вологда-1 эшелоне №436 оказалось больных 70 чел., умерших 7 чел., причем из этого же эшелона снято трупов на ст. Волховстрой — 17, на ст. Бабаево — 20, на ст. Череповец — 7.
(Опущены аналогичные примеры)
<...> В процессе проверки <...> устанавливаются факты безответственного и бездушного отношения к эвакуированным со стороны работников эвакопункта, так, например, зам. начальника ремесленного училища № 80 Баданов заявил: «...На месте погрузки эшелона на ст. Жихарево начальник эвакопункта понуждал грузиться в необорудованные вагоны, при этом заявляя, что если через полчаса не будет произведена погрузка, то эвакуированные будут выгнаны из общежитий».
Поступают жалобы о насильственной погрузке в необорудованные вагоны и от других эвакуированных.
Изложенное выше сообщается на Ваше распоряжение.

Начальник транспортного отдела НКВД Северной железной дороги капитан государственной безопасности Борисенко

(ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 3, д. 50, л. 36–38. Подлинник)

На Ледовой дороге множество плакатов-призывов: «Водитель, помни! Мешок ржаной муки — это паек для 1000 жителей Ленинграда».

Висят плакаты: «Товарищи шофера! Если каждая автомашина сделает дополнительную поездку на Кобону, то Ленинград получит еще 9000 тонн, а три поездки — 13 500 тонн продовольствия, угля, дров и боеприпасов!».

Докладная записка начальнику областного управления милиции, председателю Облисполкома Н. В. Соловьеву о работе сводного отряда управления милиции при Военно-автомобильной дороге [15], составленная по результатам работы милицейских и оперативных работников за три с небольшим месяца наблюдения за ледовой трассой, названной потом «Дорогой жизни»

24 марта 1942 г.
Секретно

<...> В результате проведенных мероприятий оперативно-инспекторским составом было задержано за хищение перевозимых грузов:
военнослужащих 586
гражданских лиц 232

Всего у задержанных и при обысках было обнаружено и изъято:

Муки	23 526 кг 500 г.
Хлеба печеного	79 кг 300 г.
Ржи	801 кг
Жмыхов	405 кг
Крупы	3982 кг 900 г.
Жира и масла	433 кг
Мяса	1321 кг 100 г.
Шоколада	11 кг
Чая	5 кг
Сгущенного молока	2 кг 250 г
Прочих продуктов	2804 кг 600 г

Итог: 33 401 650

Кроме того, изъято:

<...>

спирта	16 бутылок
мыла хозяйственного	98 кусков
валенок	28 пар
табаку	600 граммов

Подавляющее большинство хищений совершается военнослужащими шоферами. В отдельных случаях хищение совершались и лицами командного состава. <...>

В дер. Лаврово пом. начальника 7-й площадки перевалочной базы интендант 2-го ранга Кругловин В.Г. пытался похитить 2 ящика какао-концентрата.

В дер. Лаврово задержан за хищение мешка ржаной муки весом в 70 кг военный интендант 3-го ранга Степанов. <...>

<...> ...удалось вскрыть ряд хищений:

Буфетчица эвакопункта Иванова М. Ф., вступив в сделку с директором столовой № 23 Ленгоснарпита Фейгиным, незаконно отпустила ему 100 плиток шоколада. При вторичной попытке отпустить Фейгину такую же партию шоколада Иванова была разоблачена и арестована.

<...>

В Ваганове арестован Погодин А. Н., который, получив с группы лиц, желающих эвакуироваться из Ленинграда, взятки на общую сумму 14 875 рублей, довез их до Ваганова, где и высадил.

В Кобоне арестованы шоферы Горшков, Федоров и Гринюк, получавшие взятки с эвакуируемых. При обыске у арестованных изъято и возвращено владельцам 850 рублей, 2 золотых и 2 металлических часов.

<...>

Работая в сильные морозы на льду озера, отряд все время испытывал недостаток теплого обмундирования (валенок и полушубков), которыми было снабжено 20 % состава. Тем не менее работа не ослабевала, и дежурства на линии длились по 12 часов в сутки.

<...>

Начальник Управления милиции ЛО *Назаров*

Сопоставим две строчки из приведенных выше документов:

«В дер. Лаврово задержан за хищение мешка ржаной муки весом в 70 кг военный интендант 3-го ранга Степанов».

И: «Водитель, помни! Мешок ржаной муки — это паек для 1000 жителей Ленинграда».

Можно сказать: «Кому война, кому мать родна».

Но лучше воздержимся от комментариев...

И обратим внимание на валенки, в которых нуждаются 80 % работающих на ладожском льду оперативников, и 28 пар похищенных валенок, изъятых при задержании, но сданных, как и положено, на склад вещдоков или конфиската.

Бессмертие Ленинграда

...У каждого времени — свои символы мужества, свои герои. У нас, мальчишек, родившихся вскоре после войны, были Ленинград, выстоявший в блокаде, и его защитники. Мы знали имена летчиков, таранивших врага над родным городом, героев-артиллеристов, пехотинцев, военачальников, командовавших бойцами, знали имя Тани Савичевой, написавшей свой блокадный дневник. Мы многое знали, еще не догадываясь, что во многом знании много печали. Иногда во дворе после игр в войну заходил разговор о героизме родителей — кто сколько немцев убил, сколько танков подбил. И мы, дети блокадников, испытывали смущение от рассказов крепких ребят, приехавших вместе с родителями в наш город после войны, — их отцы били фашистов гранатами, бомбами, штыком, строчили из пулеметов и гнали из дальнобойных орудий. Что делали наши отцы и старшие братья в блокадном Ленинграде? Точили на заводах снаряды, водили поезда, тушили на крышах зажигалки? Сидели в бомбоубежищах? Стояли в очередях за ломтиком хлеба? Шатались от голода? Этим во дворе не похвастаешься. Мы помалкивали или начинали пересчитывать снаряды, попавшие в наш дом, стоявший неподалеку от Московского вокзала. Нас было большинство во дворе, но мы не находили слов, чтобы героически отобразить блокаду. Мы играли в прачечной нашего дома, брызгались водой, озорничали и, только повзрослев, узнали, что во времена блокады туда сносили трупы жильцов. В каждом петербургском дворе и сейчас — своя память места, в каждой коммунальной квартире — своя блокадная история. Вот здесь, в прихожей, лежала тетя Тося, и ее долго не могли вынести, она примерзла к полу. Вот у этой холодной печки-голландки тихо, как заснул, умер дядя Петя. Блокадные истории и сейчас живут в петербургских семьях, передаются из поколения в поколение. Всё больше выходит книг о ленинградской блокаде. В научный оборот вводятся новые документы из закрытых ранее архивов НКВД. Взлеты и падения человеческого духа поражают! Массовый патриотизм и немыслимая спекуляция. Высочайшая организованность и банальное разгильдяйство. Жесточайшие приказы и уклонение от их выполнения. ...Моя мать, отправив старших детей со школой в эвакуацию, осталась с только что родившейся дочкой в Ленинграде, заявив отцу, что Ленинград — это не Париж с кафешантанами, объявивший себя открытым городом, и фюрер сюда не посмеет сунуться — она никуда не поедет.

Никто из жителей города и помыслить всерьез не мог, что город на 900 дней окажется в блокаде, а оборона Ленинграда станет самой крупной битвой Второй мировой войны.

Кто бы в конце июля 1941 года, когда в городе работали коммерческие рестораны, где продавались икра, крабы, а на спецскладах можно было купить консервы для отсылки на фронт в качестве подарков, мог подумать, что буквально через три месяца прилавки опустеют, магазины закроются, а в самих ресторанах будут лежать закоченевшие трупы ленинградцев, умерших от голода.

Власть призывала жителей уехать из города, но настроения были самые оптимистические. Документы и воспоминания блокадников свидетельствуют: люди не хотели уезжать из Ленинграда.

За два месяца до начала блокады власти добровольно-принудительно отправили в эвакуацию почти полмиллиона человек! Со школьными глобусами, заводскими станками, чертежами, музейными экспонатами, архивами, музыкальными инструментами. С открытием «Дороги жизни» — еще пятьсот тысяч.

В то время фашистское командование уже назначило комендантом Ленинграда генерал-майора с фамилией Кнут. Гитлер собирался «разгромить русских как народ» — извести как биологическое, географическое, историческое понятие.

Ленинградцы победили самого мощного, самого чудовищного врага, покорившего всю Европу, они отстояли свой город — Ленинград. Они выстояли! Они победили! Победу ленинградцев смело можно отнести к победам человеческого духа над материей. Самим фактом своего выживания в адских условиях блокадного кольца люди давали солдатам на всех фронтах Второй мировой пример тихого мужества и героизма. Дух блокадного Ленинграда стоил сотни вражеских дивизий, он изумлял и воодушевлял. У меня в семейном архиве хранится несколько писем с фронта девятнадцатилетнего брата Льва, погибшего в октябре сорок третьего при форсировании правого берега Днепра. «Два города придают нам всем силы — это Сталинград и Ленинград. Вы ужас какие молодцы, мама!»

Так вот. Русский народ был и остается великим народом, хотя бы в силу тех величайших испытаний, которые он вынес в XX веке. Народ встал на ноги после тяжелейшей, самой изнурительной и кровопролитной из всех войн, известных на планете Земля. И никакие теле- и радиопередачи не смогут убедить русский народ, что он заплатил «непомерную плату» за свою Победу и независимость.

Именно так: цена победы — Победа!

И ничто другое.

История — не магазин и не расчетный узел универсама.

Примечания

[1] Эхо Москвы, передача «Цена победы», 25 июня 2011 г.

[2] Виталий Сырокомский, Леонид Млечин. Дети, которых лишили детства. М.: Детская литература, 1980.

[3] Главный акционер компании — опальный олигарх Владимир Гусинский.

[4] См. «Частная жизнь начала века», «Нева», 2007, № 12; «Принцип реванша», «Нева», 2008, № 12.

[5] Петербургские хроники: роман-дневник, 1983–2010 гг. СПб.: Коло, 2010.

[6] Из книги «Ленинград в осаде».

[7] Рядом с подписью комиссара сделана приписка: «Из донесения следует, что т. Иванов пошел на поводу».

[8] В скобках зачеркнуты слова: «Минометы, полковые пушки», вписано: «Пики, кинжалы, сабли».

[9] Цитируется по книге «Ленинград в осаде». СПб.: Лики России, 1995, с. 143, док. 52.

[10] Фамилия неразборчива.

[11] Цитируется по книге «Ленинград в осаде». СПб.: Лики России, 1995.

[12] Ленинград в осаде, с. 275, документ № 127.

[13] Там же, с. 222, док. № 102.

[14] Ленинград в осаде, с. 292, док. № 137.

[15] Ленинград в осаде, с. 425, док. № 183.

Александр КАЗИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕ СВЕТА

Философия против либеральных грез

В номере 12 журнала «Нева» за 2010 год была опубликована статья А. Мелихова «Борьба с ничтожностью. Психология против экономики». Статья концептуальная: автор с самого начала обещает разобраться с последствиями мирового экономического кризиса, социальными и даже экзистенциальными, вызывающими «ужас собственной ничтожности», и стремится предугадать, «в каких чарующих химерах станет искать утешения население современной России». Как и следует ожидать после такого предисловия, в числе химер оказываются коллективизм (желание приобщиться «к чему-то большому»), национальное начало и, конечно, православие (в качестве «декоративной составляющей»). Автор, однако, не ограничивается этим обычным идеологическим набором — он подвергает критике и современных либералов за то, что они... не понимают природы либерализма. «Покуда либерализм будет восприниматься как чисто индивидуалистическая и рационалистическая разъединяющая идеология, он не сможет выдержать конкуренции с возвышающими обманами идеологий коллективистских, особенно в смутные, кризисные времена. С ними может соперничать только самовозвеличивающий индивидуалистический романтизм». В качестве практического вывода из своих рассуждений А. Мелихов предлагает правительству прагматически использовать конкуренцию названных идеологий в интересах укрепления государства, помня, что дороже всего ценятся символические жесты и понимание тех мотивов, которыми руководствуется рядовой человек.

Откровенное, прямо скажем, решение проблемы. Если властвующей элите выгодно поддерживать «коллективистские грезы» — пусть поддерживает. Если они поче-

---

Александр Леонидович Казин родился в 1945 году в Смоленске. Окончил философский факультет Ленинградского университета. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, ст. научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Член исполнительного совета Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Последнее Царство. Русская православная цивилизация» издана в 1998 году по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго Спасо-Преображенским Валаамским монастырем. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» (СПб.: Петрополис, 2007) удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Личная страница в Интернете – http://lib.ru/ (Библиотека Мошкова — современная литература). Живет в Санкт-Петербурге.

му-либо подкачают — в запасе либеральные. Бывают ситуации, когда хорошо бы поддержать одновременно и те, и другие — и это сгодится в дело. Игра в доброго и злого («правого» и «левого», патриотического и западнического) следователя всем хорошо известна. Возникает только вопрос: а какое отношение все это имеет к истине? Не к прагматическому успеху социальных технологий, а именно к истине — живой, мировоззренческой, человеческой? Ведь мы, в отличие от Великого Инквизитора, отличаем обман от правды? Если не отличаем, то о химерах и говорить нечего. Если же отличаем, то тогда придется признать за истину «самовозвеличивающий индивидуалистический романтизм», по которому в обозримом будущем предлагается жить стране и миру. Так, во всяком случае, следует из вышеописанной логики. Особенно если браться за экзистенциальные и даже религиозные материи. Как говорится, назвался груздем — лезь в кузов.

Откуда ноги растут?

На самом деле отделение политики от истины — то есть утверждение индивидуалистического либерализма как мировоззрения и социальной практики — началось в Европе давно. Если не ходить слишком далеко, то уж точно со времен французской буржуазной революции конца XVIII века, законодательно отделившей церковь от государства. Именно тогда возникла главная судьбоносная греза либерализма — миф о самодостаточном человеке, который все понимает и сам все устроит. Богиня разума в соборе Парижской Богоматери, рогатая статуя Свободы вместо Христа — вот его зримые символы. Родившись в эпоху Просвещения, эта идеология перенесла смысловой центр цивилизации с Бога на человека, приписав ему всевозможные добродетели: всемогущий разум, победительную энергию творчества, способность самостоятельного различения добра и зла и т. п. Под пером просветителей и их последователей-модернистов (Гегеля, Маркса и других) история превратилась в торжественный марш прогресса во всех отношениях — непрерывное восхождение человечества ко все более совершенному обществу, свободе и правам человека. Были выделены и свои передовики на этом пути, прежде всего Англия, Франция, а затем и Соединенные Американские Штаты. Царская Россия, естественно, при этом рассматривалась как тормоз на дороге европейской модернизации — именно в таком духе о ней писали, в частности, и авторы коммунистической доктрины.

Однако гладко было на бумаге, но забыли про овраги. Еще в самом начале проекта модерна, в XVIII столетии, великие европейские писатели Шекспир и Сервантес заметили «нелады в датском королевстве». Освободившийся от церковной опеки гуманистический человек быстро показал оборотную сторону своей новой свободы: в дело пошли яды, кинжалы, насмешка над всем прекрасным и высоким. Указанные орудия прогресса получили теоретическое оправдание в сочинениях Н. Макиавелли, Т. Гоббса и многих других мыслителей. «Делай, что хочешь» — такова была модернистская мораль, занявшая место развенчанного христианского идеала. Кровавая буржуазная революция во Франции 1789 года только воплотила эту мораль на практике.

Собственность как мировоззрение

Значение европейского Просвещения и последовавших за ним революций заключается в том, что они переключили религиозную энергию людей с неба на землю. Нет сомнения, что благодаря подобному перевороту Евро-Атлантика в эпоху XIX и, особенно, XX веков достигла выдающихся успехов. Англичане и американцы уже в XIX столетии («век девятнадцатый, железный») начали строить «хрустальный

дворец», когда-то так поразивший Герцена и Достоевского на всемирной выставке в Лондоне. Замысел этого дворца был поистине вселенским: построить такое общество, наладить такую жизнь, чтобы каждый момент существования человека, от колыбели до могилы, был максимально приятен, удобен и производителен. По мере развития и укрепления универсально-рыночных отношений западный человек неуклонно утверждал себя как земного бога. Ренессанс, Реформация и Просвещение закрепили — соответственно в духе, в культе и в мировоззрении — это самообожествление (самодостаточность) евро-американца, сообщив ему при этом религиозную и культурную санкцию. Только при этих обстоятельствах мог быть нравственно оправдан капитализм — своего рода интернациональная мастерская по производству меновых стоимостей, где гарантированный обмен услугами есть прежде всего результат работы на себя, ради своей выгоды, холодного эгоистического расчета.

Когда мы, русские, восхищаемся западным изобилием и порядком, мы часто забываем, что они куплены ценой превращения человека в «одномерное» существо, в заложника его собственной экономической активности. При виде сияющих огней витрин и иномарок наше сознание отодвигает куда-то в тайники подсознания факт, что эта роскошь практически означает не что иное, как красивую оболочку небытия. Изобилие и довольство рыночной цивилизации подобны сытой улыбке чревоугодника, который уже съел все, что мог, и теперь может себе позволить щедрость и благотворительность: содержание театров и университетов, высокое жалованье своих слуг. Создав общество, где все продается и покупается (то есть святость и грех, гений и бездарность социально уравниваются посредством всеобщего рыночного эквивалента), модернистская Европа произвела на свет и соответствующую такому обществу служебную государственность, единственная задача которой — поддержание рыночного status quo. Символ такого государства — полицейский у ворот биржи. Парламентская демократия избирает не лучших, а себе подобных, то есть послушных и удобных исполнителей. В буржуазных парламентах (в переводе с французского — «говорильнях») произошел обмен духовного достоинства на чечевичную похлебку, когда качество человека определяется его принадлежностью к определенной имущественной или юридической корпорации (партии). Взамен такой гражданин приобрел гарантии личной неприкосновенности в качестве раба собственного мещанства. При этом где-то к середине позапрошлого столетия европейский буржуа обрел железную уверенность, что наконец-то он достиг высшей ступени истории — ничего лучшего и желать нельзя! Перечитайте, господа, «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского (1863 год): такого смеха над просвещенной Европой до тех пор не раздавалось! Я уже не говорю о текстах К. Н. Леонтьева, прямо славшего Европе проклятия...

XXI век: пиррово торжество либерала

В XXI веке евро-атлантический Запад окончательно свел вечность ко времени, сущностные ценности — к инструментальным, соборность — к индивидуализму. Бесспорным достижением европейской цивилизации стал суверенный индивид как субъект права и культуры, однако утрата таким субъектом духовного содержания привела его к опасным нравственным и политическим опытам со свободой, вплоть до союза с Мефистофелем (Фауст). Прав был Ницше: для новой Европы Бог умер. Набрав колоссальную производительную динамику, современный Запад переживает завершение проекта модерна — постмодерн. В содержательном плане его характеризует исчерпание абсолютизированной свободы, оказавшейся в религиозной пустоте. В культуре это ведет к ликвидации граней между действительным и возможным,

то есть к господству чистой мнимости (знаки без предметов, спекулятивная экономика, «общество спектакля»). Культура вырождается в старческую постмодернистскую «игру в бисер». Когда сказать по существу нечего, остается говорить о говорении, писать о письме — ситуация Нарцисса, ловящего в зеркале ускользающее отражение, да и то без особой охоты. Утвержденный исключительно на своем Я, западный человек стал не нужен Богу; не интересен он такой и самому себе.

В области социально-политической практики современный Запад гордится «открытым обществом», плюрализмом мнений и оценок, однако на самом деле под флагом гуманистической свободы идет бегство от единой мировоззренческой (и тем более религиозной) истины как слишком принудительной, «тоталитарной». Истина в том, что истин много — вот последнее слово индивидуалистического либерализма на уровне философской политики и политической философии. Цивилизация Новой Европы и Америки покинула Дух и сама оказалась покинутой Духом. Ее стратегии в XXI веке направлены на сакрализацию прав человека и достижение им успеха (наслаждения, богатства, власти) на этой земле, то есть обеспечение элитарного «грешного рая». Такой проект является — и не может не являться — великой утопией: экологический предел природы (ресурсов на всех не хватит) и нравственный коллапс культуры, не различающей больше правду и кривду, серьезное и смешное, мужское и женское, полет и падение. Ключевые тенденции постмодерна, будучи продолжены в будущее хотя бы еще на сто лет, грозят смертью всему человечеству. Дальнейшая прогрессивная динамика Запада возможна только за счет глобального информационного, а затем и функционального подчинения всего не-Запада стратегиям «открытого общества», что крайне опасно для всего мира.

Русское чудо

Надо прямо сказать, что общий товарно-денежный знаменатель человеческих ценностей уже давно бы овладел планетой, если бы не русская революция 1917 года. Речь идет, разумеется, не о либеральной интерпретации этого события. Либерально-индивидуалистическая концепция прогресса в принципе не может объяснить очевидный исторический факт — решительное сопротивление, оказанное православно-русской цивилизацией тотальному наступлению демократии собственников. В начале XX века Россия была самой динамично развивающейся страной, с 1905 года в ней фактически была установлена парламентская (думская) монархия, а русские купцы диктовали цены Европе — и все «слиняло в три дня», как выразился В. В. Розанов. Конечно, большую роль сыграла усталость народа от мировой войны, но не только она. Восемь месяцев Временного правительства показали, что русский человек не согласен воевать за собственность и парламентаризм. Ему подавай всемирную справедливость, за которой крылась бессознательно ощущаемая народом и ясно осознанная теоретиками христианская правда. Крупнейший национальный мыслитель первой половины XX века Н. А. Бердяев писал, что Третий Рим стал Третьим интернационалом. Произошло то, чего не предвидели ни социалисты, ни либералы. В дело вмешалась русская идея: живи не так, как хочется, а так, как Бог велит. Ею — вопреки собственной идеологии — и воспользовались большевики, создав на православно-русской почве крупнейшую державу, спасшую человечество от гитлеровского оккультного рейха и первой вышедшую в космос. Но самое главное — Советская Россия сохранила тот тип человека, для которого денежная (и вообще материальная) мотивация поведения является вторичной, вспомогательной. Ни любви, ни вдохновения за деньги не купишь. И парламент никакой не поможет.

Вторая попытка

Вторая попытка слома цивилизационной идентичности России была предпринята переродившейся партноменклатурой в начале 90-х годов XX века, которая решила конвертировать политическую власть в собственность под лозунгом «возврата в Европу». Иными словами, России предложили отказаться от самой себя и принять правила игры иной истории и культуры. Естественно, что из этого ничего не вышло — вышел развал великой самодостаточной державы, способной идти по собственному пути и служить своего рода посредником между Востоком и Западом, Севером и Югом. Геополитические последствия этой либеральной революции налицо — от военных баз США на бывшей территории СССР—России до свежих гуманитарных катастроф на Ближнем и Среднем Востоке. Если после 1917 года народ лишили веры (замененной религией «общего дела»), то после 1991 года его попытались лишить и нравственно-интеллектуальной жизни, заменив ее футболом и попсой. На Западе цивилизованный мелкий собственник давно свыкся с духовной и культурной «игрой на понижение» — его почти целиком занимает рыночный естественный отбор, повелительно диктуемый господствующим социал-дарвинизмом. Однако на Руси создание «нового человека» американского разлива никак не удается, как не удается и построение капитализма американского образца. Вопреки мощному — прежде всего телевизионно-рекламному — культу потребительства у русского человека продолжает сохраняться чувство бессмысленности существования в роли «экономического персонажа», навязываемой ему практиками и теоретиками рыночной демократии. Как писал замечательный современный ученый А. С. Панарин, «социальный капитал нельзя свести к рыночному капиталу». Более того, он растрачивается и исчезает в условиях бесцеремонного вторжения законов рынка в заповедные социальные и моральные сферы.

Так или иначе, фундаментальная ошибка современного либерализма заключается в настойчивом стремлении отменить «архаику» (она же «фантастика», «социальная греза», «коллективное вранье» и т. п.) нравственно-духовной мотивации человеческих отношений, расчистив место для тотального господства экономических (материальных) ценностей во всех областях общественного и личного бытия. Если так пойдет дальше, бабушки перестанут воспитывать свои внуков, пока родители не подпишут с ними соответствующего контракта. Контрактная семья, контрактная школа, контрактная армия, контрактное государство — что еще? Даже с чисто экономической точки зрения финансовые и юридические издержки на поддержание такого образа национального существования слишком велики. Стремясь пристроить Россию на евро-атлантический «Титаник», плывущий к неизвестной цели в нравственно-религиозных потемках, наши рыночные либерал-демократы не желают задуматься, что ждет этот «корабль тщеславия» уже в недалеком будущем. Однако неясность избранного курса прекрасно чувствует народ, ответивший на введенный в России культ денег всеобщим воровством и всеобщим пьянством. И это при том, что определенная часть нашего населения действительно никогда не жила так хорошо в материальном смысле — во всяком случае, в крупных городах. Я уже не говорю о полной свободе самовыражения, слова, эротики, тусовок, путешествий — всего того, чего так не хватало нашей богемной элите при советской власти.

Однако потребительством (консюмеризмом) русского человека надолго не соблазнишь. Миллиардеры-олигархи со своими футбольными клубами в качестве национального идеала («Кто хочет стать миллионером?») — что может быть ненадежнее для российского общественного устройства? В сущности, нынешнее российское государство превратилось в увлеченного игрока на глобальном финансовом

рынке, махнув рукой на идеологию, мораль и культуру (одно ТВ чего стоит!). Под влиянием либерал-рыночников оно становится все более «экономикоцентричным». Между тем государственность (даже буржуазно-парламентская) не может и не должна сводиться к экономике, подобно тому как незавидна судьба человека, целиком подчинившего свою веру и мораль интересам собственного кошелька.

Крах «экономического человека», подменившего собой человека верующего, человека разумного и человека нравственного, близок даже на Западе, где протестантская реформация, казалось бы, примирила между собой служение Богу и служение собственности. Нынешний мировой финансово-экономический кризис — только одно из проявлений кризиса общецивилизационного. Культура, утратившая различие между Богом и мамоной, между истиной и выгодой, между безобразием и красотой, не имеет будущего.

Конец света — не выдумка

Если вернуться теперь к формулировкам А. Мелихова относительно «чарующих обманов» коллективизма и самовозвеличивающей мечты либералов, то придется признать, что Европа (и отчасти Россия) за последние триста лет только и делала, что боролась за осуществление индивидуалистической (романтической, если угодно) свободы как самоцели. Еще старик Гегель писал, что прогресс — это расширение пространства свободы. Примерно то же самое – каждый на свой лад — повторяли К. Маркс и Ф. Ницше. Ныне мы пожинаем плоды этой индивидуалистической романтики. Единственной реальной (хотя и прикрываемой разговорами о демократии и даже христианстве) мировоззренческой и социальной истиной современного Запада является сохранение достигнутого максимального комфорта существования. Запад («золотой миллиард») построил для себя совершенный «капитало-социализм», закончил в этом плане свою историю и сегодня делает все, чтобы затормозить, заморозить ее в нынешнем — идеальном для себя — социокультурном состоянии. Вся внутренняя и внешняя политика Запада, включая регулярные ракетно-бомбовые «гуманитарные» акции, направлена исключительно на это. И плата за такое «окончательное решение» вопроса об истине чрезвычайно высока. Чуткие люди на самом Западе — такие, как О. Шпенглер, М. Хайдеггер, Г. Гессе, — еще в первой половине XX века почуяли как будто некий смертный туман, разливающийся по городам и весям бывшей «страны святых чудес». Уже в наше время Ф. Фукуяма назвал такое положение концом истории, а крупнейший американский социолог И. Валлерстайн оставил нынешнему капитализму лет пятьдесят, не больше...

История продолжается до тех пор, пока люди хотя чем-то радуют Бога. Между тем на наших глазах идеология постхристианского мира быстро, хотя и внешне незаметно переходит в антихристианскую, тиражируемую под разными именами деятелями антицеркви. Сегодня на пространстве Евро-Атлантики осуществляется не ценностное приращение бытия, а его технологическая эксплуатация. Технический прогресс Запада происходит по инерции, моделируя компьютерными средствами глобальный масштаб греха как нормы жизни. Торжествует всемирная информационно-пропагандистская псевдокультура, управляющая сознанием человечества на основе новейших психосемантических технологий (так называемое «информационное оружие»). На гей-парады в столицах Европы выходит до миллиона человек, что свидетельствует о полной утрате массовым сознанием границы между добром и злом (постмодерн). В Европе (и тем более в Америке) уже нет *бытия* — там есть подручное, прирученное существование, когда субъект такого существования сидит перед телевизором или компьютером (мир как иллюзия-выставка), имея в качестве соб-

ственника всю Вселенную. Вопреки самодовольной прозе подобного «царства теней», в истоке его лежит утопия — социальная и технологическая утопия индивидуалистического либерализма, вплоть до «американской мечты» о просперити с белозубой улыбкой, отграничивающей ее владельца от всего низшего — варварского, от всего внешнего — чужого, опасного, но и от всего высшего — богоносного, таинственного. Это утопия мира без страдания, без греха и Воскресения. В сущности, это насмешка над творением Божиим, и самое печальное состоит в том, что этот смех уже прозвучал.

Что касается России, то на основе вышесказанного позволительно заключить, что Русь—Россия во всех своих исторических формах (включая советскую), так или иначе, с большим или меньшим успехом, исполняла роль Удерживающего (2 Фессал. 2,7) в нисходящем движении истории, предсказанном в Писании. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении этого стремления мирового социокультурного «человейника» вниз, ко все более темным (вплоть до инфернальных) уровням тварного существования. Последовательная либеральная жизненная практика есть плод уже остывшей или остывающей цивилизации, где предельные религиозные (смысложизненные) вопросы давно «разрешены» и отданы на откуп частному мнению, а единственной почвой общественного согласия «о главном» является необсуждаемая заинтересованность любых партий, классов и «меньшинств» в сытой и удобной жизни. Такого «бога» зовут ОКЕЙ, и это есть подлинно антихристианский «бог». От его имени говорил Великий Инквизитор Ф. М. Достоевского. Самые большие грешники на этой земле те, кто наиболее комфортно устроился среди всеобщего греха. По ходу мирового времени возрастает напряженность антиномии добро/зло. Физических сроков и конкретных завершительных форм внутриисторического апокалипсиса людям знать не дано, но, по-видимому, основные события метафизического плана развернутся в наступившем XXI столетии. В определенном смысле конец света уже наступил, только не все это заметили. В таком плане последняя жертва России Богу может заключаться в том, чтобы своим онтологическим неблагополучием отвергнуть тотальное приспособление к греху как норме личной и общественной жизни в утерявшем вертикальное измерение мире. Тогда конец света (конец духовной истории) может приобрести положительный смысл в христианском значении этого слова.

Под конец повторю, что вышеописанный (и уже фактически наступивший) закат Европы есть не что иное, как конец индивидуализма и либерализма, принятого за норму жизни. Самая большая фантастика в этом плане — представление его в качестве положительной социальной программы, то ли под реалистическими, то ли под романтическими знаменами. Цивилизации, как показывает история, ненадолго переживают свои соборные идеалы. И «мечеть парижской богоматери» не просто название романа, а предвидение близкого будущего и одновременно расплата за предательство. Будем надеяться, что православную Россию эта чаша минует.

КОММЕНТАРИЙ

Что есть истина?

Меня столько раз упрекали в пренебрежительном отношении к объективной истине не только «патриоты», но и «либералы» (В. Якобсон, «Звезда», 2010, № 8; И. Яковенко, «Нева», 2011, № 3), что хочется еще раз объясниться, хотя я и писал об этом достаточно подробно: «Истина хорошо, а счастье лучше» («Знамя», 2005, № 6), «Ствол и семя» («Октябрь», 2008, № 11). Но может быть, то и плохо, что подробно? Попробую покороче и попроще.

Итак, если даже допустить, что некая «объективная», не зависящая от нашего восприятия истина существует, все равно орудиями ее постижения останутся наше тело, наш мозг. А для него имеется лишь один критерий истины — субъективный: он считает истиной всякое суждение, способное убить его скепсис. Для социальных же групп подобным субъективным критерием является согласие: что порождает согласие данной группы, что затыкает рот скептикам, то и является истиной данной группы.

Иными словами, доказанным мы называем психологически убедительное. А когда заявляем, что стремимся к истине, на деле мы лишь стараемся покончить с собственным скепсисом.

Стремление для человека очень важное, в романе «Горбатые атланты» один мой герой прямо заявлял, что история человечества есть история бегства от сомнений. Однако если понять, что стремление к истине есть всего только стремление к максимально широкому согласию, то в бегстве от сомнений не будет ничего дурного. Понятие объективной истины становится опасным, когда от ее имени — от имени объективности! — начинают подавлять несогласных. Несогласных не с чем-нибудь — с объективностью!

Отделение политики от истины несет свои опасности, объединение политики с истиной — свои. А большей опасностью нам представляется та, от которой мы в данный момент больше настрадались. Надеяться же, что человеческая психика когда-нибудь примет нечто неизменное и более не станет подвергать его сомнению, мне кажется, так же наивно, как надеяться отыскать для сна столь удобную позицию, что она уже не станет порождать желания перевернуться на другой бок.

Александр МЕЛИХОВ

Комментарий автора

С умным человеком и поговорить приятно

Споры, как известно, никогда не кончаются. Как говорится, история нас рассудит. С точки зрения психологического комфорта А. Мелихов, конечно, прав, но только до определенного предела. Предел этот наступает — и уже фактически наступил, — когда душевный (и всякий другой) комфорт определенной группы людей занимает место идеала человека как образа и подобия Божия. Тогда скорый конец истории (и уж, во всяком случае, конец культуры) неизбежен, что мы и наблюдаем сегодня воочию почти на всех экранах телевидения и Интернета. Стремление к максимально широкому согласию людей, конечно, хорошая вещь, только вот вокруг чего они объединяются? В истории полно случаев, когда миллионные массы объединялись вокруг весьма различных целей, вплоть до самых чудовищных. Я думаю, что индивидуализм и вытекающий из него нравственный, экономический и политический либерализм, принятый за норму жизни, не принесут миру и России в конечном счете ничего, кроме хаоса во всех смыслах этого слова. Пока этот хаос остается «управляемым» с помощью постмодернистских технологий и точечных «томагавков», жизнь кое-как продолжается. Но вот потом...

Александр КАЗИН

Комментарий комментатора

Рационалистический индивидуализм не будет принят миром

Разумеется, комфорт лишь одной группы, навязываемый в качестве комфорта всеобщего, у остального мира не может вызвать ничего, кроме раздражения. Необходимость поддерживать согласие путем насилия или хотя бы угрозы его применения наилучшим образом демонстрирует, что на самом деле «в товарищах согласья нет». Я согласен с моим оппонентом и в большем: вокруг каких бы нелепостей ни объединился мир — хотя бы даже вокруг веры, что Земля плоская и покоится на трех китах, — он все-таки никогда не объединится вокруг рационалистического индивидуализма, покоящегося на двух заблуждениях. Первое: физические ощущения для человека важнее, чем психологические переживания. Второе: личный успех способен обеспечить человеческое счастье. Хотя никакие социальные успехи и никакие наслаждения не способны защитить человека от ужаса неизбежного бесследного исчезновения. Ослабить этот ужас может лишь эмоциональное слияние с чем-то более могущественным и долговечным, в идеале — всемогущим и бессмертным. Чем в реальности может оказаться это «большее» и есть ли шансы, что оно окажется общим для всего человечества, я не знаю. Но в том, что индивидуализм не будет принят миром, я практически убежден.

Александр МЕЛИХОВ

Последний комментарий автора

Все впереди

Вот мы и согласились в главном: рационалистический индивидуализм не будет принят миром. Вопрос в том, каковы его альтернативы. Если это будет глобальное массовое общество, управляемое с помощью дурных страстей и транслирующих их виртуальных технологий (вариант «Великого Инквизитора»), — я от такого будущего прошу меня уволить. Это и будет конец истории. Если же какая-то часть человечества выберет иную дорогу (вплоть до новой катакомбной Церкви), то никакого другого пути, кроме христианской соборности (он же свободный православный персонализм), я предложить заблудившемуся человечеству не могу. Может, тогда и ужаса неизбежного бесследного исчезновения кому-то удастся избежать, причем не только эмоционально. Смерть, где твое жало?

Александр КАЗИН

Ирина (Ляля) НИСИНА

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ

Очерк

«Миссис Нисина, а когда вы читаете, то ваш английский просто отличный!»

Дети сидят на ковре передо мной и смотрят ожидающе.

«А может, еще одну историю? — пробует Джейкоб. — Мы сегодня были хорошие!»

«А книжки выбирать?» — спрашиваю я.

Дети тотчас же начинают галдеть — ну невозможно им молчать целых полчаса, а я начинаю воспитательный гипноз. Несколько лет назад приглашенный к нам на совещание психолог рассказал, как формировать ассоциативные связи в неокрепших детских мозгах. С тех пор я стараюсь применять так понравившиеся мне знания на практике. Для этого надо свести всю массу инструкций в короткие предложения-приказы и все время повторять их одними и теми же словами. Например: «Что ты делаешь? А что ты должен делать? Можешь ли ты сделать правильный выбор? Молодец, это, конечно, гораздо лучше!» Мои инструкции малышам сводятся к «Работаем тихо! Не забываем закладки! Книгу держим корешком к себе!»

Дети быстро строятся перед столом выдачи, и я начинаю отмечать книги. Это второй класс, шестилетние дети, так что проблем, вроде «Как же все-таки твоя фамилия? Почему родители не подписали твой библиотечный мешок?», у нас не бывает. Даже если случается заминка с фамилией, то я знаю почти все фамилии на память. Первую букву уж во всяком случае! Тут работает профессиональная библиотекарская память: «Не помню названия, но знаю, что на “Г”». Второклашки кладут книги «лицом вниз», чтобы я могла просканировать кодировку.

Книги укладывают в мешки для большей сохранности. Мешки эти, совсем как полотняные торбочки, в которых моя бабушка держала запасы муки и сахара. Но

Ирина (Ляля) Нисина родилась на Украине в городе Виннице. Окончила Казанский институт культуры и Винницкий пединститут. Работала библиотекарем и учителем средней школы. Играла в «Что? Где? Когда?» в команде молодых учителей, в команде КВН и в Молодежном театре. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию. Работает координатором информационного сервиса в государственной школе. Рассказы и повести регулярно печатаются в литературных журналах по всему миру. Ляля Нисина — член Международного союза писателей «Новый современник» и Австралийской литературной ассоциации «Антиподы».

библиотечные мешочки яркие, на каждом картинка — книжные герои. Мальчики предпочитают человека-паука или опять вошедших в моду смелых черепашек. Девочки отдают преимущество феям и бабочкам Ширли Барбер, кукле Барби и всевозможным принцессам. Гарри Поттера любят все, хотя никто еще не читал книги. Зато кино про Гарри они смотрели, несмотря на то, что безопасного рейтинга фильм не получил из-за колдовских заклинаний. В школе мы можем показывать детям только фильмы с безопасным рейтингом. С тех пор как стали пересматривать уровни насилия в старых фильмах (и даже в мультиках про птичку Твитти!), мы не можем показывать почти ничего без предварительного (письменного) родительского разрешения. А что делать с теми, чьи родители разрешения не дали? Посадить лицом к стенке? Отправить в другой класс как нарушителя дисциплины? Вот и получается, что официально показывать почти нечего.

Книжки отмечены, уложены в мешочки, и второклашки строятся у дверей библиотеки. Следующий урок — информационные технологии, его у этих малышей ведет другой учитель.

Я еще раз напоминаю о тишине, и мои маленькие студенты перемещаются к соседней двери в компьютерный класс № 1. А ко мне медленно, с ленцой, подтягивается шестой класс. Снова начинается гипноз: «Построиться в две ровные шеренги!», «Не шуметь!», и, наконец, высшая точка гипноза: «Все помнят, что библиотека — это помещение, где работают тихо?»

Они помнят, более того, могут повторить наизусть все правила. Вот выполнять их — это уже совсем другое дело. Шестиклассники рассаживаются по двое перед экранами в компьютерном классе № 2. Сейчас середина четверти, они знают, кто с кем работает и за каким компьютером. У старших классов один проект на всю четверть. Эти шестиклассники изучают планеты Солнечной системы и готовят семинар по каждой планете. В начале семинара презентация планеты, потом вопросы по презентации, потом дети еще должны раздать своим одноклассникам письменные задания, собрать их, проверить, оценить и сдать учителю для оценки за всю проделанную работу. Таким образом, учитель получает результаты опроса каждого ребенка по каждой планете плюс еще оценку за проект, которая выставляется сразу по нескольким предметам. Презентации у нас почти готовы, остались только завершающие штрихи, и можно будет брать на предварительную проверку. Я проверяю только электронную часть и только в виде предложений. «А не лучше ли разделить эту информацию на два слайда, а то экран заполнен настолько, что трудно читать?» или «При таком темном экране красный цвет текста очень раздражает глаза. Попробуй поменять его на светло-голубой!» Втянувшись в работу, шестиклассники разговаривают тихонько, повышая голос, только если им нужна помощь.

«Миссис Нисина! У меня Венера не крутится, а вчера крутилась!»

«У меня абзац про Титан пропал!»

«Миссис Нисина, а вы можете нарисовать мне орбиту, чтобы Марс мог двигаться, когда я читаю текст!»

«Мисс, у меня музыка после второго слайда не играет!»

За две минуты до конца я напоминаю о сроках сдачи работ и принимаю записи на компьютерное время на большом перерыве. Сегодня я дежурю, и мой компьютерный класс открыт.

Третий урок — снова шестиклассники. Перед дверью стоят толпой, лица красные, возбужденные. Джон и Джордан пинают друг друга ногами. Еще миг, и они катаются по земле, поднимая тучи пыли. Джордан — ученик спецкласса, поэтому я даже не пробую их разнимать, а посылаю девочек за его учительницей. В ожидании учителя ору: «Джон! Стоп! Сейчас же!» — и пробую свистеть (у меня есть очень громкий и не-

приятный свисток). Вмешиваться в драку, то есть оказывать физическое воздействие на детей, нам запрещено. Поэтому я топчусь в пыли вокруг них и взываю: «Джон, тебя опять исключат!» Взывать к Джордану бесполезно: он возбужден до предела и ничего не слышит. Прибегает учительница спецкласса миссис Ирвинг, хватает Джордана за воротник. Увидев ее лицо, Джордан обвисает, как сдувшийся воздушный шарик, отпускает Джона и начинает медленно отряхивать со штанов сухую траву. Он знает, что за драку библиотека и компьютерные классы для него теперь закрыты на две недели.

«Я не хотел, — говорит он мне, — но Джон сказал, что я гей. А я не гей! Я не люблю, когда меня трогают. Если меня не трогают, то я хорошо себя веду, правда?»

Для Джордана — это очень большая речь, обычно он говорит не предложениями, а словами «Нет», «Не я», «Мне», «Буду». Он совершенно не выносит чужих прикосновений. Это не такая уж редкая психическая патология — только в нашей школе три таких ребенка. Миссис Ирвинг уводит Джордана. Я разрешаю всему классу пройти внутрь и начать наконец работу, а сама остаюсь с Джоном снаружи. Мы садимся на скамейку возле двери. Одна из девочек услужливо выносит мне папку «Руководство поведением», и я начинаю заполнять оранжевую форму. Оранжевый цвет третьей ступени нарушения. Первая ступень — это обычное замечание, вторая ступень голубого цвета — информация для классного учителя. Результатом голубой формы может стать смена партнера (обычно все задания дети выполняют в паре) или же смена задания на более легкое или же более трудное. По совокупности голубых форм ребенок может быть лишен права участвовать в праздновании окончания четверти. Это серьезное наказание, так как весь класс будет веселиться с девяти до трех: заказывают пиццу, делают воздушную кукурузу, объедаются принесенными из дому сластями.

Первая часть празднования официальная — подведение итогов соревнования между классами, вручение грамот и прочих почетных призов, показательные выступления, последние этапы конкурсов (в этой четверти, например, проводится конкурс талантов по категориям пения и танца). В этот день дети приходят без формы, но строгие школьные правила действуют, и одежда не должна быть прозрачной, короткой или открытой. Кроме того, эти дни проводятся по определенной теме: «Золотой день» (все в желтом!), «День странных причесок» (вся школа со всклокоченными разноцветными волосами!) или «Двести лет тому назад» (девочки в чепчиках и длинных платьях, мальчики — кто во что горазд). После окончания официальной части дети расходятся по классам и радостно поедают пиццу и сладости. Потом начинаются танцы и игры. После большой перемены, смертельно уставшие, они смотрят видео, собравшись по два-три класса в одной комнате.

Нарушители дисциплины стараются в этот день в школе не появляться, зная, что проведут весь день в младшем классе, выполняя задание по математике и английскому под насмешливыми взглядами малышей.

Итак, я заполняю оранжевую форму. Драка — серьезное нарушение. Три оранжевых формы ведут к исключению из школы. Джон информирует меня, что он уже имеет две оранжевые формы и что завтра он не придет, так как его исключают на три дня.

«Ты это сделал нарочно?» — спрашиваю я.

«Да! — ничуть не смущается он. — Я хочу быть дома. Моего друга вчера исключили, я лучше буду с ним по телефону из дому говорить, чем здесь сидеть!»

Я давно знаю, что Джон ненавидит школу и учиться не хочет принципиально. Он мечтает стать ковбоем и жить далеко от больших городов. Ему было чуть больше шести, когда его отец погиб в автокатастрофе. Тогда у него и появилась такая мечта —

жить подальше от автокатастроф. Сейчас с ним работает психолог, но результатов пока не видать. Я посылаю Джона вымыть лицо и руки и почистить штаны и рубашку, а сама спешу в класс.

Как я и предполагала, меня встречают шум и возгласы: «Этого ответа здесь нет!» и «Я не знаю, что делать!» Напоминаю задание. Пол-урока мы потеряли, так что сразу уменьшаю количество вопросов вдвое. Дети изучают историю средних веков и должны ответить на вопросы, разыскивая информацию в Интернете. Вопросов три страницы, так что работы много. Отвечают они письменно, а учитель потом проверяет и выставляет оценки за каждую страницу. Сегодня мы как раз должны были вторую страницу закончить. Быстро начинаю гипноз, стараясь не потерять больше ни минуты: «Работаем тихо! Начинаем с вопроса сорок семь! Открываем Гугл! Работаем тихо! На стульях не вертимся!» Кажется, угомонились. Да и пора уже, скоро звонок.

Начинается малый перерыв, но я не отпускаю класс, пока они не сложат задания в папку и не выровняют стулья. Наконец-то! Шестиклассники толпой к выходу, а я — готовиться к следующему уроку. Опускаю большой экран, проверяю динамики — кажется, все сегодня работает — значит, есть время выпить кофе. Моя помощница давно уже ушла есть — в малый перерыв библиотека всегда закрыта. Спешу в учительскую.

Школа наша построена тридцать лет назад, когда здесь еще только строили первые дома. Фасад смотрит на проезжую улицу. Эта дорога на скоростное шоссе, ведущее в Брисбан на севере и в местный аэропорт Кулангатта в южном направлении, так что машины в два ряда мчатся без перерыва в любое время дня. Напротив школы переход с кнопкой. Чуть нажмешь — сразу зажигается зеленый пешеход. Большие дяди из Департамента транспорта понимают: дети ждать не могут, поэтому время ожидания сведено до минимума. Вдоль улицы вытянулось здание администрации: директор, завучи, бухгалтерия, секретариат, туалеты для учителей, кладовка канцтоваров, архив, комната помощников учителя, фотокопировальная и учительская (она же общая комната, она же столовая).

Учительская оборудована холодной и горячей питьевой водой, микроволновками, холодильниками, шкафчиками для посуды. Столы покрыты пластиком, их легко помыть после еды, благо умывальник тут же. После малого перерыва в этой комнате считают деньги перед отправкой в банк (дети оплачивают спортивные занятия, проводимые вне школы, экскурсии и т. п.). После большого перерыва в этой же комнате работают помощники учителя, а после трех, когда уроки окончены, комната превращается в зал заседаний. Учительскую обязательно надо посетить хотя бы раз в день, предпочтительно до начала занятий. На столе перед окном лежит огромная книга, где каждый учитель расписывается о приходе на работу. Уже давно можно было бы перейти на электронный учет: школа выдает компьютеры каждому учителю, и все они подключены к большому серверу, но наш директор любит старый метод. Подписи на листочке слева, а листочек справа в той же книге — сегодняшние новости. Тут и официальные распоряжения, и профсоюзные, и, конечно же, личные объявления типа: «У Сэма ночью родилась вторая девочка. Сэм чувствует себя хорошо и хочет повторить эксперимент, чтобы быть до конца уверенным в том, что такие нежные женщины, как его Маргарет, мужчин не рожают. Поздравляем Сэма и Маргарет!» или «Дэвид решил стать честным человеком и сделал предложение своей подруге Белинде. Поздравляем Дэвида и Белинду с помолвкой!» (При обращении к паре мужчину всегда ставят на первое место!)

В учительской все уже в сборе и допивают кофе. За последние пару лет многие перешли на зеленый чай, но кофе по-прежнему на первом месте. Наливаю кипяток, вытаскиваю из холодильника двухлитровый кувшин молока. Сразу начинаются

шутки типа «Это молоко с привкусом кофе!», «Похоже на воду из посудомоечной машины!». Я стараюсь пить слабый кофе днем, оставляя дневную дозу на вечер, поэтому мой кофе лишь чуть-чуть кремового цвета. У остальных чашки наполнены густо-коричневым, дымящимся, ароматным допингом. Сегодня мы ничего не празднуем: никто не родился, ни у кого нет других поводов праздновать. В день рождения друзья-сослуживцы покупают торт и угощают именинника. Если же людей связывают более дружеские отношения, то приносят небольшой подарок, в основном дорогое мыло, гель, ароматические соли для ванны и т. п. Сегодня мы дегустируем печенье по новому рецепту, который Сюзанна, учительница второго класса, выискала в Интернете. Быстро пробую печенье, восхищаюсь, допиваю кофе, мою чашку и ставлю ее в шкафчик над мойкой.

Звенит звонок, и сразу образуется очередь к питьевому крану с охлажденной водой. Все набирают воду в термосы и фляжки, где она остается холодной до следующего перерыва. Бегу в туалет. Пока возилась в туалете, очередь рассосалась, и я быстро наполняю свою фляжку.

Дети уже ждут меня, сидя на бетонных плитках под дверью библиотеки. После перерыва они строятся в две шеренги перед классом и ждут учителя. Никто не заходит в помещение без разрешения. Эти третьеклашки — мои любимые. Они милые дети, очень доверчивые и открытые к общению. В первом и втором классах их учила замечательная учительница, сама никогда не повышающая голоса и научившая детей говорить тихо и слышать друг друга. Перед тем как зайти в дверь, все девочки и почти все мальчики обнимают меня, прижимаясь головой в животу. Многие при этом очень эмоционально восклицают: «Люблю тебя!»

Объятия-хаги здесь общепринятое явление. Моих домашних уже давно не удивляют перемазанные шорты, которые надо ежедневно стирать. Только моя мама, человек строгих правил, иногда вздыхает, показывая на сушилку для белья: «Твои соседи, наверное, думают, что ты каждый день в штаны делаешь!» Пять пар школьных и пара белых (принципиально!) для субботы-воскресенья бриджей полощутся на веревке каждый понедельник. Благо малыши не достают выше пояса, так что блузки мои не собирают пятен, а то не знаю, как бы я отмывала томатный соус с белого хлопка.

Третьеклашки выбирают книги и быстро строятся в очередь перед компьютером, а я начинаю выдачу. Мне помогают две девчушки, которых я тренирую на звание моих официальных помощников. В следующем году они будут сами проводить выдачу, расставлять по полкам книжки для малышей и помогать нам в библиотеке в конце каждой четверти. Пока еще они работают под моим руководством, но присутствую я лишь номинально, фактически выдачу проводят они. Жаклин находит карточки в ящике третьеклассников (карточки расставлены по годам обучения), а Эшли сканирует сначала карточку, а затем книжку. Жаклин проверяет запись на экране и благосклонно кивает очередному мальчугану: «Спрячь книгу в мешочек и можешь идти на ковер». Эшли тут же добавляет: «Следующий! Как твоя фамилия? Положи книгу лицом вниз, баркодом вверх!» Фамилии всего класса они знают наизусть, но вся прелесть игры в наслаждении своей значительностью: «Скажи!», «Положи!», «Можешь идти!». Маленькие женщины!

Выдача закончена, и мы садимся на ковер. То есть дети-то на ковер, а я на маленький стульчик. Стульчик мой неописуемо удобный, но такой маленький, что я (а до худосочности мне ой как далеко!) его полностью закрываю. Недаром один фантазер из первого класса кормил родителей историями о том, что миссис Нисина читает книги, левитируя над ковром. «Не на стуле сидит, а прямо в воздухе!» — захлебываясь, рассказывал он. Оба родителя, уважаемые члены Общества свидетелей Иеговы,

примчались в школу разоблачать колдовство. Скандал не состоялся — я просто показала, на чем сижу во время урока. На ковре, уж простите, мне неудобно — спина подводит. Бедному ребенку велели передо мной извиниться. Я думала — возненавидит, а он еще сильнее привязался, теперь каждый урок сидит, привалившись щекой к моим коленям.

Дети ластятся к любимым учителям, как котята, могут тереться носом, любят держать за руку или за ногу, если руки уже разобраны. Однажды (недосмотрела!) один первоклассник зажевал во рту подол моей юбки. Несколько раз подготовишки пытались лизнуть мои колготки. Колготки в здешнем климате редкость, несколько холодных зимних недель вполне можно проходить в брюках. Еще они очень любят выражать свою любовь массажем спины, шеи, рук. Моя помощница-третьеклассница Жаклин делает отличный массаж, которому научилась у мамы, профессиональной массажистки. Пару раз любовь пытались выразить попытками почистить грязь у меня между пальцами ног. Многие дети делятся со мной своими призами-наклейками, которые получают от учителя за хорошую работу. Они отколупывают наклейку с типовой надписью «Отлично!» или «Хорошее чтение!» и наклеивают ее на меня. Причем место наклейки не имеет большого значения: главное — наклеить. Как-то раз наклейка «Восхищаюсь!» оказывается у меня ниже спины, а многоцветный «Острый глаз» однажды нашел место на уровне пупка. Нужно было видеть, как в конце последнего урока, сопящий первоклашка пытался прилепить мне наклейку, а я, не оценив его порыва, пробовала этот процесс остановить, оправдываясь, что у меня, мол, их сегодня уже очень много. Блузка моя и вправду украшена самыми разнообразными лозунгами, венцом которых в этот день стал плакат в три пальца шириной, возвещавший, что «я знаю все буквы алфавита!». Первоклассник посмотрел на меня и, укоризненно качая головой, прилепил наклейку под грудью. «У тебя такая большая грудь, — очень серьезно сказал он, — что тебе можно казиллион наклеек прилепить и еще место останется!» Так и пришла я домой с наклейкой под грудью, говорящей всему честному народу, что «ты – звезда!». Ну что ж, светим дальше.

Сегодня третий класс смотрит «Книгу на экране». Некоторые понравившиеся мне истории и, как правило, все книги года (пять лучших произведений для детей в Австралии ежегодно награждаются призами) я перевожу в электронный формат и показываю детям на большом экране. Сегодня мы смотрим «Искатель воды» — замечательная австралийская история о жизни на ферме во время засухи тридцатых годов прошлого века. Картинки я отсканировала, добавила анимации, расставила акценты («камера наезжает!»). Каждая картинка растворяется в следующей на фоне тихой японской песни о поиске воды. Листва на деревьях колышется, летают птицы, по поваленному дереву ползет змея, в небе плывут облака, солнце садится. Цвет экрана меняется на темно-синий, а буквы становятся белыми на ночном небе, выходит луна... В классе так тихо, что щелканье компьютерной мышки кажется громким. Наконец: «Ты настоящий искатель воды, сын, достойный своего деда!» — говорит отец с гордостью. Конец. Музыка умолкает, экран гаснет.

Третьеклашки поворачиваются ко мне. Достаточно посмотреть на их лица, чтобы понять, насколько им понравилась книга. Мы еще немного говорим о засухе, о том, как жили на фермах 70 лет назад без газа, электричества и, конечно, без воды. Урок окончен, и учительница пришла забрать их в класс. Дети наперебой делятся с ней впечатлениями об искателе воды. Дарси обнимает меня за ногу, он совсем малыш, ниже всех в классе, и тихонько говорит: «Мисисина, спасибо тебе, что ты поделилась этой историей с нами!»

«Мисисина» — это среднее имя, выкроенное из непомерно длинного для таких малышей «Мис-сис-ни-си-на». Многие дети не могут выговорить такого длинного имени на одном дыхании, а вот «Мисисина» или «Мисина» получается запросто.

А другой третий класс уже в дверях, они пришли без учителя из компьютерного класса и шумят под дверью. Кто-то пробует залезть по решетке на окно, кто-то брызгается водой из питьевого фонтанчика, прикрепленного к стенке библиотеки. Опять начинается «Построиться в две шеренги!». С трудом утихомирила, быстренько отметила выдачу книг. В этом классе помощников у меня нет: никто желания не выразил. Класс очень шумный, горластый, состоит из одних индивидуалистов — каждый хочет командовать. Им не повезло: учителя менялись весь год, ни один больше четверти не задержался. Читают детишки посредственно, а книги норовят выбрать толстые с мелким шрифтом — создают впечатление. «Книгу на экране» смотрят невнимательно, вопросов почти не задают. Я рассказываю о тяжелой жизни на ферме, о мытье всей семьи в одной миске.

Бен поднимает руку: «А я не верю, что их мама могла в одной воде купать всех детей! Что если один из них болен СПИДом? Вся семья тогда заболеет!» Ох, Бен-Бен, как много ты знаешь про СПИД. Я говорю, что болезни этой еще не было в тридцатые годы, а Бен глубокомысленно добавляет: «Если бы мой дядя Зэк жил в прошлую засуху, то он бы не болел СПИДом и не умер!»

Тамийка говорит, что она пойдет в университет, а потом вылечит всех людей от болезней. Маркус тут же сообщает, что его мама пошла учиться, но не знает на кого. А Ребекка говорит, что у ее брата есть новая девушка и она медсестра. «Опять шум!» — я начинаю говорить формулами. Дети строятся в две шеренги. Восторгов по поводу книги не слыхать.

«Неужели вам не понравилось?» — удивляюсь я.

«Неплохо... Понравилась...» — снисходительно кивают они. Да-а, выражению чувств тоже надо учиться. А ведь смотрели бы повнимательнее, может, и отзывы были бы поэмоциональнее.

Так, не расслабляемся, впереди класс седьмой.

Семиклассники заходят в библиотеку без учителя и без построения: они выпускной класс, без пяти минут ученики высшей (High) школы. Задание им учитель отправляет по электронной почте, а моя миссия сводится к помощи в выполнении этого задания. По правде говоря, большинству помощь моя требуется только при сбое программы. Небольшая группа учеников, нуждающихся в помощи, садится по левую сторону — мне так удобнее следить за ними и вовремя подправлять.

Сейчас весна, время влюбляться. А когда же влюбляться, если не в двенадцать лет?! Атмосфера накалена до сорока градусов: Лора поссорилась с Макензи и пригласила Брюса к себе домой смотреть видео. Высоченный, метр восемьдесят, Макензи по прозвищу Бэби чуть не плачет. Он уже пытался драться с Брюсом на школьном стадионе, откуда оба позорно бежали, увидев дежурного учителя. Эти волнующие новости мне сообщает сама Лора, закатывая глаза и упиваясь ролью роковой женщины. Ее стыжу я, осуждают завидующие до слез подружки, с ней уже говорила миссис Холден, возглавляющая комиссию по руководству поведением студентов. Но Лоре нравится внимание, нравится командовать высоченным влюбленным Макензи, и нагнетание страстей продолжается. А тут еще Алекс пытается привлечь внимание Лориной подруги Теннеси. Толстушка Теннеси призывно закатывает глаза и дарит улыбки на все стороны, стараясь привлечь еще чье-нибудь внимание.

Весна!

Отправляю Алекса в офис за бумагой для принтера. Сажаю Макензи помогать Филу. Фил перевелся к нам из района печально известного Иннесфэйла, пострадавшего от урагана. Он жил на ферме далеко от школы и обучался по радио. Обучение по радио глубокого отпечатка на нем не оставило. Читает Фил медленно, с напряжением и примерно на уровне третьего класса. Макензи медленно читает ему задание,

и оба они начинают рисовать на экране какую-то геометрию. По математике Фил не из последних в классе, ему только надо прочитать и понять задание.

Лора и Теннеси тихонько спорят, растягивая треугольник на пол-экрана. Вернувшегося из офиса Алекса я сажаю за свой компьютер отдельно от класса. После всех перемещений мы минут пятнадцать работаем тихо и, по-моему, продуктивно, так как половина класса задание завершила и отослала учителю для проверки. Оставив семиклассников заканчивать задание, я бегу отмечать выдачу.

Бэби-Макензи садится на ковер с книжкой-картинкой, вытянув свои длиннющие ноги в кроссовках сорок пятого (не меньше!) размера. Лора, отметив свои книги, непринужденно подсаживается к нему, и оба они начинают искать различия в картинках, азартно загибая пальцы «Шесть!», «Восемь!», «Еще два!» — идиллия.

Звенит звонок. Большая перемена — ланч. На ланч уходят парами: Макензи с Лорой, Теннеси с Алексом и Брюс с Филом. Последние спешат на стадион: оба без ума от баскетбола — ну зачем им все эти волнения, любовь эта, им и так хорошо.

Перерыв десять минут. Пока дети едят, можно быстро сбегать в туалет или наполнить фляжку свежей водой. Но пришли учителя, им нужно помочь найти наглядные пособия (это срочно!). Как всегда, прямо сейчас, лучше вчера, но вчера они были очень заняты. Мы ищем «грамматику, на которой нарисованы две старушки с чашками на диване». Старушки находятся (вот сюрприз!), а я выслушиваю восхищение, как хорошо, что я могу все найти и прочее. Две учительницы хотят получить дополнительное компьютерное время для своих классов и пытаются втиснуться в расписание уроков в моем классе. Два университетских студента, проходящие практику в первом классе (и как они только умудряются не наступить на детей — каждый как великан в стране лилипутов!), явились за кухонной тележкой. Тележка огромная, тяжелая, ее только вдвоем и можно катить. Интересно, а что они умеют готовить? Тележка наконец-то уехала вместе со студентами.

Снова звонок: полчаса перерыва и дежурство в компьютерном классе. Тридцать человек, шум-гам. Вынимаю свисток — сразу замолкают. Напоминаю, что библиотека — это... (далее смотри выше).

Новая ученица дергает меня за штаны: «Мисисина, ты японка?»

«Разве я похожа на японку?» — удивляюсь я.

«Нет, не похожа, — пытается объяснить девочка, — но ты говоришь совсем как наша учительница японского языка!»

Дети не могут отличить один акцент от другого, но чувствуют, что я говорю не так, как все.

«А может быть, я говорю как мистер Фенстер?» — улыбаюсь я.

Мистер Фенстер — здоровенный канадец с голосом горноспасательного сенбернара: рычит даже те слова, где, казалось бы, совсем нечему рычать. Например, слово дом, хоум, у него получается хорррум.

«Нет, — мотает головой малышка, закручивая рукой подол школьного платьица, — мистер Фенстер говорит сердито, как акула, а ты говоришь, как кошечка! Мяу, дети, мяу! — передразнивает она меня. — Наша учительница японского языка тоже так говорит: мяу-мяу!»

Да, сомнительный комплимент, тут и говорящая акула, и японская кошечка...

Наконец звонок возвещает конец ланча, и дети начинают складывать игрушки. Это предупредительный звонок. До начала урока еще пять минут, есть время пробежаться в туалет, попить холодной воды из фонтанчика, убрать за собой. Дети знают, что если игры не будут убраны, то я спрячу их в шкаф до конца четверти, поэтому убирают безропотно. Наведываюсь в компьютерный класс. Удивительно, но все убрано, стулья выровнены, мусора не видать. Похоже, что я их выдрессировала.

Выпроваживаю всех из библиотеки, закрываю дверь и рысью бегу в учительскую. У меня целых тридцать минут на ланч. После обеда у меня только два урока, и обычно это младшая школа, пяти- и шестилетние дети. Учительская уже опустела, все разбежались по классам. Учителя-специалисты почти всегда едят после общего ланча. Физкультурник ставит в микроволновку большую пластмассовую коробку спагетти с мясом и томатным соусом. Учительницы струнных инструментов и пения уже сидят за столом и спорят о руководстве поведением в седьмых классах. Дисциплина на уроках пения всегда больной вопрос. Многие семиклассники играют на скрипках и гитарах (уроки оплачивают родители), и время струнного класса совпадает с уроком пения. Подсаживаюсь к столу. Приходит учительница японского и начинает жаловаться, что новый ученик отказался учить японский язык, а родители его поддерживают, и это совершенное безобразие.

«И чем они мотивируют?» — интересуюсь я.

«Они пошли к директору и сказали, что не разрешают сыну учить японский, потому что японцы убили их дедушку во время Второй мировой войны. Это их политическая платформа, и мы не вправе возражать».

Да, такой политический ребенок в нашей школе впервые. Администрация ничего сделать не сможет: родители вправе отказаться от изучения иностранного языка. Ребенок, скорее всего, будет приходить в библиотеку с заданием и работать над математикой или английским самостоятельно. Дети — Свидетели Иеговы — всегда приходят в библиотеку с заданиями перед Пасхой и Рождеством — они не признают праздников и им не разрешается даже раскрашивать картинки с пасхальными яйцами и Санта-Клаусом.

Умудряюсь быстро поесть и прибежать в класс до начала следующего урока. Опускаю экран, нахожу нужный документ. Сегодня генеральная репетиция школьного мюзикла, многие учителя заняты на сцене, и мое расписание поменяли: вместо первоклашек придут четвероклассники. Вот они уже маршируют под окнами — шумные, горластые и в массе своей совсем не жаждущие знаний. В компьютерных играх для них все понятно, а в сложности вникать желания нет. Задание у них простое: подготовить и напечатать плакат размером на четыре печатных листа, аккуратно склеить его и представить как часть проекта по защите природы. Изначально задание было дано на три недели, но уже идет пятая неделя, а воз и ныне там.

«Кто-нибудь собирается сегодня закончить и напечатать? — интересуюсь я. — А то скоро конец четверти!»

Дети молчат, лениво рассаживаются и начинают загрузку. Каждый ученик (и учитель!) имеет свой код, и при загрузке компьютера большой школьный сервер выдает персональную страницу каждому. Дети открывают программу и начинают вяло передвигать по экрану картинки. В половине третьего они меняются с другим четвертым классом, который приводит к дверям библиотеки учительница пения. Эти четвероклашки почти все закончили задание. Рассадив двенадцать отстающих по левой стороне класса, я разрешаю остальным играть. Иконки игр на экране. Игры математические, языковые, на тренировку слепого метода печатания, географические и прочие обучающие и развивающие. Без пяти три отпускаю трех детей на первый автобус в три ноль пять. Наконец звенит долгожданный звонок, и класс радостно рвется на свободу.

«Выключить компьютеры, подровнять стулья!»

Фу-у-у, наконец-то можно присесть и передохнуть. Присаживаюсь в кресло поболтать со своей помощницей. За весь день мы друг с другом не успели и парой слов перекинуться.

«Еще один такой день, и я перестану тебя узнавать! — шутит она. — Даже за кофе мы сегодня не встретились!» Шэрон включает чайник, насыпает в чашки растворимый кофе. Пьем, балдеем.

«Мисс Лайонс принесла еще одну книжечку. Родители жаловались, что книжка пропагандирует насилие. Это уже третья из этого класса!» — жалуется мне Шэрон.

В этом втором классе объявились очень странные родители, пытающиеся оградить любимое чадо от насилия, войн, терроризма и тому подобных событий нашей жизни, о которых, по их мнению, детям знать не положено. Иногда мне хочется поинтересоваться, а смотрят ли их дети телевизор. Пролистываю книжечку: дедушка рассказывает внуку об охоте на кроликов. Конечно, насилие, причем в самой отвратительной форме — убийство кроликов! Знают ли уважаемые родители, что правительство нашего штата ежегодно тратит 70 миллионов на борьбу с кроликами? Борьба эта идет уже лет сто, но кролики, по-моему, побеждают. Они — настоящее стихийное бедствие для Австралии.

Допиваю кофе, складываю сумку и выхожу к машине. Сумку забрасываю на пассажирское сиденье, а сама иду к летней сцене, где дети репетируют мюзикл. Сегодня пробуем грим. Мне выпало гримировать мальчиков. Семиклассники в шоке, они не ожидали, что надо красить глаза и губы. Они не согласны! Они не женщины!

«Хватит пороть ерунду! — не выдерживает учитель четвертого класса. — Миссис Нисина, накрась мне губы и глаза, пусть эти дурачки посмотрят и сравнят меня с ненакрашенными актерами!»

Крашу губы мистеру Коннеру. Первый раз в жизни пытаюсь накрасить губы, не задев усов. Помада под усами выглядит дичайше, но это почему-то моих мальчиков успокаивает. Они согласны сотрудничать, и мы довольно быстро приходим к соглашению о цвете помады, теней, тонального крема. Ресницы решаем не красить, а глаза наведем черным карандашом. Раскрашиваю Джейка, которому по жребию выпало быть «учебным пособием» для грима. Стараясь не дышать, навожу усы и бороду. Красавец! Мальчикам в общем нравится. Отобранную косметику складываю в коробку и заклеиваю липкой лентой. Подписываю коробку: «Мальчики. Мюзикл».

Теперь можно и домой.

Подъезжаю к дому около пяти. Надо же, а в школе нам оплачивают только пять рабочих часов в день! Из дому выехала в полвосьмого. Плюс пять — после часу дня должна быть дома. Как говорят мои дети, «во сне не приснится».

Поели, посмотрели новости, проверили почту, поговорили. Укладываю спать дочку. Она обнимает меня: «Ты самый классный учитель в мире!»

Спать хочется.

«Ну хоть полчаса попечатаю!» — думаю я. — Надо же наконец закончить этот скучный рассказ о дне школьного библиотекаря». Должность моя теперь называется «координатор информационного сервиса». Звучит солиднее, но суть от нового названия не меняется. Я работала на этой должности в четырех странах. Стаж работы, подумать страшно, больше двадцати лет. И единственное, что могу сказать утвердительно: если после двадцати лет работы с детьми вы все еще любите свою работу, то в психбольницу вас примут безо всякого обследования, просто по записи в трудовой книжке.

А я, признаться, очень люблю не только детей, но и мою работу.

Тяжелый случай...

Дмитрий КАПУСТИН (Россия)
Ранджана Девамитра СЕНАСИНГХЕ (Шри-Ланка)

АНТОН ЧЕХОВ НА ЦЕЙЛОНЕ: ФАКТЫ И ВЫМЫСЛЫ

Теме «Чехов на Цейлоне» посвящено уже немало статей как на русском, так и на сингальском языках. Подавляющее большинство их относится к публицистическим или научно-популярным, нежели сугубо научным. Отсюда — немало вольных обращений с уже известными фактами, а то и просто «сенсационных» вымыслов. При этом следует подчеркнуть, что исследования на эту тему в двух странах — России и Шри-Ланке — исторически оказались не только в тесном переплетении, но взаимозависимыми.

Немного истории

В России (затем СССР) сам факт короткого пребывания 30-летнего Чехова на Цейлоне (которую он также называл Индией, относя к широкому колониальному понятию Британская Индия) в ноябре 1890 года — при возвращении с Сахалина в Одессу на пароходе российского Добровольного флота «Петербург» — был хорошо известен широкой публике с самого начала. Много важных подробностей добавила

Дмитрий Тимофеевич Капустин родился в Москве в 1942 году. Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР в 1967 году, специалист по странам Востока. Работал в системах Министерства иностранных дел и Академии наук СССР, в органах центральной прессы. Ряд лет преподавал в вузах Южной Кореи. Кандидат исторических наук. Автор книг и статей по международным отношениям на Дальнем Востоке. В сферу его увлечений и научных интересов входят также биография и творчество А. П. Чехова. Им опубликован ряд научных и научно-популярных статей по этой тематике, в том числе в «Литературной России», в журналах «Знание — сила», «Вокруг света», «Азия и Африка сегодня», «Москва», «Новый мир». Живет в Москве.

Ранджана Девамитра Сенасингхе родился в Коломбо (Цейлон) в 1969 году. Окончил Российский университет дружбы народов в 1995 году, историк. Бакалавр и магистр истории по специальностям археология и буддизм Университета Келания, Шри-Ланка. Работает в редакции Большой национальной энциклопедии на сингальском языке. Переводчик ряда произведений русских и советских авторов. Составитель и переводчик сборника произведений цейлонского цикла И. Бунина со вступительной авторской статьей (2007). Составитель, соавтор и переводчик сборника материалов и документов о пребывании А. Чехова на Цейлоне (2010). Автор ряда статей в ланкийской прессе по истории международных и межнациональных отношений. Член исполкома Шри-Ланкийского общества дружбы с Россией. Живет в Калутара, близ Коломбо.

публикация в 1912–1916 годах сборника его писем под редакцией М. П. Чеховой, где был помещен знаменитый «кратчайший отчет» о путешествии (в письме А. С. Суворину от 9 декабря), в том числе и главное впечатление писателя об острове: ***«Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: «Сукины дети, я на своем веку имел сношение с черноглазой индусской и где же? в кокосовом лесу, в лунную ночь».***

Здесь же была опубликована и не менее знаменитая «цейлонская» фотография с мангустами, подписанная так: ***«А. П. и сын баранесы Икскуль на пароходе «Петербург». Держат мангусов»*** (орфография по оригиналу. — *Авт.*). Автором подписи к фотографии была, скорее всего, сама Мария Павловна, фотографом — судовой врач А. В. Щербак, с которым писатель «почти подружился» в рейсе. А сын баронессы В. И. Икскуль (кстати, многолетней хорошей знакомой Чехова) — это мичман Г. Н. Глинка (сын от первого брака), выпускник Морского кадетского корпуса, который проходил службу на Дальнем Востоке.

Правда, в двух последующих переизданиях писем (уже в советское время, в рамках Собраний сочинений и писем А. П. Чехова в 1948–1952 годах и в 1974–1983 годах) из них исчезло «пикантное» признание о «сношении с черноглазой индусской» — видимо, чтобы не портить аскетичный образ классика. Хотя умеющей читать публике оно было известно по довоенным публикациям чеховедов (см., например, А. Б. Дерман. Творческий портрет Чехова. 1929), не говоря уже о специалистах, имевших доступ в спецхраны рукописей.

На Цейлоне рост популярности произведений русского писателя в среде интеллигенции шел по мере знакомства с переводами на английский, появлявшимися в Европе и затем в США и Канаде на рубеже XIX—XX веков. Первый перевод на сингальский (с английского) был опубликован в 1944 году, когда в сборнике «Рассказы русских писателей» появились три рассказа А. П. Чехова: «Спать хочется», «Кто виноват?», «Душечка». Их переводчиком, как позднее сообщал журнал «Санскрути» (Культура, октябрь—декабрь 1960, с. 168), был А. П. Гунаратна. А в предисловии другой автор сборника переводов Э. Сараччандра подчеркивал: «Существует некоторое сходство между русской литературой и нашей <...>. Произведения дореволюционных писателей России свидетельствуют о том, что Цейлон в настоящее время переживаеют то же, что пережила Россия накануне революции 1917 года (Эдиривира Сараччандра, А. П. Гунаратна. Русские рассказы. Коломбо: Издательство Прадипа, 1997 (новое издание), стр. ci, на сингальском языке).

Однако именно на Цейлоне, судя по всему, была опубликована первая научная статья на тему «Чехов и Цейлон», автором которой был видный ланкийский ученый (шекспировед, драматург, театральный деятель) профессор Людовайк из University College в Коломбо (E. F. C. Ludowyk. Chehov visited Ceylon. Times Annual. Colombo, 1957).

Глубокая, базирующаяся на первоисточниках (из переписки писателя, изданной М. П. Чеховой, в переводе на английский), она содержала подбор и анализ отзывов Чехова о Цейлоне. Автор приводил также существенные факты, которых тогда не знали многие ланкийские и советские литературоведы: полный текст сакраментальной фразы о «черноглазой индусске», упоминание о купюрах в переизданных в СССР письмах Чехова (на примере «урезанных» советской цензурой воспоминаний о Гонконге), замечание об «игривом», даже «легкомысленном» характере воспоминаний и т. п. Но в статье не было хронологических рамок пребывания русского писателя на острове в ноябре 1890 года, в том числе упоминания о поездки в Канди (хотя письмо Чехова Суворину от 2 сентября 1893 года с единственным упоминанием по-

сещения Канди было в этом сборнике писем). Следует отметить, что данная публикация появилась на следующий год, после того, как ее автор уехал на постоянное местожительство в Великобританию.

В статье Людовайка была воспроизведена та же самая фотография Чехова и мичмана Глинки с мангустами, с подписью к ней по-русски, составленной М. П. Чеховой, и с авторским переводом ниже: «Антон Павлович Чехов на борту “Петербурга” с сыном баронессы Икскуль, каждый с мангустом».

В том же номере «Times Annual» были помещены два рассказа известного ланкийского писателя Мартина Викрамасингхе, и, следовательно, вряд ли можно говорить, что статья Людовайка была известна лишь в узких академических кругах. Однако она не была замечена через три года, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Чехова, хотя этой дате целиком был посвящен номер научного журнала «Санскрути» (Культура, октябрь—декабрь 1960) и упоминался факт посещения Чеховым Цейлона во время его возвращения с Сахалина (в статье С. Г. Самарасингхе).

В этом же номере «Культуры» была помещена специальная статья М. Викрамасингхе «Чеховский взгляд на жизнь» — о творчестве русского писателя, его жизненной философии. Она базировалась на анализе произведений Чехова (включая «Гусева»), а также на англоязычных исследованиях (судя по приложенному списку) и, несомненно, являлась наброском его будущей книги. Автор не касался сведений о пребывании Антона Чехова на Цейлоне, да они фактически и не были достаточно известны на тот период.

В России, а затем и в СССР развернутых исследований или публикаций на тему «Чехов и Цейлон» не было до 1960 года, когда в журнале «Волга» (№ 21, Куйбышев) появилась статья Д. Н. Флорова «А. П. Чехов на Цейлоне». Научно-популярная по характеру, написанная живым языком, она содержала цитаты из писем Чехова, цейлонские фотографии и целый ряд любопытных фактов без ссылок, однако, на какие-либо документы.

Как удалось установить, Д. Н. Флоров (1903–1993), доктор биологических наук, специалист по биологической защите лесонасаждений, заведующий кафедрой Куйбышевского пединститута, ни до, ни после этой публикации в исследованиях по Чехову отмечен не был. Но, по свидетельству сослуживцев, интересовался историей Сибири (проработав там много лет) и, в частности, пребыванием писателя в Сибири. В 1959 году (незадолго до публикации) он побывал в туристической поездке по Индии и Цейлону, что подтвердили его дочь и один из учеников в феврале 2011 года. Статья Флорова практически не была замечена в России до 2008 года, когда была упомянута в «Летописи жизни и творчества А. П .Чехова» (т. 2, с. 484) почему-то как документальный источник.

Однако для Цейлона (с 1972 года Шри-Ланка) публикация Флорова имела весьма важное значение и далеко идущие последствия. Дело в том, что статья в 60-х годах была опубликована в переводе на английский (в сокращенном виде) в информационном бюллетене «Soviet Union: News and Reviews», выпускавшимся отделением Агентства печати «Новости» в Коломбо (по устным воспоминаниям ланкийцев, сотрудников бюро АПН в то время; копии в архивах АПН найти не удалось). По-видимому, в этом виде ее прочитал М. Викрамасингхе.

Позднее, к 80-й годовщине посещения Чеховым Цейлона (ноябрь 1970 года) Информационный отдел посольства СССР в Коломбо выпустил специальный бюллетень на сингальском языке (обнаружен в архиве писателя А. Витана), содержавший совсем краткий перевод статьи Д. Н. Флорова. При этом в предисловии к переводу указывалось, что Флоров — известный ученый, автор более 200 научных работ (но не сообщалось, однако, в какой именно области он специалист). Местная пресса, ес-

тественно, сообщила для ланкийцев именно такие данные. Одновременно она вспомнила и о публикации профессора Людовайка в 1957 году. Все эти сведения содержались, например, в газете «The Ceylon Times» от 6 ноября 1970 года, вырезки из которой хранятся в Государственном архиве Шри-Ланки в папке «Chekhov» («Times of Ceylon» Collection. File № 15131).

Английский перевод АПН (расширенный), скорее всего, и использовал Мартин Викрамасингхе в своей работе. В 1970 году он выпустил глубокий научный труд о творчестве русского классика («Чехов и Цейлон») на сингальском языке с кратким описанием в предисловии путешествия русского писателя на Цейлон, пересказав в ней почти слово в слово факты из статьи Флорова. Она была упомянута и в библиографическом списке использованных работ. При этом статья профессора Людовайка по каким-то причинам вообще упомянута не была.

Более того, Викрамасингхе, очевидно, был в каком-то контакте с Флоровым, так как получил от него фото (возможно, через советское посольство). Оно было помещено в самом начале книги «Чехов и Цейлон» с подписью: ***«Фото на обложке, где запечатлены кокосовые пальмы, было сделано, когда Чехов поехал в гостиницу “Маунт-Лавиния” купаться в океане. Это фото было прислано мне проф. Д. Н. Флоровым из Советского Союза. Он написал специальную статью о поездке Чехова на Цейлон»*** (Мартин Викрамасингхе. Чехов и Цейлон. Изд-во Ханса лтд. Коломбо. 1970).

Эта книга патриарха ланкийской литературы (вместе с биографическими сведениями о Чехове — по Флорову) стала, естественно, основополагающей для новых поколений ланкийцев.

Следует отметить, что Мартин Викрамасингхе с 1958 года неоднократно бывал в СССР, имел дружеские контакты с первым советским послом на Цейлоне В. Г. Яковлевым (1957–1960). Тот посвятил ему целую главу в своих интересных мемуарах «Легенды и жизнь острова Ланка» (М., 1977), а также поместил главу «Николай Тихонов и Мартин Викрамасингхе» в другой книге, вышедшей в Шри-Ланке на английском («Profile of Friends», Dehiwala, 1986). Любопытно, однако, что Яковлев, человек весьма информированный (был ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС), факт посещения Чеховым Цейлона упоминал лишь мимоходом, хотя Бунину во второй книге посвятил целую главу. Возможно, что сведения Флорова, без указания документальных источников, не вызывали у него доверия.

Статья Д. Н. Флорова в журнале «Волга» изобиловала неточностями и натяжками (нет необходимости останавливаться на них в деталях), часть из которых можно отнести за счет научной неразработанности самой проблемы на тот период, а часть за счет смелых авторских догадок и фантазий. Но самыми главными из них стали утверждения автора (повторяем, без документальных ссылок) о том, что Чехов провел на острове четверо суток (с 12 по 16 ноября) и остановился в припортовой гостинице «Hotel Oriental». Следует заметить, что уже само по себе использование такого названия отеля кажется странным, поскольку на фотографии, помещенной в той же статье Флорова, над входом в отель было крупно написано: «Grand Oriental Hotel» — истинное его название.

Если быть объективными, то оба утверждения (если не подсказки кого-то из ланкийцев, например, гида) не были лишены оснований. «Grand Oriental Hotel» (наряду с гостиницами «Galle Face», а также «Mount Lavinia» в ближайшем пригороде) был одним из лучших в Коломбо, где любили останавливаться иностранцы. Он находился (и находится по сей день) буквально в сотне метров от порта, а к тому же вблизи знаменитого рынка Петтах и железнодорожного вокзала. А дата 12 ноября была хорошо известна по письму А. С. Суворину от 23 декабря 1890 года по поводу публикации рассказа «Гусев» в «Новом времени»: ***«Так как рассказ зачат был на***

острове Цейлоне, то, буде пожелаете, можете для шика написать внизу: “Коломбо, 12 ноября”» (как известно, впоследствии автор снял датировку во всех переизданиях рассказа).

Эти сведения, подкрепленные затем авторитетом самого Мартина Викрамасингхе, стали, видимо, в 70-х годах основанием для идеи Джаната лекакха перамуна (Фронта народных писателей), созданного в 1968 году и ассоциированного с Коммунистической партией Цейлона, открыть в этом отеле мемориальную Чеховскую комнату. Конечно, это отражало как любовь многих сингальцев к творчеству великого писателя, так и симпатии к Советскому Союзу. Первоначально такая идея встретила сопротивление управляющей отеля (сам отель принадлежал Банку Цейлона), поскольку прежде всего никаких документов, подтверждающих факт остановки в нем писателя из России, не было.

Однако руководство Фронта народных писателей на рубеже нового века все-таки добилось своего: была выбрана (произвольно) и отремонтирована одна из старых комнат (№ 304), обставлена старой мебелью «времен Чехова» и превращена в изящный мемориальный номер-люкс с фотографиями русского классика на стенах и цейлонскими рисунками князя Алексея Салтыкова (русского дипломата, путешественника и художника, дважды посещавшего тропический остров в середине XIX века). В этом номере-люкс ныне за плату может остановиться всякий желающий, а посещение для туристов бесплатно.

В 2002 году в холле гостиницы была установлена мемориальная доска в честь пребывания здесь А. П. Чехова. На ней написано, что великий русский писатель «жил в отеле 12–18 ноября 1890 года» во время возвращения с Сахалина и «начал писать» здесь «Гусева». (Кстати, в книге М. Викрамасингхе указывалось, что Чехов провел на Цейлоне шесть дней, следовательно, он должен был отплыть 17 ноября.)

Опираясь на документы

С высоты сегодняшних знаний о биографии Чехова нам достоверно известно, что молодой русский писатель провел на Цейлоне три дня и две ночи — с утра 10 по вечер 12 ноября (22–24 ноября по новому стилю, который тогда использовался в этой британской колонии). Этот факт стал известен в середине 70-х годов, когда московский чеховед Е. Н. Дунаева разыскала в архивах вахтенный журнал «Петербурга» и в специализированном издании «Литературное наследство» (т. 87, 1977) опубликовала весь пройденный маршрут парохода, в том числе точное время его прихода в Коломбо и отхода из порта.

Эта публикация, скорее всего, не была известна ланкийским литературоведам того времени, хотя среди них были люди, хорошо знакомые с творчеством Чехова и его биографией (Е. Ф. С. Людовайк, Эдиривира Сараччандра из университета Перадении, А. П. Гунаратна и др.).

Еще одним основополагающим документом является счет из «Queen’s Hotel» в Канди, найденный совсем недавно в чеховских архивах (см.: Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 2, 2004, с. 484). О визите в Канди известно также из переписки Чехова, однако только счет указывает на точные даты — 23–24 ноября 1890 года (то есть 11–12 ноября 1890 года по старому стилю). Однако и эта ссылка, как представляется, требует существенного уточнения.

После внимательного лингвистического изучения текста документа авторы пришли к заключению, что он является счетом бара при отеле и выписан некоему Палкину, эсквайру (вежливое обращение того времени, нечто вроде «мистера»). Чье это имя — остается пока загадкой. Возможно, что это фамилия спутника Чехова. Из-

вестно, что вместе с писателем из Владивостока в Одессу возвращался ряд молодых офицеров, как, например, мичман Глинка, запечатленный на знаменитом фото с мангустами. А возможно, это была просто шутка писателя, назвавшегося Палкиным. Судя по счету, он выписан на две персоны — выпивка вечером 23 ноября (в счете только напитки: порции виски, вина, пива — в основном, по две порции) и легкий завтрак 24 ноября (два чая, яйца и что-то еще — неразборчиво).

Следует подчеркнуть, что данное уточнение не ставит под сомнение остановку Чехова в «Queen's Hotel», так как трудно предполагать, что, выпивая вечером и завтракая «на скорую руку» в одном отеле (кстати, лучшем в Канди), он ночевал в другом. При этом, как известно, Чехов следовал твердому принципу «платить за счета в ресторанах самому» и позволял исключения только для Суворина (см. письмо А. С. Суворину от 2 сентября 1893 года). Между прочим, в правом углу счета стоит цифра 2, а под фамилией — 6. Возможно, первая означала число обслуживаемых гостей, а вторая — номер комнаты.

Наконец, еще двумя важными документами являются письма писателя А. С. Суворину (от 2 и 7 августа 1893 года), в котором он сообщал о своем визите в «город Кэнди», то есть в прежнюю королевскую столицу Канди (Kandy), в глубине острова, а также о некоторых деталях пребывания там.

Эти «рамочные» документы вкупе с отдельными сведениями из переписки писателя позволяют создать ***рабочую гипотезу хроники пребывания Чехова на Цейлоне***, которая будет уточняться по мере обнаружения новых документов.

Отметим также, что из «кругосветного» путешествия писатель привез около 50 фотографий, из которых примерно 12 относятся к Цейлону, а несколько других, обозначаемых как «цейлонские», имеют явно арабские мотивы. Научная атрибуция «азиатских» фото до сих пор не производилась. Сам Чехов не фотографировал и фотоаппарата с собой не имел. Поэтому знаменитое фото «с кокосовыми пальмами», которое использовал Д. Н. Флоров и затем М. Викрамасингхе, было сделано не Чеховым (вопреки «открытию» Флорова в его статье, в подписи к фото). По мнению специалиста Т. Н. Щаповой из Центрального государственного архива литературы и искусства, хранящиеся там оригиналы «чеховской коллекции» выполнены профессионалами, они существенно отличаются по качеству и художественному исполнению от фотографий А. В. Шербака, подаренных писателю позднее и хранящихся там же. Обстоятельства их приобретения на Цейлоне неизвестны, а потому трудно судить, в какой мере они несут печать общих впечатлений Чехова о «тропическом рае», а в какой отражают конкретные факты пребывания. Хотя в ряде случаев эти фотографии помогают сделать некоторые предположения.

Итак, Чехов провел на Цейлоне 58 с половиной часов — три световых дня и две ночи (одну в Коломбо или пригороде, а вторую в Канди). Согласно записям судового журнала, пароход «Петербург» ошвартовался в гавани Коломбо в 10.30 утра. Было облачно, температура воздуха 23° по Реомюру (28,75° С). Очевидно, что пароход встретил представитель Добровольного флота лейтенант Эдмунд де Фриш (Edmund de Frisch), который давал объявления в местные газеты («The Ceylon Times») о заходе российского судна в Коломбо. Как установлено авторами совсем недавно, его офис находился рядом с портом на улице Чэтэм (Chatham), знаменитой по сей день своей башней с часами, в трех блоках зданий позади «Grand Oriental Hotel».

Где ночевал Чехов в Коломбо, установить до сих пор не удалось. Регистрационные книги постояльцев частных отелей Цейлона, как правило, долго не хранились. Авторы продолжают поиски дополнительных сведений, в том числе в архивах России и Шри-Ланки. Нельзя полностью исключать и того, что писатель ночевал на пароходе.

Естественно, что после швартовки судна Чехов (со спутниками) совершил прогулку по городу, видел ***«очковых змей, знаменитых индусов-фокусников»***, особое впечатление на него произвела отважная битва проворных мангустов с кобрами (имеется ряд сведений об этом в письмах друзьям и родственникам). Все эти сцены, очевидно, можно было увидеть тогда повсеместно: около гостиницы, на рынке Петтах или даже позднее в Канди. Возможно, тогда же были куплены некоторые фотографии и сувениры (например, знаменитые черные и белые слоники, всю жизнь стоявшие на письменном столе писателя). Конечно же, и сувениры можно было купить повсеместно.

Скорее всего, что путешественникам, утомленным 22-дневным плаванием, хотелось отдохнуть, расслабиться на суше, хорошо пообедать. Лучшим местом для этого могли быть не только комфортабельные «колониальные» гостиницы «Galle Face» и «Grand Oriental Hotel», но и маленькие ресторанчики ближнего пригорода на берегу океана, под сенью пальм, которые любили англичане и местная знать. Здесь, кроме того, можно было прекрасно выкупаться, поскольку в маленьких бухточках с рыжепесочными пляжами не было сильного течения. Такие места были буквально в нескольких минутах езды на юг от города, за гостиницей «Galle Face». (Кстати, замечательное описание этих мест есть в рассказе «Соотечественник» И. А. Бунина, посетившего Цейлон в 1911 году явно под влиянием Чехова, и, вероятно, немногое изменилось там с 1890 года.)

Косвенным доказательством посещения Чеховым близкого пригорода могут быть две фотографии из его личной коллекции: одна — с маленьким рестораном на берегу океана, а другая (уже упомянутая) — с железной дорогой вдоль океана и склоненными пальмами, причем на оригинале второго фото вдали различим силуэт гостиницы «Mount Lavinia». М. Викрамасингхе считает, что Чехов как раз до нее и добрался. Но ровно такие же шансы имеет и гипотеза, что он остановился где-то поблизости, в прибрежном ресторанчике. Возможно, что подобные фотографии могли быть сделаны по заказу у фотографов, которые, как правило, дежурили около элитных гостиниц или мест, посещавшихся иностранцами. А добраться до района Маунт Лавинии нетрудно было как по железной дороге, так и на рикше.

Важным (и пикантным) ориентиром пребывания Чеховым на острове было рандеву с «черноглазой индусской». Оно могло иметь место только в первую (и единственную) ночь писателя в Коломбо, ибо на другой день он уехал в Канди. Теоретически девушек «легкого поведения» можно было найти в гостиницах для иностранцев (вспомним короткий рассказ Бунина «Сто рупий»). Да и команда парохода, неоднократно посещавшая этот порт, могла сориентировать. Впрочем, известно, Чехов и сам был не промах...

В известном письме Суворину от 9 декабря 1890 года есть некое указание места этого рандеву — «в кокосовом лесу, в лунную ночь» (хотя ночь, заметим, в тропиках наступает, как правило, уже после семи вечера). Похожее упоминание есть и в дневниках И. Щеглова (Леонтьева), который был на именинах Чехова 17 января 1891 года в петербургском ресторане и слышал признание от самого именинника (Литературное наследство. Т. 68. М., 1960, с. 482).

Удалось установить, что рандеву 10 ноября (22-го по н. ст.) имело место как раз накануне полнолуния (26 ноября). А кокосовый лес был совсем рядом — сразу за гостиницей «Galle Face» или возле загородного ресторанчика, например. Заметим также, что вахтенный журнал парохода «Петербург», стоявшего в порту, зафиксировал, что вечером «в 7 ч. налетел шквал с сильным дождем». А это значит, что Чехов с «индусской» должны были находиться достаточно далеко от города и не оказаться

в кокосовом лесу под тропическим дождем или после него (хотя нельзя исключить и вполне уютное бунгало «в кокосовом лесу, в лунную ночь»). А после рандеву не составляло труда вернуться оттуда на ночлег в любую гостиницу — будь то «Grand Oriental Hotel» или «Galle Face», или же в порт, на пароход.

На другое утро Чехов выехал поездом в Канди (3–4 часа пути), причем он мог сесть на него не только на городском вокзале, но и на двух предыдущих остановках — «Невольничий остров» (вблизи гостиницы «Galle Face») или «Маунт Лавиния» (рядом с гостиницей того же названия). Тогда же при подъеме поезда на горное плато Чехов увидел «внушительные» горы и пропасти, о которых вспоминал позднее (в письме родным из Венеции 25 марта 1891 года).

Писатель пробыл в Канди почти сутки, но достоверных сведений об этом всего два — остановка в «Queen's Hotel» и экстравагантное шествие приверженцев Армии спасения (последнее упоминается в чеховской переписке с Сувориным от 2 и 7 августа 1893 года). Вот последнее из впечатлений: ***«Еще об Армии спасения. Я видел процессию: девицы в индусском платье и в очках, барабан, гармоники, гитары, знамя, толпа черных голожопых мальчишек сзади, негр в красной куртке... Девственницы поют что-то дикое, а барабан — бу! бу! И это в потемках на берегу озера»***. Следует подчеркнуть, что Армия спасения, эта международная религиозно-филантропическая организация, основанная еще в 1865 году, была (и остается) довольно популярной на Цейлоне, но никакого отношения к буддийским празднествам не имела.

Скорее всего, Чехов и его спутник осмотрели святыню буддизма — храм Зуба Будды (точнее, по-сингальски — Далада Малигава, или Дворец Зуба), находящийся в пределах прямой видимости от «Queen's Hotel». Но конкретных упоминаний об этом нет, потому что экскурсанты не могли успеть на красочную ежедневную утреннюю службу (и, видимо, не были на вечерней). А грандиозные празднества с шествием слонов, выносом драгоценных реликвий и демонстрацией их публике проходили здесь (и проходят поныне) только однажды в году и приходятся по буддийскому календарю на август (иногда июль).

В письме от 2 августа Чехов вспоминал: ***«Армию спасения, ее процессии, храм и проч. я видел на Цейлоне в городе Кэнди. Впечатление оригинальное, но давящее нервы. Не люблю»***. Но дело в том, что в Армии спасения храмов как культовых сооружений, то есть мест для отправления религиозных отрядов, не существует. И возникает предположение: а не перепутал ли принадлежность храма молодой русский писатель?

Есть некоторые основания полагать, что Чехов посетил знаменитый в Азии Королевский ботанический сад, находящийся поблизости, в Перадении. Во-первых, он привез несколько фотографий с явно ухоженными тропическими деревьями и ландшафтами. Во-вторых, предположения зиждутся и на том, что И. А. Бунин во время своей поездки на Цейлон (в 1911 году) специально посетил сад в Перадении и две ночи прожил в маленькой гостинице напротив. Такой его интерес можно объяснить восторженными рассказами Чехова о своем путешествии через «светоносные страны», которые Бунин (по собственным воспоминаниям) слышал во время их дружеских дней в Ялте.

На другой день Чехов возвратился в Коломбо. До вечернего отплытия «Петербурга» оставалось несколько часов, достаточных, чтобы где-то в последний раз пообедать, прикупить сувениров и фотографий. Вероятно, в этот последний день он приобрел и трех мангустов (один из которых оказался пальмовой кошкой). Имеются утверждения Флорова (повторенное Викрамасингхе), что Чехов посетил «неболь-

шой сад с животными» в Дехивала (в семи милях на юг от Коломбо), чтобы проконсультироваться по поводу зверьков и их жизни в российском климате. Но каких-либо подтверждений этого нами не найдено. Однако известно, что зоосад в этом месте официально был открыт только в 1926 году.

Существуют «разночтения» по поводу того, что Чехов купил на Цейлоне трех мангустов, а впоследствии писал в письмах друзьям о двух, которые доставляли писателю и его семье много радостей, а потом и проблем. В конце концов в январе 1892 году он подарил их Московскому зоосаду. Брат писателя М. П. Чехов, который первым встретил путешественника еще в Туле, позднее свидетельствовал, что один мангуст принадлежал мичману Глинке (Красная панорама, 13.07.1929, с. 8). Этот факт, а также прекрасные отзывы о мичмане самого Чехова ***(«морской офицер, чистый и честный мальчик»***), совместное возвращение из Одессы в Москву позволяют предполагать, что именно мичман Глинка, с его прекрасным знанием английского, сопровождал писателя на Цейлоне, и в частности в Канди.

В восемь часов вечера, уже в темноте тропической ночи, пароход «Петербург» с Чеховым на борту покинул Цейлон — «место, где был рай». Но как известно, именно в этот день писатель «зачал» рассказ «Гусев», который дописал в пути и отредактировал уже в Москве. Когда и где произошло это «зачатие»? Может быть, в поезде из Канди, а может быть, уже после отплытия парохода.

Посещение тропического острова оказалось самым ярким событием в 52-дневном морском путешествии Чехова от Сахалина до Одессы, и его воспоминания о Цейлоне неизменно наполнены радостью, светом и юмором. Может быть, из-за тропической экзотики, а может быть, из-за подъема духа, который испытывал 30-летний писатель, завершив свои дела в каторжном «аду» Сахалина. ***«Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!»*** — повторял Чехов в нескольких письмах. Профессор Людовайк, кстати, узнав этот парафраз из басни Крылова, добавил не без юмора, что восприятие «рая» сложилось у Чехова не только на контрасте с сахалинскими впечатлениями, но, видимо, и на его представлении, что «самое важное дополнение рая – женщина».

В последующие годы Чехов неоднократно вспоминал о Цейлоне в своих письмах и даже намеревался вернуться сюда еще раз. Молодым коллегам — Горькому и Бунину — рассказывал о прелестях тропического острова и советовал посетить его. Советам внял И. А. Бунин, посетивший Цейлон и оставивший его образы в классических рассказах и стихах.

Петр ПОТЕМКИН

ИЗ «ЗАПИСОК ФЛАНЕРА»

В настоящее время в истории литературы обозначился острый интерес к творчеству поэта и драматурга эпохи Серебряного века Петра Петровича Потемкина (1886–1926)[1]. Признанный мастер и новатор стиха, чей талант ценили поэты-современники (И. Анненский, В. Брюсов, В. Маяковский) и исследователи литературы его времени (такие, как Н. И. Харджиев, Л. Я. Гинзбург и З. Г. Минц), автор пьес для театров-миниатюр, с успехом шедших на столичных и провинциальных сценах России, а в 1920-х в эмиграции — в Париже и Риме, переводчик, фельетонист, театральный критик, Потемкин был одной из звезд в блестящей плеяде сатириконовцев. Его поэтические сборники «Смешная любовь» (1908) и «Герань» (1912) сделали его популярным массовым автором. Тем не менее после смерти Потемкина в 1926 году в Париже его творческое наследие долгое время оставалось почти забытым: поэтические тексты его переизданы весьма выборочно[2], а проза и драматургия, до сих пор не собранные и не переизданные, почти вовсе не известны сегодняшнему читателю.

Особое место в прозаическом наследии поэта занимает серия публикаций в газете «День». В этом либерально-демократическом ежедневном издании, задуманном Ионой Кугелем[3] (первый номер «Дня»[4] вышел на исходе 1912 года), сотрудничали многие сатириконовцы: фельетонисты Д'Ор, А. Бухов, В. Азов, поэты Василий Князев[5], Петр Потемкин и др. В 1913 году в «Дне» появилась серия коротких очерков Потемкина. Печатались они то под рубрикой «Записки фланера», которая, собственно, и появилась в газете с его приходом, то под рубрикой «Маленький фельетон», а порой и вовсе вне рубрик. Их насчитывается около двух десятков. Один из очерков подписан псевдонимом *Фланер*, остальные — настоящим именем поэта или его инициалами: *Потемкинъ*, *П. П.*, *П. П. П.*

С известной долей условности публикации в «Дне» можно считать несобранным циклом очерков, объединенных восходящей к европейской (французской в первую очередь) культуре фигурой *фланера* и мотивом *фланирования*, *прогулки*.

---

[1] Следует отметить два номера журнала, целиком посященных публикации неизвестных и забытых пьес, стихов, рассказов, очерков П. Потемкина: Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic Central and Eastern European Studies. Vol.16, №2. 2010, p. 184, vol. 7, № 1. 2011, p. 200.

[2] Заслуживает упоминания посвященный Потемкину раздел в книге: Поэты «Сатирикона» / Предисл. Г. Е. Рыклина. Вступ. ст. Л. А. Евстигнеевой, М.–Л.: Советский писатель, 1966 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 51–120. Из трех прижизненных поэтических книг целиком переиздана лишь одна: Потемкин П. П. Герань: Книга стихов. СПб.: Герань, 2005.

[3] И. Кугель. Журнал Ленинград/ 1940.

[4] О политической платформе газеты, атмосфере и составе редакции см.: Старый ;урналист [д'Ор О. Л. (Оршер И. Л.)] Литературный путь дореволюционного журналиста. М.–Л.: Государственное издательство, 1930. С. 130–142. О жанре рассказа-фельетона, как он виделся изнутри «сатириконского» периода (очерки Князева, Потемкина и Д'Ора в «Дне» во многом наследуют именно этой традиции), см.: Там же. С. 96–100.

[5] О сотрудничестве В.В. Князева в газете «День» и судьбе учрежденной им рубрики «Щелчок» см.: Эвентов И. С. Сатирическая поэзия предоктябрьских лет // Русская стихотворная сатира 1908–1917 годов / 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1974 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 14–15. Годом ранее два поэта написали и издали книжку для детей: [Князев В. В., Потемкин П. П.] Боба Сквозняков (Премия журнала «Галчонок» на 1912 год). СПб.: Издательство М. Г. Корнфельда, 1912. Радикальный большевизм Князева в одном из очерков раннего, «бессарабско-румынского», периода эмиграции Потемкин объяснял своеобразно: «Искренен Василий Князев, красный звонарь, всегда бывший несколько сумасшедшим» (Потемкин. Братья-писатели в Совдепии: 1. Москва // Звезда. 1921. 13 апреля [Кишинев]).

Л. А. Евстигнеева (Спиридонова) квалифицировала эту линию в творчестве поэта как «стихотворения в прозе, лирические миниатюры», отмечала переклички с Аверченко и предвосхищение в потемкинском *фланере* («прохожем с палочкой в сереньких брючках») фигуры «интеллигентного» обывателя в прозе Зощенко[6].

Фигура эта, «проявляется», делается видимой лишь в нескольких очерках из «Дня». «Стержнем» цикла следует считать, кажется, не образ *фланера*, а жанр *физиологического очерка* — в старом, «петербургском», некрасовско-белинском смысле — возрождаемый, однако, в новом качестве: на стадии культуры и художественного языка Серебряного века.

Проблематика Потемкина-газетчика чаще всего оказывается связанной не только и не столько с «реальной тенденцией — общественно-политической, моральной, бытовой»[7], но с решением некоторой чисто поэтической задачи. Сквозь «гущу» жизненного материала, требующую иной раз обстоятельного комментария, просвечивает художественная структура, изощренность которой далеко выходит за пределы газетной прагматики.

Важнейшую роль играют здесь обрамляющие конструкции, в организации которых Потемкин проявлял присущую ему изощренность, парадоксально сочетающуюся с газетной «прямотой», почти грубостью обнажения приема[8].

На первый взгляд рамки, в том или ином виде присутствующие почти во всех потемкинских корреспонденциях из газеты «День», относятся к сфере простейших «литературных построений», они «рассчитываются на немедленного и массового читателя»[9] — покупателя и потребителя ежедневной газетной продукции, «глотателя пустот», по известному цветаевскому определению.

В организации фельетонных рамок Потемкин, однако, остается *поэтом*: он демонстрирует здесь немалую изобретательность и присущую ему «легкость пера». «Литературное построение», оставаясь простейшим, обретает семиотическую перспективу и выходящий за пределы газетной прагматики смысловой объем: согласно Ю. М. Лотману, «стоит ввести рамку в текст, как центр внимания аудитории перемещается с сообщения на код»[10].

Читатель очерка «От Летнего сада на Острова», несомненно, обратит внимание на перекличку начала и конца, связанную с непроизвольным движением главного «органа» прогулки и фланирования — *ног*: «...и поневоле ноги сами несут вас в Летний сад...» и «...а поэт пойдет пешком в город, сочиняя стихи и печалясь влюбчивым сердцем, пока новая любовь <...> не потянет его усталые ноги куда-нибудь на Охту, провожать». Даже «проглатывающий» газету на бегу или за столиком кафе поймет, «схватит» здесь композиционное кольцо на лету. В меньшей степени заметно, что упоминанию *нижних конечностей* в обоих случаях предшествуют упоминания *головных уборов*, как бы обозначающие верхнюю и нижнюю границы человеческого тела, «антропологической единицы»: глаз соглядатая-*штукатура* «все время смотрит из-под замызганного картуза», а *поэт* — «с красноватым лицом в матерчатой панаме». Герой как бы дважды рождается, дважды «катапультируется» в городское пространство в тексте непритязательного очерка: один раз в качестве *фланера*, другой — *поэта*. Первое рождение сопровождают туманные голубовато-белые колористические характеристики, второе происходит на подчеркнуто красном фоне.

Легкий стиль и самый «звук» очерков *Фланера*, словно бы опробованный в устной речи, хранят след еще одной традиции, презираемой или не замеченной литераторами следующего призыва — но не Потемкиным. В одном из очерков отнюдь не случайно появляется отсылка к артистической прозе Ивана Федоровича Горбунова (1831–1896)[11], мастера устного рассказа, скетча «из мещанского быта», построенного на имитации социально окрашенного «диалекта», фактически — основоположника русской литературной эстрады.

Очерки Потемкина, хоть и написаны зачастую на традиционные для фельетонистики той поры сюжеты (такие, как поиски квартиры или описание рынков), отличаются свежестью художествен-

---

[6] Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. С. 248–249.

[7] Тынянов Ю. Н., Казанский Б. В. От редакции // Фельетон: Сборник статьей. Л.: Academia, 1927. С. 7.

[8] Рецензируя в «Весах» (1908. № 3) первую книгу Потемкина «Смешная любовь», В.Я. Брюсов писал: «...стих почти лубочный и в то же время утончтнный, язык грубый и изысканный одновременно» (Цит. по: Кушлина О. Б. Петр Потемкин (1886–1926) [Биогр. справка] // Русская поэзия «серебряного века», 1890 – 1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 665).

[9] Тынянов Ю. Н., Казанский Б. В. Указ. соч. С. 7.

[10] Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1. Таллинн: Искусство, 1992. С. 159.

[11] «...Dкус к американским развлечениям у нас все больше и больше прививается. Мне кажется, действительно дожили до того Горбуновского моста, которым господа американе соединят Россию с Америкой» (Потемкин П. П. Записки фланера // День. 1913. № 218, 15 августа. С. 4). Импровизация Горбунова о «господах американах» упоминается в воспоминаниях А.Ф. Кони.

ной манеры, достигаемой благодаря их драматургичности, создаваемому эффекту многоголосия, воспроизведению уличной устной речи, минималистской карикатурной зарисовке характеров. В них ощущается сценический изобразительный потенциал, а в их авторе — драматург, создатель комических пьесок для театров-миниатюр.

Предлагаемые вниманию читателя шесть очерков Потемкина образуют произвольно складывающийся маршрут современного фланера: из пограничных районов, где город представлен дремлющей, застывшей декорацией, на фоне которой разыгрывается банальная повторяющаяся сценка («Ларек на канале»), к его динамичному торговому центру, пространству рынков, описанных в натуралистической манере Золя («Чрево Петербурга»).

Этот текст — яркий литературно оживленный натюрморт, где переливу красок соответствует звуковой аккомпанемент: стон, кряхтенье, грохот, треск, эканье, визг, щелчки, хлопки... — все то, что составляет звуковой фон городского быта. В очерке «По квартиру» внешнее пространство Петербурга (названного, впрочем, как внутреннее — «чрево») продлевается в пространстве интимном, пространстве жилищ. Юмористическое описание пустых квартир предстает как чередование возможных интерьеров для будущих сюжетов. Это сочетание двух категорий пространств в образе города в жанре очерков фланера у Потемкина восходит к французской традиции. Вальтер Бенжамин отмечал что фланеру Париж поначалу «открывается как пейзаж, а потом замыкается как комната»[12] . Этот художественный принцип, освоенный Потемкиным в петербургских очерках, особенно ярко проявился в его стихотворных текстах о Париже, написанных в том же 1913 году и объединенных им в сборник «Париж», оставшийся тогда неизданным[13]. Настоящую публикацию завершают два очерка («От Летнего сада на Острова» и «День в Павловске»), представляющие образцы типичной летней развлекательной журналистики.

Цикл очерков Петра Потемкина в целостном своем виде представляет опыт литературной физиологии Петербурга Серебряного века.

Подготовка текста, вступительная заметка и примечания
Норы БУКС и Игоря ЛОЩИЛОВА

Нора Букс — профессор славистики, представитель Центра славянских исследований Сорбонны.

Игорь Евгеньевич Лощилов родился в 1965 году в городе Новосибирске. Автор двух поэтических сборников: «Шалаш» (Новосибирск, 1995) и «Царь в голове» (Новосибирск, 1995), двух книжек прозы: «Глубокомысленный» (Новосибирск, 2000) и «Генерал Шлиповка» (Новосибирск, 2001) и монографии «Феномен Николая Заболоцкого» (Хельсинки, 1997). Обладатель Отметины имени Отца русского футуризма Давида Бурлюка (1998), ежегодно присуждаемой Международной академией зауми (АЗ).

[12] Walter Benjamin . Paris , Capital du XIXe siucle. Les livres des Passages .3 e edition. es editions du CERF, Paris, 2000, p. 435.

[13] Неизданная книга стихов Петра Потемкина «Париж». Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания Норы Букс и Игоря Лощилова. Новый мир.№9, 2009, с.130–150.

ЛАРЕК НА КАНАЛЕ[1]

Есть в Петербурге каналы, старые, прихотливо извивающиеся, неизвестно куда текущие и откуда начинающиеся, старые каналы Екатерининских времен[2].

Вокруг них все умерло и возродилось снова, новые дома в декадентском стиле сменили старые, новые мостовые покрылись новыми окурками папирос, и новые деревья кое-где в железных футлярах растут, постриженные вроде отбивных котлет, но сами они все те же.

Та же серая масса гранитных набережных с тяжелыми железными кольцами для причала уже не причаливающих лодок, то же чугунная решетка буквами О и та же серая, холодная густая вода.

Осенью иной раз разыграется наводнение; подступает вода к решетке, тихая, грозная, прикрытая пестрым ковром опавших листьев.

Дико свистит ветер, пригиная деревья, но вода не колышется, тихая и спокойная, она скрыта от ветра громадами домами и гранитом набережной. Только неумолимо подымается, ширится, пухнет она, точно громадный удав.

У одного из поворотов канала, там, где перебросился через него на железных веревочках пешеходный мостик, где, может быть, стояла когда-нибудь будка усатого, сизоносого будочника, вечно спавшего, опершись на алебарду, стоит теперь ларек.

Стоит он, точно одну ногу поджал, взгромоздившись одним боком на высокий тротуар, а другим упершись в мостовую, но под грязным зонтиком его полотняного навеса чего только нет!

Конфеты, карамели, леденцы, пряники, шоколад, мармелад, лимонад, оршад, виноград, папиросы, спички, почтовые марки, огурцы, апельсины, арбузы, стрючки, семячки, и всем этим правит и заведует хозяин ларька, белобородый ларешник[3].

Давно торгует он в этом ларьке.

Раньше торговал один целый день до поздней ночи, теперь торгует только по вечерам, днем заменяет его приучающийся к делу внучек Ванютка.

Ванютке лет двенадцать-четырнадцать, под носом у него усы из грязных потоков, которые осушает он то рукавом, то передником по очереди, хитрые серые глаза и громадные сапоги под фартуком.

Окрестные горничные называют его охальником и негодяем за то, что он обмеривает и обсчитывает их, а тех, кто посмазливее и пощипывает в упругие бока, и даже дерется иногда, а уж ругается и издевается не дай Бог как, но все-таки по привычке идут к нему, и даже скучают, не поругавшись с ним два дня.

Пробовали они было жаловаться на Ванютку деду, да бросили, потому что хоть и хмурился ларешник, и даже рвал Ванютке уши, но по серым, как и у внука, глазам его было видно, что он доволен поведением мальчишки: «на том стоит», и «это нашему делу подходит».

По вечерам старик зажигает в ларьке лампу с жестяным рефлектором, прячет руки под передник и поджидает посетителей.

И на призывный свет лампы выползают они, вечерние, особые.

Первой приходит рыжая Сонька.

В зеленом плюшевом дипломате[4], окаймив распухшее лицо вязаным платком, выходит она, заспанная с похмелья, на работу, и, проходя в соседний трактир, покупает у ларешника десяток «Амура»[5].

И ларешник разговаривает с ней:

— А здравствуй! Жива еще?

— Жива!

— А топиться скоро будешь?

— Ужо не задержимся!

— Приходи тогда к нам — полюбуемся.

— Ладно! Держи карман шире!

Ларешник хохочет, а рыжая Сонька, дернув задом для пущего эффекта, уходит в трактир.

Дождик усиливается. По зеленым, рябым от дождевых капель лужам шагает к ларьку городовой, подняв воротник шинели. Мокрыми пальцами долго закуривает он папиросу, гостеприимно предложенную ему ларешником, и закурив, курит в рукав, чтобы кто не заметил.

Увидев городового, из-под ворот, в тулупе, уже собравшись дежурить, выходит дворник.

Втроем ютятся они под полотном ларька и ведут разговоры на злобу дня.

Нютку, товарку Сони, зашедшую было переждать дождь, выгнали.

— Иди, иди, твое дело панель обивать, неча тебе тут стоять.

Нютка выругалась.

Дворник грузными шагами направился было к ней, но, обдав его крепким словом, Нютка пустилась наутек.

А за стеной ларька, между устоем мостика и решеткой канала, в темном углу, собралась уже другая компания.

Четыре пальто в спортсменских фуражках с испитыми лицами, покуривая и поплевывая, поджидают подруг. Зайти в ларек они не решаются.

Все они отлично знают городового, как и он их, и с дворником имели дело, и в мирное время не раз беседовали, но все-таки пока что находят для себя рискованным очутиться в непосредственной близости с начальством, так как расположение духа начальства еще не выяснено.

Для выяснения командируется подруга.

Купив десяток «Амура», подруга кокетливо задевает дворника локтем и притворно зевает:

— Ох, спать хочется, а не с кем!

Если дворник и городовой настроены скверно, то на это следует ответ: «Ничего! Ужо в участке выспишься!», или что-нибудь в этом роде.

Но, если дворник настроен радужно, он не замедлит в свою очередь ударить ее по спине, расхохотавшись и ласково обозвать ругательным словом.

Кавалеры приближаются тогда, и заседание клуба уже открывается легально.

Горе прохожим! Не пройти им мимо ларька спокойно — пристанут к ним, предлагая свои ласки, гнусавые подруги, обругают их кавалеры, усмехнется городовой, хихикнет дворник, а пуще всех, хоть и не покажет это, будет доволен ларешник.

В двенадцать часов ларек запирается.

Ларешник ушел, подруги пристроились, кавалеры сидят в трактире, дворник спит.

Но вот часа в три, когда весною уж совсем светло, из трактира выбегает рыжая Сонька.

Торопливо застегивает она зеленый свой дипломат, поправляет сбившийся платок, пьяная орет что-то на ходу, и бегут за ней кавалеры и подруги, и кричат «Держи, держи!»

А Сонька подбегает к чугунной решетке канала, упирается в нее животом, и, дрыгнув в воздухе ногами в черных чулках (одна без туфли), падает в канал.

Режет воздух полицейский свисток, галдит собравшаяся толпа, воют подруги.

Только канал невозмутим. Старый канал екатерининских времен с тихой спокойной водой, тот самый, в который когда-то Пушкин бросал золотые червонцы, и радовался погибельному их блеску...

Примечания

[1] *День*. 1913. № 6, 7 января. С. 3. Подпись: *П. Потемкин*. С содержанием очерка перекликается стихотворение «Ларечник» — один из характерных образцов ролевой лирики Потемкина:

Мой ларек у самого канала,
У мосточка (пеший переход).
Я торгую в нем уже без мала
Двадцать первый год.

(Потемкин П. Отцветшая герань: То, чего не будет. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. С. 85).

[2] *старые каналы Екатерининских времен* – Правление Екатерины II Великой (Екатерина Алексеевна; при рождении София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская; 1729 – 1796) приходится на 1762 – 1796 годы. Екатерининская эпоха, которую принято считать «золотым веком» Российской империи, связана с «личным мифом» Петра Потемкина, благодаря совпадению с фамилией знаменитого фаворита императрицы и государственного деятеля Григория Александровича Потемкина-Таврического (1739–1791), часто обыгрывавшегося современниками. Ранние петербургские каналы — *каналы Галерного двора* — были построены еще до Екатерины, в начале XVIII столетия (см. об этом в кн.: Исаченко В.Г. По малым рекам и каналам Санкт-Петербурга. СПб., 2001). В годы правления Екатерины были сооружены *Бумажный, Крюков, Морской (Гутуевский)*, а также засыпанные впоследствии *Лиговский, Введенский, Лебяжий и Сельдяной* каналы. К тому же времени (1769 – 1776 гг.) относится закладка самого протяженного из каналов Петербурга — *Обводного*.

[3] Ср. в стихотв. «Ларечник»:

Сливы, арбузы,
Дыни кургузы,
Шоколад, мармелад,
Оршад, лимонад,
Яблочки, стручочки
В каждом уголочке,
Семечки, разный квас,
Все, что хочешь, есть у нас!

(Там же.)

[4] *в зеленом плюшевом дипломате* — Дипломат — особого покроя длинное пальто или дамская накидка. В журнале «Сатирикон» (1912. № 16) было напечатано стихотворение Потемкина «Дипломат», где обыгрывалось созвучие с исходным значением слова («посланник в иностранном государстве»).

[5] *десяток «Амура»* — «Амур» — название дешевых папирос; упоминаются также в пьесе «Дом в переулке (Происшествие в одном действии П. Потемкина)», дозволенной к представлению 10 сентября 1913 г., и в поэтическом монологе хозяина ларька:

По вечерам ко мне девицы ходят
Купить за пятачок десяток папирос.
Покурят, да кого-нибудь захороводят,
Да и уйдут под липкий стук колес

(Потемкин П. Отцветшая герань. С. 85).

Название обыграно и в знаменитом в свое время стихотворении «Ночью», вошедшем в сборник «Смешная любовь» (1908): «Папироска моя не курится / не знаю сама / с кем мне сегодня амуриться».

ЧРЕВО ПЕТЕРБУРГА[1]

На много верст раскинулся Петербург своими многоэтажными каменными громадами, сырыми, грязными от хмурого неба, от потной болотной грязи мостовой, от угольной пыли, которой плюются и харкают фабрики, удушал прозрачные закаты белых зорь.

И в каждой из этих громад, начиная с мансард и чердаков и кончая зеркальными стеклами магазинов, тысячи людей требуют ежедневной пищи. Надо есть, чтобы жить! Надо жить, чтобы есть![2] Эта прописная истина нигде так не избита, нигде не испошлена, как в Петербурге, этой громадной коробке, которую Рок, как мальчишка, набил тараканами-людьми.

И тараканы шуршат, и шумят, и ездят на автомобилях, и занимаются искусствами, страдают и любят, но все же они тараканы, и раньше всего и прежде всего им нужно насытить себя.

Рок набил тараканов в коробку, и они свыклись с ней, они связаны с ней, как младенец с утробой матери — они одно с ней. В Петербурге нет людей и зданий. Петербург — это смесь, винегрет из камня и человеческих тел, это один организм, где элементы безудержного и оживленного соединились химически. Петербург — это жалкое животное с каменной кожей!

Тупоглазая корова широковыйная и толстобрюхая, жующая бесконечную жвачку, и ночью смотрящая тупыми глазами на мир. Ее радость еда, много еды, чем вкуснее, тем лучше, но лишь бы соки ее разливались по жилкам и порам, лишь бы теплая жвачка согрела ее многочисленные желудки своей мягкой теплотой. И если будет это, будет все, и кожа ее будет лосниться, и будут ею любоваться, и будет она так эстетична! И будут ее кожу, ее каменную кожу прославлять, и будут называть ее архитектурно-художественной. Но лишь бы были набиты желудки.

У обыкновенной коровы четыре желудка, у Петербурга их больше.

Желудки Петербурга называются рынками, странно немного, но ведь и жилы его называются улицами, и клетки его тела называются зданиями!

Андреевский[3], Сенной[4], Сытный[5], Круглый[6], Литовский[7], Никольский[8] и др. рынки ежедневно набиваются едой сытной и несытной, вкусной и невкусной, мясной, зеленной, ягодной и фруктовой.

Целый день тянутся к ним возы кровавого мяса с боен, покрытые грязным брезентом или рогожей, целый день моют руки в крови мясники, кряхтя под лиловатыми тушами, нелепо выпятившими обрубки ног. Стон стоит от ржанья громадных битюгов, запряженных в красные телеги, от ругани сцепившихся колесами кучеров, от тяжелого грохота тяжелых железных подков и шин, пробивающих крепкий булыжник мостовых светлыми искрами, летящими, как брызги воды, от каждого их шага. Длинные железные навесы галерей рядов дрожат, как бутафорский гром от ударов мясницкого топора, с треском и эканьем дробящего кости и жилы на дубовых колодках темных лавок. Резко визжат, торгуясь, кухарки, эти капли желудочного сока, разносящие пищу кровеносным тельцам и клеткам Петербурга — людям.

Громко считает число птиц и рыбы торговец, щелкая счетами, и гулко хлопают куски мяса и рыбы, брошенные на прилавок. Все это называется рынком Андреевским, Сенным, каким хотите, но вернее Сенным, ибо этот рынок самый большой. Число голов скота, поступающего ежедневно в желудки Петербурга, исчисляется тысячами, не считая птицы, рыбы и дичи. Зимой, когда идешь по Горсткиной ули-

це[9], чувствуешь пар, вырывающийся из дверей мясных лавок, от еще не остывшей крови свежих туш.

Сенной рынок! Громадные застекленные корпусы, где, несмотря на тысячи стекол, темно и колотно, где все кажется грязным, — как непохож он на уютные рынки за границей! Отчего он так грязен? Не от того ли, что вокруг него лежит грязный до зелени, истоптанный лошадьми снег, тающий для того, чтобы залить зеленой жижицей искромсанную подковами площадь? Или от того, что он только желудок коровы с каменной кожей, а желудок всегда грязен? Или от того, что в нем много мяса, много крови, липкой и неопрятной?

От того, что из поглощаемых за год Петербургом 3.591.000 пудов убоины и 266.000 голов рогатого скота и 60.000 телят, и 40.000 свиней, больше всего приходится на Сенной рынок?

Летом, когда наступает сезон овощей и ягод, он делается веселей, опрятней и чище. Меньше крови течет из красных телег и цельных туш, и улицы вокруг него по утрам запруживают веселые возы с зеленью. Еще с ночи тянутся с огородов, поясом раскинувшихся вокруг Петербурга, по светлым утренним светом улицам обозы с зеленью, направляясь на рынки. Копны петрушки, точно свежескошенное сено, укропу, душистого экстрагону, бесстыдной оранжевой наготой бьет сваленная в кучи морковка, и точно слоновая кость белеет редька. Бастионами стоят, еле выдерживающие напор зелени, сваленные мешки картофеля и хрустящей капусты. Проворные руки торговца в белых фартуках сортируют и копаются в этой лавине зелени, перенося в нутро корпусов и лавок, чтобы продать ее сегодня же, когда вставшее солнце поднимет ленивых кухарок. 7.395.000 пудов овощей съедает за год Петербург. 8.000.000 пудов молока выпивает он! Прямо на земле стоят, как безногие солдаты, мешки с огурцами, под открытым небом, распространяя запах гряд, и мерами отсыпают их продавцы покупателям. Жарко от летнего дня, согревшего камни и крыши, пыльно от сотни топчущихся ног, но торговля идет: надо же разместить пищу по самым отдаленным от желудков клеткам петербургского тела.

Самый аристократический желудок Петербурга это Щукин двор[10]. Он сыт только фруктами. И зимой, и летом белеют сосновые ящики с апельсинами, привезенными с Юга, австралийские яблоки смешивают запах свой с яблоками крымскими, кавказскими и местными. Владимирские вишни чернеют в решетах, как кучки богемских гранат, и туркестанские желтобокие дыни мешаются с зелеными бомбами арбузов. Пыльца персиков, румянеющих и сочных, раздражают нос своим нежным ароматом, и бочки винограда сеют пробку и опилки.

Щукин двор — это самый красивый желудок. Но он тоже жадный: одних яблок исчезает в нем 2.082.000 пудов. И все же, как хорошо в нем! Как приятно зимой, холодной и сырой, зайти в его лавки и вдруг почувствовать себя на далеком юге, где также пахнут и абрикосы, и груши, и апельсины, и ядреный виноград.

Отчего, отчего корова с каменной кожей не может питаться только фруктами? Отчего нужно ей это мясо с тупым трупным запахом? Или она станет менее эстетичной с виду? Или Анатоль Франс[11] перестанет называть Петербург августейшим? Увы, все это невозможно, невозможно потому, что Петербург хочет есть, чтобы жить и жить, чтобы есть, и сытнее всего набивает желудки мясо. И когда тупое чувство сытого и тяжелого чрева согреет его, тогда уже будет он думать об эстетике пищи.

Примечания

[1] *День*. 1913. № 198, 26 июля. С. 4. Подпись: Потемкин.

Очерк написан вскоре после возвращения Потемкина из поездки в Париж (см.: Неизданная книга стихов Петра Потемкина «Париж» (1913) / Подгот. текста, предисл. и примеч. Н. Букс и И. Лощилова // Новый мир. 2009. № 9. С. 130–150). Название — аллюзия на роман Э. Золя «Чрево Парижа» («Le ventre de Paris», 1873) и на знаменитый рынок, который с начала XIX в. до середины XX в. размещался в центре французской столицы. В составлении примечаний о рынках Санкт-Петербурга использованы материалы из кн.: *Процай Л. А.* Рынки Петербурга. Конец 19-го — начало 20-го века. СПб., 2005.

[2] Парафраз латинского выражения «Non ut edam vivo, sed ut vivam edo» («Ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть»), смысл которого по традиции приписывается Сократу.

[3] *Андреевский рынок* — Первый рынок на Васильевском острове получил свое название от церкви Андрея Первозванного, построенной напротив. Он появился в начале XVIII века, но в 1763 г. сгорел дотла. В 1789–1790 гг. возвели новое двухэтажное здание рынка с галереями. В 1891–1892 гг. рынок реконструировали, взяв за основу план корпусов Сенного рынка.

[4] *Сенной рынок* был расположен на одноименной площади, где возвышался храм Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной), построенный в 1753 г.; на площади был сенной ряд, где окрестные крестьяне торговали сеном. В августе 1879 г. Городской управой был объявлен конкурс на разработку проекта нового Сенного рынка. Его выиграл архитектор И. С. Китнер, и к 1886 г. строительство крытого рынка было завершено. На рынке снаружи торговали мелким галантерейным товаром, а внутри — мясом, птицей, дичью, рыбой, зеленью.

[5] *Сытный рынок* – один из старейших, появился в 1711 г. на Петербургском острове. Около 150 лет площадь этого рынка служила местом публичных казней. В 1910 г. по проекту архитектора М. С. Лялевича было возведено кирпичное здание рынка. К 1913 г. рынок насчитывал 120 торговых заведений.

[6] *Круглый рынок* — относился к числу небольших рынков, располагался он на набережной реки Мойки, д. 11, и был рассчитан на состоятельных покупателей. Его лавки (всего их было 20) принадлежали купцам Рогушиным, Крыловым и Соколовым. Круглый рынок открывался в 6–7 утра и закрывался в 10 часов вечера.

[7] *Литовский рынок* — Первоначально носил название Харчевый, этот продовольственный рынок был построен на Крюковом канале в 1789 г. Название закрепилось из-за расположенного напротив рынка Литовского замка. К началу XX века он имел 42 лавки. В двухэтажном здании велась торговля рыбой и зеленью, располагалась здесь и Филипповская булочная. Здание было возведено по проекту Джакомо Кваренги.

[8] *Никольский рынок* располагался на пересечении Екатерининского и Крюкова канала. Строительство его началось в 1788 г. Места эти были заболочены, и рынок строился на сваях..

[9] *Горсткина улица* — носила это название с 7 марта 1880. 15 декабря 1952 была переименована в честь летчика М. А. Ефимова, летчика. Первое название улица получила от одноименного моста, который был построен там через Фонтанку, а название моста идет от фамилии домовладельца С. П. Горсткина, который в 70-х годах XIX века построил ряд торговых помещений близ Сенной площади.

[10] *Щукин двор* — знаменитый петербургский базар располагался между Апраксиным двором и Чернышевым переулком (ныне улица Ломоносова). Территорию под рынок приобрел в 1730 г. купец Иван Щукин, благодаря чему это торговое место стало называться Щукиным двором. В 1833 г. по указу Николая I Апраксин и Щукин дворы были объединены в общий базар. Долгое время этот базар по популярности торговли потребительскими товарами занимал второе место после Сенного рынка; особое место в Петербурге конца XIX в. Щукин двор занимал по оптовой торговле фруктами. Эта тема занимает центральное место в очерке Потемкина «На выставке плодоводства» (*День*. 1913. № 272, 8 октября. С. 4).

[11] *Анатоль Франс* — Потемкин упоминает Франса в связи с его недавним посещением Москвы и Петербурга летом 1913 года. Слова взяты, по-видимому, из какой-то приветственной речи французского писателя. Объявление о приезде Франса было размещено в «Русском слове» (1913, 16 июля); Франс был и в редакции «Русского богатства», где оставил для В. Г. Короленко свою визитную карточку с надписью (*Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в.* [1891 – октябрь 1917]. Вып. 3. М., 1995. С. 243).

ПО КВАРТИРУ[1]

Каждую осень миллионы еще неисследованных бацилл наполняют воздух Петербурга. Каковы они собой на самом деле, никто не знает — палочки, или запятые, или крестики — неизвестно. Я думаю, что они имеют вид розового кусочка бумаги, и, по большей части, ютятся или на стекле парадной двери или на доске у ворот. Называются они в общежитии квартирными билетиками, и действие их на организм очень сильно и ярко выражено.

Человек теряет способность свободного мышления и начинает метаться. Мозг его сдавлен точно тисками и весь наполнен только квартирными билетиками. Если у него есть любовница, он забывает ее, он кружит по городу, как живец на удочке бессердечного рыболова, и все больше и больше поглощает этих квартирных бацилл, пока, наконец, не наступит кризис и не успокоится он, сорвав со стекла или доски нужный ему билетик. Это значит, что он нанял квартиру.

Правда, это еще не все, еще придется переезжать, но это уже период шелушения. Конечно, не один раз придется с пеной у рта набрасываться на ломовиков, на дворников за то, что ни одно окно не запирается, придется утешать жену, горько рыдающую над сломанной при переезде шляпной шпилькой, и говорить, что это смешно, т. е. ломиться в открытую дверь, так как жена и сама это сознает, но не может удержаться, ибо шпилька — это последняя капля, придется успокаивать кухарку, которая в самый неудобный момент придет жаловаться на то, что в духовке листа нету, но все это, повторяю, период восстановления.

Осенью квартиры дорожают, несмотря на сотни новых домов каждый год, все выше и выше забирающихся в небо. О, эти новые дома с зеркальными окнами, газовыми плитами и ваннами, с потолками, отделанными в стиле ампир[2], с блестящими паркетами и ковровыми лестницами! Они имеют право дорожиться, они, как шикарная кокотка, должны оправдать свой туалет!

Они его и оправдают, но беда в том, что, оправдывая туалет, они вызывают зависть старых домов, и вводят их в соблазн, а те, как белены объевшись, нелепо, ни с чем не сообразуясь, тянутся изо всех сил за ними, но не в туалетах, а только в цене.

Другие берут, и мы брать будем, тоже не лыком шиты! И вот растут цены на квартиры, как грибы после дождя, смущенный, заболевший квартирной горячкой обыватель ничего не может поделать со своей болезнью, принимающей все более и более тяжелые формы.

Тихий, заговаривающийся, издерганный, вздрагивающий от каждого громкого слова, ходит он из дома в дом, уже потеряв чутье, уже не разбираясь, хороша или нет квартира, уже веря льстивым уговорам старших дворников, уже путая первый этаж с шестым, пока не зажмурит глаза и не кинется очертя голову в первую подвернувшуюся квартиру. Все зависит от рока.

Какое кому пошлет Господь Бог счастье!

Есть несколько типов петербургских квартир. Самый распространенный — это квартира во дворе. Вход один, лестница изъедена грязью, истоптана и исшаркана так, что ступеньки похожи на валики, и пахнет, до безумия пахнет кошками. Передняя рядом с кухней, и свет в нее проникает через грязное, непременно с треснувшим уголком, стекло жиденькой двери. Обои когда-то были белые под изразец. Из передней идет совершенно темный узкий коридор с протоптанной в краске пола тропинкой, почти такой, по какой Орфей спускался в Аид за Эвридикой, а из коридора,

смотря по количеству комнат, три или четыре двери. Комнаты низкие, со следами копоти на потолке, и из пяти окон квартиры одно непременно влюблено в близстоящую стену и не может оторваться от нее. Если квартира во втором этаже, то над ней каретные сараи, из которых некоторые носят дворянскую кличку гараж. Одна из половинок ворот сарая открыта, и видно, как кучер в черном, длинном спинжаке, с красным подбритым затылком, и с копной волос, выбивающихся из-под будничного картуза, и очень похожих на грязную мочальную швабру, поплевав на тряпку, чистит сбрую и моет экипаж. Среди дров, ручных тележек, старых ведер у помойной ямы (патентованной, с железной крышкой с противовесом) копаются малолетние рахитики и кухарка — одна прислуга из номера девяностого в четвертом этаже что-то кричит дворнику, стоящему внизу в позе колосса родосского[3].

В этом году цена такой квартиры 50–60 рублей с дровами, если она в три комнаты; если она в четыре, то цена повышается до 70–80 руб. второй тип квартиры «по парадной» с двумя ходами. В ней почти всегда тоже коридорная система, но комнаты распланированы не по одну сторону, а по обеим. Они, так сказать, нанизаны на коридор, как шашлык на вертел. В ней по большей части есть железная коричневая лучшая внутри маленькая ванна и кухня уже не вначале, а в конце коридора. Это тип более или менее приличных квартир в домах, не совсем старых. В этой квартире пахнет кошками только черный ход, и плата за все рублей 100, с дровами, за четыре-пять комнат.

Третий тип квартир — «барская квартира» обыкновенно не меньше, чем из пяти-шести комнат. В старых домах она высока и просторна, с кладовушками и нишами. Правда, комнаты расположены нелепо, и непременно в центре есть одна темная слепая, потому что окно в ней заложено при постройке соседнего дома, правда, ванна поставлена почему-то непременно на деревянный пьедестал в самой большой комнате, но, тем не менее, квартира барская уже потому, что когда-то, лет сорок назад, в ней действительно жили баре. Цена ей 120 руб. четвертый тип — это современная шикарная квартира, похожая на кокотку. Она со всеми удобствами и стоит около 200 рублей в месяц.

Наконец, есть еще один тип петербургских квартир, теперь вымирающий. Это квартиры в стареньких подслеповатых, как богомолки, деревянных домиках с мезонином. Домиков этих не много осталось, да и то большинство из них заняты извозчичьими трактирами с двором «на столько-то колод». Лестницы в них покосившиеся, деревянные, прикрепленные зачастую к наружной стене с «галдарейкой»[4]. Окошки почти квадратные, не одинаковой величины, и половицы скрипучие, непомерной ширины. Обои с птицами и кораблями. Это квартиры специально для маленьких портных и сапожников. Изредка для чиновников и чиновниц на пенсии. Умрут эти чиновники или чиновницы, умрет вместе с ними и хозяйка дома, весь свой век проходившая в ближайшую церковь к отцу Николаю, и если не завещает она дома на богоугодные дела, наследники выстроят на его месте современную Вавилонскую башню. А при перестройке где-нибудь рабочие найдут либо высохшие кости, либо кубышку с медяками.

Вчера я сам искал себе квартиру. Часов в 10 вышел я из дому, поставив себе целью отыскать хорошую и дешевую квартиру.

Я обошел последовательно всю Коломну[5], перекинулся по трамваю на Васильевский остров, затем на Петербургскую, и оттуда по трамваю в Литейную часть.

Первая из подходивших по цене квартир показалась мне темной, вторая сырой, третья высокой, а дальше я уже ничего не понимал. На Васильевском острове квар-

тир было много только в дальней половине его, около Малого проспекта, и они были хороши и дешевы в новых домах, как и на Петербургской стороне. Но я уже забыл о том, что мне нужно, я увлекся осмотром квартир точно спортом, вошел в роль. Пот лил с меня градом, глаза слипались и нестерпимо зудел лоб под краешком котелка. Я очумел.

В конце Шпалерной[6], метнувшись к бросившемуся мне в глаза с другой стороны улицы красному билетику, я наткнулся на мирно дремавшего на тротуаре пьяного. Над телом его мы столкнулись с заметившим непорядок дворником. Посмотрев соболезнующим оком на рваные, точно их корова три дня жевала, ботинки, на грязную синюю куртку, разорвавшуюся от напора грязной, но сильной груди, дворник схватил пьяного под мышки и начал трясти, стараясь поставить на ноги. Ласковый, добрый попался дворник.

— Эй, молодец! — слегка басил он очень убедительным тоном. — Милый! Вставай! Аль на бесплатную квартиру пришел. Ноне, брат, бесплатных-то нету. Обуй боты-то! Видишь, свалились.

И пока пьяный бормотал что-то о том, что он где-то кого-то не раздевал и не пил с ним лимонаду, я понял, остро и убедительно понял, что ведь и я такой же пьяный, мечтающий о бесплатной квартире, и, испугавшись самого себя, торопливо пошел домой, посмотрев инстинктивно, не развязались ли шнурки моих туфель.

Примечания

[1] *День*. 1913. № 225, 22 августа. С. 3. Подпись: *П. П. Потемкин.*

[2] Эстетической исчерпанности стиля «ампир» посвящен один из «Маленьких фельетонов» Потемкина-«Фланера»: «Удивительное дело, точно все вдруг заболели одной болезнью — новой чумой какой-то, ампироманией. Вывески ампир, кабаки в стиле ампир, открытки, мебель, книги, шрифт — все это наполнено ампирными бациллами различных сортов» (День. 1913. № 222, 19 августа. С. 3).

[3] *Колосс Родосский* — гигантская статуя древнегреческого бога Солнца Гелиоса, считавшаяся одним из семи чудес света. В контексте фельетона перекликается с отсылкой к «орфическому мифу» и упоминанием Вавилонской башни.

[4] *Галдарейка* — просторечное название «балкона, узкой галереи, опоясывающей стены жилой части дома на уровне второго этажа, снабженная перилами из выпиленных досок» (Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л., 1970. С. 197).

[5] *Коломна (Коломенский остров)* — район Петербурга на левом берегу Невы, ограничен речками Мойка, Пряжка, Фонтанка и Крюковым каналом. До середины XIX в. — окраинный район, заселенный мелкими чиновниками, торговцами, ремесленниками, мастеровыми. Во второй половине XIX — начале XX вв. Коломна застраивалась доходными домами.

[6] *Шпалерная* — улица в Санкт-Петербурге, между Гагаринской улицей и площадью Растрелли.

НА ПЕТЕРБУРГСКИХ КЛАДБИЩАХ[1]

Когда я бываю на Смоленском кладбище[2], то прежде всего сталкиваюсь с вереницею нищих.

Вот и сегодня, по случаю храмового праздника, привлекшего тысячи богомольцев, отправлюсь туда и встречу знакомые фигуры нищих, странников и калек.

Попадаются степенные старики и старицы. Вот, например, хромой Яков, четверть века аккуратно собирающий даяния.

Недавно он похоронил жену, с которой жил душа в душу. Покойная сдавала углы в своей квартире и попрошайничеством не занималась.

Яков всегда жалуется на дороговизну жизни.

В течение четверти века Яков простаивает на Смоленском кладбище ежедневно, от 10 утра до 2 часов пополудни, после чего ковыляет домой. На нищенский промысел Яков отправляется как на службу.

К посетителям кладбища Яков не пристает и тоном наставника удерживает от приставаний товарищей.

— Добрая барынька сама подает убогому, сама она видит болящих, а приставанием только рассердишь благодетельницу.

Якову на вид, пожалуй, лет за 70, имеет хорошие сбережения. Давно, давно мог бы бросить свой промысел, но привычка – вторая натура.

Другие нищие много денег пропивают, а Яков ведет трезвый образ жизни и может рассказать немало интересного из своей и чужой жизни.

Старицы и нищенствующие странники, опытные в попрошайничестве, нередко вступают в компании, обмениваясь синодиками с адресами богатых благотворительниц. Иные синодики ценятся высоко и едва ли не котируются на нищенской бирже. Синодики попадают в руки бродяжничающих по Руси лжемонахов, попадают в руки заграничных, преимущественно константинопольских, тунеядцев – греков, армян, персиян. От таких и других, выдающих себя за афонских иноков, иерусалимских «батюшек» и пр., благотворители получают «благословения» с предложением жертвовать на монастырь, но с непременным условием адресовать деньги на имя такого-то иеромонаха, в Константинополе.

Тунеядцы-странники, прибывающие в Петербург, пользуясь синодиками[3], как адрес-календарем, непосредственно направляются к благодетелям, в лице обезумевших богатых старушек и стариков, вдов и др., помешанных на религиозной почве, и обирают их до нитки.

Странники приучают благодетельниц к «вкушению церковного вина», и затем просто опаивают водкой.

Это далеко не выдумка. И сейчас в Петербурге пользуется такой известностью обираемая «странниками» старушка, владеющая миллионным состоянием и деньденьской заливающая тоску водкой.

Не так давно умерла 85-летняя девица, Анна Васильевна Мохначева, смолянка, внучка небезызвестного в начале 19-го столетия художника Воинова[4].

Похоронив отца, старушка-барышня переселилась в комнату-квартиру в д. № 52 по Среднему проспекту Васильевского острова. Проживали там всякие другие старушки и «барышни», больше пенсионеры.

Так как старушка нередко жертвовала крупные суммы на разные монастыри, то всякие «блаженненькие», лжемонахи, странники и др. проведали о крупных капиталах, доставшихся Анне Васильевне от скряги-отца.

Редкий день не навещали старушку «монахи», будто бы из Киева, Афона, Валаама и разных скитов.

Должно быть, капиталов у старушки было немало, так как проходимец Феодорит, наичаще бывавший у старушки и чаще выманивавший по несколько сот рублей на разные монастыри, однажды застал старушку за пересчитыванием кучи государственных бумаг.

Увидев 25-тысячную ренту, которую старушка не успела спрятать, Феодорит вдруг распростерся у ног благодетельницы, и, обливаясь слезами и указывая на свой крест на груди, восклицал:

— Благодетельница! Ради этого Христа, пожертвуй сию ренту на наш монастырь! Спаси свою душу! И будет тебе в царствии небесном хорошо! А мы Бога повсечасно молить станем и за упокой твоей души вечно молиться, ибо скоро оставишь земную юдоль сию!

— Ах, это ведь папенькины деньги! — взмолилась полубезумная старушка, упросив Феодорита ограничиться пока лишь тысячью руб.

Но Феодорит перехитрил старушку. Он заметил, как она сунула пачку процентных бумаг под подушку. Там было десять штук, на какую сумму старушка не помнила, на 100 или на 250 тысяч рублей.

И Феодорит украл все эти десять листов. Долго он не приходил к старушке, рассказавшей соседям о случившемся. Служанка поплелась к Феодориту, поселившемуся вблизи «общежития».

— Батюшка, или ты украли десять листов, лучше по добру отдай деньги, пока до полиции не дошло.

Феодорит пришел к Анне Васильевне:

— Голубушка моя! Это ворожок[5] над тобой подшутил. Давай облобызаемся, и я помолюсь Господу Богу.

Феодорит помолился, и, еще раз облобызавшись со старушкой, незаметно сунул десять рент под подушку на диване, и ушел.

Каждая рента была лишь в 100 руб.

А все же много еще тысяч осталось после смерти Анны Васильевны, умершей на 86 году и похороненной на Смоленском кладбище, в семейном склепе.

Покойная была последней в роду. Скончалась на чужих руках, и ее десятки тысяч перешли каким-то путем в руки чуждые, да еще – по доверенности покойной.

— А сколько этих самых пьяных странников, бывало, валяется на линиях, после того, как унесут от благодетельницы, сотни, да тысячи за проданные крестики, образки, древа от гроба св. Давида и пр. Всего не расскажешь из того, что слышишь.

Примечания

[1] *День*. 1913. № 200, 28 июля. С. 4. Подпись: *Фланер.*

[2] *на Смоленском кладбище* Есть два Смоленских кладбища — лютеранское и православное. Смоленское лютеранское кладбище расположено в южной части острова Голодай (с 1926 г. — остров Декабристов), на правом берегу Смоленки. Автор несомненно имеет в виду Смоленское православное кладбище; оно расположено в северо-западной части Васильевского острова, на левом берегу реки Смоленка. Впервые упомянуто в указе 1738 г. В 1760 г. там построена деревянная церковь Смоленской иконы Божьей матери, в 1786–1790 гг. на ее месте возведена одноименная каменная церковь. Близ входа расположена каменная церковь Воскресения Христова (1901–1904), на территории – каменная часовня (1901–1902) над могилой блаженной

Ксении Петербургской. Место захоронения ученых Академии наук, Горного института, служащих военно-учебных заведений.

[3] *Синодик* — книга, в которую вписывают имена умерших для поминовения во время богослужения. Синодики бывают подневные (на каждый день), подстенные (они читались в углу или притворе церкви во время богослужения) и литийные, прилагающиеся к литие (молитве, которая читается вне храма и притвора).

[4] *Михаил Федорович Воинов* (1759–1826) — исторический живописец и рисовальщик, воспитанник Академии художеств, учился в классе исторической живописи у Д.Г. Левицкого. В 1792 году получил Золотую медаль за картину «Авраам изгоняет Агарь». В 1789–1790 гг. — пансионер Академии в Риме. Оставил многочисленние зарисовки античных памятников. В 1810 году получил звание академика за образ Рождества Христова, написанный для Казанского собора в Петербурге. Расписывал также Адмиралтейство и Александро-Невскую Лавру.

[5] *Ворожок (ворог, враг)* – здесь: слово, позволяющее избежать прямого упоминания черта.

ОТ ЛЕТНЕГО САДА НА ОСТРОВА[1]

Когда надоедят вам штукатуры, что, беззастенчиво закапав окно ваше белой краской, не дадут вам ни минуты вздохнуть одному без постороннего зрителя, потому что глаз их, серый и тусклый, все время смотрит из-под замызганного картуза и подмигивает вам, дескать «А, я знаю!», когда обойдете вы все углы комнаты своей, прячась от воздушного соглядатая, и нигде не найдете успокоения мятущейся душе вашей, тогда идите на улицу и делайте то, что делают все петербуржцы в это время года.

Еще рано. Еще день. Еще жарко. Дома все в люльках и веревках, троттуары в рогатках, и идти приходится посреди улицы по развороченной мостовой, а солнце, подцепив на лучи свои всю пыль и грязь города, жжет вашу спину, точно утюг. Хочется тени, милой тени деревьев, старых, развесистых, настоящих, не тех, что, точно спички, воткнуты кое-где по Фонтанке, и поневоле ноги сами несут вас в Летний сад[2].

Еще рано. Еще вечерний ледоход гуляющих не начался: тихо на главной аллее; проходят по ней только деловые люди да няньки с детьми к дедушке Крылову[3]. И садитесь вы на скамеечку возле статуи, и, прочитав на ней надпись «Архитектура», думаете «Странно! Архитектура, а голая! Разве Архитектура голая бывает?»

Часов с восьми начинается гулянье; уйдут дети и няньки, унося свои обручи, успокоится девочка, уронившая мячик в пруд, потому что сторож за гривенник вытащил его метлой из воды, и появятся на аллеях подружки.

Шляпки, отделанные модным тюлем-малин[4], растопырившиеся, точно нахохлившаяся птица, с розами на боку, пышные плерезы[5] и кичливые эспри[6] запестрят вперемешку с чиновничьими фуражками, и под аккомпанемент оркестра и мечниковского лактобациллина[7] начнется флирт и знакомство.

Если вам надоело думать, почему Архитектура голая, перемигнитесь вот с теми двумя подружками, что тоскливо сидят на скамеечке, познакомьтесь с ними. Та вон, что блондинка, очень хорошенькая и очень нравственная; она ужасно не любит гу-

лять в Летнем саду; она это считает развратом, и делает это только потому, что подруга затащила. Я с ней разговаривал. Она оказалась пермячкой, женой какого-то чиновника, каждый год приезжает на лето в Петербург шить себе платья и ужасно возмущается здешним развратом. В Летний сад она ходит только из-за подруги, а то бы — ни за что, потому что в нем голые каменные женщины — это очень неприлично! — и она так подмигнула глазом, что я уже не сомневался, и предложил ей стакан чаю.

Когда белая ночь станет серой, и опустеет Летний сад, на пристани финляндских пароходиков, что идут на Острова, появится длинный хвост пассажиров.

Быстро потрескивает счетчик у кассы, звенят монеты о медную выемку кассы, и, толкаясь, пробираются пассажиры по крутым ступенькам на качающийся на вечерних волнах пароходик.

Вечерние волны похожи на серый жемчуг, на серый опал. Тихие, едва заметные вдали, около поплавка, они увеличиваются и расцветают, загораются искрами, украденными у электрических лампочек буфета. Если долго смотреть на них, — не оторвешься, они гипнотизируют, успокаивая, убаюкивая, как глаза святого.

Мимо голубого с белым громадного дома в петровском стиле, мимо сонных барж под громыхающими на мосту трамваями плывет белый пароходик, топоча своей машиной, точно ногами. Все пассажиры столпились на носу на открытом воздухе: никому не хочется задыхаться в низкой и тесной каюте. Все здесь. И влюбленная парочка, и папаша с сыном и дочкой, чахлой, как засохшая липа, и молодой поэт с лицом таким красноватым и полным, таким не идущим к его чахоточной поэзии, и веселая компания случайно встретившихся юмористов, и старик — отставной генерал. Нет здесь различия классов и каст, все смешались в одну кучу, убаюканные тихим вздрагиванием топотливого пароходика и молочным небом белой ночи.

Разговоры такие же тихие и бесцветные, как ночь, все говорят полушепотом, чуть не на ухо, говорят о своих делах так, чтобы другим не помешать, только на самом носу суетились два режиссера театра и кричали о кризисе театра и грядущем хаме — кинематографе (режиссеры не могут не спорить между собой где бы то ни было)[8], да два молодых репортера играют на номера встречных пароходов, и поэтому излишне возвышают голоса, вглядываясь в сгущающийся туман. Та самая нравственная блондинка, что сидела в Летнем саду, сидит рядом с жуликоватым брюнетом и что-то шепчет на ухо, судя по улыбке, что-то очень пикантное, а брюнет грызет семячки.

Проехали Ботанический сад, проехали Черную речку, Новую Деревню, Славянку, и пристали на Крестовском возле последнего моста, за которым уже блестит недалекий Финский залив.

На самой Стрелке стоит павильон с цветами; всю ночь торгует там девица в красной кофточке, следя глазами за проходящим народом и соображая, кто сколько заплатит за розу.

Покуда нет еще торговли, еще тихий народ на Стрелке, еще не закрылись сады и рестораны, еще нет загулявших господ на автомобилях, и не с кем еще заводить разговоры угрюмому городовому в кителе цвета навоза, и не с кого еще получать ему на чай.

У яхт-клуба, на той стороне, на Крестовском, белеют косые паруса яхт, готовых отплыть. Вот одна накренилась, повернулась носом в залив и заскользила бесшумно,

как белая дама, навстречу зашедшему солнцу, где уже ждут ее товарки, такие же, как она, тихие, неслышные, лениво купающиеся в белесоватой дымке летней ночи. С какой-то далекой лодки слышится пение. Поют, конечно, «Вниз по матушке по Волге», поют безголосые, но самодовольные дачники в одних рубахах, гребущие неумело и не вместе, но искренне наслаждающиеся катаньем. На далеких тонях мелькнул огонек — зажгли костер, и визгливая гармошка терзает ухо фальшивыми переборами «барыни».

На балконе Славянки с двумя прихлебателями сидит загулявший купец-банкир. Он в говорливом настроении, котелок его сдвинулся на затылок, рукав коричневой визитки закапан соусом, русая бородка обмокла и пахнет пивом, и ведет он такие разговоры с лакеем:

— Я социал-демократ! Меня по 129 судить будут[9]. Ну, и пускай судят! Да, так и надо! Я всегда за свободу и равенство. Я вот банкир, а ты кто? Ты оффициант? Да? Ты оффициант? Представитель народа! Да? Я люблю представителей народа! Дай пожать твою руку! Хочу пожать твою руку! У нас Дума какая сегодня? Седьмая! Ага! Я в десятой буду, в самой оппозиции. Оффициант, руку! Ты как смеешь на меня смотреть? Ты кто? Хам! Позови управляющего! Распустились, черти! Поди узнай, что мой извощик, здесь? Здесь? Поди узнай, свезет он меня на Елагин! А? Узнал? Поди отпусти его. Сколько ему надо? Шесть гривен? Дорого! Нет-нет разоришься! Полтинник! Скажи полтинник! Оффициант! Зачем мой нарез убрал? Деньги за него получил? А я его съел? Нет, не весь съел, кусочек колбаски еще остался! Давай мой нарез! Только и умеет, что деньги драть! Представитель народа! Подумаешь... Я сам социал-демократ!

Часа через два прихлебатели, заняв у него некоторую сумму, увезут его на моторе на Елагин, и закупит он там в цветочном павильоне все розы вместе с барышней в красной кофте, сядет она с ним в мотор, и уедет, и будет ее провожать городовой да поэт с красноватым лицом в матерчатой панаме. Городовой ухмыльнется про себя, а поэт пойдет пешком в город, сочиняя стихи и печалясь влюбчивым сердцем, пока новая любовь, встреченная где-нибудь на Петербургской, не исцелит раны, нанесенной неверностью красной кофточки, не потянет его усталые ноги куда-нибудь на Охту, провожать.

Примечания

[1] *День*. 1913. № 170, 28 июня. С. 3. Подпись: *Потемкин.*

[2] *Летний сад* — парковый ансамбль в центре Санкт-Петербурга в стиле голландского барокко, памятник садово-паркового искусства первой трети XVIII века; был заложен по повелению Петра I в 1704 г.

[3] *к дедушке Крылову* — Памятник И. А. Крылову работы скульптора П. К. Клодта был установлен в Летнем саду в 1855 г. Пьедестал из тёмно-серого сердобольского гранита украшен горельефными композициями, исполненными Клодтом по рисункам А. А. Агина на сюжеты крыловских басен.

[4] *тюлем-малин* — Тюль-малин — разновидность тюля, на основе брабантского кружева.

[5] *Плерезы (от фр. pleureuses, букв. плачущие)* — украшения из страусовых перьев на женских шляпах.

[6] *Эспри* — украшение из перьев на шляпе или в волосах. (от латин. Spiritus и франц. esprit дух, ум, остроумие) вошло в моду во Франции после революции 1789 года. Название украшения не без оттенка юмора акцентирует в единой системе костюма две противопоставляемые категории «духа и тела». Увлечение стилем ампир, возникшее в 1900–1910 гг., снова ввело в моду украшения из перьев на шляпках.

[7] *и мечниковского лактобациллина — Мечниковский лактобациллин* — разновидность простокваши, способ приготовления которой был предложен знаменитым физиологом и микробиологом И.И. Мечниковым, в лечебных и профилактических целях; для закваски молока применялись особые виды молочнокислых бактерий.

[8] *кричали о кризисе театра и грядущем хаме — кинематографе* — Название статьи Д. С. Мережковского «Грядущий хам» и одноименной публицистической книги (1906) к 1913 году сделалось нарицательным. Дискуссии о кинематографе, который вытесняет «высокое искусство» театра, посвящен отдельный очерк цикла «Записки фланера» («И сейчас вечера еще пустые...» (День. 1913. № 221, 18 августа. С. 4. Подпись: *П. П. Потемкин*).

[9] *по 129 судить будут* — Статья 129 Уголовного Уложения 1903 г. предполагала наказание (ссылку или заключение в исправительный дом) за произнесение речей, а также составление и хранение сочинений, возбуждающих к «учинению бунтовщического или изменнического деяния», «ниспровержению существующего в государстве общественного строя», неповиновению власти и подобным действиям.

ДЕНЬ В ПАВЛОВСКЕ[1]

Отшептались ночные приведения...

Тонкие фрейлины в кисейно-легких платьях, зябкие и хрупкие, как стебли северных цветов, все такие похожие на мадам Рекамье или императрицу Марию Феодоровну[2], расплылись вместе с туманом белой ночи. Серая ночная зелень позеленела, посвежела, омытая блестящими каплями сгустившегося на листках тумана, улыбнувшись друг другу девять мраморных муз, порозовело небо над долиной, и Розовый павильон[3] стал красным от восходящего солнца.

Отшептались ночные приведения... Исчезли вместе с ночью в неведомые миры, унося с собою милую старину, невинною своей стариной, прощенную нами, как прощаем мы засушенной розе, сувениру первой, давно прошедший любви, случайные уколы ее еще цепких шипов.

Там, около муз, взвилось легкое маленькое облачко не промокшей от росы пыли под свежей шелестящей метлой полукругами легли поперек дорожки следы ее прутьев и каемкой по бокам приютился чуть-чуть влажный темный сор — подметают парк.

Еще пусто в нем, еще некому сменить его приведений, еще некому перочинными ножами вырезать на скамейках пронзенные ножкой сердца, еще некому увековечивать Пусю или Марусю на пьедесталах статуй и тревожить листья деревьев высоко подкинутым диаболо. Но нет уже святыни в нем, нет уже прошлого, оно ушло вместе с отшептавшими свои комплименты ночными приведениями.

Покашливая и хрипя старческим дыханием, выползают на дорожку старички-сторожа, и уж из Тярлева[4] пробирается малый в ситцевой рубахе, полуприкрытой черной жилеткой. Серебряная двойная цепь бьется об его, еще по утреннему холодку непотную грудь, и загорелая шея силится оторвать пуговицы ворота, придавленная двухпудовой корзиной с зеленью.

В городе, проходя мимо чахлых палисадничков и балконов, прикрытых парусиновыми занавесками, заорет разносчик не своим лошадиным голосом: «Огурцы свежие, огурчики! Спаржа, капуста цветная, шпинат, салат! Клубника, вишня владимирская!», и барышни еще в утренних капотах, на босу ногу, либо кухарки, начнут с ним торговаться и называть его мошенником.

Уже давно засвистели на станции паровозы, вспоминая где-то слышанную берестяную дуду, собираются на их свист мужья с портфелями и саквояжами.

Девственную чистоту только что подметенных дорог портят колеса извозчиков, и окурки, измусоленные невыспавшимися, зевающими ртами, уже белеют кое-где возле придорожной травы. А по длинным и ровным доскам платформы степенно шагают газетчики, предлагая в окна вагонов газеты.

Попозднее, когда уж повыше солнце, появляются на вокзале провожающие жены и дочери в белых платьях и кокетливых шарфах, и начинают опираться на барьер платформы в независимых позах молодые люди в соломенных шляпах и гимназисты в кителях, с тросточками.

Полдень. Ярко зеленеет плесень и тина на черных прудах в минуту разрыва облаков и контрабандного солнца. На лавочках, в парке, появились свежевставшие дачницы с зонтиками, усиленно пугающиеся при каждом шорохе и шелесте. Почему? Кого пугаются они? Знакомого ли Ивана Ивановича, в сереньких брючках и желтых башмаках[5], или угрюмого босяка, неизвестно откуда доставшего кавалерийскую галошу с медным задком на левую ногу? Если босяк и попросит свирепым голосом у них гривенник интеллигентному труженику, так ведь оне все равно не дадут и привычно хладнокровно выслушают его прощальную брань (если нет свидетелей), а Иван Иванович?.. Иван Иванович носит модные галстухи и, цитируя Брюсова, тоже ищет «ключей счастья»[6].

Промелькнули между деревьев два велосипеда — дамский и мужской, унося подростка в настоящей дамской прическе и франтоватого кадета, на ходу издевающегося и роняющего в глазах возлюбленной отставшего гимназиста, тоже на велосипеде.

А в самой глуши, около памятника — храма, который не всякий павловец отыщет, мечтает на скамеечке эстет пожилых лет, наслаждаясь отпуском и предвкушая гулянье на музыке, где так много молоденьких и хорошеньких. Он знает все статуи парка, знает все памятники и павильоны, интересуется художественными изданиями и даже выработал себе особый способ наслаждаться природой из окошка вагона-ресторана курьерского заграничного поезда. Сидит он в Павловске потому, что, во-первых, нет денег на поездку заграницу, а, во-вторых, потому, что русский ампир теперь в моде, и, значит, надо восторгаться всяким кусочком его, а в Павловске так много этих кусочков.

И вот сидит он у храма, смотря на колонны и статуи, пока не спугнет его экскурсия приехавших из города учительниц в разнокалиберных шляпах с громко объясняющим достопримечательности господином, у которого морской бинокль в футляре и сквозные сандалии на белых пыльных носках. И неестественный вид их прогонит его на ферму пить молоко и кормить густо рассыпанных кур, где встретится он с такими же эстетами, либо с эстетками-дамами.

На коричнево-желтой песчаной площадке у вокзала в это время снуют няньки и дети, сидят на лавочках гувернантки и пестрые серсо[7] летают с палки на палку и пестрые мячики играющих в школу девочек подпрыгивают, шелестя гравием. Музыканты репетируют из-за закрытых дверей доносятся до пруда и тонут там звуки оркестра.

Часов с пяти, с шести начинается съезд сперва мужей, а потом и музыкальных посетителей.

Вдруг разрывается плотина извозчиков. Свищут кнуты, ругань и треск столкнувшихся пролеток, стук мягких колес и голос городового, – все это мешается с топотом поспешных ног, отягченных покупками, и только громадное облако пыли да вдруг наступившая тишина дают возможность понять, поразмысливши, что это не штурм неприятеля, а мужья.

Так подходит поезд за поездом и все меньше приезжает мужей и все больше народу остается на вокзале, и если не обедает в буфете, то растерянно бродит по площадке около вокзала, точно боясь перейти мостик и заблудиться в парке. Из сотни тысяч петербуржцев, ездящих летом в Павловск, дай Бог, чтобы сороковая часть хоть

немного знала парк; в лучшем случае, дойдет петербуржец до Розового павильона и торопится поскорей обратно на музыку, на народ. И чужие, несвойственные Павловску дневному типы наполняют собой, точно тараканы в тазу, площадку вокзала.

За проволочной решеткой молодая девушка, мальчик и студент с кадетом играют в теннис. Точно в зоологическом саду перед клеткой обезьян, собирается перед решеткой публика и смотрит, дивясь, как на заморское чудо. Играют средне. Но и при средней игре быстро летят мячи и звонко гудят ракеты...

К теннису подходит юнкер в шинели внакидку и нафабренным усом, а рядом с юнкером идет, играя зонтиком и вертя головой во все стороны, девица. На первый взгляд она очень прилично и даже шикарно одета, но розовые чулки при желтых туфлях и бордовом жакете несколько понижают ее социальное положение отсутствием вкуса. Она кокетничает, она флиртует и поэтому, как вообще большинство русских недалеких барышень, она засыпает своего кавалера вопросами, касающимися только того, куда глаза ее глядят, а глаза у нее бегают с быстротой молнии и приправляет она свои реплики бесконечными «что»:

— Слушайте, вы в теннис играете? Что? Слушайте, так играете? Что? Что вы все сочиняете, то играете, то не играете? Что? Вы мороженое любите? Что? А Надсона стихи знаете[8]? Что? Так в Сестрорецк поедете? Что? Что вы все сочиняете, то едете, то не едете? Что?..

Вчера в Павловском театре Н.В. Плевицкая[9] давала концерт и толпа на музыке сильно поредела, отвлеченная ею.

В театре, в самом настоящем, не дачном театре было полным полно.

Сидят все в шляпах и с палками и зонтиками; только один какой-то плотный, довольно высокого роста мужчина, хоть и не жарко, прицепив свое канотье к пуговице раздувшегося жилета, протискивается вслед за хорошенькой дамочкой, утирая красный лоб измятым платком. Я видел его раньше; целый день он так бегал за своей дамой, принадлежащей к разряду двужильных, и утомился.

Долго не начинают. Публика верхов, не стесняясь, кричит «пора» и стучит палками и кулаками. За занавесью с видом руин Павловского парка раздаются звонки. Занавес поднимается, наконец, и выходит Доброхотов[10] с балалайкой. На лицо его направляют два прожектора с боков, он гримасничает, но игра его, даже принимая во внимание эту неприятность, очень и очень посредственна. Если лавры Трояновского[11] ему не дают спать, то он еще долго, вероятно, до самой смерти, будет страдать бессонницей.

Ермилов[12], сменивший его, рассказывал, страшно волнуясь, путаясь и торопясь, отрывок из Успенского «Старушки-странницы»[13] и затем ряд негодных собственных рассказов.

Когда вышла Плевицкая, публика прямо застонала от удовольствия, так наскучили ей предшествовавшие исполнители.

Вчера Плевицкая была особенно в ударе. Ее лицо, оттененное ярко-красным под сарафаном платьем, мимировало на редкость. Я говорю о платье и лице Плевицкой потому, что нельзя только слушать Плевицкую, — ее надо смотреть. Очарование ее исполнения, сила ее таланта не в одном только голосе, во всем — и в лице, и в руках, и платье. Поэтому так неудачны все ее подражательницы. Ее самородный талант настолько велик, прост и естественен, что подражание невозможно.

Вчера она спела несколько новых вещей, очень хороша была «Лучинушка»[14].

Зачем только Плевицкая подбирает такой плохой антураж[15]?

Кончилась музыка, кончился концерт, разошлась гудящая толпа, опустела площадка у вокзала, замер парк. Изредка только взвизгнет в нем от избытка чувств горничная, да свистят уходящие переполненные поезда.

На террасе буфета ужинают кавалеры и дамы в шляпках с эспри, при зажженных канделябрах снуют лакеи, а из темноты за барьером следят за несколькими приехавшими знаменитостями жадные глаза поклонников и поклонниц.

Но вот с последним поездом, веселым и пьяным, уехали все, опустел буфет, мелькают только белые салфетки лакеев в погоне за крошками хлеба.

Кончился Павловский день. Вокзал потух, ушла из парка последняя горничная, и старые деревья, покрывшись ночным туманом, ждут своих ночных гостей, тех, к которым они привыкли в детстве — фрейлин, похожих на Рекамье, и кавалеров их, тонных и учтивых в любовных комплиментах.

Примечания

[1] *День*. 1913. № 165, 23 июня. С. 4. Подпись: *Потемкин.*

[2] *Мадам Рекамье* — (урожд. Жюли Бернар; 1777–1849) одна из блестящих светских женщин, приятельница мадам де Сталь, многолетняя возлюбленная Шатобриана, хозяйка салона в Аббеи-о Буа. Мария Феодоровна (1759–1828), до перехода в православие — София-Мария-Доротея-Августа-Луиза (Sophia Marie Dorothea Augusta Luisa von Wurttemberg) — российская императрица (с 1796, с 1801 вдовствующая), вторая супруга „императора Павла I, мать Александра I и Николая I. Умерла в Павловске.

[3] *Розовый павильон* — одно из самых известных сооружений Павловского садово-паркового комплекса; строительство Розового павильона началось в 1807 году по проекту А.Н. Воронихина вблизи Парадного поля.

[4] *из Тярлева* – деревня, служившая дачным поселком; расположена на берегах Тярлевского ручья и реки Славянки, на юге примыкает к Павловскому парку.

[5] Собирательному образу обывателя, «Ивана Ивановича Иванова», был посвящен специальный выпуск журнала «Сатирикон» за 1913 г. (№ 34).

[6] «Ключи счастья» — имеется в виду сочинение писательницы Анастасии Николаевны Вербицкой (урожд. Зябловой; 1861–1928) «Ключи счастья. Современный роман» (Кн. 1–6, 1909–1913) пользовавшееся огромным успехом у широкой публики. Это был образец пошловатой второсортной беллетристики. В 1913 г. В. Гардин и Я. Протазанов поставили двухсерийный фильм по роману и сценарию Вербицкой. Одним из рецензентов первого фильма серии был и П. Потемкин. Его статья «Покаяние Вербицкой» была опубликована в газете «День» (№279, 15 октября 1913, стр.6).

Упоминание имени Брюсова в связи с названием романа Вербицкой, позволяет Потемкину бегло обрисовать образ героя: цитируя Брюсова, он хочет показать себя адептом идеи «чистого искусства», а сам ищет «ключи счастья» — т. е. земной, плотской любви.

[7] *и пестрые серсо — Серсо (*от фр. *cerceau)* — обруч.

[8] *А Надсона стихи знаете? — Семен Яковлевич Надсон* (1862–1887) — русский поэт, стихи которого были чрезвычайно популярны и служили знаком принадлежности к «массовой культуре» своего времени.

[9] *Надежда Васильевна Плевицкая* (урожд. Винникова; 1884–1940) — знаменитая русская певица (меццо-сопрано), исполнительница популярных русских и цыганских народных песен, романсов.

[10] *Александр Дмитриевич Доброхотов* (1888–1938) — балалаечник-виртуоз; см. о нем в кн.: Близнюк М. И. Прекрасная Маруся Сава: Русская эмиграция на концертных площадках и в ресторанах Америки. М.: Русский путь, 2007. С. 37–39.

[11] *Борис Сергеевич Трояновский* (1883–1951) — музыкант-самородок, благодаря игре не балалайке прозванныый «русским Паганини». В 1904–1911 был солистом Великорусского оркестра В. В. Андреева.

[12] *Владимир Евграфович Ермилов* (1859–1918) – эстрадный чтец, актер, литератор, редактор еженедельника «Народное благо», педагог; участник народнического движения.

[13] *отрывок из Успенского «Старушки-странницы»* — Вероятно, имеется в виду приспособленная для исполнения со сцены редакция рассказа Глеба Ивановича Успенского (1843–1902) «“Бес вселился” (Рассказ богомолки)» (1873), в издании 1891 г. объединенный автором вместе с рассказом «Скоромная щука» (1878) под общим заглавием «Богомолка»; возможно, поэтому Потемкин называет рассказ «отрывком».

[14] Песня «Лучинушка» (слова Н. А. Панова) входила также в репертуар Ф.И. Шаляпина.

[15] Псевдонародный антураж выступлений Плевицкой (*Славской*) стал предметом иронического изображения в рассказе В. В. Набокова «The Assistant Producer» («Помощник режиссера», 1943).

Путь к читателю

Аркадий СОКОЛОВ

ЗАЧЕМ БИБЛИОТЕКИ ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ?

Нелепый, казалось бы, вопрос. До сих пор не было цивилизаций, обходящихся без библиотечных учреждений; добрые пять тысяч лет библиотеки одухотворяли и просвещали человечество, были хранилищами социальной памяти и обителями культурного досуга. Почему нужно обосновывать их востребованность в грядущем информационном обществе? Отвечу кратко: потому что мир в целом и Россия в частности стремительно и радикально изменяются, потому что мы стоим перед лицом глобальных вызовов и угроз, которых прежде не было. Поэтому и библиотекам не избежать кардинальных изменений, а может быть, и летального исхода. Я написал эту статью для того, чтобы уяснить рационально, а не эмоционально, есть ли твердые гарантии сохранения библиотечного социального института в условиях информационного общества.

В наши дни перспективы развития человечества связываются со становлением Глобального информационного общества, которое понимается как «ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ВВП, созданием глобального информационного пространства, которое обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах»[1]. Разные авторы приводят обширные перечни особенностей вновь возникающего обще-

---

Аркадий Васильевич Соколов родился в 1934 году, окончил Военно-механический институт, Северо-Западный политехнический институт. Заслуженный деятель культуры РФ, действительный член Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации; почетный член Государственного университета профсоюзов. Автор более 500 публикаций в области информатики, библиотековедения, социальных коммуникаций, педагогики, социологии, культурологии и философии. Живет в Санкт-Петербурге.

ства, в том числе повышение роли личности в социальных процессах, трансформации культуры, изменение статуса науки, обострение экологических, демографических и других глобальных проблем. Для определения роли библиотек в грядущем информационном обществе, на мой взгляд, решающее значение имеют две сущностные особенности информационного общества: во-первых, формирование *информационного рынка* — системы экономических, правовых и организационных отношений между людьми по торговле информационными технологиями, информационными продуктами и услугами; во-вторых, становление нового рода коммуникационной культуры — *электронной коммуникации*, основанной на радиоэлектронных средствах связи. Фундаментом электронной коммуникации, супермагистралью информационного рынка и общества в целом служит Всемирная система Интернет.

Для библиотек, традиционных хранилищ информации и знаний, информационный рынок, где торгуют информацией и знаниями, оказался закрыт, потому что их услуги бесплатны. В силу этого книгохранилища, финансируемые государством или бизнесом, не создают добавленной стоимости, никакого вклада в ВВП не вносят, не способны к самоокупаемости и являются бременем для экономики информационного общества. (Точнее говоря, наши экономисты-материалисты не умеют представить создаваемый библиотеками духовный продукт в денежном эквиваленте.) По этой причине в технократических концепциях информационного общества главный акцент делается на информационно-коммуникационные технологии, а книга и библиотеки не упоминаются вообще или фигурируют в качестве «объектов информатизации». Бумажные носители отвергаются, потому что информация и знания в информационном обществе должны воплотиться не в архаичные документные фонды, а в электронные (оцифрованные) информационные ресурсы глобального масштаба с возможностями доступа из любого места и в любое время. Интернет уже сегодня обеспечивает библиографический поиск и электронную доставку документов более полно и оперативно, чем традиционные библиотечно-библиографические учреждения. На книжном рынке назревает бум ридеров (e-book). В итоге создается впечатление, что электронная коммуникация успешно вытесняет документальную коммуникацию, что грядущее информационное общество немыслимо без ридеров и Всемирной системы Интернет, а без библиотек вполне может обойтись.

Опасаясь оказаться в качестве изгоев грядущего информационного общества, библиотечные руководители энергично инициируют программы автоматизации, информатизации и компьютеризации библиотечных процессов, проекты построения электронных библиотек, сводных каталогов, корпоративных библиотечных сетей, служб виртуального библиографического обслуживания и т. п. Работы ведутся широким фронтом во всем мире, и значительные капитальные затраты оправдываются обещаниями резко поднять качество библиотечно-библиографического обслуживания при сокращении производственных издержек и, самое главное, гарантиями вхождения в информационное общество в качестве полноправного члена. Информатизация библиотек означает, что они изменяют свою коммуникационную сущность: выходят из документальной коммуникации и становятся элементом электронной коммуникации. Я называю такую метаморфозу *«разбиблиотечивание»*.

1. Разбиблиотечивание — пропуск в информационное общество

Что понимается под «разбиблиотечиванием»? Этот неблагозвучный термин означает такое преобразование библиотеки, когда она утрачивает свои сущностные, необходимые и обязательные качества. Интеллигент-просветитель Ф. Ф. Павленков в

своем «Энциклопедическом словаре» (1905) лаконично объяснял: «***Библиотека*** — более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом». Современная Библиотечная энциклопедия (2007) предлагает модернизированную терминологически, но по сути ту же классическую формулировку: «***Библиотека*** — учреждение для сбора, хранения произведений печати и других документов, а также пользования ими»[2]. Следовательно, библиотеке необходимо присущи, по крайней мере, два существенных признака: книжный фонд и читатели библиотечных книг. Это главные признаки: без книг и читателей библиотекари перестают быть библиотекарями, а пустующие книгохранилища и читальные залы библиотечными пространствами назвать нельзя. Разбиблиотечивание означает «симуляцию книг и читателей»; оцифровывание фонда — замена книг их суррогатами, а телекоммуникационное обслуживание — виртуализация читателей. В результате получается, как говорят французские постмодернисты, *симулякр*, то есть знак, обозначающий то, чего нет.

Учреждение, именовавшееся раньше «библиотека», теперь отсутствует, а вместо него появился информационный центр, центр электронной коммуникации, который можно из уважения к его происхождению назвать «электронной библиотекой», но точнее было бы «информаторий». Здесь рукописные и печатные книги станут исполнять роль музейных экспонатов, господствовать же будет *безбумажная*, а не книжная коммуникация. Бывшие интеллигенты-книжники превратятся в информационных менеджеров, аналитиков-синтезаторов информационных ресурсов, навигаторов в глобальных информационных сетях, в лучшем случае — в инструкторов по освоению информационной культуры.

Информатизация библиотечных технологий, предусмотренная в технократических проектах, уже произошла или находится в процессе реализации. Государственная программа «Информационное общество (2011 – 2020)» предусматривает «создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек». Если считать, что библиотек не бывает без книг и читателей, то оцифрованные фонды с удаленным доступом нужно называть не «библиотечным ресурсом», а «информационным ресурсом», точнее, «разбиблиотеченным национальным ресурсом информационного общества». Складно получается: если в неинформационном обществе были библиотеки, то в информационном обществе должны быть не библиотеки, а информационные службы с электронными каталогами и оцифрованными фондами. Выходит, информационное общество в библиотечных книгохранилищах не нуждается. Есть свидетельства, подтверждающие этот абсурдный, казалось бы, вывод.

2. Тенденция разбиблиотечивания российского общества

Назову три факта, свидетельствующие о процессе разбиблиотечивания России в последние десятилетия.

Первый факт. Библиотечное строительство, то есть расширение и укрепление сети библиотек, отсутствует. Напротив, без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется *политика свертывания библиотечных сетей*. Практически распались сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических

библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Единственным конструктивным достижением последних лет является открытие в мае 2009 года Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. Эта библиотека получила статус *национальной электронной библиотеки* и представляет собой типичный информаторий, располагающий информационным ресурсом в виде оцифрованных фондов документов, изданий и мультимедийных материалов и обеспечивающий широкий дистанционный доступ различных категорий пользователей к этому ресурсу. Согласно исходной концепции библиотеки (2007), на нее возложены «организация интегрированного поиска по электронным каталогам российских библиотек, архивов, музеев и других учреждений, создание и поддержание единой точки удаленного доступа к официальным сайтам Президента Российской Федерации, органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий, общественных объединений и иных структур гражданского общества», а также «активное содействие формированию информационных потребностей общества и удовлетворение этих потребностей посредством современных компьютерных технологий; координация вопросов унификации и использования стандартов в сфере использования электронных информационных ресурсов и электронных носителей информации в государственных учреждениях».

Второй факт — увеличивающаяся *дисфункция (деградация) чтения* в нашей стране. Напомню некоторые цифры. Социологи, изучавшие чтение в России начала 90-х годов (руководитель С. Н. Плотников), разделили население страны на четыре категории: а) читают практически постоянно — около 20 %; б) читают две и более книг в месяц — 25 %; в) читают одну-две книги за полгода — 35 %; г) совсем не читают — более 20 %[3]. Оказалось, что лишь 1/3 людей с высшим образованием читает постоянно, 1/3 читает две и более книг в месяц, остальные обходятся без чтения литературы. Данные, опубликованные социологами чтения в 2000-е годы, подтверждают это заключение[4]. Для современной молодежи главным коммуникационным каналом давно уже стал Интернет, а красочные изображения мультимедиа успешно конкурируют с типографской продукцией. Все меньше и меньше книголюбов, проявляющих, как говорят, «рудиментарные интеллигентские читательские установки». Если дисфункция чтения будет усугубляться, то разбиблиотечивание страны произойдет автоматически. В самом деле, если русские люди перестанут читать книги, зачем содержать пустующие библиотеки? Боюсь, что уже сегодня очень немногие налогоплательщики встревожатся, если вместо филиала ЦБС на их улице появится частное интернет-кафе.

Третий факт. *Государственная политика информатизации общества*. В 1995 году Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации»; в том же году Администрация Президента РФ разработала «Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». В конце 1998 года Государственная Дума одобрила «Концепцию государственной информационной политики»[5]. В русле этой политики находится «Концепция формирования информационного общества в России», предложенная Государственным комитетом Российской Федерации по связи и информатизации в мае 1999 года[6]. На международной арене информационная политика нашего государства проявилась в присоединении России к «Хартии Глобального информационного общества», принятой на саммите стран «большой восьмерки» (июль 2000 года, Окинава). С положениями Окинавской хартии была согласована Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)»[7]. В феврале 2008 года Совет Безопасности Российской Федерации одобрил новый директивный документ — «Стратегию разви-

тия информационного общества в России»[8]. Поскольку программа «Электронной России» оказалась исчерпанной, в 2010 году Министерство коммуникации и связи разработало новую Долгосрочную целевую программу «Информационное общество» на 2011—2020 годы с общим объемом финансирования 3788 миллиардов рублей[9].

Названные концепции, стратегии, хартии единогласно обещают нам: «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники и коммуникации»; «полноценную жизнь и эффективную деятельность человека в информационном обществе XXI века», «согласование интересов граждан, общества и государства»; «использование материальных и духовных благ информационной цивилизации для того, чтобы обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности». При этом ни в одном официальном документе, ни в одной концепции, стратегии или программе, нацеленной на построение в России информационного общества, нет слов «книга» или «чтение».

Напрашивается безрадостный вывод: наши государственные мужи представляют будущее российское общество как общество *нечитающее и бескнижное*. Не случайно же у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Если исходить из буквы и духа государственных стратегических установок, то библиотекам следует считать главной *информационную функцию* и видеть свою миссию в удовлетворении информационных потребностей читателей на основе информационных порталов Президентской библиотеки и других информационных ресурсов. Следовательно, отодвигаются на задний план полиграфическая книга и общедоступная библиотека — *орудия гуманистического просвещения и одухотворения человечества*, завещанные предыдущими веками. Взамен предлагаются Интернет и мобильная телефония — замечательные плоды передового западного технократизма.

Возникают опасения, не приведет ли такая государственная стратегия к дегуманизации информационного общества? Эти опасения решительные технократы отводят заявлением, что модернизированная библиотека, использующая ресурсы Интернета, будет лучше служить современному обществу, чем гуманистическая библиотека, основанная на технологиях «времен парусного флота», потому что она будет оперативнее, дешевле, комфортнее выполнять требования пользователей. Может быть, технократы правы? Зачем в информационном обществе архаичные учреждения-иждивенцы, неспособные вписаться в информационный рынок и не создающие экономически осязаемой добавленной стоимости? Ведь государственные программы информатизации, игнорирующие библиотеки, обещают «обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности» (см. выше). Чтобы удостовериться в правдоподобности этого обещания, заглянем в будущее, учитывая предположения, выработанные проницательными футурологами.

3. Некоторые особенности информационного общества

Начавшееся столетие позиционируется как «информационная эпоха» и вместе с тем как эпоха глобальных угроз и «вызовов» человечеству. Случайно или закономерно, но получилось так, что в историческом времени совпали *две мегатенденции*, определяющие будущее человечества: информатизация и глобализация[10]. Мегатенденции не обособлены, а, напротив, взаимосвязаны и даже взаимообусловлены.

Процессы глобализации прокладывают человечеству путь в глобальное (всемирное) многонациональное общество. Вместе с тем разрешение большинства глобальных проблем требует постоянного и оперативного информационного взаимодействия в планетарном масштабе, которое можно обеспечить только в рамках информационного общества. Получается, что построение глобального информационного общества — ключевая проблема и конечная цель как мегатенденции информатизации, так и мегатенденции глобализации. Мегатенденции в значительной степени предопределяют социальные и политические проблемы информационного общества, имеющие отношение к будущему библиотечного института. Назову некоторые.

1. Глобальной экономической проблемой являются диспропорции в мировой экономике, когда совокупное богатство 225 богатейших людей планеты равно ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих более 40 % человечества. Экономически абсурдна ситуация, когда общее состояние трех богатейших миллиардеров превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 беднейших стран. Либеральные футурологи не видят способа уменьшить пропасть между богатыми и бедными и почти единодушно предсказывают, что в наступившем столетии она будет только увеличиваться. Поэтому не кажется вздорным афоризм, что экономическая глобализация — «финансовое насилие в планетарном масштабе». Боюсь, библиотекам не удастся избежать последствий этого насилия.

2. Глобализация обеспечивает всемирные масштабы коммуникации, широчайшие возможности культурного обмена и туризма, она создает безграничные, казалось бы, возможности для просвещения, взаимопонимания, культурного прогресса, сотрудничества всех народов Земли. Однако неуправляемая, неконтролируемая глобализация несет массу отрицательных последствий. Благодаря электронной телекоммуникации, в разных регионах модернизируется восприятие действительности, изменяются стиль жизни и ценностные ориентации людей. В качестве идеала представляется вестернизированное космополитическое сообщество, и «экспансия унифицированных образцов поведения, чужеземных культурных обычаев, норм, ценностей угрожает самому существованию множества самобытных национальных культур, а потому вызывает негативную реакцию, протесты антиглобалистов»[11]. В этой ситуации очень важную социально-культурную миссию могут выполнить библиотеки как хранилища национальной культуры.

3. Нарастает угроза «столкновения цивилизаций», о котором предупреждал американский политолог Сэмюэл Хантингтон[12]. По мнению политолога, в XXI веке доминирующим фактором мировой политики станут кровопролитные межэтнические столкновения. Аргументами в пользу неизбежности цивилизационных конфликтов служат такие социально-демографические проблемы, как всемирная урбанизация, рост нищеты и социальной неустроенности в многомиллионных мегаполисах (Мехико — 24 млн, Сан-Паулу — 23, Бомбей — 15 и т. д.), безработица в развивающемся мире (в 2000 году 1,7 млрд человек, к 2025 году прогнозируется более 3 млрд). Особенно острой является проблема миграции в богатые постиндустриальные страны. Во многих европейских странах иностранцы-неевропейцы уже составляют более 10 % населения, пробуждая ксенофобию и социальную напряженность.

4. В области международных отношений предсказывается *управляемый хаос*, характеризующийся следующими явлениями: перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень и появление новых субъектов власти, таких, как международные регулирующие органы и неформальные центры влияния; конкуренция между США и другими претендентами на мировую гегемонию; формирование новых социальных общностей — мирового Севера и мирового Юга, помимо ранее существовавших Запада и Востока[13]. Международные отношения перестают

быть сферой, где формально равные и суверенные члены выстраивают коалиции, взаимодействующие друг с другом; теперь возникает глобальная иерархия, на вершине которой «большая семерка», НАТО и т. п., а на противоположном полюсе «отверженное племя государств-париев». В этих условиях нормой становятся глобальные финансово-экономические кризисы, возрождение архаических ценностей и тоталитарных режимов, распространение оружия массового поражения и угрозы его применения, всемирное распространение криминальных структур, превращение терроризма в «системный» компонент информационного общества. Выйдут ли библиотеки на международную арену? Не знаю. Зато в национальных структурах без них не обойтись.

5. Информационное общество видится многим футурологам не равноправным содружеством соотечественников, а расколотым на два «полюса социального противостояния»: 1) высшая страта *меритократов* («лучших людей»), представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, имеют в собственности или свободно распоряжаются необходимыми им условиями производства, занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии; 2) низшая страта, состоящая из рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые отличаются невысокой образованностью и движимы, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг. Антагонистический раскол — постоянный источник социального напряжения в информационном обществе.

Особенность социального антагонизма будет состоять в том, что принадлежность к господствующей страте обусловливается не наследуемым социальным происхождением или материальной собственностью, а владением *интеллектуальным капиталом* — образованностью и творческими способностями. Изначально заложенное в недрах информационного общества антагонистическое противоречие, как доказывает в своих книгах экономист-футуролог В. Л. Иноземцев, гораздо более фундаментально, чем противостояние пролетариата и буржуазии. Дело в том, что способности, обеспечивающие процветание меритократов, не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены. Дополнительный драматизм ситуации придает то, что рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте, потому что умственное развитие и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превращается в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя. Размежевание страт информационного общества не может не сказаться на практике чтения и на потребности в библиотеках. Количество читателей в библиотеках и число публичных библиотек будет сокращаться, оправдывая государственную политику *«разбиблиотечивания общества»*.

6. Страта меритократов, состоящая из талантливых создателей новой техники и высокопродуктивных технологий, монопольно владеющая основным хозяйственным ресурсом, которым являются информация и знания, обеспечит информационному обществу интеллектуальное развитие, материальное благополучие, социальный комфорт и техническое могущество, включая оружие массового поражения, о которых предыдущие поколения только мечтали. Однако необыкновенное интеллектуальное развитие высшей страты не гарантирует *гуманизации* информационного общества, расколотого на господствующее меньшинство и обездоленное большинство. А. А. Зиновьев в своем «социальном романе» «Глобальный человейник» (1997) утверждает, что антагонизм богатых и бедных сохранится в процветающем западном

обществе, а население незападного мира будет по-прежнему «влачить жалкое существование вне всяких эпох и постэпох». Он предвидит повсеместно ожесточенную борьбу между элитой и трудящимися массами, которая чревата самоуничтожением цивилизации. Элита обособится в неприступных и комфортабельных поместьях, поскольку «гораздо легче защитить отдельные категории людей от испорченной природы, чем спасти природу от порчи, исходящей от этих людей».

Из сказанного следуют ***три вывода***. Во-первых, в условиях антропогенно перегруженной Земли опасно обострились глобальные проблемы: перенаселение планеты; преодоление экологического кризиса; борьба с голодом, нищетой и болезнями; рациональное использование природных благ; сохранение мира, укрепление всеобщей безопасности и разоружение. В последнее десятилетие статус глобальных проблем приобрели международный терроризм и торговля наркотиками[14]. Мегатенденции глобализации и информатизации не разрешают, а, напротив, усугубляют угрозы существованию человечества.

Во-вторых, невиданный рост научно-технической мощи и экономического богатства соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Если гуманизм основан на сотрудничестве и взаимопомощи, на равноправии и толерантности, на взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их разновидностях. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей*. Как достичь нужного уровня гуманизации сознания — это главный вопрос в повестке дня XXI века. Главнее и сложнее, чем вопросы глобализации и информатизации.

В-третьих, гуманизация человечества, его духовное возрождение возможно только в том случае, когда знания и искусство, идеалы и мудрость, воплощенные в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но без участия библиотечного социального института не обойтись ни в коем случае. Именно библиотеки, опираясь на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способны и должны выступить в качестве ***гуманистического символа нации***[15]. Возникает, естественно, вопрос: почему этим символом не могут стать разбиблиотеченные информатории, почему нужно сохранять библиотеки в классическом их воплощении, то есть как «более или менее значительное собрание книг; место, откуда отпускают на определенных условиях книги для чтения на месте или на дом» (Ф. Ф. Павленков)? Разберемся внимательно в этом вопросе.

4. Магия книги и магия Интернета

Библиотеки и информатории принадлежат различным сферам социального мира: естественно-исторически сложившейся социосфере и искусственно созданной техносфере. Естественная социосфера обладает двумя родами коммуникации: устной коммуникацией, основанной на естественном языке, и документальной, в том числе книжной, коммуникацией. Письменность, книжность, библиография, библиотеки есть естественное достояние народов и наций — результат многовекового и коллективного духовного творчества. Техносфера в последние десятилетия обогатилась

глобальной (международной) электронной коммуникацией, основанной на информационно-коммуникационных технологиях. В результате в области социальной коммуникации возникла контроверза (разногласие, спор) между естественными и искусственными коммуникационными средствами. По существу, это спор о гуманизме. Естественно сложившиеся средства *гуманистичны*, потому что они привычны и антропоморфны (соответствуют природным кондициям человека), а искусственно созданные (техногенные) средства не столь очеловечены, но зато они более производительны, оперативны, комфортны. На основании технических преимуществ электронная коммуникация претендует на вытеснение архаичной книжности, несмотря на гуманистические качества последней. На наших глазах такое вытеснение происходит, и разбиблиотечивание общества тому пример.

Выскажу гипотезу. Если под ***магией*** понимать неотразимое воздействие на человека таинственной (рационально необъяснимой) силы, то можно обнаружить магию книги и магию Интернета. Лауреат Нобелевской премии по литературе Герман Гессе (1877–1962) написал в 1930 году небольшое эссе «Магия книги», которое завершил словами: «За сложнейшими сплетениями бесчисленных языков и книг, созданных за многие тысячи лет, читателю в моменты озарения предстает удивительно возвышенное и сверхреальное видение — лик человека, тысяча противоречивых черт которого претворены в единое целое магией книги»[16]. Магия книги заключается в том, что она содержит часть духовности своего автора, которая взывает к духовности читателя. Если получается резонанс, встреча двух родственных духовностей, появляется пламя духа, обжигающее память. Поэтому Книгу можно перечитывать неоднократно, каждый раз находя в ней новое содержание. Магии книги и интимности чтения посвящены поэмы и мемуары, диссертации и монографии, афоризмы и учебные пособия, припомнить которые нет никакой возможности.

Интернет — явление новое, но уже подчинившее себе целые субкультуры интернетоманов (киберпанков), где немало интеллектуалов, обладающих развитым чувством собственного достоинства и публично бросающих дерзкий вызов традиционному истеблишменту. Ярким документом в этом отношении может служить *Декларация независимости Киберпространства*, сочиненная Джоном Барлоу. Вот некоторые тезисы этой декларации.

«Правительства Индустриального мира, вы утомленные гиганты из плоти и стали; моя же родина — Киберпространство, новый дом Сознания. Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства. Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприложимы. Они основаны на материи — здесь материи нет. Мы верим, что наш способ правления возникает на основе этики, просвещенного эгоизма и общего блага. Ваши законы провозглашают, что идеи — всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человечной и честной, чем мир, который создали ваши правительства»[17]. Таким образом, предлагается перенести информационное общество из социальной реальности в виртуальное Киберпространство.

Магия книги и магия Интернета увлекают людей в виртуальные миры, но миры принципиально различные: книга приглашает своих читателей в психогенный мир,

созданный естественным человеческим общением, а киберпространство Интернет — это техногенный мир, живущий по законам (алгоритмам) техносферы. Литература, подобно всем видам искусства, способна воздействовать не только на рациональную, но и на эмоциональную сферу людей, пробуждая сочувствие и гнев, «чувства добрые» и катарсис. Интернет переполнен знаниями (фактами и концепциями), но обделен эмоциями и волевыми устремлениями. Поэтому книжная коммуникация гуманистична, а электронная коммуникация рационалистична. Интернет — симулякр духовности собеседника (которого нет), он апеллирует к рациональному сознанию и сопутствующим эмоциям посредством механически генерируемых сообщений. В диалоге человек-машина живое пламя духа присутствует только на стороне человека, а на стороне машины — бездуховные симулякры. Впрочем, рационального пользователя редко волнует волшебная власть слова; чаще всего ему нужна простая информация. Здесь Интернет незаменим: он мгновенно выдает нужную справку, сообщает новость, передает письмо, знает все, судит обо всем, создавая иллюзию информационного всемогущества — «магию Интернета». Взыскующую самореализации молодежь очаровывает иллюзорная жизнь, проживаемая в искусственном виртуальном мире, поэтому ряды «невольников Сети» постоянно растут, ряды же почитателей книги неуклонно сокращаются.

Согласно официальным данным, 37 % взрослого населения России (43,3 млн человек) в 2010 году были пользователями Интернета, что составляет примерно 10 % всех европейских интернет-пользователей[18]. В этом же году социологи чтения установили, что 20 % россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, за последние 15 лет увеличилась до 35 %[19]. Таким образом, информационная магия Интернета явно пересиливает гуманистическую магию книги. Если сегодня дегуманизация российского общества внушает пессимистическую печаль, то что же ожидает наше разбиблиотеченное общество завтра?

Уместно вспомнить известное пророчество *Дмитрия Сергеевича Лихачева* (1906–1999): «Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами»[20]. Возможно, Дмитрий Сергеевич, историк древнерусской литературы, не испытавший прелести глобализации и информатизации, излишне недоверчив к электронной коммуникации. Может быть. Но ведь проблема гуманизации человеческого общества и компенсации катастрофических последствий его дегуманизации действительно существует и обостряется угрожающим образом.

Некоторые ученые-футурологи полагают, что человек, выросший в искусственных условиях информационной среды, должен претерпеть органическую трансформацию, изменить свою природу и из банального homo sapiens или homo economicus превратиться в *homo informaticus*. Распространено мнение, что homo informaticus — духовно деформированный новый антропологический тип, законсервированный в своем виртуальном офисе. «Такой работник, – пишет один из авторов, – буквально “растворен” в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам среды здесь вторична. По сути, это означает *смену среды обитания* современного человека!»[21] Предсказывается, что новая искусственная среда обитания приведет к взаимному отчуждению информатизированных членов социума, разрыву социальных связей и в конце концов — к распаду самого общества. Не случайно в последние десятилетия философы оживленно обсуждают проблемы «расчеловечивания» людей, киборгизации, вытеснения естественной приро-

ды искусственными артефактами, формирования «информационной антропологии»[22].

Ясно, что постчеловеку-киборгу ни книги, ни библиотеки не понадобятся. Эпидемия дисфункции чтения, распространяющаяся в наши дни, станет пандемией, охватывающей все человечество. Взращенный в информационной среде homo informaticus должен воспринимать библиофила homo legens (человека читающего) как ископаемого предка, а не как близкого родственника. Самое ужасное, что вместе с исчезновением магии книги социальная коммуникация в значительной мере утратит свою гуманистическую функцию. В нынешних государственных проектах строительства информационного общества всегда отдавался приоритет информатизации библиотек, а гуманистические аспекты неизменно оставались в тени. Прямолинейно мыслящие технократы-проектанты наивно верили, что быстродействие и экономичность Интернета и ридеров — главное доказательство превосходства электронной коммуникации над книжной коммуникацией по всем критериям, в том числе и с точки зрения гуманизации. Они ошибались. Библиотечный гуманизм заключается не в оперативном, дешевом и изобильном предоставлении текстов, релевантных данному запросу, а в том, что интеллигенты-книжники витиевато называют «магия книги» и чего технократы-интеллектуалы понять не могут. Поэтому надеяться на то, что информационные сети станут носителями гуманистических идеалов, не приходится.

5. Обиблиотечивание информационного общества

Конкуренция двух магий — это столкновение двух коммуникационных культур — книжной культуры и электронной культуры. Эти коммуникационные культуры могут быть взаимодополняющими, но взаимозаменяющими быть не могут. Оцифрованного гуманизма не бывает, поэтому Интернет как глобальная магистраль информационного общества не является дорогой в царство гуманизма. Поскольку дегуманизированное человеческое общество — общество нежизнеспособное, россиянам-патриотам поневоле приходится задумываться не только о том, как информатизировать библиотеки в соответствии с Государственной программой «Информационное общество (2011–2020)», но и о том, как *обиблиотечить* грядущее российское общество. Задача непростая, ибо информатизация (разбиблиотечивание) пользуется поддержкой государства, а Всероссийской программы защиты библиотек и книжной культуры в информационном обществе у нас нет. Пора расстаться с прекраснодушной инфантильностью и понять, что никто не сможет выработать такую программу, кроме интеллигентов-книжников, облученных магией книги. Потребуются коллективные творческие усилия работников библиотек всех типов и преданных их читателей. На мой взгляд, исходить в этой работе нужно из двух аксиом: А) в информационном обществе должны не конкурировать, а дополнять друг друга все типы социальной коммуникации — устная, документальная, электронная; Б) библиотечные книгохранилища выполняют функцию гуманистического символа нации. Аксиома А достаточно очевидна. В обоснование аксиомы Б приведу несколько соображений.

Библиотеки всех типов и видов, особенно общедоступные бесплатные библиотеки, всегда были воплощением идеи гуманизма как основы человеческих отношений и общественной деятельности. Вплоть до конца XX века всемирная библиотечная система, аккумулировавшая знания и мудрость человечества, представляла собой единственный светский социальный институт, имеющий право считаться символом общественного гуманизма. Не случайно по уровню развития библиотек интеллигентные люди судили об уровне развития культуры в данной стране. Книжные фонды

— это не только источник получения информации и средство заполнения досуга, но и необходимый элемент национального самосознания и общечеловеческой культуры. Поэтому научные и научно-технические, детские и школьные, национальные и региональные библиотеки представляют собой не просто информационное, досуговое, социально-культурное учреждение, а гораздо более важное достояние — гуманистический символ нации. Без этого символа нация утрачивает идентификацию, как человек, потерявший память и забывший родной язык. Этот символ нельзя заменить искусственным симулякром, поэтому оцифрованный книжный фонд не может служить аутентичным символом гуманизма; «разбиблиотеченная» библиотека — символ технократизма, который присущ информаторию, а не библиотечному институту.

В расколотом информационном обществе, эскиз которого представлен в разделе 3, высшая меритократическая страта, очевидно, будет располагать культурой элитарного уровня, а низшей страте достанется массовая культура. Чтение в информационном обществе будет не однородным, а сложно структурированным процессом, поскольку предсказанный учеными-футурологами социально-культурный раскол неизбежно будет сопровождаться читательским расколом и дифференциацией книжного производства. Вырисовываются два полюса грядущего мира читателей: 1) замкнутый регион элитарного, в том числе обязательно — детского чтения, с хорошим, даже букинистическим комплектованием личных библиотек; 2) размытое гетто массового развлекательно-досугового чтения бестселлеров в глянцевых обложках и портативных ридеров.

Поскольку меритократия монополизирует знание, образование и культурное наследие информационного общества, то его привилегией и потребностью станет *вдумчивое чтение* классических произведений художественной, духовной, научной литературы. Невзыскательные вкусы низшей страты будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока еще неизвестные находки коммерческой массовой культуры. Конечно, благодаря искусной книжной рекламе в богатом ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдет свое место полиграфическая и электронная продукция коммерческого книгоиздания. Значительная часть граждан информационного общества вообще откажется от чтения книг, довольствуясь общедоступными ресурсами электронной коммуникации.

Библиотечная система российского информационного общества будет включать, по крайней мере, пять классов библиотек.

Класс 1. Детские библиотеки и многочисленные (66 тысяч!), но карликовые, школьные библиотеки. Библиотекари-педагоги мечтают о достойном комплектовании, о том, чтобы обзавестись компьютерной и мультимедийной техникой (кое-где даже преуспели в этом), но, как правило, вынуждены по старинной привычке педагогов-книжников полагаться главным образом на собственную выдумку и преданность библиотечному делу. В то же время они являются первоначальным и во многом решающим звеном в приобщении подрастающих поколений к гуманистическим ценностям национальной книги и мировой классики. Овладение культурным наследием нации начинается с детского чтения, поэтому (не побоюсь громких слов) унизительная нищета школьных и детских библиотек России — угроза национальной безопасности страны.

Класс 2. Форпосты элитарной и филологической книжной культуры в виде крупнейших национальных универсальных книгохранилищ во главе с Российской государственной библиотекой и Российской национальной библиотекой плюс региональные (краевые, областные, центральные) универсальные научные библиотеки.

Крупнейшим библиотекам, несмотря на хронический дефицит площадей, квалифицированных молодых кадров и финансового обеспечения, нет необходимости изменять свой естественный имидж, ибо они всегда будут иметь гарантированный спрос на их библиотечно-библиографические услуги. По-видимому, они будут ориентироваться на обслуживание коммуникационных потребностей интеллектуальной элиты общества, которая в свою очередь позаботится об их сохранении и модернизации (информатизации).

Класс 3. Бывшие государственные массовые библиотеки, служившие когда-то «опорными пунктами партийных организаций» и очагами «массового чтения», сегодня сделались «муниципальными» и находятся в ведении самой бедной (и добавлю) невежественной ветви местной власти. Трудно надеяться на их возрождение в качестве родников книжной культуры. А вот превращение их в центры социально-культурного общения массовых слоев населения — идея, по-моему, здравая и реализуемая. Не нужно смущаться тем, что в перспективе эти центры могут незаметно «разбиблиотечиться» и стать клубами гражданского общества, главное — сохранение гуманитарного потенциала российской культуры.

Класс 4. Фирменные библиотеки, научные и технические библиотеки, медицинские и сельскохозяйственные, вузовские библиотеки и другие библиотечные службы, входящие в состав обслуживаемых ими предприятий и организаций, несомненно, будут информатизированы, по возможности разбиблиотечатся и станут стандартными службами информации, забыв свое библиотечное прошлое.

Класс 5. Академические библиотеки системы Российской академии наук во главе с Библиотекой Академии наук, основанной в 1714 году, несомненно, останутся цитаделями книжности, хотя научная коммуникация информационного общества в значительной степени обретет электронную форму.

В заключение сформулирую еще раз главную идею статьи. Не нужно жалеть усилий, чтобы информатизировать библиотеки, опасаться нужно бездарного *разбиблиотечивания. Разбиблиотечивание* опасно для национальной безопасности, потому что оно ведет к дегуманизации, то есть одичанию народа России. В дегуманизированном обществе расцветают аморальность, алчность, коррупция, недоверие к власти, пассивность населения, насилие, терроризм, с чем мы сталкиваемся повседневно. Информационные технологии должны служить библиотечному делу, а не библиотечное дело — информационным технологиям. Библиотечные работники обязаны удовлетворять информационные потребности homo informaticus, используя локальные и удаленные информационные ресурсы. Но главная и подлинная миссия библиотек заключается не в информационном обслуживании, а в спасении информационного общества от губительного недуга дегуманизации. Для противостояния глобальным угрозам необходима гуманизация человечества, и прежде всего — нашего Отечества — России. Достичь этой цели невозможно без мобилизации духовных богатств, воплощенных в магии книги, то есть без *обиблиотечивания* информационного общества. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)» с финансированием 3,7 трлн рублей останется «нас возвышающим обманом», если не будет предусмотрено *обиблиотечивание* российского общества.

Примечания

[1] Рекомендации Всероссийской конференции «Будущее России — создание информационного общества XXI века» [20 марта 2001 г.] // Ершова Т. В. Информационное общество — это мы! — М.: ИРИО, 2008. — С. 478.

[2] Столяров Ю. Н. Библиотека // Библиотечная энциклопедия. — М.: Пашков дом, 2007. — С. 139.

[3] Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). — М., 1999. — С. 49–55.

[4] Читающий мир и мир чтения: Сборник статей. — М.: Изд-во «Рудомино», 2003. — 190 с.

[5] http://www.nbuv.gov.ua/law/98ru-gip.html

[6] http://www.libertarium.ru/68568

[7] http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/828/833/

[8] http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html

[9] Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)». Приложение 4.

[10] Под мегатенденцией понимаются глобальные взаимосвязанные изменения, охватывающие экономику, политику, социальное устройство и культуру многих стран.

[11] Москвичев Л. Н. Глобализация // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. — М.: Норма, 2008. — С. 90–91.

[12] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — 603 с.

[13] Неклесса А. И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып. 2. — М.: Восточная литература, 2002. — С. 17–47.

[14] Родионова И. А. Глобальные проблемы человечества. — М.: Аспект Пресс, 1995. — 159 с.; Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. — М.: Логос, 2002. — 192 с.

[15] В социологии нет общепринятого понимания символа, но признается, что символ — концентрированное выражение смысловых социальных отношений. Говоря, что библиотека является гуманистическим символом нации, мы имеем в виду, что развитие библиотек есть наивысший показатель развития национального гуманизма (Кармадонов О. А. Социология символа. — М.: Academia, 2004. — 352 с.).

[16] Гессе Г. Магия книги: Эссе о литературе. — СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2010. — С. 40–41.

[17] Барлоу Д. П. Декларация независимости Киберпространства // Информационное общество: сборник. — М.: Изд-во АСТ, 2004. — С. 349–352.

[18] Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — М., 2010. — С. 13.

[19] Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — М., 2010. — С. 87.

[20] Лихачев Д. С. XXI век должен быть эпохой гуманизма. — М.: Наука, 1987. — С. 31.

[21] Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. — 2000. — № 4. — С. 127.

[22] См. например: Кутырёв В. А. Человеческое и иное: борьба миров. — СПб.: Алетейя, 2009. — 264 с.; Чеснокова Т. Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. — М.: Алгоритм, 2008. — 368 с.; Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002. — 677 с.

Территория памяти

Татьяна САМСОНОВА

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕРГЕЮ ОРЛОВУ

На поэтическом небосклоне Вологдчины сияет много ярких имен. Среди них меня особенно привлекает незабвенное имя моего земляка — Сергея Сергеевича Орлова. Поэта уже нет с нами, а добрый свет его таланта, к счастью, не угасает. Убеждена: пришло время для звучания его ПОЭЗИИ в наступившем юбилейном году.

В далеком 1921 году в селе Мегра Белозерского района родился будущий поэт, наша радость и наша гордость. Человеческая и творческая судьба возносила его на вершины славы, обжигала горьким военным пламенем, одарила любовью, дружбой и памятливым сердцем.

Однажды Сергей Сергеевич написал: «Я люблю творчество Антуана де Сент-Экзюпери, французского летчика, погибшего в войне с фашизмом. То, к чему он прикасался, становилось хлебом и мыслью. Он ощущал планету, как свою мастерскую, ненавидел и сокрушал стены, брал на себя ответственность и никогда не терял веры в человека. Знал неизмеримую силу обыкновенной улыбки, чувствовал связь времен... в каплях обыкновенного человеческого бытия. Гуманист, солдат, мастер — он никогда не прощал слабости себе и ошибок. В трагических пожарах века верил в сказки и волшебство».

По признанию Б. М. Пидемского, в этих словах сам Сергей Орлов. Друг поэта, много сделавший для увековечения его памяти в Белозерске, утверждает: «Его могучий лирический талант, его мужество и храбрость в бою, его гуманизм и высочайшая нравственность, его вклад в культуру Отечества не меньше, чем у всемирно известного Сент-Экзюпери».

Борис Михайлович знал поэта лично, их связывала многолетняя дружба, Мегра 1920-х, военные дороги, Ленинград, родное Белозерье... А мне посчастливилось лишь однажды увидеть Сергея Сергеевича. Полагаю, что это был один из его последних приездов на родину в начале 70-х. Я запомнила Орлова стоящим на трибуне, увитой еловыми лапами, в красной рубашке. По всей вероятности, тот его приезд и выступление были приурочены ко Дню города, который традиционно отмечается в июле. Запомнила «Приглашение» на этот праздник и волшебные поэтические строки:

В незапамятном детстве раннем
Я увидел свой первый город —
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.

Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.
(«Акрополь»)

Они запали мне в душу с детства, и хотя с тех пор минуло много лет, стихи по-прежнему со мной, а при чтении неизменно щемит душу.

Помню август 1978-го: Первые Орловские чтения, открытие Памятной доски на здании в валу, где когда-то учился поэт. Все было торжественно, многолюдно, с речами и фотовспышками, с телекамерами областного телевидения. Только бо́льшую и нежданную радость ощутила в Ленинграде в 1985 году, когда случайно оказалась у дома на Малой Посадской, 8 (тогда — Братьев Васильевых). С волнением вчитывалась в строки на Памятной доске: «В этом доме с 1956 по 1971 год жил и работал поэт Сергей Сергеевич Орлов».

Так уж получилось, что творчество поэта-земляка сопровождало всю мою жизнь, особенно в последнее десятилетие. С особым трепетом исполняю на разных сценических площадках песни белозерского музыканта, композитора, фронтовика В. П. Носарева на стихи С. Орлова «Не забыл я тебя», «Белое озеро» (в копилке композитора также есть песня «Баллада о солдате» на очень известное «Его зарыли в шар земной»).

Работая над проектом «История страны. История старших поколений», не могла пройти мимо стихов о родном и милом ему Белозерье. Признанием в любви, тихой нежностью к городку «зеленому, деревянному», к «старому другу с черемуховым ветром», к «милым горожанам» пронизаны всем известные, наверное, поэтические зарисовки «Голубой Дунай», «Ночь», «Жеребенок», «У себя дома», «Фотограф»... Искренен Орлов и в своих стихах о Белом озере, на берегу которого прошло его детство. С грустью он замечает: «Будет печалить и радовать в мире оно и без нас» («Белое озеро»). По сей день мы любуемся волшебными восходами и закатами: «Мир был оранжев, синь и розов//За гранью видимой черты.//Он был поэзией— над прозой—// Необычайной красоты» («Закат»).

В 2009 году исполнилась моя мечта — побывать в Брестской крепости. Ее вынашивала с четвертого класса, когда прочитала книгу С. С. Смирнова «Брестская крепость» и навсегда запомнила имена ее защитников, среди которых имя вологжанина А. А. Виноградова. На всю жизнь тема войны стала для меня очень важной. В ходе переписки с работниками мемориала получила буклет о крепости-герое, где на второй странице звучали слова Орлова, будто высеченные на скрижалях памяти:

Здесь первый шаг свой сделала война
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.
(«В Бресте»)

Я благодарна поэту за это стихотворение, повторяю вслед за ним: «Не требуя ни славы, ни наград, // Все, что могли, свершили здесь солдаты. //Год сорок первый ими свят, //Без них бы не свершился сорок пятый». Удивляюсь, восхищаюсь тем, как Орлов смог вместить в это произведение боль, горечь, скорбь по «сорок первому, сорок смертному» году; признание и благодарность защитникам крепости за их бессмертный подвиг; воспел славу павшим и дал надежду всем нам на мирное будущее.

Размышляя о многогранном творчестве Сергея Орлова, убеждаюсь в том, что память сердца есть неотъемлемое свойство его души. Оно живет в стихах о войне, в

любовной лирике, в поэтических строках, посвященных родному городу...

К своим фронтовым товарищам он испытывал особые чувства – фронтового братства и благодарной памяти:

Вот они выходят на орбиту
Памяти, по небосводу вновь.
В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.
(«Ракеты»)

Забытый орудийный гром
Мне память по ночам тревожит...
Да, я не в силах об ином,
Да, я пишу о том и то же.

Мои старинные друзья,
Ровесники, однополчане,
Из тех, кого забыть нельзя,
Тем паче обойти молчаньем...»
(«Юность, война и слава»)

Военная тема, как рефрен, проходит через все творчество поэта. Отзвук войны слышен в мирном «Фотографе», ведь среди посетителей мастера – орденоносцы, заслужившие свои награды за Берлин. В ностальгическом «У себя дома» С. Орлов подмечает: «Обошел я тот знакомый сад. // Там уже без орденов и планок, // Пиджаки накинув на девчат, // Ходят парни под его баяны». Даже в «Голосе первой любви» «полыхает» второе четверостишие: « Над горящей землей // От Москвы до Берлина //Пыль дорог, где отстать хуже, чем умереть, // И в бинтах все березы, в крови все рябины... // Голос первой любви, как ты мог уцелеть?»

Открыла для себя недавно еще одно стихотворение С. Орлова «Когда над фронтом наступает ночь». Оно разбередило душу, наполнило ее чувством невосполнимой утраты:

Из ржавых вод, из голубого мха
В истлевших гимнастерках и пилотках,
Они встают. Беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка...

...Но если кто успеет дошагать
По тропам в то село родное —
Проснется ночью старенькая мать,
И взор ее наполнится слезою...

Это удивительное по силе воздействия на человека стихотворение перекликается у меня с «Журавлями» Р. Гамзатова и «Книгой памяти» В. Судакова. Все думаю о бабушке, не дождавшейся мужа с войны, о маме и ее братьях и сестрах, потерявших любимого отца: Черемхин Павел Аркадьевич погиб 30 мая 1942 года и был захоронен в д. Шевелево Ленинградской (ныне Новгородской) области.

Орлов по-настоящему верный и преданный сын своей малой родины. Он хорошо знает историю Белозерья, ценит мужество и героизм земляков.

Вся торжественная церемония открытия Памятного знака Белозерской дружине на Куликовом поле 21 сентября 2009 года прошла на необыкновенно высоком эмо-

циональном уровне, благодаря потрясающему чтению глубоко патриотического стихотворения С. Орлова «Монолог воина с поля Куликова» актером Вологодского областного драматического театра В. А. Таныгиным:

Как орда Мамая качнется,
Как мы ляжем костьми на поле, —
Так Россия с нас и начнется,
И вовек не кончится боле.

Поразительные строки были схожи с колокольным звоном, возвестившим славную победу русских войск, одержанную на поле брани, 630-летие которой отмечалось 21 сентября 2010 года.

Своему ровеснику и земляку Ивану Малоземову, Герою Советского Союза, имя которого носит средняя школа № 1 г. Белозерска, Орлов посвятил целую поэму «Командир танка». Стихи звучат на ежегодно проводимом «Дне подвига»:

А пока, во имя старой дружбы,
Я — солдат и не хочу молчать.
Дайте мне о брате по оружию,
Мне, как современнику, сказать.

Еще одна военная страница, страница мужества и самоотверженности советских солдат, проявленных в ожесточенных боях за Невскую Дубровку, раскрыта поэтом в посвящении Б. Пидемскому — другу, участнику тех сражений. Страшно представить, что в начале 1960-х, когда они там побывали, трава только-только начала пробиваться, ибо два десятка лет земля корячилась под катастрофически огромным грузом смертоносного металла:

Вспоминает полковник. А земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы — как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.
(«Невская Дубровка»)

У Орлова прочитала: «Человек — мера времени. Прошлое живет только в нем, и только человеком измеряются настоящее и будущее, без человека времени нет». Мне кажется, что это и о памяти сердца тоже.

Память моего сердца вторит Ю. Друниной, назвавшей Сергея Орлова *СОЛДАТОМ, ПОЭТОМ, ЧЕЛОВЕКОМ.*

Мне близки и понятны строки А. Ярковца, написавшего: «Память сердца, ты почаще мучай и тревожь всегда меня! Всегда!». Может быть, поэтому для меня и моих земляков-белозер свет и сила таланта Сергея Сергеевича очевидны. Очень хочется, чтобы и в областной столице, и в Санкт-Петербурге, где благодаря инициативе Вл. А. Полянского начали проводиться Орловские встречи на Малой Посадской, 8, и в Москве имя и творчество С. Орлова были возвращены из небытия. Надеюсь, что юбилейный, 90-й год его рождения станет началом отсчета его « новой» жизни в новом тысячелетии. Может, настала пора всем нам, перефразируя М. Дудина, встретиться с творчеством С. Орлова, как двум необходимостям на всю жизнь, которую будут сопровождать уже наши с вами «вера, благодарность и любовь».

Эпоха и образы

Елена АЙЗЕНШТЕЙН

«ПО КЛИЧКЕ МУЗА»

О стихотворении «Муха» Иосифа Бродского

Стихотворение Бродского «Муха» (1985) некоторые критики называют поэмой, настолько оно интересно, многомерно, насыщено философскими размышлениями автора[1]. «Муха» посвящена Альфреду и Ирене Брендель. Альфред Брендель — талантливый австрийский пианист, один из лучших пианистов мира, Кавалер ордена Британской империи, долгое время дружил с Иосифом Бродским. Именно в доме Бренделя жил Бродский, когда узнал о присуждении Нобелевской премии. Музыкальность строфики «Мухи», таким образом, объясняется посвящением. Ее композиция (21 главка) могла тоже связываться с музыкой. Наиболее близкая фортепианная аналогия — тема с вариациями. Альфред Брендель исполнял сонаты и вариации Гайдна[2] и все сонаты Бетховена (Бетховен — в числе его любимых авторов). На музыкальную параллель наталкивает неоднократное повторение Бродским мотива «пока ты пела и летала», принцип развития поэтической мысли: в первой главке звучит тема жизни и смерти, которая развивается на протяжении всего стихотворения. Возможно, такое построение стихотворения продиктовано не только музыкой, но и чужим текстом. В «Кабалле» священное число 22. В картах Таро 22 — число старших арканов. В кириллице 33 буквы, у иудеев — 22 буквы еврейского алфавита. В стихотворении Бродского о жизни и смерти — 21 — число жизни, 22, вероятно, — число бессмертия, которое находится за пределами текста, символ бесконечности. Среди интертекстуальных источников «Мухи» называют басни Крылова, «Осень» Пушкина, «Осень» Баратынского, «Муху» Блейка[3]. Возможно, сюда следует добавить и стихи Э. Дикинсон («Как пробка пьяницу пьянит...», «Жужжала Муха в тишине...»[4]). По мнению А. Ранчина[5], воспринимая осень как бесплодное и предсмертное для поэта и поэзии время, в «Мухе» Бродский вступает в спор с Пушкиным — певцом творческой «осени»[6]. Наконец, обреченной на гибель мухе подобен не человек вообще, а именно поэт, ощущающий приближение старости — своей осени «Муха»написана Бродским для обоснования формулы. «В сумме души любое превосходят племя». Эти души — души любимых Бродским по-

Елена Оскаровна Айзенштейн, автор книг о творчестве М. И. Цветаевой. Публиковала свои статьи о русской поэзии XX века на страницах «Невы», «Звезды», «Литературной учебы». Живет в Ленинградской области.

этов, тех, чьи стихи он вспоминал, когда писал свою «Муху». Вредоносность мухи соотносится с «вредностью» самого Бродского, вынужденного в 1972 году эмигрировать за границу, с бесполезностью искусства, враждебного казенщине, государственному, чиновничьему, обывательскому взгляду на жизнь. «Мушка» — часть огнестрельного оружия. Выражение «взять на мушку» обозначает прицел; беседа с мухой — ощущение прицела мушки жизни[7], но в отношении Бродского к мухе что-то от японцев и японской поэзии, умение увидеть поэзию в таком мелком, невзрачном и нездоровом существе:

Жил бы получше
И тебя позвал бы, муха,
Отведай риса.
(японское хокку)

Бродский рисует жизнь мухи от апреля до осени, от начала ее жизни на кухне до ее грядущего умиранья, которое поэт видит далеким, потому что с умираньем мухи отождествляет свой уход из этого мира. Разговор с мухой — это беседа историка, «смерть для которого скучней, чем мука», с воображаемым вторым «я», которое не мешает ему думать[9]. Упоминаемая в первой главке лучина («Лучина печку растопила») напоминает русскую «Лучинушку», которую Пушкин цитировал в стихотворении «В поле чистом серебрится...» и возникшую на пушкинской почве «Лучину» Цветаевой, с ее возгласом к России: «— Россия моя, Россия, — / Зачем так ярко горишь?» По-видимому, находившийся в США Бродский, тосковавший по родине, мог бы по-цветаевски воскликнуть: «— Россия моя, Россия, — / Зачем так ярко горишь?», тем более что в своем стихотворении Цветаева сравнивает русскую лучину с Эйфелевой башней, а Бродский видит свою муху родственницей ее подруги, взлетевшей на Эйфелеву. Бродский намеренно рисует пространство вокруг мухи неяркими, домашними и даже низкими эпитетами, воссоздавая многообразие и сложность жизни («ползешь по глади / замызганной плиты», «дух лежалый / жилья, зеленых штор понурость. / Жизнь затянулась»).

Обращение к мухе «цокотуха» вызывает у читателя улыбку, напоминая о «Мухе-Цокотухе» К. И. Чуковского. Нет выросшего русского ребенка, который бы не любил «Муху-Цокотуху», и это сразу привязывает разговор о мухе к разговору о поэзии, потому что Бродский — ее сын. Сказка Чуковского, написанная в 1923 году и опубликованная под другим названием, поначалу была запрещена цензурой: во фразе «А жуки рогатые, —/Мужики богатые» комиссия Государственного ученого совета увидела «сочувствие кулацким элементам деревни». Впервые под названием «Мухина свадьба» сказка была напечатана издательством «Радуга» в 1924 году с иллюстрациями В. Конашевича. Шестое издание сказки в 1927 году впервые вышло под современным названием[8]. Бродский мог видеть соответствие между трудной судьбой своего творчества, на родине читавшегося в самиздате, и судьбой детской сказки. Семье Чуковского Бродский был обязан хлопотами, связанными с его досрочным освобождением. Кроме того, 26 октября 1965 года по рекомендации К. И. Чуковского и Б. Б. Бахтина он был принят в профгруппу писателей при ЛО Союза писателей СССР, что позволило избежать в дальнейшем обвинения в тунеядстве[9]. Лично с К. И. Чуковским Бродский познакомился 6 января 1966 года в Переделкине — это были первые месяцы после освобождения из ссылки в Норенскую. «Жизнь затянулась», — 1985 год был для Бродского кризисным, драматичным, может быть, поэтому он обращается к теме детства, откуда берет начало сопоставление с «юнкерсом»:

Ах, цокотуха, потерявши юркость,
ты выглядишь, как старый юнкерс,
как черный кадр документальный
эпохи дальней[10].

Родившийся в 1940 году Бродский, ребенок военного времени, из американской жизни вспоминает дальнюю эпоху детства и юности, воспринимая не только муху — себя документальным кадром прошлого. В третьей главке:

Не ты ли за полночь там то и дело
над люлькою моей гудела,
гонимая в оконной раме
прожекторами?

Стародавнее «люлька» уводит к стихам поэтов-предшественников, в частности, к поэме Цветаевой «На красном коне»:

Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Не Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.
Вихор ото лба отводила — не Муза,
В большие поля уводила — не Муза.
(«На Красном Коне»)

Бродский намеренно почти повторяет ее напев. Цветаева писала свою поэму как посвящение Ахматовой, о чем Бродский, конечно, знал. Рисуя портрет не своей, а ахматовской Музы, ее косы, и бусы, и басни, вспоминая Ахматову, Цветаева утверждает, что писать стихи ей помогает совсем не Муза, а Гений, Всадник на красном коне, взвевающий в лазурное небо, делающий невесомыми цветаевские крылья. Бродский, с оглядкой на Цветаеву, сообщает, что ему писать помогает муха, жужжащая над его бедною люлькой, уводящая из жизни в окно поэзии, сознательно сводит Музу с высокого пьедестала, да и себя изображая весьма серыми, прозаическими, лишенными цветаевской романтики штрихами. Во второй половине XX века все стало тривиальнее, будничнее, мельче:

А нынче, милая, мой желтый ноготь
брюшко твое горазд потрогать,
и ты не вздрагиваешь от испуга,
жужжа, подруга.

Желтый ноготь поэта, брюшко мухи, и это в ответ на пушкинские стихи о Музе-возлюбленной, в ответ на пушкинское «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Вспоминает Бродский сразу всех муз русской поэзии, начиная от девы тайной, вручившей Александру Сергеевичу семиствольную цевницу, от некрасовской кнутом иссеченной музы-крестьянки, от цветаевской задумчивой Музы со смуглыми веками и обветренною рукою до ахматовской, диктовавшей Данту «страницы ада». Страстная, со златокрылым пожаром в глазах подруга-Муза Цветаевой,

смуглоногая Муза-сестра Ахматовой. И — скромная шестирукая муха Бродского в этом почетном ряду! Впрочем, сама ее шестирукость — символ многоталанности самого Бродского, его нынешних и грядущих поэтических дорог. По нашему предположению, к цветаевским стихам, к ее «Сахаре», уводит читателя образ четвертой главки. Цветаева писала о сахаре души. Бродский рисует неприглядную картину непоэтичного холостяцкого быта:

Но не пленить тебя ни пирамидой
фаянсовой, давно не мытой
посуды в раковине, ни палаткой
сахары сладкой.

Возможно, образ пирамиды заимствован из поэзии Г. Р. Державина, чье стихотворение «Пирамида» построением строфы иконически напоминает пирамиду[11]:

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свещами,
Во мраке блестящу,
В восторг все души приводящу,
Но что? — от солнца в ней толь милое блистанье?
Нет! — Пирамида — дел благих воспоминанье[12].

У Бродского тоже пирамида воспоминаний. Говоря о непохожести своей Мухи-музы на предшественниц, Бродский отмечает и ее родство с ними:

Как старомодны твои крылья, лапки!
В них чудится вуаль прабабки,
смешавшаяся с позавчерашней
французской башней —

— век номер девятнадцать, словом.
Но, сравнивая с тем и овом
тебя, я обращаю в прибыль
твою погибель,

подталкивая ручкой подлой
тебя к бесплотной мысли, к полной
неосязаемости раньше срока.
Прости: жестоко.

Своей прабабкой называет Бродский поэзию XIX века. Под этой вуалью, скорее всего, скрыты черты конкретных русских поэтов, но, может быть, Бродский имел в виду кого-то из французов: Верлена, Рембо, Аполлинера, Малларме? Его Муха старомодна, потому что в поэзии прошлого, в ее языке черпает Бродский силы, от нее отталкивается. Шестая главка — об орбитах творческого интереса Бродского: муха графически похожа на шестирукую букву русского алфавита — «Ж», напоминающую о пушкинском крылатом серафиме из «Пророка». Бродскому кажется, что творчество обмелело, что предметом поэзии оказываются брюнетки, ужимки и жесты, а не серафимы, ангелы и всадники, как это было у Пушкина и Цветаевой. Седьмая главка

констатирует наступление зимы, убывание творческого начала и оптимизма: «Пока ты пела и летала, птицы / отсюда отбыли. В ручьях плотицы / убавилось, и в рощах пусто./ Хрустит капуста». Жутковатость одиночества среди угасанья природы скрашивает содружество с мухой, надежда на способность писать, «поражать живое» словом:

И только двое нас теперь — заразы
разносчиков. Микробы, фразы
равно способны поражать живое.

Поэту кажется, что муха «отлеталась», да и сам он немолод, хотя утешает себя, что «для времени, однако, старость / и молодость неразличимы». Бродский вспоминает ссылку, жизнь «вполнакала», вот почему в обращении с мухой-музой возникают слова «союзник», «соузник», «подельник», «кореш». 21 год прошел с момента суда над Бродским, состоявшегося в 1964 году, — не отсюда ли количество главок в «Мухе», точно соответствующее пройденному пути? И потому призыв к мушиному существованию — обращение к самому себе, зов бороться с небытием и старостью:

Не умирай! сопротивляйся, ползай!
Существовать не интересно с пользой.
Тем паче для себя: казенной.
Честней без оной

смущать календари и числа
присутствием, лишенным смысла,
доказывая посторонним,
что жизнь — синоним

небытия и нарушенья правил.
Будь помоложе ты, я б взор направил
туда, где этого в избытке. Ты же
стара и ближе.

В следующей главке, думая о жизни и смерти, о своем эмигрантском одиночестве, Бродский вспоминает последние стихи Пастернака, его «Ветер» («Я кончился, а ты жива...»[13]), его раннее стихотворение «Плачущий сад»[14]:

Нас двое, стало быть. По крайней мере,
когда ты кончишься, я факт потери
отмечу мысленно — что будет эхом
твоих с успехом

когда-то выполненных мертвых петель.
Смерть, знаешь, если есть свидетель,
отчетливее ставит точку,
чем в одиночку.

«Плачущий сад» Пастернака цитирует Цветаева в статье «Световой ливень», говоря о мастерстве Пастернака, о теме дождя у него, возможно, из-за этой статьи Бродский и вспомнил эти стихи. «Мертвые петли» мухи соотносят стихотворение Бродского и с «Поэмой Воздуха» Цветаевой, где она сравнивает душу, летящую в бессмертие, с летчиком, делающим в воздухе мертвые петли. У Цветаевой свидете-

лем ее воображаемой смерти оказывается Рильке. В стихах Бродского свидетелем его жизни и смерти, его поэтического существования является не ветер, не плачущий сад, не Рильке, а муха. О Рильке и Цветаевой, видимо, вспоминает Бродский и в главке 14, когда рассуждает о вещи, вышедшей из повиновенья[15]. Этой теме посвящена цветаевская поэма «Лестницы». Понятие вещи — одно из краеугольных в творчестве Рильке:

Плевать на состоянье мозга:
вещь, вышедшая из повиновенья,
как то мгновенье,

XV

по-своему прекрасна. То есть
заслуживает, удостоясь
овации наоборот, продлиться.
Страх суть таблица

зависимостей между личной
беспомощностью тел и лишней
секундой. Выражаясь сухо,
я, цокотуха,

пожертвовать своей согласен.
Но вроде этот жест напрасен:
сдает твоя шестерка, Шива.
Тебе паршиво.

Выражение «Сдает твоя шестерка» Бродский почерпнул из карточного словаря. Кстати, существует игра в «мушку», имеющая около шести разновидностей, предполагающая во время игры рассказывание анекдотов, пение, повествований о дневных новостях. Самая главная карта — «мушка» — пиковый туз, самая младшая — шестерка. Сдавать карты в словоупотреблении поэта — сдаваться, падать духом. Роясь среди сокровищ своей памяти, перебирая драгоценности лирики ушедших поэтов, назвав тезку мухи («по кличке Муза»), Бродский думает о своей «сдаче» с существования, о своем вкладе в «Кощеевы» богатства лирики после смерти, когда придется оставить «насиженный» узор обоев жизни и перелететь в иной мир, «чтоб ошарашить серафимов хилых / там, в эмпиреях, где царит молитва, / идеей ритма и повторимости», стать «насекомым туч». Эта мысль Бродского близка стихотворению Цветаевой из цикла «Маяковскому», где она представляла разговор Есенина и Маяковского на том свете. Есенин и Маяковский, в изображении Цветаевой, готовы взорвать тот свет гранатой своих стихов: «Под царство и это — / Подложим гранату!»). Бродский тоже рисует небесное бытие как новое творчество. В главке 18 Бродский вновь вспоминает Цветаеву, ее поэму «Крысолов», главу «Детский Рай», с его темой обольщения искусством, где Крысолов соблазнял детей и жителей Гаммельна звуками своей флейты. Это обольщение стихами Бродский рисует через образ мух, кружащихся над малиновым вареньем:

Чем это кончится? Мушиным Раем?
Той пасекой, верней — сараем,
где над малиновым вареньем сонным
кружатся сонмом

твои предшественницы, издавая
звук поздней осени, как мостовая
в провинции. Но дверь откроем —
и бледным роем

они рванутся мимо нас обратно
в действительность, ее опрятно
укутывая в плотный саван
зимы...

Работая над поэмой «Крысолов», Цветаева мысленно посвящала ее Г. Гейне. В связи со стихотворением Бродского нельзя не вспомнить, что Муха в мировой поэзии жила до Бродского в стихах Гейне: Мушка — последняя возлюбленная Генриха Гейне, Элиза Кранц (Камилла Зельден). К ней обращен ряд стихотворений Гейне, в том числе последние, предсмертные его стихи. Ее, Мушку, можно назвать последней музой Гейне.

Одно из шутливых прозвищ мухи Бродского — Шива, древнейшая божественная сущность человечества, в индуизме — олицетворение разрушительного начала вселенной и трансформации (созидательное разрушение); одно из божеств верховной триады, наряду с Брахмой и Вишну. Пять божественных ролей Шивы: создание, поддержка, растворение, сокрытие и дарование благодати соответствуют для поэта роли Музы. Муху Бродский именует по-разному: подруга, гумозка, цокотуха — Шива тоже известен под несколькими именами, его свиту составляют духи и демоны, поэтому еще одна вероятная зимняя параллель Мушиного Рая Бродского — пляшущие пушкинские «Бесы».

Для Бродского, жизнь — «синоним небытия и нарушенья правил». «Души обладают тканью, материей, судьбой в пейзаже», а мушиный рай Бродского — лирический рай, в котором носятся души любимых поэтов. Эти души в сумме — лирическим строем своим — «любое превосходят племя». Определение поэтов племенем — из стихотворения Цветаевой «Променявши на стремя...», в 1925 году видевшей поэтов единым вымирающим племенем поэтов: «Невозвратна как племя / Вымирающее (о нем / Гейне пел, — брак мой тайный: / Слаще гостя и ближе, чем брат...)», — речь идет о стихотворении Гейне «Азра». В контексте темы размышления о времени («цвет есть время») Бродский упоминает в стихотворении великого галикарнасца — Геродота, родившегося в Галикарнасе (19-я главка), но его мысль близка и Цветаевой, рассуждавшей о цвете, времени и вечности в цикле «Деревья» (1922), в стихотворении «Не краской, не кистью!...» («Цвет, попранный светом»). В 20-й главке крылатое войско то ли мух, то ли муз стихотворения Бродского корреспондирует с концовкой поэмы Цветаевой «На Красном Коне», в которой лирическая героиня вместе со своим войском («Солдаты — какого врага бьем?») сражается с Гением в лазури. Так возникает вторая перекличка с цветаевской поэмой:

Отпрянув перед бледным вихрем,
узнаю ли тебя я в ихнем
заведомо крылатом войске?

«Ихнее» — детское, просторечное слово, передающее отсутствие дистанции между Бродским и мухой, к которой он относится «по-свойски». Затылок поэта молодого рыжеволосого Бродского по цвету напоминал древесные опилки, родственные деревьям и бумаге, на которой записываются стихи, что соотносится с цветаевскими строками о Всаднике-Гении: «...вихор ото лба отводила — не Муза» (поэма «На Красном Коне»). В заключительной 21-й главке Бродский, размышляя о конце сво-

ей и мушиной биографии, пытается сказать о том, что его и судьба, и судьба его мухи-музы закончится посмертным превращением, нарисованным как бы в двух ракурсах: бытовом и бытийном. Превращение мухи, ее несуществование — переход в почву, в навоз, который должен породить новую муху, новую Музу нового поэта. Тема навоза напоминает финал пастернаковского стихотворения «Март» (1946), в котором поэт изображал свежесть жизни, ее преображение послевоенной весной: «Пахнет свежим воздухом навоз». Мотив весеннего обновления звучит и у Бродского в «Мухе», только в концовке его стихотворения явно сквозит самоирония:

дав дуба позже всех — столетней! —
ты, милая, меж них последней
окажешься. И если примут,
то местный климат

XXI

с его капризами в расчет принявши,
спешащую сквозь воздух в наши
пределы я тебя увижу
весной, чью жижу

топча, подумаю: звезда сорвалась,
и, преодолевая вялость,
рукою вслед махну. Однако
не Зодиака

то будет жертвой, но твоей душою,
летящею совпасть с чужою
личинкой, чтоб явить навозу
метаморфозу.

Последняя ироническая рифма: навозу — метаморфозу. Конечным в стихотворении оказывается слово, обозначившее преображение, которое, намеренно или нет, хотя и в саркастической форме, создает смысловую перекличку с «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» Пушкина, с «Завещанием» Заболоцкого. Бродский вспоминает о небесном Зодиаке, живописует свое преображение после смерти как тлен тела и вознесение души в созвездие других поэтов. В 1985 году Бродский задумывался о поэтическом бессмертии. Кажется, свой физический конец и смерть своей мухи поэт рисовал в северных широтах, на родной земле? Иосиф Бродский не дожил до своего семидесятилетия, но его «Муха» переживет автора, вероятно, не на одно столетие.

Примечания

[1] См. о «Мухе» Бродского: Андрей Ранчин. От бабочки к мухе. Метаморфозы поэтической энтомологии Иосифа Бродского// Новый мир, 2010, № 5. См. также: Аркадий Львов. Александрийский многочлен. Окончание. Начало в № 1, 4, 2008 // ЛЕХАИМ. ИЮНЬ 2008 СИВАН 5768–6(194). http://www.lechaim.ru/ARHIV/194/lvov.htm. «Муха» Бродского стала основой для спектакля в Александринском театре.

[2] Например, J. Haidn. Variations. Hob. XVII. 6 in F minor. До 2008 года Альфред Брендель являлся концертирующим пианистом. Недавно он отметил свое 80-летие (родился 5 января 1931 г).

[3] Н. С. Гаврилова. Англо-американский мир в рецепции Бродского. Реальность. Поэзия. Язык. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Томск, 2007. Стихи Блейка известны в переводе С. Я. Маршака 1965 года.

[4] См. переводы Г. Кружкова. Эмили Дикинсон. Стихи из комода. СПб.: Азбука, 2010.

[5] Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М., 2001.

[6] Имеется в виду стихотворение И. Бродского «Бабочка» (1972). См. также: Глазунова О. И. Иосиф Бродский: метафизика и реальность. СПб., 2008, с. 108. Приводим по статье А. Ранчина. От бабочки к мухе. Метаморфозы поэтической энтомологии Иосифа Бродского // Новый мир, 2010, № 5.

[7] См. образ мухи в стихотворении «Прощайте, мадемуазель Вероника» (1967), см. также образ мухи «в гортани высохшего графина» в стихотворении «Римские элегии» (1981) в качестве символа остановки жизни.

[8] http://ru.wikipedia.org/ На сказку Чуковского петербургский композитор Борис Тищенко (1939–2010) написал одноименный балет.

[9] Лосев Л. Иосиф Бродский. Жизнь замечательных людей, 2008.

[10] Стихи Бродского приводим по кн.: Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1994. Т. 3, с. 99–107.

[11] Не случайно само построение строфы «Мухи» Бродского, по замечанию А. Г. Степанова, как бы графически рисует муху. А. Г. СТЕПАНОВ. (Тверь) ОБ ОДНОЙ СТРОФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ У И. БРОДСКОГО («МУХА») http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/litext5/20_step.htm Этот прием использовал ранее Фет в стихотворении «Бабочка».

[12] Лосев отмечает, что Бродский был знаком со стихами Державина уже подростком: «Любимые стихи он легко запоминал и с удовольствием цитировал большими отрывками и целиком — “На смерть князя Мещерского” Державина». ЖЗЛ.

[13] У Пастернака:

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все дерева
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.
(1953)

[14] У Пастернака в стихотворении «Плачущий сад»:

Ужасный! Капнет и вслушается,
Все он ли один на свете.
(Мнет ветку в окне, как кружевце)
Или есть свидетель.

[15] См. мотив вещи в «Бабочке» (VI строфа), где бабочка дана Бродским как вещь, отразившая замысел Бога о Земле и человеке:

Кто был тот ювелир,
что, бровь не хмуря,
нанес в миниатюре
на них тот мир,
что сводит нас с ума,
берет нас в клещи,
где ты, как мысль о вещи,
мы — вещь сама?
(2, 294)

Личность и рок

Андрей АСТВАЦАТУРОВ

АМБРОЗ БИРС: СУДЬБА И НЕВЫРАЗИМОСТЬ КОШМАРА

Российским читателям имя американского писателя Амброза Бирса (1842–1914?) практически незнакомо. Вместе с тем в Америке он остается одним из самых читаемых и перечитываемых классиков. Бирс канонизирован академией и включен во все престижные антологии. О его творчестве написаны десятки серьезных монографий и сотни научных статей. При жизни Бирс снискал себе популярность главным образом как автор зажигательных памфлетов, остроумных стихов и энергичных афоризмов. Но вся эта часть его наследия — основная часть — оказалась прочно забытой. Сегодня о ней вспоминают только филологи, биографы писателя и архивисты.

Другое дело — военные рассказы. В 90-е годы позапрошлого века они до смерти пугали чопорных калифорнийцев фигурами какого-то странного, еще незнакомого литературе кошмара, совсем не готического, а почти бытового, но при этом не менее чудовищного. Да и у многих из нас, видавших виды, переживших в уютных креслах кинозалов голливудскую индустрию возвышенного ужаса, рассказы Бирса могут вызвать оторопь. Точнее. невозможную иллюзию погружения в самое сердце тьмы и липкого страха, где пресекается всякая членораздельная речь и заканчиваются детские игры в искусство. Амброз Бирс предугадал все возможные изводы, силовые линии американской военной прозы XX века. Не случайно каждое новое поколение писателей о войне, начиная с современников Хемингуэя, всякий раз заново переоткрывало Бирса. Он неизменно оказывался актуальным, созвучным, казалось бы со-

Андрей Алексеевич Аствацатуров родился в 1969 году в Ленинграде. Российский филолог и писатель. Доцент кафедры Истории зарубежных литератур и руководитель программы «Литература» в Смольном институте свободных искусств и наук. Лауреат ежегодной петербургской премии «Топ-50» (2010), лауреат премии «За преподавательское мастерство» (2008). Автор около 100 научных статей, посвященных проблемам английской и американской литературы XIX—XX вв. Автор многочисленных предисловий, комментариев к изданиям англоязычной классики на русском языке (О. Уайльд, В. Вулф, Г.Миллер, Дж. Сэлинджер, К. Воннегут, Дж. Чивер, Дж. Апдайк).

вершенно новой интонации и новому чувству жизни.

В настоящем эссе я попытаюсь проанализировать два самых известных рассказа Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей» и «Чикамога». И рассмотреть их в контексте общего представления писателя о мире, о судьбе и о человеке.

Выходец из фермерского захолустного Огайо, Амброз Бирс уже в 80-е годы ураганом ворвался в безмятежный мир Сан-Франциско. Энергично трудясь на ниве журналистики, ведя постоянные колонки в модных еженедельниках, он снискал себе славу интеллектуального деспота, законодателя литературных вкусов, поэта со свифтовским темпераментом, дерзкого разоблачителя политических демагогов и коррупционеров. К этому моменту за плечами Бирса уже были и гражданская война — он служил в пехоте северян, и журналистская работа сначала в Англии, потом в США, и многолетняя весьма интенсивная литературная деятельность. 80-е и 90-е годы, проведенные в Калифорнии, стали для него, пожалуй, самыми продуктивными. Он опубликовал два сборника рассказов: «В гуще жизни» (1891) и «Может ли это быть» (1893), роман, написанный в соавторстве, сборник сатирических стихов и несметное количество очерков. В Вашингтоне, куда Бирс перебирается в начале 90-х, его талант, по единодушному суждению биографов, начинает заметно остывать. Проза Бирса теряет остроту и былой накал.

Обстоятельства гибели Бирса, точнее, его исчезновения стали одной из загадок американской литературной истории и обросли бесконечными художественными домыслами, как это в подобных случаях водится. В 1913 году Бирс едет на юг США посетить места былых сражений, вероятно, чтобы предаться воспоминаниям или, что скорее всего, собрать материал для новых текстов. А затем отправляется в вечно неспокойную Мексику, где в тот момент полыхает гражданская война. Здесь его следы окончательно теряются. Известно лишь, что 26 декабря 1913 года Бирс пишет свое последнее письмо, уведомляя адресата, что он «устремляется в неизвестном направлении». Каким именно было это направление, остается только гадать. Бирс «пропал без вести», повторив судьбу персонажа одного из своих лучших рассказов.

Эстетические взгляды Амброза Бирса, изложенные им весьма несистематически, особой ясностью и оригинальностью не отличались. Бирс во многом следовал расхожим заветам романтических школ и уделял первостепенное внимание творческому воображению. Оно, по его мысли, никоим образом не связано с повседневным опытом и творит собственный, независимый от реальной жизни самодостаточный мир. Эта позиция парадоксальным образом привела Бирса к созданию совершенно неромантических по духу произведений. Романтический художник — вспомним хотя бы Байрона — ни в коем случае не отделим от своих текстов. В свою очередь, рассказы Бирса открывают читателю мир, как бы замкнутый на себе, не зависящий от произвола, от мнений и оценок автора. Рассказчик у Бирса — не вершитель судьбы, меняющий мир силой воображения, а бесстрастный наблюдатель некоего Замысла вселенной. Зачастую, описывая какую-нибудь сцену, он сам теряется в догадках и, не до конца понимая, что происходит, как, например, в рассказе «Случай на мосту через Совиный ручей», скрывается за бесконечными «по всей вероятности», «видимо», «возможно», «судя по всему» и т. п.

Бирс тщательно, почти с натуралистической точностью выписывает внешнюю «оболочку» мира, явно обращаясь к зрительному воображению читателя: «*Позади одного из часовых никого не было видно; на сотню ярдов рельсы убегали по прямой в лес, затем скрывались за поворотом. По всей вероятности, в той стороне находился сторожевой пост. На другом берегу местность была открытая— пологий откос упи-*

рался в частокол из вертикально вколоченных бревен, с бойницами для ружей и амбразурой, из которой торчало жерло наведенной на мост медной пушки. По откосу, на полпути между мостом и укреплением, выстроились зрители — рота солдат-пехотинцев в положении «вольно»: приклады упирались в землю, стволы были слегка наклонены к правому плечу, руки скрещены над ложами. Справа от строя стоял лейтенант, сабля его была воткнута в землю, руки сложены на эфесе. За исключением четверых людей на середине моста, никто не двигался» («Случай на мосту через Совиный ручей»). Мы видим реальность в его текстах «объемной», материальной, чудовищно зримой. Бирс сосредоточен на мельчайших деталях, на жестах персонажей, на предметах, на растениях. Он не описывает их, а, скорее, воссоздает, представляет. Этот эффект усиливает у читателя ощущение самодостаточности его вымышленного мира и заставляет поверить, что в нем действуют свои, какие-то собственные силы, неподвластные даже рассказчику. Той же цели — дистанцироваться от предмета служит ироническая интонация, к которой Бирс часто прибегает в своих текстах.

Вместе с тем Бирс далек от того, чтобы бесповоротно отказаться от романтических приемов и стать американским Флобером или Золя. Он сохраняет верность своей национальной романтической традиции и в первую очередь своему учителю Э.-А. По. Предельная достоверность и натуралистическая точность Бирса часто перебиваются вдохновенными, откровенно романтическими пассажами, но, как правило, лишь в тех случаях, когда рассказчик воссоздает психологическое состояние героя. Бирс даже не прочь прибегнуть к несколько натужной символике, дабы подчеркнуть универсальный характер происходящего. Вспомним хотя бы впечатляющее описание всадника на скале в рассказе «Всадник в небе».

Приоткрыв дверь в кошмарную вселенную Бирса, мы, безвольные пешки современной реальной политики, возможно, переживем чувство узнавания. Впрочем, далеко не радостного и трепетного, как, по обыкновению, бывает с узнаванием, если, конечно, верить Мандельштаму. Амброз Бирс — законченный пессимистичный фаталист, как и многие литераторы его поколения, пережившие влияние Артура Шопенгауэра. В его рассказах вселенная выглядит иррациональной, как будто слегка свихнувшейся. Здесь всем правит совершенно неуправляемая сила, абсолютно безразличная человеку, никак не связанная с его чаяниями и стремлениями и потому совершенно непостижимая. А человек, в свою очередь, всего лишь ее безвольная игрушка, которую эта сила неизбежно влечет к гибели. Человек — часть замысла, проекта, который он не в силах разгадать. Бирсовский герой никогда не действует — он только претерпевает. Он не совершает поступки, а с ним «что-то случается». Причем всегда это «что-то», эти обстоятельства, как будто непредсказуемые и случайные, складываются не в пользу героя.

Немного напоминает Томаса Гарди, бесстрастно по-шопенгауэровски расправлявшегося со своими замечательными добрыми героями Тэсс и Джудом. Но еще больше — бабушку современной индустрии ужасов, раннюю готическую прозу, где правит рок, фатум и сверхъестественные силы, которыми управляет сам дьявол, влекут слабых невинных героев к гибели. Здесь, однако, важно понять принципиальное различие в отношении к судьбе у готических авторов и в рассказах Бирса. У Бирса судьба не приходит откуда-то извне. Она заключена в самом персонаже. Бирс был учеником не только Э.-А. По, но и Э. Золя, полагавшего, что человек, во-первых, существо биологическо, а во-вторых, простая сумма среды и наследственности, то есть врожденных свойств характера, страстей, переданных ему предками. Бирс доверял идее биологической предопределенности и даже где-то высказался, что «чело-

век — сумма своих предков». Эта идея проводится им в рассказе «Чикамога»: в маленьком мальчике-южанине просыпается отважный дух его предков-первооткрывателей, и он победоносно отправляется в лес в поисках приключений, которые закончатся жутким кошмаром.

Наследственность, биологические инстинкты становятся ловушкой персонажа. Бирс был невысокого мнения о человеческой природе. И неудивительно, что в его текстах мы не найдем глубокого психологизма. Это у Бирса ни в коем случае не от неумения писать. Психологизм, диалектика души возможны лишь тогда, когда есть вера во внутреннюю свободу человека. Бирс такую свободу категорически отрицал. Люди, в его представлении, одержимы всего одним биологическим стремлением: выжить и постоянно бороться за существование, уничтожая себе подобных. Поэтому войну Бирс считал вполне естественным состоянием человеческого общества и точной метафорой жизни. Всякое существо, появившись на свет, начинает усердно бороться за выживание и несет гибель не только окружающим, но и себе. В нем изначально заложен инстинкт смерти и разрушения. Этот инстинкт у героев Бирса может проявляться по-разному и превращаться, например, в романтическую страсть к приключениям или в стремление во что бы то ни стало отстоять какие-нибудь обветшалые идеалы, или просто в любопытство. Охваченный такой страстью герой оказывается в ловушке судьбы, в водовороте, откуда ему уже не выбраться. Судьба медленно и неумолимо начинает отсчитывать отведенное ему время.

Рядовой Джером Сиринг (рассказ «Без вести пропавший»), храбрый солдат, непревзойденный стрелок, с готовностью окунается в опасное приключение: он отправляется в разведку выяснить, где находится арьергард южан. Пройдя лес, он забирается в разрушенное строение, наблюдает за отступлением войск противника и даже взводит курок винтовки, намереваясь прикончить кого-нибудь из врагов. Он уже прицеливается. И тут рассказчик круто меняет интонацию: «*Но в начале начал было предрешено, что рядовой Сиринг никого не убьет в то солнечное летнее утро и никого не известит об отступлении южан. События неисчислимыми веками так складывались в удивительной мозаике, смутно различимые части которой мы именуем историей, что задуманные Сирингом поступки нарушили бы гармонию рисунка*». Высшей силе было угодно, сообщает не без некоторой иронии рассказчик, чтобы в свое время на свет появился младенец мужского пола. Он стал впоследствии капитаном батареи армии южан. И полевое орудие по его приказу выпустит снаряд, который попадет в строение, где скрывается рядовой Сиринг. Так свершается судьба. Придавленный обвалившимися балками герой оказывается в смертельной ловушке. Это — ловушка судьбы, из которой ему уже не суждено будет выбраться живым. Впрочем, Сиринг отчаянно борется за свою жизнь, пытается сопротивляться, как и другие герои Бирса в подобных случаях. Но судьба всегда окажется неодолимой. У героя ничего не получится. Он непременно умрет. Человеческая страсть провоцирует предопределение и заставляет его осуществиться.

«Случай на мосту через Совиный ручей» — бесспорный шедевр Амброза Бирса. На мосту стоит человек с завязанными за спиной руками и веревкой на шее. Это Пэйтон Факуэр, плантатор, рабовладелец, ярый приверженец дела южан. Судя по доброму выражению глаз и сентиментальным мыслям о жене и детях — личность крайне симпатичная. Его готовятся казнить северяне за попытку поджечь мост. Перед смертью Факуэру внезапно приходит в голову мысль о побеге. Казнь свершается, но веревка рвется, и герой падает в воду. Далее следует увлекательная сцена бегства. Погрузившись в воду, Факуэр невероятными усилиями высвобождает руки, всплывает на поверхность, ловко уворачивается от пуль, от картечи, плывет, не зная уста-

лости, выбирается на берег, бежит сквозь лес к родному дому. У крыльца его встречает жена. Он раскрывает ей объятия... и вдруг страшный удар, грохот и безмолвие. Мы видим, что тело героя покачивается под стропилами моста. Весь рассказ о романтическом бегстве был всего лишь секундной предсмертной фантазией.

Пэйтон Факуэр — человек судьбы. Когда начинается гражданская война и героя охватывает неуемное желание во что бы то ни стало с честью послужить делу Юга, его судьба предрешена. Обстоятельства сложатся так, что он обязательно окажется на виселице. В Пэйтоне Факуэре, как и во всех людях, гнездится биологически агрессивный инстинкт, стремление отстоять себя, принять участие в борьбе за выживание в чересчур перенаселенном мире. Но проявляется этот инстинкт внешне вполне невинно — как романтическое стремление помочь благородному делу джентльменов, защитить идеалы Юга. Впрочем, сущность инстинкта от этого не меняется. Он разрушителен. Он несет смерть, и в первую очередь своему обладателю, заставляя судьбу свершиться. Поэтому Пэйтон Факуэр, захваченный своими романтическими страстями, обречен. Когда появляется шпион северян и подстрекает героя поджечь мост, провидение начинает игру и ловит его в свои сети. Факуэр слишком эмоционален, слишком раззадорен своим статусом штатского и ситуацией вынужденного бездействия, чтобы трезво оценить ситуацию. Его поступок вполне предсказуем и совершен в соответствии с судьбой. Еще более предсказуемо и то, что его потом поймают и приговорят к смерти.

И вот герой стоит на мосту, крепко связанный, с петлей на шее. Теперь он в капкане судьбы, и она владеет им безраздельно. Сцена казни, исполнение воли провидения, обставлена Бирсом не без театральности. Герой — действующее лицо величественного спектакля, в котором все — и сам он, и солдаты-северяне, и сержант, и капитан — разыгрывают свои роли, а режиссером выступает судьба. Бирс не удерживается от несколько тяжеловесной, но вполне эффектной символики. Мост, служащий эшафотом, выступает здесь как символ человеческого пути и одновременно связи между миром земным и загробным. Это — дорога судьбы, знак перехода в другой мир, куда теперь, согласно замыслу, предстоит отправится Пэйтону Факуэру.

Неотменимость исполнения приговора судьбы символизирует тиканье часов, звук которого усиливается, заглушая для Пэйтона Факуэра все остальные звуки: «*Какой-то звук, назойливый и непонятный, перебивал его мысли о близких — резкое, отчетливое металлическое постукивание, словно удары молота по наковальне: в нем была та же звонкость. Он прислушивался, пытаясь определить, что это за звук и откуда он исходит; он одновременно казался бесконечно далеким и очень близким. Удары раздавались через правильные промежутки, но медленно, как похоронный звон. Он ждал нового удара с нетерпением и, сам не зная почему, со страхом. Постепенно промежутки между ударами удлинялись, паузы становились все мучительнее. Чем реже раздавались звуки, тем большую силу и отчетливость они приобретали. Они, словно ножом, резали ухо; он едва удерживался от крика. То, что он слышал, было тиканье его часов*». Повешенный Пэйтон Факуэр, окончательно совпав со своей судьбой, побежденный ею, сам превратится в эти часы — его тело будет покачиваться над водой из стороны в сторону, как маятник: «*Лишенный материальной субстанции, превратившись всего только в огненный центр светящегося облака, он, словно гигантский маятник, качался по немыслимой дуге колебаний*».

Однако герои Бирса вовсе не готовы так просто покориться судьбе. Они всеми силами стараются обуздать ее, взять под свой контроль. Так Джером Сиринг (рассказ «Без вести пропавший») предпринимает титанические усилия, чтобы выбраться из-под обрушившихся балок. Но судьба обязательно свершится. Она осуществит-

ся в реальном, бытовом измерении чудовищным кошмаром смерти, причем кошмаром не готическим, не запредельным, а устрашающе обыденным. Это ужас переживания человеком смерти, который открывает глазам читателя Бирс, настолько реален и физиологичен, что он противится всякому осмыслению. Его невозможно артикулировать, облечь в слова, заключить в уютную литературную форму. Бирс как будто бы зажимает рассказчику рот, ставит пробел, обнажает черный мрак пустоты. Вспомним финал рассказа «Случай на мосту...»: «*Толкнув калитку и сделав несколько шагов по широкой аллее, он видит воздушное женское платье; его жена, свежая, спокойная и красивая, спускается с крыльца ему навстречу. На нижней ступеньке она останавливается и поджидает его с улыбкой неизъяснимого счастья, — вся изящество и благородство. Как она прекрасна! Он кидается к ней, раскрыв объятия. Он уже хочет прижать ее к груди, как вдруг яростный удар обрушивается сзади на его шею; ослепительно-белый свет в грохоте пушечного выстрела полыхает вокруг него — затем мрак и безмолвие!*

Пэйтон Факуэр был мертв; тело его, с переломанной шеей, мерно покачивалось под стропилами моста через Совиный ручей»

Приближение невыносимой смерти Пейтон Факуэр пытается всеми средствами оттянуть. Он стремится приручить кошмар, обуздать его своим воображением, накрыть покровом эстетической иллюзии. Герой, как мы помним, сочиняет в своем воображении историю побега. Очень романтическую и красивую. Вообще романтическое мировидение, особенно это касается ранненемецкого романтизма, крайне оптимистично. Мир, утверждают романтики, будет таков, каким мы себе его вообразим. Достаточно лишь приложить фантазию, и реальность перестанет быть косной, неизменной и откроет нам новые стороны, неожиданные возможности. И вот Факуэр творит новые возможности жизни, отказываясь созерцать невозможный, невыносимый кошмар. Сочиненная им история настолько убедительна, что читатель невольно поддается эстетической иллюзии и верит, что Пэйтону Факуэру в самом деле удалось сбежать прямо из-под виселицы. И потому столь неожиданной для читателя оказывается кошмарная развязка рассказа. Факуэр в самом деле вдохновенно и самозабвенно созидает свой романтический мир. Но ужас реального тем не менее начинает просвечивать сквозь радужную, иллюзорную ткань его рассказа дикой физической болью удушья: «*Шея сильно болела, и, дотронувшись до нее, он убедился, что она страшно распухла. Он знал, что на ней черный круг — след веревки. Глаза были выпучены, он уже не мог закрыть их. Язык распух от жажды: чтобы унять в нем жар, он высунул его на холодный воздух*». Да и сам этот романтический мир, стремительно разворачиваясь на глазах у читателя, постепенно начинает выглядеть все более условным. Так, выбравшись в своем воображении на берег, Факуэр оказывается почти в блоковском романтическом соловьином саду: «*Крупные песчинки сияли, как алмазы, как рубины, изумруды: они походили на все, что только есть прекрасного на свете. Деревья на берегу были гигантскими садовыми растениями, он любовался стройным порядком их расположения, вдыхал аромат их цветов. Между стволами струился таинственный розоватый свет, а шум ветра в листве звучал как пение эоловой арфы. Он не испытывал желания продолжать свой побег, он охотно остался бы в этом волшебном уголке, пока его не настигнут*». Потом вымышленные картинки и вовсе начинают размываться, линять, обнаруживая черные провалы пустоты. Ужас нарастает. И, наконец, финальным аккордом, яростным ударом реальность обрушивается на героя: кошмар повседневного окончательно отменяет эстетическое и разоблачает его. Рассказ пресекается. Речь тормозится. Невыразимая реальность восстанавливается в своих правах: тело Пэйтона Факуэра мерно покачивается под стропилами моста.

«Чикамога» — еще одна бесспорная удача Амброза Бирса. Это — название ручья, у которого произошло одно из самых кровопролитных сражений (19–20 сентября 1863 г.) гражданской войны. Глухонемой мальчик, сын небогатого плантатора, вооружившись самодельным деревянным мечом, отправляется на поиски приключений в лес, где как раз протекает ручей Чикамога и где скоро произойдет знаменитая битва. Мальчик охвачен воинственным пылом, он направо-налево разит невидимых противников. Но, увидев кролика на дорожке, пугается и бежит в чащу леса. Здесь, испуганный и усталый, он засыпает и не слышит грохот происходящего рядом сражения. Проснувшись, он видит, что по лесу ползут существа, напоминающие странных зверей. Это раненые , пытающиеся найти убежище в лесу. Ребенок хочет оседлать одного из них. Затем возглавляет исход раненых, вообразив себя полководцем. Вернувшись домой, он видит догорающую усадьбу, и вдруг перед домом он замечает развороченное снарядом мертвое тело женщины с выпавшими наружу мозгами. В ужасе он издает жуткие нечленораздельные звуки (глухонемой) и, дрожащий, застывает возле трупа.

Вновь перед нами история приобщения к жуткому кошмару реальности и история разрушения эстетической иллюзии, радужных романтических снов. Первое, что бросается в глаза, — неожиданная, очень неудобная и неприятная для всякого педагога-гуманиста версия детского сознания. Она опрокидывает придуманное романтиками и одобренное всем XIX веком представление о душе ребенка. В романтической философии детство — счастливая райская пора. Это — истинное начало всякой личности, которое каждому человеку нужно в себе открыть. Ребенок невинен. Он еще не пережил грехопадения и не захвачен расчленяющим мир рассудком. Дитя часто уподобляют пророку, поэту, мудрецу, наделенному мистическим чувством, воображением и вообще всеми потрясающими качествами, которые были свойственны человеку в эпоху мифического Золотого века. Эта традиция мифологизации ребенка и детства появляется и в текстах американских литераторов XIX века: Р. У. Эмерсона, Г. Д. Торо, У. Уитмена и многих других. Младенец, или ребенок, обладает, в их представлении, целостным сознанием, ощущением сопричастности первозданной природе, вещам, Богу.

Этот миф настолько удобен, что даже сейчас мы люди, XXI века, испорченные фрейдизмом и постфрейдизмом, готовы в него поверить. Однако у Бирса в рассказе все по-другому. Циничнее, проще и убедительнее. Его ребенок биологически наследует воинственный дух своих героических предков, например, отца, бравого солдата, некогда убивавшего дикарей-индейцев во имя торжества цивилизованной Америки. Собственно к этому инстинкту и сведено все сознание ребенка. Ничего другого в нем нет: автор не балует нас психологизмом и глубокой диалектикой души. Мальчик, как и большинство персонажей Бирса, удручающе одномерен. Этот воинственный дух является в своей основе инстинктом убийства, борьбы за выживание. Он — страшный двигатель судьбы, неумолимо приводящий к порогу смерти, к ее созерцанию, которое рождает ощущение непередаваемого ужаса. Такова логика предопределения: рано или поздно герою, увлеченно бегающему по лесу с мечом и убивающему невидимых врагов, откроется кошмарная истина смерти. Смерть в ее повседневной неприглядности — логическое следствие всей этой воинственной беготни.

Но — все по порядку...

Ребенок и понятия не имеет, куда заведет его игра в войнушку. Он весь в своем придуманном мире, в эстетической иллюзии. Он разит врагов направо и налево до тех пор, пока не встречает на своем героическом пути пушистого кролика с ушками: «*Удаляясь от ручья, мальчик вдруг столкнулся с еще одним, гораздо более грозным врагом. На тропинке, по которой он шел, сидел, вытянувшись струной, держа на весу передние лапки, кролик с торчащими кверху ушами. С криком ужаса ребенок повернул*

назад и пустился бежать, не разбирая дороги, невнятными воплями призывая мать, плача, спотыкаясь и больно раня нежную кожу в зарослях терновника. Сердечко его бешено колотилось, мальчик задыхался и совсем ослеп от слез». Мир тотчас же дает трещину. Эстетическая ткань вымысла рвется, обнаруживая реальность — кролика, который выглядит непередаваемо жутким. Таким жутким, что охвативший ребенка ужас не может облечься в слова – он вырывается из его души нечленораздельным воплем. Здесь Бирс еще склонен повалять дурака, поиронизировать над своим незадачливым героем, вполне по-романтически пережившим разрыв мечты и реальности. Но это лишь пролог к тому, что произойдет потом. А потом и рассказчику, и читателю, и герою уже будет не до смеха.

В лесу мальчик видит еще одно ужасное зрелище — раненых конфедератов, которые ползут в сторону ручья. Тут нетрудно заметить иронический параллелизм. Солдаты уже пережили то, что предстоит пережить герою. Они отважно форсировали ручей, воинственно наступали, видимо, окунулись в кошмар жуткой бойни, увидели смерть, и теперь, изуродованные, покалеченные, ползут восвояси. Их путь вполне закономерен. Судьба привела их к порогу смерти. То же самое произойдет и с ребенком: его душа будет навеки искалечена созерцанием смерти. Но пока еще, с любопытством разглядывая ползущих раненых и видя в них не то зверей, не то птиц, он об этом не догадывается. Эстетическое берет верх над страхом. Инстинкт вымысла настолько устойчив, что он с легкостью осваивает реальность и примиряет героя с ней. Реальность вновь предстает радужным сном, точнее, занятной игрой: мальчик убежден, что с ним хотят поиграть в лошадки, и вскарабкивается на спину человека, у которого оторвало нижнюю челюсть. Но раненый его сбрасывает, и ребенка одолевает смутный страх, откликом которому становится жуткая тишина, воцарившаяся в лесу. Неизрекаемый ужас вновь пробуждается, постепенно захватывая сознание ребенка, препятствуя воображению и творчеству.

Однако вымысел опять восстанавливается в своих правах, и художественная иллюзия побеждает страх: мальчик, вообразив себя полководцем, сжав в руке деревянный меч, встает во главе отступающего войска. То же самое происходит, когда его глазам открывается жуткое зрелище горящей усадьбы. Он начинает радостно бегать вокруг пожара и притоптывать в такт танцующим языкам пламени. И все же судьбе угодно свершиться и открыть герою реальность, кошмар смерти. В горящей усадьбе он узнает собственный дом, а перед ним видит обезображенный труп женщины: *«По другую сторону дома, озаряемое пламенем пожара, лежало тело мертвой женщины. Бледное лицо было запрокинуто кверху, в пальцах разметавшихся рук зажата вырванная с корнем трава, платье разорвано, в спутанных черных волосах запеклись сгустки крови. Большая часть лба была снесена, из рваной раны над виском вывалились мозги — пенистая серая масса, покрытая гроздьями темно-красных пузырьков. Это была работа снаряда!»*

Покров эстетического окончательно спадает. Подлинное переживание страха непередаваемо. Оно противится разуму и сопротивляется всякому облачению в слово, которое разуму подчинено: «*Ребенок задвигал руками, делая отчаянные, беспомощные жесты. Из горла его один за другим вырвались бессвязные, непередаваемые звуки, нечто среднее между лопотаньем обезьяны и кулдыканьем индюка,— жуткие, нечеловеческие, дикие звуки, язык самого дьявола. Ребенок был глухонемой*». Единственной точной реакцией на ужас реального может быть только нечленораздельное индюшачье кулдыканье, абсурдная, древняя допонятийная речь. И здесь Бирс опережает свое время, преодолевает границы эстетического, подводя художественное высказывание к собственному отрицанию и к фигуре молчания.

Pro memoria

Лариса ДОКТОРОВА-ЗАЛЕСОВА

ОПЕРА «АХМАТОВА» В БАСТИЛИИ

Знаменитая русская поэтесса вернулась в Париж, теперь уже в сценическом образе пожилой дамы. Но в сопровождении того же рисунка Модильяни, с которым не расставалась всю жизнь. В результате странного стечения обстоятельств на сцене театра в Бастилии возникла музыка, зазвучали строки из поэм Ахматовой и Пушкина и начали петь, помимо Анны Андреевны, наши современники Лидия Чуковская, Фаина Раневская и Лев Гумилев.

Трудно привыкнуть к мысли, что они уже превратились в мифических личностей, в героев музыкальной драмы.

В этом сезоне на сцене парижской оперы зрители увидели 17 оперных постановок, среди которых «Ахматова» была единственной новой оперой.

Этим мы обязаны директору театра Николя Жоелю. Придя в парижскую оперу, он решил поставить оперу, написанную современным композитором. Но помимо новой музыки, директор хотел предложить зрителям спектакль о драматических событиях, которые происходили, да и сейчас происходят в современном мире. В частности, он захотел поставить оперу о Второй мировой войне и коснуться той стороны войны, которая не так часто затрагивается в искусстве, а именно — судьбы творца, оказавшегося перед лицом страшной действительности, то есть сделать спектакль о судьбе творческой личности на фоне всеобщей катастрофы.

Директор поделился своими планами с драматургом Тулузского оперного театра Кристофом Гристи, который является специалистом по русской литературе, и тот пришел к нему с предложением написать оперу о жизни Анны Ахматовой.

Живя в Советском Союзе, мы знали, как опасны были для авторов неугодные властям стихи, дневниковые записи, читанные друзьям на кухне рассказы. И как русские писатели и поэты трудно жили и творили под властью цензуры и самоцензуры. Гристи смог убедить Николя Жоэля, что на жизнь Анны повлияли не только война со всеми лишениями и опасностями, но и условия тоталитарного режима, что она оказалась под двойным давлением. Гристи и написал либретто оперы.

Композитор уже был выбран. Им стал 39-летний Бруно Мантовани, новая звезда европейского музыкального небосклона, которого считают самым ярким и самым талантливым композитором Франции. Помимо ряда камерных произведений, исполняемых многими европейскими оркестрами, у него на его счету опера «По ту сторону» и балет «Сидхарта», в прошлом году поставленный парижской оперой.

Лариса Залесова-Докторова — журналист и критик. Живет в Санкт-Петербурге и Брюсселе.

Либреттиста не смутил тот факт, что во Франции мало кто из непосвященной публики знаком с именем Анны Андреевны и тем более с ее поэзией. Если в России ее стихи печатали нерегулярно, сборники ее произведений появлялись редко и с перерывом в 20 лет (1921–1940), то как люди во Франции могли знать о ее существовании?

Поэтесса умерла в 1966 году на закате оттепели, ее отпевание в Никольском соборе транслировалось на Запад, но переводы ее стихов начали появляться во Франции значительно позже. И за эти полвека многое изменилось в жизни общества. Сменили друг друга несколько литературных течений, и на поэзию Ахматовой теперь смотрят как на далекое прошлое.

Анне Андреевне позволили выехать за границу и побывать в Италии в 1964 году и в Англии в 1965 году, чтобы принять почетное звание доктора Оксфордского университета, так мало ли литераторов путешествуют и награждаются в мире? Вот Нобелевская премия, особенно с привкусом скандала, пробуждает интерес публики. Но Анна Андреевна Нобелевскую премию получить не успела. Ушел ее час. А вот ее ученик успел, и в своей нобелевской речи в 1987 году упомянул ее имя.

Правда, в Мюнхене в 1963 году появился «Реквием».

Ахматова посетила Париж, где встретилась с друзьями юности, в частности, с Георгием Адамовичем, но этот визит был частным.

Эти факты ничего не говорят французской публике, даже самой образованной. Но эта публика оперу любит, уважает усилия директора и ходит на премьеры современных произведений.

Итак, за год либретто было закончено.

К сожалению, оно написано в прозе, и либреттист очень экономно использовал произведения Ахматовой, хотя и сумел передать интонацию поэтессы, ее ключевые образы (например: «Не склеить разбитую жизнь»).

Сюжет оперы построен на фактах биографии Анны Андреевны по воспоминаниям Лидии Чуковской, опубликованным в Париже в 1974 году. И безусловно либреттист встречался с русскими исследователями творчества Анны Ахматовой, ее друзьями и почитателями. В театральной брошюре есть фотографии из Петербургского Ахматовского музея и слова благодарности его директору.

Стоит уважительно отнестись к усилиям Кристофа Гристи, выбравшего для новой оперы столь сложный сюжет. Бесспорно, ему потребовалось много изобретательности, чтобы подвести его под жесткие правила оперного либретто и передать 20 лет жизни героини в двух часах сценического времени. Либретто написано по-французски, среди исполнителей русских солистов нет, а в роли героини выступила немецкая певица.

Еще перед премьерой театр постарался познакомить зрителей с творчеством Анны Андреевны. Были устроены вечера ее поэзии (в переводе на французский), встречи с переводчиком и, конечно, с самим либреттистом.

Кристоф Гристи сказал, что его увлекла идея показать, каким образом эта личность могла сохранять свой внутренний мир и богемный образ жизни при Николае Втором, потом во времена правления Ленина и в какой момент она почувствовала трагический смысл времени. Он думает, что первый арест сына изменил тональность ее произведений.

Дирекция театра подготовила прекрасную программу спектакля, куда вошли фотографии Анны, ее сына, мужей, подробная хронология жизни поэтессы, строки из ее стихов.

И все-таки зрителям трудно было принять новую оперу. Даже на премьере зал был заполнен на две трети. Оперу поставили в Бастилии в зале на 2700 человек, а не в более подходящем для камерных произведений дворце Гарнье. Но оперу ставил сам директор, и он хотел видеть главную премьеру сезона на главной сцене.

Постановщик постарался найти связь Анны Андреевны с Францией. Известно, что в 1910 году во время медового месяца с Николаем Гумилевым в Париже она познакомилась с Модильяни и на следующий год вернулась в Париж одна. Она поселилась на той же улице — рю Бонапарт, где жила со своим мужем год назад. Сама Ахматова в своих воспоминаниях о встрече с Модильяни так все завуалировала, что в некоторых местах на эти записи о Модильяни нельзя полагаться. Но остались свидетельства этих отношений — 16 рисунков «ню» Анны Ахматовой. Один всегда был с нею.

Именно этот рисунок взят за основу оформления спектакля. Он увеличен во много раз и повторен на десяти огромных панно, которые передвигались по сцене. Они — основа черно-белого оформления сцены. Они напоминают Анне о Париже и Модильяни, они делят сцену на замкнутые отсеки, и они служат убежищем, где скрываются агенты КГБ, ожидающие момента проникнуть в квартиру и арестовать сына или мужа и произвести очередной обыск. Ожидая ареста, поэтесса старается писать, цитирует Пушкина, вспоминает о Париже.

Единственным ярким пятном на сцене становится молодая актриса Фаина Раневская, с которой Анна подружилась в Ташкенте. Ее яркое платье в цветах и красный шарф наконец оживляют серую сцену. Несколько современных предметов дополняют сценографию.

Среди действующих лиц, помимо самой Анны, присутствуют Лидия Чуковская, Фаина Раневская в короткой сцене, Николай Пунин и Лев Гумилев. Немаловажную роль играет Представитель Союза писателей — высокий худой солист — контртенор с очень высоким голосом.

Анна Ахматова находится на сцене постоянно, и опера во многом состоит из ее монологов. Время от времени в ее размышления вмешиваются другие протагонисты и начинают диалоги. Их трудно назвать дуэтами, потому что композитор широко использует речитативы. Из других вокальных ансамблей часто слышится трио. Хор появляется эпизодически. Но его участие значительно по своему эмоциональному воздействию.

Двухчасовой спектакль (три акта) можно условно разделить на две части. В первой особенно хорошо передана обстановка в России в 20–30–40—50-х годах. Жизнь Анны Андреевны проходит под постоянным напряжением. С 1921 года ее произведения перестали печатать, и она удалилась в упрямое молчание. Но как выразить в лирическом искусстве упрямое молчание. И что оно скажет зрителю? Сцена требует слов и действий. Их нет. Но атмосфера передана. Да, Анна Андреевна была молчальницей. Это молчание было выражением ее протеста против системы, цензуры, запретов, ссылок и расстрелов. События происходят вокруг нее, а не с ней. Тут и агенты, и обыски, и сжигание рукописей, и аресты близких, и страх нищеты.

В коротких дуэтах воссоздаются конфликтные ситуации, ссоры с бывшей женой Пунина, с которой они живут в одной квартире, с членами английской делегации, с Союзом писателей. Все они происходят на фоне войны, бомбежки, эвакуации.

Во второй части центральной темой становится конфликт с сыном. Если ранее либреттист бросался в разные стороны, пытался запечатлеть детали творчества и жизни поэтессы, то теперь все проблемы отступают на второй план, и спектакль обретает стройность, логичность и смысл.

Лев Гумилев последний раз возвращается из лагеря уже после смерти Сталина, звучат его обвинения, почему мать, такая знаменитая, ничего не сделала, чтобы добиться его освобождения. Хотя трудно поверить, что она могла что-то сделать. Но другое, в чем он ее обвиняет, могла. Писем не писала, посылок не посылала, только редкие открытки. К этому добавляются ранние обиды. Не воспитывала, оставляла одного в деревне с чужими людьми. Он рос одиноким и ненужным. И нес непосильный груз — имя расстрелянного отца и опальной матери. Все заканчивается градом жестоких слов, после чего сын сбивает со стены рисунок Модильяни и уходит, как говорит: «Навсегда».

Последние слова Анны: «У поэта не должно быть детей».

С потолка спускаются пятнистые столбы, их семь, они символизируют белые березы. В завершающей арии Анна Андреевна к ним обращается: «Белые деревья моего детства...»

Конфликт с сыном остался неразрешим. И сын, и мать были по-своему правы. Сын, потому что считал себя нелюбимым и ненужным. Хотя это было не так. Но передать свою любовь, как обычная мать, Анна Андреевна не могла, она попросту не знала, как это делать. Она все принесла в жертву музе. И в этом как творец она была права.

Либреттист сказал: «Существует очень мало опер на тему мать и дети. Вспоминаем мадам Баттерфляй. Но там сын крошечный, а вот когда дети вырастают и начинают высказывать свои требования — об этом опер нет».

С точки зрения обычного человека, Анна была плохой матерью. Она и сама писала об этом. Она была эгоистична, упряма, главным для нее была муза, чьего прихода она ожидала. И тогда весь мир и все близкие исчезали. Вероятно, много позже сын ее понял и простил. Но это уже за границей оперы Мантовани.

И композитор, и либреттист решили не принимать ничьей стороны в конфликте матери с сыном, потому что никто ничего точно не знает.

В третьем акте оперы показаны кинокадры смерти Сталина, снимки одиноких могил, вырытых в заброшенных лесах, лагерных бараков и заключенных. Они еще более усиливают гнетущую атмосферу.

Бруно Мантовани, автор музыки, постарался понять Анну Андреевну и объяснить себе ее поведение: «Считается, что страдания либо помогают творчеству, либо заставляют талант замолчать. По-видимому, в случае Анны, она могла творить под моральным давлением, перед лицом опасности. И если строки приходили в голову, есть ли что-нибудь для творца важнее этих моментов?!»

Бруно Мантовани заинтересовался идеей создать образ женщины, творца и матери и передать музыкальными средствами протест героини против действительности, ее фатализм и пассивность.

Мантовани, по его собственному признанию, не собирался писать музыку в манере Шостаковича или других современников Анны Андреевны. Вообще, он не является большим поклонником Шостаковича, хотя знает его музыку наизусть. Он писал свою музыку. Но хотя музыка его мелодичная, а в камерном оркестре присутствовали только традиционные инструменты, дополненные низко звучащими тромбонами, валторной и двумя басовыми кларнетами, и не было ни усилителей, ни акустических инструментов, этот оркестр чаще исполнял речитативы, чем вокальные ансамбли, обычно присущие опере. А публике хотелось больше арий, и дуэтов, и трио. Их не было. Была Анна, постоянно присутствующая на сцене и всех поучавшая.

Единственным напоминанием, что дело происходит в России и что тема оперы — русская, был аккордеон в оркестре.

Интересный эффект создавал барабан, подчеркивая своим глухим тихим ритмом вспышки ссор.

Музыкальная партитура включает звуки той реалистической обстановки, в которой пребывала Анна, как, например, грохот бомбежки или лязг поезда, везшего Анну в эвакуацию.

Задачей хора было противопоставление героини и окружающей жизни. Хор поет об одном, а Анна говорит совсем другое.

Той же задаче соответствует разводка героев на сцене. В одной из редких массовых сцен — поездке в эвакуацию — у всех пассажиров чемоданы и всяческий скарб, а у Анны ничего. Или во время бомбежки вся прячутся в бомбоубежище, а Анна беседует с Представителем Союза писателей об издании сборника своих произведений, который правительство позволило ей выпустить после 19 лет молчания.

В последние 20 минут оперы прозвучала самая красивая музыка. В «постлюдии», как ее назвал композитор, он передал главные темы оперы, боль творца, политический гнет, внутренний драматизм судьбы Анны. Эти минуты можно назвать экстазом, потому что именно в эти моменты оркестр смог создать музыкальный эквивалент поэзии Анны. То есть в опере «постлюдия» заменила прелюдию, привычную увертюру с мотивами, характеристикой героев, описанием конфликтов.

Хочется сказать несколько слов и об исполнительнице роли Анны Андреевны. Это немецкое меццо-сопрано Жаннина Бекле, член труппы венской оперы. Роль Анны Андреевны принесла ей большой успех. Глубокий теплый сочный голос был услышан, оценен и публикой, и критиками и несомненно еще не раз прозвучит уже в других партиях на сцене парижской оперы. Певица вжилась в роль, внешне похожа на Анну Андреевну в старости. Конечно, жаль, что создатели оперы не оставили места для молодой Анны, времен ее романа (если таковой был) с Модильяни. Жаннина Бекле старалась сделать почти невозможное: вдохнуть жизнь и эмоции в свою героиню.

Работая над созданием образа Ахматовой, Жаннина Бекле много слушала записи чтения стихов Анны Андреевны и была увлечена ее голосом: «У нее особая манера говорить, ее голос звучит торжественно, низко».

Если прочитать отзывы музыкальных критиков о новой опере, то можно наблюдать различие между французскими и английскими критиками. Французские газеты поместили осторожные одобрительные рецензии, в которых журналисты хвалят директора театра за храбрость и композитора за его оригинальную музыку, английские газеты не скрывают своего критицизма и откровенно говорят, что новая опера скучна, сценография бедна и что в либретто конфликт с сыном изложен невнятно.

Всего было дано шесть спектаклей. Публика их покорно и добросовестно высидела.

Пилигрим

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛУККА

Лукка (лат. Лука) — старинный город в Тоскане; он был основан римлянами в 180 году до н. э. Здесь сохранились руины римской городской стены, театра и амфитеатра. Лукка, как и многие итальянские города, сохраняла в качестве первоначального ядра планировку древнеримского каструма. Во второй половине VI века в Лукке была выстроена **церковь Сан Мартино**; она неоднократно перестраивалась, после чего приняла снаружи готические черты[1].

Жители Лукки производили имя города от lux — света, света учения Христова, которым она, по преданию, воссияла первая из тосканских городов. В Лукке, считавшей себя спасенной от наводнений реки Серкио молитвой местного **епископа Фредиано**, по старому обычаю продолжали в день праздника св. Мартина, что отдал нищему свою мантию, возлагать на его конную статую в соборе богатый плащ[2].

В Лукке особо почитаема **св. Цита** (Zita, ок. 1218–1278). Простая служанка Цита достигла святости. Она верой и правдой служила своим господам (они и позаботились о ее канонизации), была смиренна и терпелива, всех уважала и слушалась. Трудясь, она находила время и возможность предаваться аскезе; умеренная в пище, часто отказывалась от вина. Св. Цита была известна своим смирением, благочестием и добрыми делами. Св. Ците полнота благодати позволяла с материнской нежностью относиться к самым отверженным, нежно жалеть даже блудниц. Она собирала и маленькие кусочки хлеба, не желая пропустить без подаяния ни одного нищего[3] . Св. Цита считалась покровительницей служанок.

Профессор Московского университета С. П. Шевырев (1806–1864), посетивший Лукку в 1830 году, подметил интересную особенность: «В Италии лучшие служанки из Лукки — и вот почему: там жила святая Zita, служанка, и все поклоняются ее мощам. Влияние этой святой простирается на служанок. Здесь всякое мастерство имеет своего святого. Молодые ученики уважают в особенности Людовика Гонзагу, иезуита, умершего молодым»[4].

Еще один подвижник, особо почитаемый в Лукке, — это св. Давин (жил в XIII веке). Давин происходил из армянской семьи; он роздал свое имущество бедным и отправился в Иерусалим, но не смог достичь его. Намеревался совершить паломни-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. В 1969 году окончил физический факультет Ленинградского университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году им же рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Ленинградскую Духовную академию (1975), с этого времени — преподаватель, с 1978 года — доцент Санкт-Петербургской Духовной академии.

чество в Сантьяго-де-Компостела, но по дороге заболел и остановился в Лукке, поселился в доме одной вдовы, где вскоре и умер 3 июня. У его могилы имели место многие чудеса. Мощи его пребывают в одной из церквей в Лукке.

Бичом средневековой Европы была эпидемия чумы. Чума 1348 года, уничтожившая в Европе треть населения, в Лукке повторялась в 1362, 1373, 1382, 1399–1400 годах, то есть в среднем приходила через десять лет. О событиях, связанных с эпидемией 1399–1400 годов, повествуется в «Хронике Серкамби».

Луккским летописцем этой поры является аптекарь Джованни Серкамби. Он родился в год великой эпидемии чумы — 1348 -й и прожил долго — до 1423 года. Переворот 1400 года сделал аптекаря придворным историографом.

Под 1399 годом в «Хронике» описано движение «белых» по Тоскане. Это была одна из периодически возобновлявшихся с XIII века массовых покаянных процессий. «Белые» в порядке последовательности сменили шествия полунагих «бичующихся» (флагеллантов), обливавшихся кровью по селам и весям Италии. 8 мая 1399 года процессия «белых» из Генуи приходит в Лукку. Монахи проповедуют «о том, что должен делать человек, который хочет облачиться в белую одежду».

«Каждый, кто захочет облачиться в белую одежду и следовать за процессией, должен исповедаться и причаститься, простить всем и обещать вернуть беззаконно присвоенное имущество, прежде чем облачиться в сказанную одежду. И одежда непременно должна быть белой и покрывать всего человека, кроме лица и рук. И чем больше скрывает человека одежда, тем больше заслуги»[5].

«Затем все девять дней, что длится паломничество сие, ночью нельзя спать в пределах городских стен, на открытом воздухе или раздевшись в постели. Спать полагается в церкви на скамьях, на земле или на соломе. И нельзя раздеваться до истечения девяти дней. Кроме того, нельзя вкушать мяса, и подобает блюсти целомудрие, пока длится процессия. В субботние дни, которые придутся на процессию, кто хочет — может поститься, оставаясь на хлебе и воде. Также должны все поститься в последний день при возвращении домой.

Все, облачающиеся в белую одежду, должны идти в порядке процессий за Распятием или крестом. И те, кто идет впереди, должны петь один из гимнов, говоря:

Stabat Mater dolorosa,
Juxta crucem lacrimosa,
Dum pendebat Filius

(«Мать, страждущая и рыдающая,
стояла около креста,
на котором висел Сын»).

На эту строфу все белые должны ответствовать. А потом все должны пропеть вторую строфу, а те снова ответствовать. А потом все должны возопить «misericordia!» — «помилуй!» три раза и столько же раз: «мира!». Потом, помолчав, первые должны произнести «Отче наш», а вслед затем молитву «oremus», а после нее одно из нижеприведенных славословий — Lode...»[6]

Следующая глава хроники повествует, «как из Лукки двинулись многие белые мужчины и женщины, и коммуна луккская не могла их задержать, так как с ними было Распятие». Власти, напуганные намерением массового исхода, увеличили стражу у всех городских ворот и пытались воздействовать, выслав к процессии депутацию из уважаемых должностных лиц, но встреченная воплями о пощаде и мире, она возвратилась, устрашенная и смущенная. «Белые» продолжали свой путь[7].

Серкамби следит за их дальнейшим маршрутом по Тоскане, как за растущей лавиной, и перечисляет все чудеса, кровоточащие Распятия, исцеления, торжественные примирения враждующих. За пределами Тосканы он теряет их из виду — на самом деле зараза распространилась из Лигурии и Тосканы на Ломбардию, Венецию, Романью и докатилась до Рима, причем обычно власти также пытались парализовать ее, как то было в Лукке.

Многие современные историки рассказывают о ней, но версия «Хроники» принадлежит к числу самых полных, между прочим, и потому, что передает не только легенду и чудеса, не только воспроизводит устав проповеди, но щедро иллюстрирует события народно-религиозной лирикой и миниатюрой.

Лирика — это melode, lalde или laude, гимны — славословия, которые распевали «белые» — неистовые мольбы о пощаде, прощении, милости, угрозы хладом и гладом, мором, войной и смертью тем, кто ослушается благого пастыря — поэзия безыскусственная и стихийная. Миниатюры изображают вьющиеся процессии людей в клобуках и в длинных, до пола, рясах, где на правом плече вышит крест, иногда покрыто и лицо и оставлено отверстие только для глаз, как то было в обычае у братств, сопровождавших приговоренных на казнь. Некоторые шествуют с посохом, другие несут зажженные свечи или Распятие. Процессия выходит из стен одного города, чтобы дотянуться до башен другого. Разные города обозначены своими гербами[8].

В течение XIV века Лукка поочередно была добычей гибеллинских вождей Угуччьоне делла Фаджуола и Каструччьо Кастракане. Каструччо Кастракани (Castruccio Castracani, 1281–1328) — герцог Лукки, гибеллин. Происходил из луккской семьи магнатов Antelminelli. Воевал с Флоренцией в течение многих лет; в 1325 году захватил Прато, затем Пистою и совершал набеги во Флорентийской округе. 23 сентября 1325 года войско Каструччо Кастракани разбило флорентийцев, что было расценено многими как триумф Рима.

Впоследствии Лукка претерпела 40-летнее рабство под игом соседних сеньоров, которые покупали ее друг у друга с молотка, и Пизы, от которой Лукку освободил в 1368 году император Карл IV. С 1368 года в Лукке 13 апреля праздновали с военным смотром, бегами и традиционной в итальянских городах раздачей победного знамени — «palio», праздник свободы, уничтожения ига соседних пизанцев, которые, по словам луккской «Хроники Серкамби», угнетали своих подданных хуже, чем иудеев»[9].

Об одном из главных событий в истории города сообщается в старинном путеводителе (XVIII в.) «Лукка – великий, многолюдный и крепкий город в Италии, между Генуэзской и Тосканской областьми. Получил себе полную вольность в 1430 году, под защищением цесаря Римского, которого сей город за государя и протектора своего почитает»[10]. Впрочем, Лукка не «получила» вольность, а отстаивала ее в борьбе с более сильными городами. Так, в 1430 году во время осады Лукки флорентийский скульптор Донато ди Никколо ди Бетто Барди, прозванный Донателло (1386–1466), производил там инженерные работы (с Брунеллеско и Микелоццо)[11].

А через несколько десятилетий Лукке пришлось отстаивать свою независимость в борьбе с Флоренцией. Так, Макиавелли рассказывает в XXIII главе четвертой книги «Истории Флоренции» о попытке Филиппа Брунеллески (1377–1446), известного архитектора и ученого, затопить Лукку. Лукка осталась «вольным городом», а Флоренция поплатилась за свои притязания. После провала войны с Луккой в 1430 году, вызвавшего не только финансовый, но и политический кризис, Флорентийская республика фактически прекратила свое существование: в городе устанавливается скрытая тирания династии Медичи.

Наряду с городами-столицами и с городами, находившимися у них в подчинении, существовало еще немало городов-одиночек (citta singole). Не став господствующим городом, они, однако, сохраняли свою полную независимость до XVI века и позднее. Это — Лукка, Сиена, некоторые второстепенные города-государства (как Мирандола или Карпи). Лукка — это город, который дольше всех других городов оставался столицей прилегающих к нему территорий. Лукка перестала ею быть лишь в 1847 году. Это город, за плечами которого — опыт римской колонии, коммуны (с 1115 г.), коммуны-республики, республики, которую можно назвать народной, аристократической республики, а затем и наполеоновского княжества. Это город, имеющий очень большую историю: например, в средние века, в XII—XIII веках, он вел войну, о которой рассказывает Бартоломео Фиадони в своих анналах. Там, где шла борьба между народной партией — пехотинцами (pedoni) и партией феодалов — рыцарями-всадниками, которая приводила к победе пехотинцев, там систематически разрушались замки феодальных сеньоров, которых насильно заставляли переселяться в города. Это приводило к значительному росту населения города[12].

Еще одна причина, по которой Лукка становилась многолюдной, — это приток сельских жителей. Об этом пишет (будущий) академик Е. В. Тарле: «Лукка, Пиза, Флоренция уже в начале XIII столетия издают постановления, не только дающие полную свободу и неприкосновенность всякому крепостному, убежавшему из поместья и укрывшемуся в городских стенах, но и предоставляют ему весьма большие льготы от разных податей и повинностей, по крайней мере, на первые годы его жизни в городе. Судьи, консулы, подесты, все власти ломбардских городов в случае споров и претензий со стороны господ бежавших крепостных, по-видимому, всегда становились на сторону последних и, несмотря на предъявление самых бесспорных документов, не выдавали беглецов»[13].

Но, наряду с этим, в Лукке, как и в других городах Тосканы, бытовала работорговля. Рабами и рабынями в те века в Тоскане обычно были иноземцы — татары, черкесы, сирийцы, русские-полоняне. В обычае было их крестить и нарекать им новое имя. Крещение вызывало хитросплетенные умствования: можно ли, спрашивала совесть, торговать крещеной собственностью? Можно, отвечали богобоязненные купцы и лучшие богословы Франко Саккетти (1335–1400) и блаж. Антонин, епископ Флорентийский (1389–1399). Ведь они крестились не по собственной охоте, а были крещены по принуждению, следовательно, собственно, не заслужили благодати. Рабы несли, главным образом, каторжный труд гребцов на галерах; рабыни — труд домашней прислуги[14].

Что касается обозначения разных слоев горожан, то в Лукке была одна особенность: те, кого называли «почтенные горожане», были потомками семей, принесших клятву верности Яну — королю Чехии и Польши в 1331 году. Остальных называли «Народ» с большой буквы. В Лукке жили и граждане других городов, в частности, много пизанцев. Возможно, что первая война между коммунами в Италии была войной между Луккой и Пизой. В Лукке была также цветущая армянская колония[15].

Что касается торговли Лукки, то ее масштабы были весьма значительны. Лукка с XIII века была одним из центров ткацкой промышленности и торговли в Тоскане. Славились и расходились ее шелка и парчи, которые ткались из иноземного сырца, получавшегося с востока, из Ломбардии и Калабрии. Особо славилась ткань с золотой нитью из Лукки и Генуи. Лукка должна была и могла удовлетворить в отношении качества товаров самым строгим требованиям: ткани, забракованные, как недоброкачественные, сжигались на площади[16]. В XVI веке шелк Лукки считался самым лучшим в западном мире. В средние века купцы Лукки были связаны со всеми европейскими рынками: Брюгге, Лионом и т. п. В первой половине XVI века, то есть ме-

нее чем через пять-десять лет после открытия Колумбом Америки, посланцы Лукки находились в Мексике и занимались там торговыми операциями[17]. Купцы, торговавшие шелком, были и банкирами. В Лукку притекали деньги, здесь концентрировался капитал. В XIII веке Лукке была доверена казна папской курии; следовательно, она не могла не быть городом, преданным папскому престолу[18].

В конце XII века **Рангерий из Лукки** (умер в 1112 г.) отстаивал независимость папской политики, особенно по вопросу инвеституры. Ему покровительствовала графиня Матильда Тосканская, сторонница Григория VII (1073–1085)[19].

Уроженцем Луки был римский **папа Луций (Lucius) III** (Убальдо Аллучиньоли, 1181–1185). Убальдо Аллучиньоли (Ubaldo Allucingoli) был принят в орден цистерцианцев Бернардом Клервоским, в 1138 году посвящен в сан кардинала-диакона, в 1141 году стал кардиналом-пресвитером, а в 1158 году — кардиналом-епископом Остийским. Он выполнял важные политические и церковные поручения римских пап, в 1167 -11 68 годах входил в состав посольства в Византию. Избранный папой в Веллетри, Луций III не мог долго находиться в Риме из-за вспыхнувшего мятежа. Не имея постоянной резиденции, он вынужден был переезжать из города в город. Несмотря на то, что отношения между империей и римским престолом оставались напряженными, 22 июля 1184 года в Вероне состоялась встреча папы Луция III с императором Фридрихом Барбароссой, на которой, в частности, обсуждалось, как противодействовать распространению еретических движений. В результате папа Луций III издал декрет Adabolendam(от 4 ноября 1184 года), в значительной мере ускоривший создание инквизиции.

В Вероне папа Луций III и скончался 25 ноября 1185 года[20].

Уроженцем Лукки был и историк-доминиканец **Бартоломео (Толомео, Птоломео)**. Толомео да Лукка (Bartolomeo Fiadoniили Tolomeoda Lucca (ок. 1240–1327) родился и жил в Лукке, был приором церквей S. Romanodi Lucca (в 1285, 1288 и 1302 годах) и S. Maria Novella (в 1301 году). В 1309 году он стал капелланом у кардинала Патрассо (Patrasso), в Авиньоне, а год спустя начал служить при кардинале Pietro Godin'e. Много работал в архивах Авиньона и в папских архивах, собирая материалы для своих исторических трудов. В 1318 году он был избран епископом города Торчелло, однако вскоре был лишен сана и арестован. Был освобожден в марте 1323 года; в июле того же года принимал участие в торжествах по случаю канонизации Фомы Аквинского.

Толомео да Лукка оставил множество юридических и церковно-исторических сочинений, главное из которых «Historia ecclesiastica nova». Толомео да Лукка является также автором «Гексамерона». В своем трактате Бартоломео отстаивал взгляды Фомы Аквинского (1225–1274) по ряду философско-религиозных вопросов. Бартоломео был учеником св. Фомы в Неаполе, и он закончил книгу «О правлении государей» («De regimine principum»), которую его учитель оставил незавершенной. Работая над незаконченным произведением св. Фомы, Бартоломео фактически написал собственное сочинение, за которое ему воздается честь[21].

В XIV столетии в Лукке уже была сформирована большая библиотека, что указывает на пробудившуюся тягу к гуманистической образованности, центром которой была Флоренция, откуда луккские книгочеи выписывали кодексы для книгохранилища синьора. Если междоусобия предыдущего столетия и мешали Лукке в смысле уровня образования притязать на первые места, то все-таки и здесь, в том же XIV веке, студенты, местные уроженцы, учившиеся в других итальянских университетах, получали правительственную стипендию и в местной же городской школе, пока собирались перечисленные выше книжные богатства, приобретал вкус к науке и, быть может, уже и к собирательству кодексов Томмазо Парентучелли, будущий папа Ни-

колай V (1447–1455), гуманист на папском престоле, автор первого библиотечного канона[22].

В Лукке подвизался **св. Иоанн Леонарди** (Giowanni Leonardi), священник, реформатор монашеской жизни, основатель Ордена регулярных клириков Божией Матери (Ordoclericorum Regularium Matris Dei), один из создателей папской миссионерской коллегии Урбанианум (Урбанианский университет). Он родился около 1541 года в местечке Дьечимо, около Лукки; скончался в 1609 году в Риме. Получив фармацевтическое образование в Лукке, Иоанн Леонарди работал в аптеке; с 1570 года изучал философию и богословие; в 1572 году был рукоположен в священный сан; организовал для жителей Лукки, подверженных влиянию протестантизма, систематическую катехизацию, в связи с чем подвергался преследованиям со стороны протестантов. Он основал для католиков-мирян Общество христианского учения (Compagniadella Dottrina Cristiana), а для священников в 1574 году — орден регулярных клириков Божией Матери. С 1584 года работал в Риме, где познакомился с Филиппом Нери. Занимаясь организацией заграничных миссий, вместе с испанским прелатом Х. Б. Вивесом основал коллегию Урбанианум, впоследствии получившую статус университета[23].

19 февраля 1743 года в Лукке родился **Луиджи Боккерини** (Boccherini) — итальянский композитор и виолончелист. Луиджи происходил из артистической семьи: отец Боккерини был виолончелистом, брат — поэтом, сестра — балериной. С 13 лет Боккерини выступал как виолончелист-виртуоз; учился у Ф. Вануччи в Лукке и у Дж. Б. Костанци в Риме; концертировал в Вене, Милане, Париже. В 1769 году Боккерини обосновался в Мадриде; в 1770 году получил должность «камерного виртуоза и композитора» при дворе инфанта дона Луиса, которую занимал до смерти последнего в 1785 году. В 1787 —1798 годах, не покидая Мадрида, Боккерини состоял также придворным композитором короля Пруссии Фридриха Вильгельма II. В Мадриде Боккерини и скончался 28 мая 1805 года[24].

Боккерини писал преимущественно камерную и оркестровую музыку: 20 симфоний, 125 струнных квинтетов, 91 струнный квартет, 54 струнных трио и другие ансамбли. Квинтеты Боккерини с участием гитары отличаются ярким исполнительским колоритом. Очень живописен и квинтет под названием «Ночная стража в Мадриде», предвосхищающий испанские образы в романтической музыке. Церковных и духовных сочинений у Боккерини немного. Часть из них была написана около 1765 года, когда композитор претендовал на пост капельмейстера в Лукке. Это отдельные части мессы (Kyrie, Gloria, Credo), мотет Dixit Dominusu две оратории на библейские сюжеты: «Иоас, царь Иудейский» и «Узнанный Иосиф» (обе на тексты П. Метастазио). Образцы церковных произведений появляются у нето и в мадридский период. Это 9 духовных *вильянсико* (ок. 1783 г.), Месса (1800 г., утрачена), Рождественская кантата (1802 г., утрачена). Самое известное духовное сочинение Боккерини — кантата Stabat Mater, существующая в двух версиях (1781 г. — для сопрано и струнных инструментов; 1800 г. — для трех голосов и струнных) и продолжающая лучшие традиции музыкальных трактовок этого текста в XVIII столетии (Э. Асторга, Дж. Б. Перголези, Йозеф Гайдн)[25].

Наряду с издавна почитаемой св. Цитой (XIII в.) жители Лукки обращаются в своих молитвах и к св. Джемме, канонизированной в 1940 году. Джемма родилась неподалеку от Лукки в 1878 году. Еще ребенком она осиротела и попала в дом Маттео Джаннини, где и прожила до самой смерти в 1903 году. Она страдала хроническим заболеванием, что помешало ей вступить в монастырь *пассионисток* в Лукке. Тем не менее ей были присущи такие проявления религиозного экстаза, как стигматы, частое переживание состояний восхищенности, видения Иисуса Христа и Девы Марии.

Св. Джемма не написала ни одной работы для публикации, но ее учение известно из ее писем, автобиографии и жития, написанного пассионистом Германом св. Станислава. Особо отличавшей ее добродетелью было смирение, а благодаря многочисленным чудесам, совершаемым по ее предстательству, она является одной из самых почитаемых святых нового времени[26].

Духовным центром Лукки является **кафедральный собор Св. Мартина** (Сан Мартино), выстроенный в романском стиле (начат в 1060 г.; верх фасада — 1204 г. работы **Гвидетто да Комо**; интерьер — XIV–XV вв.; кампанила — XIII в.) О начале строительства кафедрального собора на месте прежнего (VI в.) повествует итальянский живописец, архитектор, историк искусств Джорджо Вазари (1512—1574).

Лукканцы в 1061 году, соревнуясь с пизанцами, начали возводить церковь Сан Мартино в Лукке по проекту неких учеников Бускета, поскольку других архитекторов в Тоскане не было. К наружному фасаду этой церкви примыкает мраморный портик со многими украшениями и резьбой, выполненной в память папы Александра II (1061–1073), который незадолго до своего понтификата был епископом этого города; о строительстве этом и о самом Александре все полностью сказано в девяти латинских стихах. О том же говорится, как можно увидеть и в некоторых других древних надписях, высеченных на мраморе под портиком между дверями. На названном фасаде есть несколько фигур, а под портиком много мраморных полурельефных историй из жития св. Мартина в греческой манере[27].

Впоследствии западный портал церкви Сан Мартино был украшен выходцем из Пизы **Никкола Пизано** (род. между 1220 и 1225 гг., умер после 1278 г.). Вот что пишет об этом Джорджо Вазари: «На фасаде церкви Сан Мартино в Лукке под портиком, что над малой дверью по левой руке при входе в церковь, там, где находится Христос, снятый с креста, он (Никкола Пизано) сделал мраморную историю полурельефом, всю покрытую фигурами, выполненными с большой тщательностью; он буравил мрамор и отделывал целое так, что для тех, кто раньше занимался этим искусством с величайшими усилиями, возникала надежда, что скоро явится тот, кто принесет им большую легкость, оказав им лучшую помощь»[28]. «Попечителями вначале были Абелленато и Алипрандо, как это ясно видно по некоторым надписям, высеченным там же на мраморе, — добавляет Вазари. — Фигуры, выполненные рукой Никкола Пизано, свидетельствуют о том, насколько им было улучшено искусство скульптуры»[29].

К украшению кафедрального собора «руку приложил» и великий **Джотто**, о чем сообщает все тот же Вазари: «В 1322 году, через год после того, как, к великому его горю, скончался ближайший друг его — Данте, Джотто отправился в Лукку, где по просьбе Каструччо, который тогда был синьором своего родного города, написал в Сан Мартино образ с Христом на небесах и четырьмя святыми покровителями, этого города, а именно св. Петром, св. Регулом, св. Мартином и св. Павлином, представляющими Христу папу и императора, в коих, по мнению многих, изображены Фридрих (Людвиг. — *Авт.*) Баварский и антипапа Николай V. Некоторые полагают равным образом, что в Сан Фриано, в той же Луккской области, Джотто составил проект замка и неприступной крепости Джуста»[30]. К сожалению, эти работы Джотто в Лукке не сохранились.

В луккском соборе хранится **Святой Лик (Volta Santa)** — византийское Распятие из черного дерева (VIII в.). Об этой святыне в своих «Записках» упоминает Екатерина Романовна Дашкова, побывавшая в Италии в 1781 году: «В Лукке мы, прежде всего, пошли в собор; снаружи он некрасив, но внутри — превосходна готика. В соборе посредине левого придела стоит небольшая часовня в форме ротонды. В ней хранит-

ся чудотворное распятие Вольте-Санто»[31]. В Лукке издавна бытовала традиция короновать «Святой Лик» (Volta Santo) царской короной, как царя царствующих, а также чеканить монету с его изображением.

Это деревянная статуя Христа Спасителя; по преданию, Лик Сына Божьего запечатлел в дереве сам Никодим, участвовавший в его погребении. Причем рукой мастера водили ангелы. Образ, представленный распятием Volta Santa, не демонстрирует мучения Христа, как средневековая скульптура, и не пропагандирует гармонию, как творения Ренессанса. Он показывает Иисуса, Который уже принял свою «Чашу» и перестал быть человеком, перейдя из «Града земного» в «Град Божий».

История создания этого Распятия также отображена в соборе; она запечатлена на фресках, которые, по мнению Джорджо Вазари, выполнил живописец **Козимо Росселли** (1439–1504): «В Лукке в церкви Сан Мартино, как войдешь в нее через малые двери главного фасада, по правую руку, он изобразил, как Никодим вырезает из дерева распятие, а затем везет его в Лукку морем на корабле и по суше в повозке; на произведении этом много портретов, и в частности портрет Паоло Гвиниджи, выполненный им по глиняному бюсту, который был вылеплен Якопо делла Фонте, когда тот работал над гробницей жены Паоло»[32]. (Эти фрески сохранились, но не принадлежат Козимо Росселли; они близки по манере к Боттичелли.) Когда-то в соборе имелась подлинная работа Козимо Росселли — «Благовещение»; в настоящее время она хранится в Лувре.

«Небольшая часовня в форме ротонды», про которую упомянула Е. Р. Дашкова, была выполнена в 1481 году Маттео ди Джованни Чивитали (1436–1501) — скульптором и архитектором из луккского семейства Чивитали. Эта часовня — «Капелла дель Вольто Санто» в обиходе называлась «мраморным домиком», о чем в своем трактате упоминает Вазари: «Маттео, луккский скульптор, выполнил в своем родном городе для Доменико Галигано из Лукки в церкви Сан Мартино восьмигранный мраморный храмик, где находится изображение св. Креста, некогда, как говорят, чудодейственным образом изваянное Никодимом, одним из семидесяти двух учеников Спасителя; храм этот поистине прекрасен и весьма соразмерен. Он же выполнил из мрамора круглую скульптурную фигуру св. Себастьяна, размером в три локтя, весьма прекрасную, так как она отличается хорошим рисунком, прекрасной позой и чистой работой»[33]. (Капелла и статуя св. Себастьяна сохранились.)

О том, как интерпретируются древние образы, можно узнать в расположенном рядом с Сан Мартино музее собора. В одном из его залов представлена модель Volta Santa, сделанная в XIX веке. Вроде бы у автора этой маленькой статуэтки имелся под рукой первоисточник, и нетрудно было его скопировать. Однако «копиист» пошел другим путем. В его работе лик Спасителя приобрел европейские черты, смягчены муки страдания. Это адаптация образа к потребностям той публики, для которой работал мастер XIX столетия. В иную эпоху не заставишь людей видеть мир глазами человека VIII века.

В сентябре 1785 года этот храм посетила английская путешественница Элизабет Кравен (1750—1828). Вот что пишет она об интерьере кафедрального собора: «В церкви – придел, коего кругловатый вид для глаз приятен. В ней есть 4 апостола, весьма редкие изображения. Сей придел, освященный во имя Богородицы, будто, весь сюда перенесен, как мне сказывали, в одну ночь из другой церкви, в недальнем расстоянии от нее находящейся. Образ Богородицы, представленной во всем человеческом виде, мне не удалось хорошенько рассмотреть; он покрыт флером. Я видела на ногах Ее золотые туфли, а возле них — череп одного из сенаторов этой республики, которого повесили за то, что украл было одну туфлю, хотя, впрочем, в оправдание свое он и говорил, будто бы Она сама ее бросила ему на голову во время его молитв, в которых он просил Ее об умножении его богатства»[34].

В Лукке при соборе была процветающая школа (речь идет о середине XVIII в.). В ней преподавали различные предметы («свободные искусства»). Это была знаменитая школа писцов, которую прославил Скьяпарелли в своем знаменитом кодексе 409 библиотеки капитуляриев. В Лукке издавна работали «мастера каменных дел» и многолюдные артели резчиков. Плоды их трудов можно изучить на рельефах, связанных с преданием о покровителе города св. Мартине, украшающих фасад собора, и на целом ряде рельефов в других церквах: в Сан Джованни, Сан Сальваторе, Сан Фредиано, Сан Микеле. Сохранившиеся надписи указывают иногда авторов этих работ. Их имена — Гвидетто и Гвидо из Комо, мастер Роберт, мастер Бидуин[35].

Известным скульптором, уроженцем Лукки, был Маттео Чивитали (1436–1501). Его главные произведения находятся в соборе, но некоторые его работы есть в городской пинакотеке. Отечественный искусствовед П. П. Муратов так отзывается о нем: «Единственным художником, родившимся в Лукке, был скульптор XV века Маттео Чивитали, которому сограждане поспешили воздвигнуть памятник. Сохранившиеся здесь во множестве работы Чивитали дают о нем должное понятие. Все в нем показывает флорентийские источники и влияния»[36].

В церковном искусстве Лукки, помимо флорентийского влияния, прослеживается и сиенское. «Романские скульптуры, особенно такие, как на фасаде собора или как крещальная купель в Сан Фредиано, составляют важнейшую часть в родовом художественном наследстве Лукки, — пишет П. П. Муратов. — Но самое лучшее, что есть в этом городе, создано все-таки чужестранцем, великим сиенским скульптором Якопо делла Кверчия. В луккском соборе этот современник и достойный соперник Донателло сделал надгробный памятник молодой Иларии дель Каретто. Среди бесчисленных надгробных монументов XV века саркофаг Иларии остается одним из самых простых, ясных и глубоких»[37].

Здесь речь идет о второй жене Паоло Гвиниджи, правившего Луккой с 1400-го по 1430 год. Он был женат четыре раза; его жены поочередно умирали от родов. Память второй жены, Иларии (сконч. в 1405 г.), из дома графов del' Carreto, Паоло сумел почтить достойным образом. Он заказал надгробный памятник на ее могилу Джакопо делла Кверчиа, одному из лучших скульпторов начала XV века; мраморное изваяние ее и поныне украшает местный собор.

Сиенский скульптор Якопо ди Пьетро д'Анджело делла Кверча (род. в 1370-х гг., умер в 1438 г.) выполнил это надгробие в 1406 году. Вазари приводит описание этого шедевра работы Якопо делла Кверча: «На цоколе его он высек из мрамора несколько несущих гирлянду *путтов* так тщательно, что тело их кажется живым, а на гробу, стоящем на названном цоколе, изваял с бесконечным усердием изображение погребенной в ней супруги этого самого Паоло Гвиниджи, а в ногах у нее — в знак ее верности мужу — он высек круглым рельефом из того же камня пса»[38].

Илария покоится на саркофаге на двух подушках со скрещенными руками, в длинном широком платье, благородные и спокойные складки которого доходят ей до пят, укрывая ноги; высокий воротник упирается в подбородок. Профиль юный и тонкий. На висках локоны. Остальные волосы скрыты головным убором — жгутом, который венчает ее, как короной. По стенам саркофага ритмически вьется волнистый фриз — хоровод амуров, крылья которых осеняют поддерживаемые ими гирлянды. Этот орнамент из безмятежных детей — уже настоящее создание эпохи Возрождения, тогда как удлинения пропорций лежащей фигуры еще сохраняют отзвуки готики. Перед нами творение переходного стиля.

Было время, когда после переворота 1431 года памятник из собора гражданами был удален, но вскоре над оценкой политической вновь возобладала оценка художе-

ственно-эстетическая: супруга синьора была водворена обратно на место вечного упокоения[39]. Вот что пишет об этом Вазари: «После того как Паоло уехал или, вернее, был изгнан из Лукки и город стал свободным, гробница была убрана с того места и из-за ненависти, которую жители Лукки питали к памяти Гвиниджи, чуть была не уничтожена, однако уважение к красоте фигуры и таких украшений сдержало их, вследствие чего и гроб и лежащая на нем фигура были вскоре тщательно установлены у входа в ризницу, где они находятся и ныне; капелла же Гвиниджи была передана городской коммуне»[40]. Но это не отразилось на судьбе Якопо делла Кверча. Он и в дальнейшем трудился над украшением луккского собора. В 1413 году он выполнил статую апостола, а в 1422 году закончил алтарь семейства Трента.

В 1422 году Паоло Гвиниджи овдовел в очередной раз. По смерти его третьей жены, Джакопы из Фолиньо, в день ее кончины все клирики и священники служили у гроба вечерню (vigilia) в присутствии множества граждан и монахинь, читавших молитвы. В тот же вечер усопшая была перенесена;в фамильный склеп в церкви Сан Франческо. В течение всей недели в той же церкви утром и вечером служили по 15 месс и всенощных. Всякий раз при этом расходовалось по 18 фунтов воску. 10 монастырям было дано по 8 фунтов воску и по 5 золотых флоринов за мессы на тридцатый день. На восьмой день приехали родственники покойной и состоялись торжественные похороны. Из присутствовавших 40 мужчин 30 женщин были одеты в траурные платья, черные и багряные (sanguigno); платья обошлись в 800 флоринов. Присутствовало все духовенство Лукки с епископом во главе, который служил мессу[41].

Старинных храмов в Лукке немного, к их числу относятся **церкви Сан Фредиано** (1112–1147) и **Св. Михаила** (Сан Микеле ин Форо, 1143 г.; фасад — XIII в.) Над украшением церкви Сан-Фредиано (Сан Фриано) потрудился Якопо делла Кверча, вернувшийся в Лукку после нескольких лет работы во Флоренции и Болонье. Его подписные и датированные работы — так называемый «алтарь семейства Трента» и сильно поврежденные гробницы — находятся и теперь в соборной церкви Сан Фредиано. Описание этих работ содержится в трактате Джорджо Вазари: «После этого Якопо пригласили обратно в Лукку, куда он и отправился весьма охотно, и в церкви Сан Фриано для Федериго, сына магистра Трента дель Велья, изваял на мраморной доске Деву Марию с Младенцем на руках, св. Себастьяна, св. Люцию, св. Иеронима и св. Сигизмунда в хорошей манере, с большим изяществом и хорошим рисунком, внизу же в пределле под каждым святым — несколько полурельефных историй из их житий. Вещь эта была очень красивой и привлекательной, ибо Якопо с большим искусством показал сокращение фигур, стоящих на земле, а более далекие сделал более плоскими. А кроме того, он сильно воодушевил и других, научив их придавать своим работам больше изящества и красоты, пользуясь новыми способами после того, как изваял на двух больших надгробных плитах барельефные портреты заказчика этой работы, Федериго и его супруги; на плитах этих помещены следующие слова: «Hocopus fecit Jacobus magistri Petri de Senis 1422» — «Работу эту выполнил Иаков, сын мастера Петра из Сиены, в 1422 г.»[42] (эта надпись — на алтаре, на гробницах — другая дата: 1416 г.).

Когда-то в церкви Сан Фредиано хранилась работа болонского скульптора и живописца Франческо ди Марко ди Джакомо Райболини, прозванного Франча (род. ок. 1450 или 1460 г., умер в 1517 г.). Вот что сообщает об этом Вазари: «Слава и работы этого художника распространились по Ломбардии настолько, что за некоторыми его вещами присылали и из Тосканы, как, например, из Лукки, куда ушла доска со св. Анной, Богоматерью и многочисленными другими фигурами и с усопшим Христом на коленях у Матери в верхней части картины; работа эта была помещена в цер-

ви Сан Фредиано и почиталась в Лукке произведением весьма достойным»[43]. (В настоящее время «Пьета» находится в Лондонской Национальной галерее.)

В трактате Вазари кратко упоминается и о других храмах Лукки, где в его время находились работы Маттео Чивитали: «Его же рукой выполнена и плитка, на которой в трех нишах расположены три фигуры поистине прекрасные и которая находится в той церкви, где, как говорят, покоятся мощи св. Регула, а равным образом и та мраморная плита с тремя фигурами, что находится в **Сан Микеле**, а также и статуя, что стоит на углу той же церкви с внешней стороны, а именно Богоматерь»[44]. Статуя Богоматери перед фасадом церкви Сан Микеле сохранилась. Иная судьба постигла работу Филиппино Липпи (1457–1504) «Четыре святых», исполненную для церкви Сан Микеле: она не дошла до нашего времени[45].

В Лукке хорошо сохранилось кольцо городских укреплений периода 1504–1645 годов. В старинном путеводителе (середина XVIII в.) читаем: «Весь город новоманерною фортификациею укреплен, а каменные оного стены деревьем обсажены. Луккские мещане имеют множество шелковых фабрик, и от сей коммерции весьма богаты... Лучшего в городе здания великолепный собор, да по нем августинская церковь. В ней показывают сквозь землю учинившуюся расселину и пожравшую того игрока, который, проигравшись в карты, Бога хулил. Недалеко от города ломают в горах разного роду изрядный мрамор»[46].

В связи с расширением городской стены, а еще чаще независимо от этого, строилась и крепость. Ее воздвигали на участке, господствующем над остальной местностью, обычно в углу городской ограды, и она могла непосредственно сообщаться с внешним миром. Крепость должна была стать основным оплотом обороны города от внешнего врага. Не менее важна была и «внутренняя» функция крепости — сдерживать и подавлять возможные восстания горожан.

Городские крепости не возникают до тех пор, пока город сохраняет политический строй более или менее демократический и республиканский. А после падения этого строя возведение крепости становится одной из первых забот диктаторских синьориальных правительств. Пример, может быть, наиболее ранний — это Лукка, где в начале XIV века Каструччо Кастракани, став синьором города, частично снес строения в одном из углов городской ограды, чтобы построить там крепость Агосту[47].

В годы правления Паоло Гвиниджи (1400–1430) в Лукке был расширен бывший дворец Каструччо. Фасад другого доныне сохранившегося луккского дворца по via Guinigi в итальянско-готическом стиле представляет многочисленную аркаду полуколонн, замкнутых архивольтами. Малой по сравнению со стенами площадью редких окон четырехэтажное здание напоминает еще укрепленный замок. Напоминает о нем и возвышающаяся на углу башня, которая в XII—XIII веках была башней дозорной; в начале XV века в ней был устроен в верхнем этаже «покой» для отдыха, а из него можно было попасть на крышу, где разбит был висячий сад. В нем и ныне растут дубы и лавровые кусты. Отсюда перед Паоло открывалась панорама Лукки, и он мог обозревать подвластный ему город и окрестные виллы[48].

Возвышение дома Гвиниджи явилось главным политическим событием 1400-х годов. Воспользовавшись отсутствием из города многих граждан во время чумы, Паоло устроил переворот, который в 1418 году был «освящен свыше», так как Паоло с сыновьями были признаны викариями императора. Паоло носил отныне по праву титул «сеньора» — князя, государя — и также по праву занял свое место среди итальянских «тиранов» XV века, как тогда именовались узурпаторы[49].

Представляет интерес инвентарная опись имущества Паоло Гвиниджи от 1431 года, составленная республиканскими властями после свержения сеньора. Ларец с

серебром хранил серебряную позолоченную шпору и такую же розу. Шпоры, вероятно, получил сам Паоло или один из его сыновей при торжественном обряде посвящения в рыцари, традиционном среди купеческой аристократии, которая по мере сосредоточения в ее руках земельных богатств притязала и на отличия феодальной знати. Орден Розы Паоло получил в 1408 году от папы Григория VIII как самый благородный рыцарь, присутствовавший тогда при папском дворе. Паоло не только продолжал отстраивать и украшать городской собор. Среди драгоценностей он благоговейно хранил икону Божией Матери на золоте с эмалью, серебряный ковчег для мощей, такой же крест, много других разных ценных икон и распятий. В отдельном сундучке хранилось и полное церковное облачение, в том числе епитрахиль, нарукавницы и церковная утварь, необходимая для мессы: омофор, антиминс, требник, хоругвь и т. д. Все это — принадлежности домашней капеллы, обычной для богатого дома[50].

В нескольких шагах от городской стены стоит **часовня Марии-Розы**. Вот что пишет о ней П. П. Муратов: «Прогулка по улицам Лукки готовит одну неожиданность. Этой неожиданностью оказывается маленькая готическая церковка Санта Мария делла Роза. Такие готические часовни редки в Италии, и луккская, наверно, самая трогательная из них. Едва ли есть еще в Италии место, которое так напоминало бы о рыцарском и пылком поклонении Вечной Розе. Перед поставленной на углу часовни маленькой Мадонной, держащей розу и улыбающейся особенной улыбкой пизанских мадонн, трудно удержаться от волнения. Здесь точно дано на минуту заглянуть в погребенный мир жарких верований, долгих молитв и ненарушимых обетов. Благоухающим чувством до сих пор полны эти розы на орнаменте, украшающем окна, и серый камень их кажется нежнее живого цветочного лепестка»[51].

Стены Лукки превращены в широкий бульвар, засаженный в несколько рядов платанами, составляющий гордость «луккезов». Прощаясь с Луккой, можно не спеша пройтись по этим стенам: «В полтора часа можно сделать по ним полный круг, обойдя весь город и все время видя перед собой стройные белые стволы платанов, зеленые крепостные куртины, за ними поля, деревенские колокольни, синеющие предгорья и, наконец, далекие снега апуанских Альп»[52].

Примечания

1 Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1. М. 2001. С. 168, примеч. 33.

2 Хоментовская А. Лукка времен купеческой династии Гвиниджи // Средневековый быт. Сб. ст. Л. 1925. С. 77.

3 Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках // Сочинения. Т. 2. СПб. 1997. С. 225, 233.

4 Шевырев С. П. Итальянские впечатления. СПб. 2006. С. 188.

5 Хоментовская А. Указ. соч. С. 104.

6 Там же. С. 105.

7 Там же. С. 106.

8 Там же. С. 107.

9 Там же. С. 78, 80.

10 Рот Рудольф. Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. Изд. 2. М. 1782. С. 237.

11 Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М. 2001. С. 173, примеч.

[12] Арриги Джино (без назв.) // Россия и Италия. М. 1972. С. 316–317.
[13] Тарле Е. В. История Италии в средние века. СПб. 1906. С. 182.
[14] Хоментовская А. Указ. соч. С. 98–99.
[15] Арриги Джино. (без назв.) // Россия и Италия. М. 1972. С. 317.
[16] Хоментовская А. Указ. соч. С. 79.
[17] Арриги Джино. (без назв.) // Россия и Италия. М. 1972. С. 318.
[18] Хоментовская А. Указ. соч. С. 79.
[19] Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М. 1972. С. 177.
[20] Католическая энциклопедия. Т. 2. М. 2005. С. 1770.
[21] Жильсон Этьен. Философия в средние века. М. 2004. С. 408.
[22] Хоментовская А. Указ. соч. С. 94.
[23] Католическая энциклопедия. Т. 2. М. 2005. С. 364.
[24] Католическая энциклопедия. Т. 1. М. 2002. С. 656.
[25] Католическая энциклопедия. Т. 1. М. 2002. С. 656–657. См. Гинзбург Л.С. Луиджи Боккерини и его роль в развитии виолончельного искусства. М.–Л.; 1938.
[26] Омэнн Джордан. Христианская духовность в католической традиции. Рим—Люблин, 1944. С. 347.
[27] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1. М. 2001. С. 162.
[28] Там же. С. 196.
[29] Там же. С. 163.
[30] Там же. С. 238.
[31] Цит. по: Русская мысль, № 4246, 19–25. 11. 1998. С. 18.
[32] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М. 2001. С. 364.
[33] Там же. С. 24–25.
[34] Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году миледи Кравен. М. 1795. С. 112–113.
[35] Муратов П. П. Образы Италии. М. 1994. С. 178.
[36] Там же. С. 177.
[37] Там же. С. 178.
[38] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М. 2001. С. 20.
[39] Хоментовская А. Указ. соч. С. 85–86.
[40] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М. 2001. С. 20–21.
[41] Хоментовская А. Указ. соч. С. 85.
[42] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1. М. 2001. С. 22.
[43] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М. 2001. С. 481.
[44] Там же. С. 25.
[45] Там же. С. 467, примеч.
[46] Рот Рудольф. Достопамятное в Европе. С. 238.
[47] Арриги Джино (без назв.) // Россия и Италия. М. 1972. С. 13.
[48] Хоментовская А. Указ. соч. С. 90.
[49] Там же. С. 80.
[50] Там же. С. 94–95.
[51] Муратов П. П. Образы Италии. М. 1994. С. 178.
[52] Там же. С. 176.

ВОЛЬТЕРРА – ГОРОД ДРЕВНИХ ЭТРУСКОВ

Вольтерра (лат. Волатерре) — древний город, основанный этрусками. Городок прилепился, словно птичье гнездо, к вершине высокого холма. За много веков до его возникновения на этом месте существовал крупный центр федерации городов этрусков. Со временем вода подмыла холм, на котором выросли строения, и город обрушился. Засыпанный толстым слоем породы, он вновь увидел свет две с лишним тысячи лет спустя — благодаря стараниям археологов. Здесь сохранились остатки этрусских стен и ворот Порта дель Арко, перестроенных в римское время.

Архитектурный облик города сложился в средние века. В 1120 году в Вольтерре был выстроен **собор** (перестроен в XIII–XV веках), а в 1283 году — баптистерий. В 1502 году архитектор и скульптор Андреа Сансовино (1460–1529) изготовил для баптистерия мраморную купель[1].

В городе сохранились также два старинных дворца: **палаццо Преторио** (XIII в.; неоднократно перестраивалось) и **палаццо деи Приори** (1208–1254 гг.; перестроено в XV веке.) В Палаццо Приори хранится картина «Христос во славе» работы флорентийского живописца Франческо Граначчи (1469–1543)[2]. В 1343 году в Вольтерре было начато строительство **крепости**.

В Вольтерре трудился флорентийский скульптор Мино да Фьезоле (Мино ди Джованни Мино, 1430/1431–1484). «В соборе Вольтерры — его работы табернакль Св. Даров с двумя ангелами по сторонам, столь хорошо и тщательно выполненными, что вещь эта по заслугам ставится среди всех художников»[3], — сообщает итальянский живописец и искусствовед Джорджо Вазари (XVI в.) Этот табернакль для баптистерия в Вольтерре (1471 г.) сохранился на первоначальном месте[4]. О другом художнике, украшавшем храмы в Вольтерре — Альваро ди Пьетро (де Педро из Эворы) почти никаких сведений не сохранилось. Ему приписывается «Мадонна» в местном соборе[5]. Собор Вольтерры украшает также «Благовещение» (1497 г.) работы флорентийского живописца Фра Бартоломео делла Порта (ди Сан Марко) (1472/1475–1517)[6].

С Вольтеррой связано творчество всемирно известного живописца Луки Синьорелли (род. в серед. XV в., умер в 1523 г.) О нем также упоминает Джорджо Вазари: «В Вольтерре он написал в **церкви Сан Франческо** над алтарем одного из сообществ “Обрезание Господне”, почитавшееся дивным и прекрасным, несмотря на то, что Младенец, пострадавший от сырости, был переписан Содомой гораздо хуже, чем он был. И в самом деле, иной раз лучше оставлять вещи, созданные людьми превосходными, даже и наполовину испорченными, чем давать их переписывать людям, менее знающим. В **церкви Сант Агостино** в том же городе он расписал темперой алтарный образ и его мелкофигурную пределлу с историями Страстей Христовых, почитавшуюся необычайно прекрасной»[7]. («Обрезание Господне» из Вольтерры находится теперь в лондонской Национальной галерее; приписываемые Синьорелли истории Страстей Христовых идентифицируются с «Поклонением волхвов» в музее г. Вольтерры[8].)

В 1491 году Лука Синьорелли написал для Вольтерры «Благовещение» и «Мадонну со святыми». (Обе работы находятся теперь в **городской Пинакотеке**[9].) В Пинакотеке Вольтерры хранится и работа флорентийского живописца Доменико Гирландайо (1449–1494) «Христос со святыми» (1492 г.) Это его последняя живописная

работа, выполненная с учениками[10]. В той же Пинакотеке находится «Снятие со Креста», выполненное в 1521 году Джованни Батиста ди Якопо ди Гуаспарре (прозванный Россо Фьорентино, что значит «рыжий флорентиец») (1494–1540)[11].

В Вольтерре сохранилась работа скульптора и архитектора Андреа из Фьезоле (1465–1526) (Феруччи Андреа ди Пьетро), о которой упоминает Джорджо Вазари: «В Вольтерру Андреа отослал двух мраморных круглых ангелов»[12]. **В церкви Сан Лино** находится гробница работы Сильвио[13], о чем также сообщает Джорджо Вазари: «В Вольтерре он изготовил гробницу мессера Рафаэля Вольтеррано, мужа ученейшего, где изобразил его с натуры на мраморном саркофаге, со всякими украшениями и фигурами»[14]. (Сведения о Сильвио Козини относятся к 1524–1547 гг.)

Уроженцем Вольтерры был художник Бальдассаре Перуцци (1481–1536), об обстоятельствах рождения которого и о его творчестве повествует Вазари.

Когда Флоренция раздиралась гражданскими распрями, Антонио Перуцци, знатный флорентинский гражданин, переехав на более спокойное жительство в Вольтерру, прожил там некоторое время и в 1482 году в этом городе и женился, а по прошествии еще нескольких лет у него родилось двое детей — мальчик по имени Бальдассаре и девочка, которую назвали Виргинией. Но так как война сама преследовала того, кто не искал ничего другого, кроме мира и спокойствия, случилось так, что в скором времени Вольтерра была взята и разграблена, почему Антонио принужден был бежать в Сиену и там остаться в весьма бедственном состоянии, так как почти всего, что он имел, он лишился (взятие Вольтерры происходило в 1472 году. — *Авт.*).

Подросший же за это время Бальдассаре постоянно общался с людьми одаренными и главным образом с ювелирами и рисовальщиками. А так как он начал увлекаться этими искусствами, он целиком посвятил себя рисунку. Вскоре после этого его отец умер, и он занялся живописью с таким рвением, что в самое короткое время сделал в ней удивительные успехи, воспроизводя помимо творений лучших мастеров живые вещи, с натуры. Итак, выполняя кое-какие работы, он смог своим искусством помогать и себе самому, и матери, и сестре, а также продолжать обучаться живописи.

Его первые работы находятся в одной часовенке в Вольтерре, возле флорентинских ворот, где он написал несколько фигур с таким изяществом[15]. (Работа не сохранилась).

В Вольтерре на каждом шагу ощущается прошлое. Оно и в древней арочной двери, которая во времена этрусков служила входом в город, окруженный сплошной 9-километровой стеной, и в массивных бастионах средневековой крепости, и в строгом силуэте дворца Приори. «Вольтерра полна ощущений глубочайшего средневековья Италии, — пишет П. П. Муратов. — Ее Палаццо деи Приори, ее Пьяцца Маджоре, ее сохранившиеся в большом количестве башни, ее уцелевшие во множестве зубцы на дворцах и бойницы в стенах являют редкое по живописности зрелище. Все то, что утрачено в исчезнувших кварталах старой Флоренции, путешественник найдет здесь, и не Сиену, но именно Флоренцию или Пизу и Пистойю заставляет чаще всего вспомнить этот город, глядящий в горные туманы, которые разрываются иногда, открывая вдали полосу моря и странные силуэты островов Горгоны, Капрайи и Эльбы»[16].

Раскопки этрусского города, который по размерам значительно превосходил построенную на его месте в средние века Вольтерру, позволяют заглянуть сквозь толщину времени в прошлое народа, создавшего удивительно богатую цивилизацию, имевшего свой язык и письменность. Археологи не перестают удивляться находкам в древней Вольтерре. Часть найденных предметов материальной культуры этрусков, пока еще не изученных, можно видеть на выставке в городском музее. Поражают искусно сделанные из золота и бронзы украшения. Богатая гравировка чрезвычайно

выразительна. Этрусские мастера работали, тщательно выделывая каждую деталь. У лошади с горделивым всадником — один из интереснейших экспонатов этой выставки — видны даже крохотные копытца. Эти изделия относятся к V веку до н. э.

Древнему искусству Вольтерры не суждено было остаться забытым. В городе действует художественное училище, основанное еще в 1790 году. В нем учителя и ученики увлеченно возрождают мастерство этрусков. Вдохновляясь найденными при раскопках предметами быта и украшениями, они создают по ним образцы для внедрения в ремесленное производство.

В Вольтерре очень много ремесленных мастерских, которые здесь почтительно именуются «лабораториями». В них обрабатывают главным образом строительный гипс, добываемый в окрестностях города. Глыбы твердого материала молочного цвета сначала распиливают на бруски и затем вытачивают из них, тщательно шлифуя, всевозможные статуэтки, выпиливают шахматы, делают шкатулки, столики. Как правило, изделия из гипса подкрашиваются в различные полутона: голубой, зеленый, розовый, перламутровый.

Окрестности Вольтерры дарят паломникам встречу с шедевром средневековой итальянской живописи. Выйдя за городские ворота «Porta a Selci», можно спуститься в овраг и вновь подняться мимо церкви Св. Лазаря (Сан Ладзаро), чтобы попасть в бывший **монастырь Св. Иеронима** (Сан Джироламо), хранящий «Благовещение» работы Бенвенуто ди Джованни (1436—ок. 1518)[17].

Примечания

[1] Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 3. М. 2001. С. 233.
[2] Там же. С. 522, примеч.
[3] Вазари Джорджо. Указ. соч. Т. 2. М. 2001. С. 334.
[4] Там же. С. 336, примеч. 17.
[5] Вазари Джорджо. Указ. соч. Т. 1. С. 405, примеч. 9.
[6] Указ. соч. Т. 3. С. 89, примеч.
[7] Указ. соч. Т. 2. М. 2001. С. 525.
[8] Там же. С. 531.
[9] Указ. соч. Т. 1. С. 530, примеч.
[10] Там же. С. 403, примеч.
[11] Указ. соч. Т. 3. С. 400, примеч.
[12] Там же. С. 209.
[13] Там же. С. 214, примеч. 21.
[14] Там же. С. 210.
[15] Там же. С. 264.
[16] Муратов П. П. Образы Италии. М. 1994. С. 443.
[17] Там же. С. 444.

Дом Зингера

Игорь Бойков. Жизнь, прожитая не зря. СПб.: Алетейя, 2011. — 288 с.

Сборник рассказов, повестей и новелл, объединенных одной тематикой: Кавказ, большей частью 90-х годов. Игорь Бойков родился и долгое время жил в почти воюющем Дагестане, — и отсюда достоверность в изображении страшной действительности необъявленной войны и уродливых реалиях мира, более похожего на войну, отсюда точность в деталях. Отсюда пугающая прямолинейность и откровенность высказываний тех, кто противостоит друг другу в войне и мире: горских народов о чеченцах, чеченцев о себе и о русских, горских народов о московской политике ельцинского периода и о сталинском «замирении» Кавказа. Это больше чем только «русский взгляд изнутри». Это не русские, а сами кавказцы то одобряют кавказскую политику Сталина, с которым «шутки были плохи», то ностальгируют по временам советским, «когда было много и рыбы, и фруктов и летом приезжало к морю отдыхать много народа — из Москвы, Ленинграда, из Сибири, со всего Союза... Раньше все вместе жили, одной страной были. И хорошо жили!» Герои рассказов и повестей Бойкова часто говорят то, что мы не хотели бы слышать. Но у них есть основания тепло вспоминать прошлое, ибо настоящее ужасно: анархия, непрекращающаяся кровавая резня, закон, по которому прав только сильный и вооруженный, изуверские убийства и садистские издевательства над попавшими в западню «баранами» пленными, рабами, просто теми, у кого есть что взять. А что Россия? «В Москве делают вид, что ничего не происходит. Какое им дело до Чечни? Сейчас только все хапают, хапают... Приватизация». В повестях и рассказах Бойкова представлена действительность, жуткие подробности которой мы стараемся воспринимать отстраненно — это где-то там. Где-то там грабили поезда и убивали пассажиров одетые в форму Национальной чеченской гвардии люди, где-то там среди бела дня воровали на улице людей, где-то там не один год гнили в зинданах рабы, подвергались побоям и пыткам, подавляющим в человеке все живое и человеческое, кроме животного страха перед хозяином. И если старшие еще берегли свою «собственность», то озверевшая, насмотревшаяся видеофильмов с изображением расправ над русскими солдатами молодежь, глумясь, впадала в экстаз. Натурализм в произведениях И. Бойкова присутствует в той мере, в которой этого требует сама тема, от правды не уйдешь. В этих рассказах есть все: конфликты межнациональные, этнические, этические, религиозные, возрастные, исторические экскурсы. Есть дальние аулы, опустевшие казацкие станицы, в которые вселяются хозяева новой жизни, есть пришедшие в запустение города, по которым слоняется диковатая местная молодежь, именуемая бычьем: циничная, злобная. Среди героев рассказов и повестей — чеченцы, дагестанцы, осетины, русские. Не делит писатель своих героев на плохих и хороших по национальному признаку. А в зиндане, в глубокой яме, вообще все равны, неважно, кто какой нации: русский, украинец, осетин. И даже «коммерческому» Ашоту, армянину, сыну владельца кафе, за которого предполагается взять 60 тысяч долларов выкупа с его отца, нет послабления: его избивают, чтобы скулил по телефону жалобнее, а если денег не будет, начнут резать уши, пальцы. Не национальность

определяет поведение героев Бойкова перед лицом смертельной угрозы, а нравственная составляющая. И среди русских были предатели, готовые служить убийцам и мучителям своих родителей, лишь бы сохранить жизнь себе. И среди чеченцев были энтузиасты, мечтавшие положить конец кровной мести на чеченской земле («Жизнь, прожитая не зря»). И демонстрировали стойкость в трудных обстоятельствах осетины и дагестанцы. И поразительные стойкость и героизм проявляли в экстремальных ситуациях русские парни, солдаты и офицеры, выросшие в далекой российской глубинке: Архангельской, Новгородской, Костромской областях. Попавший в плен контуженным в Аргунском ущелье в 1996 году Станислав, замышляя побег из зиндана, понимает, какая обуза ему его товарищи по несчастью: молодой русский недотепа и беспомощный старик украинец, отсидевший по зинданам почти тридцать лет. Но... «Станислав не мог бросить здесь вот так другого русского. Год войны с чеченцами научил его многому. До армии он в своей деревне никогда не встречал чужаков, и они были ему безразличны. Но здесь, ощутив на себе всю силу вражеской ненависти, насмотревшись на обезображенные, обезглавленные, с вырезанными глазами и вырезанными половыми членами тела товарищей, которые солдаты иногда находили на захваченных позициях боевиков, в его сознании быстро пролегла незримая, но четкая грань. Мир перестал быть цельным, необъятным и светлым. Отныне он делился для него на своих и чужих. Свои — это все русские здесь. ...Чужие — это остроносые чеченцы с чуждыми гортанными голосами и резкими повадками хищников» («Закованные в цепи»). Не национальность определяет поведение человека, но никуда не уйти от менталитета, формировавшегося не один век, и если смерть врага для одних предмет гордости, для других — не повод для торжества, а суровая, горькая необходимость, как для молоденького русского лейтенанта, впервые убившего напавшего на него человека («Случай в Гудермесе»). Можно ли вернуть мир на Кавказ? В заключительном рассказе сборника, «Гадальщик», умудренный, нарочито лишенный национальности гадальщик выносит свой вердикт, бросая его в лицо бандиту: «Помни, на каждую силу есть другая сила. На каждый автомат — другой автомат. Кровь рождает только кровь. ...Право выбирать будущее принадлежит лишь одному тебе. Каждый человек делает выбор между духом святым и духом злым, ибо он наделен совестью и разумом, которые позволяют ему различать добро и зло». Добро и зло четко различимы в произведениях Игоря Бойкова. Дебютная книга молодого писателя состоялась. Это книга честная, жесткая, бескомпромиссная, лишенная «имперской политкорректности». И. Бойков пишет о том, что еще требует осмысления, он умело строит повествование: уже в начальных строках закладывается энергетика сюжета, постепенно набирающая силу и получающая разрядку в финале, он хорошо чувствует слово.

Эльга Линецкая. Избранные переводы: Поэзия. Проза. СПб.:, Издательский дом «Петрополис», 2011. — *552* с.

Эльга Львовна Линецкая (1909–1997) — выдающийся мастер перевода прозы и поэзии разных стран, чуткий интерпретатор классики, педагог, воспитатель нескольких поколений переводчиков. Избранными переводами Э. Линецкой издательство «Петрополис» открывает новую серию: «Корифеи художественного перевода. Петербургская школа». В эту серию войдут произведения переводчиков, творчество которых стало достоянием уникальной петербургской–ленинградской школы перевода, сложившейся в XX веке. Художественный перевод — гордость русской культуры, и Ленинград дал этой культуре значительные имена и произведения мировой литера-

туры, переведенные на русский язык. Об особенностях петербургской–ленинградской школы перевода во вступительной статье «Хранитель чужого наследства» размышляет писатель и переводчик Михаил Яснов. «Ленинградская школа художественного перевода миф или реальность? Ответ не так прост, как кажется на первый взгляд. Школа безусловно существовала как феномен петербургской–ленинградской культуры и в то же время она целиком принадлежит советской мифологии. Рожденная первыми значительными опытами теории и практики отечественного перевода XX столетия, она почти сразу же оказалась разведенной с параллельно складывающейся московской школой, — однако не столько в подходах, в уровне осмысления общих положений или внутренних проблем, сколько в области книгоиздания, идеологии и социального бытования переводчиков. Представления о московской и ленинградской школах перевода диктовались не творческими, а сопутствующими творчеству причинами, вызванными прежде всего жесткой централизацией и контролем над культурой. В Москве изначально было больше возможностей напечататься, поэтому со временем стал выше процент литературного брака. ...В Ленинграде куда сложнее было добраться до того поэта, которого хотелось перевести. Поэтому на долю ленинградских переводчиков выпадала подчас более сложная, более изощренная работа, от которой по тем или иным причинам отказывались москвичи». Еще предстоит всмотреться в судьбы переводчиков, чьими трудами создавалась реальная и мифологическая история петербургской–ленинградской школы художественного перевода, создать их творческие портреты, исследовать бытование отдельных семинаров и их роль в общем переводческом процессе. Но уже сейчас можно констатировать, что школу перевода, существовавшую в городе на Неве не одно десятилетие, отличают предельная внимательность к оригиналу, видение каждого переводимого автора в контексте литературного процесса страны и эпохи, универсальное владение переводчиком всеми средствами своей профессии, и прежде всего — возможностями родного языка. Достоянием отечественной культуры является и творчество Э. Линецкой — «Ахматовой русского перевода». И в ее собственной жизни, и в жизни близких ей людей были трагические события, обусловленные временем, в котором они жили. О ее судьбе подробно рассказано в очерке М. Яснова. И все-таки ее переводческая судьба сложилась счастливо: практически все ею созданное успело увидеть свет еще при ее жизни и заслужить самую высокую оценку многочисленных читателей и коллег по профессии. В настоящее издание входит только небольшая часть переводческого наследия Э. Линецкой. Г. Лонгфелло, Шекспир, Э. Диксон, Гюго, Шатобриан, Мюссе, Готорн, Верлен, Верхарн, Аполлинер, Дарио... Упор при составлении сборника сделан на произведениях малых форм — лирике и новеллистике, в которых талант переводчика воплотился ярко и убедительно. И хотя за пределами книги остались романы, драматургия, большие поэтические формы, но и то, что опубликовано в этом томе, дает широкую панораму литературных пристрастий переводчика и живую историю самой литературы. В конце книги помещена библиография работ Эльги Линецкой.

Эрик-Эммануэль Шмитт. Как я был произведением искусства: Роман. Пер. с фр. С. Васильевой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 256 с.

«Нас на земле тысячи — тех, кому недостает силы, ума, красоты или везения, но моя особенность в том, что я это осознаю». Что делать, если ты в двадцать лет непривлекателен внешне, аморфен, бессодержателен и уныл? И нет у тебя ни таланта, ни устремлений, ни образования. А есть преуспевающие братья-близнецы, самые

красивые мальчики на свете, превратившие свое совершенство в успешный бизнес. Чтобы прекратить изнурительное самобичевание, молодой человек совершает неоднократные попытки суицида. Но «спасение» рядом: знаменитый авангардист Зевс-Питер Лама предлагает вернуть юноше радость жизни за двадцать четыре часа. Подписывается контракт, по которому молодой человек соглашается стать собственностью Благодетеля, и «величайший художник и скульптор наших дней», по его собственному утверждению, создает из живого человека скульптуру, заменяя все мыслимые и немыслимые органы. А заодно лишает свою собственность свободы и всех человеческих прав, требуя, чтобы тот перестал и думать: «У раба еще есть сознание! Раб хочет свободы! Нет, я хочу, чтобы ты стал чем-то еще большим, чем раб. Наше общество устроено таким образом, что вещью в нем быть выгоднее, чем сознательной единицей. Я хочу, чтобы ты стал моей вещью. Вот тогда-то ты наконец узнаешь, что такое счастье! Ты растворишься в вечном блаженстве». Но «собственность» в вечном блаженстве не растворяется, а задумывается: кто же он теперь, шедевр или монстр? А полюбив, начинает хозяину сопротивляться, идет тернистым путем к свободе и любви. Произведение написано в излюбленном шмиттовском жанре философской притчи. Трагикомические ситуации автор доводит до гротеска. Выставка боди-арта в Токио, инсценировки самоубийства и похищения, пиар-акции, коммерческие сделки. Шмитт разоблачает и современное искусство, в котором немало шарлатанов, и арт-критиков, для которых творческий гений ассоциируется с шумихой в прессе. «Ему нужно не творчество, а успех. А успех — это нечто, что зависит не от художника, а от публики. И вот уже сорок лет Зевс выбивает от публики реакцию на свои работы... Он делает карьеру не у себя в мастерской, а в прессе, на радио, на телевидении. Его краски, его холсты — это журналисты. И вот тут он проявляет себя если не как крупный художник, то уж точно как великий манипулятор», — поясняет однокашник Зевса, слепой художник. Шмитт осмеивает и цивилизованное правовое общество, готовое принять и одобрить новую экстравагантную форму рабства: поди докажи через суд, что ты не вещь. И чем гротескнее и уродливее мнимые ценности «культурного» сообщества, тем более трогательно и значимо проявляются ценности истинные. Лжеискусство калечит и тело, и душу, настоящее искусство спасает. Этот роман Эрика-Эмманюэля Шмитта, философа, писателя и драматурга, знакомого российскому читателю по таким произведениям, как «Евангелие от Пилата», «Секта эгоистов», «Оскар и Розовая дама», на русский язык переводится впервые.

Геннадий Барабтарло. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 464 с. ил.

Русско-американский литературовед и лучший переводчик сочинений В. Набокова на русский язык, один из ведущих специалистов в области набоковедения предлагает свое видение творчества писателя, принадлежащего к числу самых глубоких и оригинальных. Сочинения В. Набокова он рассматривает как одну огромную композицию, в которой «соединительные линии тем сначала тянутся между соседними сочинениями, затем перебрасываются на целые группы книг, и, наконец, можно уже разглядывать весь комплекс художественных трудов Набокова на двух языках на одном просторном поле, поделенном на доли, орошаемом одной и той же системой главных тем». Множество сторон творческих исканий и находок Набокова, считает Геннадий Барабтарло, остаются сокрытыми, причем иные так умело, что даже бывалые читатели проходят мимо, не заметив ничего для себя примечательного, и это

несмотря на быстрорастущую пирамиду пособий и путеводителей. В книге исследуется система искусства Набокова, не только «оснащение словесной выразительности», но и «сила испытующей мысли» его произведений, анализируется философия выдающегося писателя XX века, метафизическое и нравственное содержание его творчества. Пространство, время, вещество в мире его искусства. Бесконечность, вечность, бессмертие. Направление, ход, физическое и психическое содержание жизни как очевидные предметы художественных исследований Набокова. Соотношение технологии Набокова и его теологии. Искусство компоновки и указательные знаки Набокова, его «шифры». «...Ненавязчивое повторение характерных черт, картин и положений, образующих — если разглядывать сцену действия с возвышенно-удаленной точки — правильный переплет тематических линий. И вот как раз этот осмысленный, сложный и в высшей степени функциональный узор (тут разумеются его художественные, а сверх того, и метафизические изводы, и все возможности) и есть, на наш взгляд, главная, от всех других писателей отличная особенность произведений Набокова». В приложении помещены воспоминания Г. Барабтарло о встречах с сестрой Набокова (знакомство с ней длилось двадцать лет, совместно они разбирались «в тонкостях словесного чародейства ее брата»); несколько измененное предисловие к собранию английских рассказов Набокова, изданных в переводе Г. Барабтарло в 2000 году. Биографическим и творческим «касаниям» Набокова и Бунина посвящен очерк «Двойная тетива». В раздел «Отклики с другого берега» включены появившиеся в прессе и в электронных СМИ интервью и беседы, предшествующие публикации в 2009 году фрагментов романа В. Набокова «Лаура и ее оригинал». В беседах затронуты и вопросы особенностей перевода с английского языка на русский: ведь родной для Набокова язык в современной России значительно видоизменился.

Доминик Десанти. Встречи с матерью Марией: неверующая о святой. Пер. и перераб. Т. Викторовой. СПб.: Алетейя, 2011. — 208 с.; ил.

Еще одна книга о матери Марии, Елизавете Юрьевне Кузьминой-Караваевой, замечательной русской женщине, погибшей в фашистском концлагере, — поэтессе, монахине, святой. Жизнь Кузьминой-Караваевой (1891–1945) была расколота пополам: первая половина — Россия, вторая — Франция, куда она эмигрировала с семьей в 1921 году. О ней, о ее судьбе, о ее подвиге рассказано уже немало. Но эта книга — особенная. Ее автор Доминик Десанти — внучка русского эмигранта, дочь известного юриста и политического деятеля С. Перского, сотрудника президента Ж. Клемансо, лично знала Кузьмину-Караваеву. Их знакомство состоялось в 1935 году, Доминик было тогда 15 лет, она дружила с дочерью матери Марии Гаяной, бывала в русском общежитии матери Марии на улице Лурмель, общалась с друзьями, близкими людьми, родными поразившей ее женщины, у них были общие знакомые в политических и литературных кругах русской эмиграции. Во время оккупации Доминик приходила просить у матери Марии и отца Дмитрия ложные свидетельства о крещении для помощи евреям. Доминик родилась в Москве в 1919 году, в младенчестве была перевезена в Париж, с юных лет оказалась в центре парижской интеллектуальной жизни, русской эмигрантской и французской. Она с детства учила русский, она автор более двадцати романов, среди которых важное место занимает русская тема: книги о М. Цветаевой, о В. Набокове, о легендарном союзе «Триоле–Арагон». Но эта книга особенная. «Это не житие и не роман. Я лишь стремилась в точности понять путь “моей святой”», — пишет в предисловии автор, воспитанный в атеистических

традициях. «Неверующая, в восьмидесятилетнем возрасте, пишу эту книгу — тридцатую, и, наверное, последнюю — о святой. Ничуть не иконописной святой. Она участвовала во всех грозовых событиях первой половины двадцатого столетия, включая русскую революцию, была дважды замужем и трижды матерью. Позднее «юродство во Христе» привело ее к отважному погружению в «пустыню человеческих сердец». В оккупированном Париже, отвергнув требования нацистов, она вступила на путь мученичества, который привел ее в концлагерь Равенсбрюк и в газовую камеру за месяц и девять дней до победы. С февраля 2004 года все русские православные церкви Западной Европы отмечают 20 июля день памяти матери Марии (Скобцовой), точнее — преподобномученицы Марии Парижской. ...Она, конечно, любила «близкого» ближнего, но отправлялась и в поиски «дальних», чтоб объять их своим состраданием. Она знала, что вернуть достоинство духу и душе можно лишь насытив и одев тело, когда отверженные будут в состоянии слушать. Заботясь о них, она не боялась запачкать ни руки, ни гордость; переносила их новые падения, их отказы и порой их оскорбления. Когда я встретила ее, ей было 44 года, и она прошла сквозь бури и грозы». Это рассказ человека любившего и уважавшего мать Марию, преклоняющегося перед ее духовным подвигом. Это и впечатления от личных встреч с человеком неукротимой энергии, чей «взгляд просто утверждал ваше существование. Он одобрял его». Это и совместно пережитая трагическая судьба Гаяны, вернувшейся в Россию в сопровождении старого знакомого Елизаветы Юрьевны Алексея Толстого и внезапно умершей там в возрасте 23 лет. В памяти Доминик сохранились рассказы Софьи Борисовны Пиленко, матери Лизы Пиленко, о детстве будущей подвижницы, в том числе о дружбе маленькой девочки с К. Победоносцевым, давним приятелем ее бабушки. По воспоминаниям Елизаветы Юрьевны по ее письмам, по записным книжкам, по стихам. Д. Десанти воспроизводит историю отношений Кузьминой-Караваевой и Александра Блока. Д. Десанти хорошо, не понаслышке знакома с условиями и обстоятельствами эмигрантской, парижской жизни матери Марии, их не единожды связывали совместная работа, общие дела, они были соратниками в движении Сопротивления. Не роман, не житие, не мемуары, не биографическое исследование... Однако со страниц книги, жанр которой определить трудно, предстает многогранный и неординарный облик русской женщины, посвятившей себя служению униженным и оскорбленным.

Августин (Никитин), архимандрит. Китайский дракон и русский медведь. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011. — 400 с.

Неутомимый странник, архимандрит Августин неоднократно бывал в Китае, в общей сложности провел там около двух лет, объездил всю страну. Он посвятил Китаю несколько статей. На протяжении пяти лет собирал и систематизировал материалы, посвященные загадочному Китаю. Действительно, загадочному. Например: «Китайцы — мирные люди: всю свою длинную историю они в основном оборонялись, а не нападали. Их трижды завоевывали и под чужеземной властью в новой эре они находились 637 лет, испытав и 2,5 монголо-татарских ига. ...Однако мирный характер не помешал китайцам колонизовать огромные пространства — две трети территории современного Китая». А заодно и ассимилировать всех завоевателей, и, в отличие от нас, освоить все, что колонизовали. В первую очередь книга посвящена современным процессам, связанным с культурными и экономическими контактами России и Китая. Завоевание нашего внутреннего рынка китайскими «челноками» и мелкими импортерами, подрыв российской текстильной и легкой промышленнос-

ти, таможенные ущербы, нефть в обмен на ширпотреб... Экологические угрозы: от хищнического истребления российского леса и безжалостной эксплуатации Китаем своих водных ресурсов с пагубными последствиями для других стран до рисков, которым подвергают себя покупатели китайских товаров. Китайская миграция, тихое просачивание малого (и немалого) китайского бизнеса на оптовые и розничные рынки в различных районах России: Москва — Китай-город, петербургский «чайнатаун». Цунами китаизации, обрушившееся на Дальний Восток, Забайкалье и Восточную Сибирь, докатилось до западных границ России. Анекдот советских времен: «на китайско-финской границе все спокойно», полагает автор, все меньше похож на анекдот и все больше на горькую действительность. Просчитывая негативные последствия современной российской политики, ее слабые места, архимандрит Августин нередко ироничен в своих выводах. «В следующий раз, когда нефть обманет наши радужные надежды, нам придется именовать себя сырьевым придатком не Запада, а Востока». «Кремль сделал из Сибири колонию, колонию, принадлежащую людям, которые живут в Ницце и держат активы в Швейцарии». Это ирония человека, хорошо осведомленного и искренне озабоченного положением дел. На страницах своей книги он приводит мнения чайнофилов и чайнофобов, помещает в тексте и приложениях документы, наиболее яркие и значительные публикации из отечественной и зарубежной прессы, четко указывает источники информации. У России с Китаем самая протяженная граница, на которой в прошлом бывали военные конфликты. После одного из таких конфликтов — военного нападения китайцев на Благовещенск в 1890 году — на Дальнем Востоке китайцев не было, вплоть до «перестройки». Сегодня Пекин жестко отстаивает свои экономические и политические интересы в отношениях с Россией, при каждом удобном случае он не стесняется выжать из партнера максимум выгод. Наше правительство не учитывает, что стратегическое сотрудничество одновременно связано с конкуренцией и соперничеством. А поднимать и возрождать Россию в стратегические планы руководства Китая не входит. Экономическая экспансия Китая представляет угрозу не только для России, но и для Запада. В книге анализируется современный расклад геополитических сил: КНР и Африка, КНР и Латинская Америка, противостояния Китая и США, Китая и Токио, Китая и Тайваня. Россия, какой бы огромной и могучей она нам ни казалась, вполне может стать лишь столом, на котором пойдет игра современных сверхсил. Не обнадеживает и создание ШОС — Шанхайской организации сотрудничества: дракон и медведь благоприятными импульсами от ШОС пользуются по-разному, и при определенных условиях ШОС может окончательно превратиться в инструмент китайского влияния на постсоветском пространстве. Автор предупреждает: «Китай предсказуемым никогда не был. На протяжении многих веков у Китая сохранялась странная особенность: не меняясь, оставаясь верным старым традициям, словам китайских мудрецов, всегда быть загадкой для соседей». Имея дело с китайцами, не надо и забывать, что склад их ума и морали совершенно иной, нежели у европейцев. Не хуже или лучше, а — другой. Цивилизационный конфликт — это борьба безо всякого намека не единство. Это война с целью не покорения, не порабощения даже, а тотального уничтожения. Американцам, европейцам, китайцам нужны наша нефть и наш газ. Но им и даром не нужны наш труд и мы сами. Пока, по мнению автора, перспективы России в современных «противостояниях» не слишком радостны. И все-таки, размышляя о возможном развитии русско-китайского диалога, автор пытается углядеть свет в конце туннеля. Китай же сумел превратить свой бич — избыток населения — в рычаг экономического рывка. У России также есть одно критическое

преимущество, которого не имеет ни одна другая страна — ее гигантская территория. И это преимущество в принципе можно использовать.

Пол Стратерн. Медичи. Крестные отцы Ренессанса. Пер. с англ. Н. А. Анастасьева. М.: АСТ: Астрель, 2011. — 509 с. — (Коллекция исторических романов)

Медичи и Флоренция, Медичи и Ренессанс — устойчивые, многоговорящие словосочетания. И вящая слава Флоренции, и вящая слава семьи, что не один век правила этой «непокорной колыбелью Возрождения» давно слиты воедино. В своем блистательном исследовании Пол Стратерн, искусствовед, историк науки и романист, прослеживает историю рода Медичи на всем ее протяжении — от главы клана Джованни ди Биччи (1360–1429) до великого герцога Тосканского Жана Гастона (1671–1737), которым род пресекся. Он рассказывает, как скромная крестьянская семья, сколотившая себе со временем некоторое состояние на банковских спекуляциях, сделалась одним из самых могущественных кланов в Европе, определяющих жизнь государств и народов на протяжении трех столетий. Он погружает своего читателя в бурную эпоху кровавых войн и преступлений, политических интриг и опасных авантюр, коварных заговоров аристократов и беспощадных бунтов черни, в религиозные распри эпохи Реформации и в хитросплетения итальянской политики. Независимые королевства и республики на территории будущей Италии, города и городки объединялись в разнофигурные коалиции, разрывали отношения, воевали друг с другом, призывали в союзники могущественных соседей — французов и испанцев, с мечом приходивших и на землю прекрасной Тосканы. Во всех действах активное участие принимали и Медичи, проявляя подчас изрядное коварство и жестокость в достижении своих эгоистических целей. Не единожды представителей рода Медичи изгоняли из Флоренции, не единожды они триумфально — или нетриумфально — возвращались в родной город. Среди Медичи были банкиры и конквистадоры, политики, дипломаты, королевские особы, римские понтифики, были люди ослепительно яркие, вроде Лоренцо Великолепного (1395–1440), и люди тусклые, были мученики и преступники, личности популярные и непопулярные, вроде Пьеро Невезучего (1472–1503). И все-таки с именем Медичи заслуженно связывается в первую очередь возникновение и рост нового мировоззрения — гуманизма, расцвет искусства Ренессанса, прорыв в естественных науках. Разумеется, флорентийский Ренессанс возник бы без Медичи, а они остались бы просто одним из нескольких семейств, что способствовали его первоначальному расцвету. Но именно избирательность меценатской деятельности Медичи, точечная поддержка ими целого ряда ведущих художников и ученых Ренессанса определила значимость их роли в становлении и развитии не только итальянского, но и европейского Возрождения. Медичи оказались у самых истоков нового искусства. По заказам Медичи создавались великие архитектурные памятники и произведения искусства: шедевры Ренессанса, привлекающие сегодня туристов со всего мира. Покровительству Медичи история в немалой степени обязана «Моной Лизой» и Флорентийским собором, «Весной» и «Давидом», открытиями Галилея, Платоновской академией, галереей Уффици... Пол Стратерн виртуозно живописует перипетии судеб представителей семейства Медичи, их характеры, их вкусы, их плотские и духовные потребности и пристрастия. Медичи предстают со всеми их слабостями и достоинствами. Так же живо, ярко, порой с неожиданной для читателя стороны рисует он и портреты величайших людей их эпохи. Среди них ученые, политики и, конечно, художники, архитекторы, скульпторы: Донателло и Пико дела Мирандола, Леонардо да Винчи и Сан-

дро Боттичелли, Савонарола и Макиавелли, Эразм из Роттердама и Галилео Галилей... Последняя представительница рода Анна Мария Луиза умерла в 1743 году. Свое богатейшее наследство: галереи, собранные Медичи картины, статуи, книжные собрания, ювелирные изделия — она завещала Флоренции. В завещании говорилось, что «во благо народа и для привлечения интереса иностранцев ничего из вышеперечисленного не должно отчуждаться либо вывозиться из столицы и вообще с территории великого герцогства». Сокровищам Медичи и их культурному наследию предстояло навсегда остаться во Флоренции, городе, которому они столь многим обязаны и который столь многим обязан им.

Жак Ле Гофф. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. — 224 с.

Деньги правят миром — утверждение, которое является лозунгом капиталистической цивилизации, цивилизации, где все покупается и все продается. Но всегда ли так было? Люди средневековья сравнительно мало нуждались в монете, хотя с раннего средневековья деньги имели хождение даже в крестьянской среде, по крайней мере, в небольшом количестве. Богатство средневекового богача должно было не в меньшей степени состоять из земель, людей и власти, чем из денег в виде монет. Деньги, о которых пойдет речь в книге, даже не назывались в средние века одним-единственным словом — ни на латыни, ни на местных наречиях. Тот смысл, какой мы придаем этому слову сегодня, — продукт Нового времени. Крупнейший современный французский историк, подводя итог своим размышлениям в сфере, которую считает принципиально важной для понимания средневековья, поскольку в этой сфере взгляды и практика мужчин и женщин той эпохи очень сильно отличались от наших, фокусирует свое внимание на двух аспектах. Первый — это собственно деньги, почти исключительно представленные тогда в виде монеты (или, вернее, монет), равно как и все с ними связанное: чеканка, история монетных дворов и видов монет, денежное обращение, становление государственных налоговых систем, появление финансового учета, рождение переводного векселя, динамика цен и изменение зарплат. Второй — как изменялось отношение к деньгам в обществе, где доминировала христианская религия, превозносившая идеал честной бедности и нестяжательства. Автор показывает, как, под влиянием каких обстоятельств осуществлялся постепенный переход от полного и безоговорочного осуждения церковью всякой торговой и банковской деятельности как ростовщической до осуждения только той деятельности, что отмечена грехом алчности, официально признанным в XII веке одним из семи смертных грехов, как возрастала терпимость по отношению к богатству. Новые толкования ослабляли суровость евангельских предписаний, изображавших бедность как идеал, воплощенный в Иисусе; часть протогуманистов провозглашала уже похвалу богатству, в том числе денежному, ибо оно — через милосердие и благотворительность — в перспективе открывало путь к спасению. И все-таки деньги, даже перестав быть проклятыми и инфернальными, в течение всего средневековья неизменно вызывали подозрения. Жак Ле Гофф вводит своего читателя в красочный, увлекательный, кипучий мир средневековья. Это мир расчетливых купцов и банкиров, менял и ростовщиков; королей, меняющих курсы стоимости монет, чтобы расплатиться с долгами; производителей монет — королей, но и дворцовых чиновников, городских дел мастеров, церкви и епископов, владельцев больших поместий и даже монетчиков-бродяг; монашеских орденов, ведущих точную бухгалтерию; папства, опутавшего средневековую Европу целой сетью финансовых обязательств.

Несмотря на принципиальные отличия взглядов и практики людей средневековья, нельзя не удивиться, насколько созвучны реалии того времени нашим дням: колоссальные инвестиции в крестовые походы; или в строительство готических соборов, замедлившие взлет средневековой экономики; истории «новых» богачей — денежных воротил и первых банкиров, создающих свои финансовые империи при поддержке крепнущих государств. Жак Ле Гофф всегда очень конкретен, и в этом историко-антропологическом исследовании он рассказывает о состоянии дел в еще только зарождающихся государствах, в давно канувших в Лету герцогствах и графствах, республиках и княжествах так, словно только что вернулся оттуда. Он живописует противоречивые личности королей и императоров, графов и маркграфов, пап и епископов, банкиров и торговцев, меценатов и благотворителей так, словно только что с ними расстался. Изучая использование денег в земной практике средневековья, автор приходит к выводу: «В средние века деньги, равно как и экономическое могущество, еще не высвободились из всеобщей системы ценностей религии и христианского общества. Креативность средневековья находилась в другом месте».

Homo Eurasicus в сакральных ландшафтах древности: материалы научно-практической конференции с международным участием 26 октября 2010 года / Ред. кол.: К. М. Оганян (отв. ред.) и др. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. — 155 с.

Согласно реестрам культурного наследия ЮНЕСКО, к сакральным ландшафтам относятся «территориальные комплексы, культурная ценность которых определяется наличием священного смысла и/или культового назначения. Таковы разнообразные святые и священные места, святилища, некрополи и иные места захоронений, места отправления религиозных обрядов». Сакральные ландшафты широко представлены в Списке Всемирного наследия (67 палеокультурных и 64 исторических культурных ландшафтов). Сакральный ландшафт древности и связанные с ними археологические памятники — загадочный исторический феномен, окутанный магией легенд и мифов. Концептуально этот феномен осмысливают историки, культурологи, археологи, специалисты-гуманитарии. Обширную литературу, в которой важное место занимает информация о «местах силы» и сакральном ландшафте, создали эзотерики, маги, экстрасенсы всех типов. В киноиндустрии феномен сакральных мест лег в основу популярных сериалов, ярчайший пример тому — сериал «Индиана Джонс». Не одна тысяча лет прошла с тех пор, как люди древности одухотворяли географические пространства, обнаруживая в них сосредоточения могучих природных сил, тем или иным образом воздействующих на человека. Но и до сих пор эти освященные традицией, загадочные, таинственные пространства внушают нам священный трепет. На страницах настоящего сборника объемно, с разных сторон специалисты из Санкт-Петербурга, Якутска, Улан-Удэ, Новосибирска, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Сыктывкара, а также США рассматривают сакральные ландшафты древней Евразии. Палеолит, неолит, бронзовый век, пожалуй, самые загадочные периоды человеческой истории. Сибирь, Алтай, Прибайкалье, Приамурье, Уральский регион. Модель вселенной в петроглифах Алтайских гор Монголии бронзового периода, где отображены идеи космической гармонии: мифическая охота, охотники рядом с рожающими женщинами и совокупляющимися фигурами, фигуры духов и явное отсутствие изображений смерти. Наскальные изображения антропоморфных личин, выбитых или нарисованных охрой на скальных поверхностях, — один из самых загадочных сюжетов первобытного искусства не только Азии, но и Американского континента. Культурно-исторические ландшафты Бурятии: мегали-

тические сооружения, курганы-керексуры, плиточные могилы, оленные камни-стелы. Петроглифы, древнетюркские памятники, памятники уйгурского времени, погребения монгольского времени в долине реки Селенга, одной из главных артерий водных Забайкалья и Монголии. Ландшафтные, метеорологические и астрономические особенности салбыкского курганного поля в Хакасии. Сакральные ландшафты требовали от древнего человека творческого осмысления и соучастия — ведь избранная человеком и определенным образом им очерченная территория являлась не только местом обитания «богов», но территорией, на которой люди и обитатели сакральной сферы могли общаться друг с другом, понимать друг друга, где люди могли совершать ритуальные действия, обряды жертвоприношения. Объектом поклонения древних, обуславливающим сакрализацию ландшафта, могла стать гора, вершина которой уходит в небесную сферу; река, чье течение объединяет все три обитаемых мира; пещера или расщелина как поглощающее и рождающее начало; местонахождения необычной формы крупных камней и других природных объектов, ассоциирующихся с мифологическими героями. Каждая культурная общность обладала такими сакральными центрами. Наиболее значимые и одухотворенные из них, несомненно, переходили из одного поколения в другое, из одной культуры в другую, составляя содержательную доминату той или иной обитаемой местности. Так, несмотря на десакрализацию скотоводческих ландшафтов южнорусских степей, русские в некоторых случаях сохранили сакрализацию городов и ландшафтов предшествующей тюркской культуры (Бахчисарай). Сакральное христианское пространство Пермской епархии явилось преемником сакрального языческого пространства: христианские храмы, часовни, кресты возводились на месте капищ. По мере усиления сакрализации Байкала увеличивается роль Ольхона, «шаманского острова», сакрального центра бурят. Интерес к опыту древних закономерен: в начале XXI века человечество убедилось, что, несмотря на все достижения научно-технического прогресса, перед лицом стихий оно бессильно. Духовное отношение человека к Природе мы утеряли. Сегодня настала пора задуматься о единстве природной и культурной среды, об экологии естественной и экологии культурной. Чтобы выработать адекватную стратегию поведения и ориентации во времени и пространстве, древние люди обустраивали свое пространство во взаимодействии с окружающей средой: создавая мифопоэтические модели мира, они и оберегали среду своего обитания. Исследуя сакральные ландшафты древности, специалисты адресуют свои труды прежде всего молодым: ибо никакое устойчивое развитие обществ немыслимо без уважительного отношения к культурному и природному наследию. Прошедшая конференция получила статус ежегодной, получила и специальное название — «Окладниковские чтения», в честь выдающегося русского археолога академика А. Окладникова, исследователя исторических ландшафтов и пространств Сибири.

Владимир Аксельрод, Алена Манькова. Конюшенная площадь и Малая Конюшенная улица. М.: Издательство Центрполиграф, 2011. — 349 с.; ил.

Малая Конюшенная улица, выходящая на Невский проспект, словно ручеек, впадающий в большую реку, одна из самых необычных улиц Санкт-Петербурга. Вслед за Невским ее можно назвать словами А. Дюма «улицей веротерпимости». Нечетная сторона улицы целиком была занята домами Шведской церкви и немецкой евангелическо-лютеранской кирхи Святого Петра. Здесь издавна бок о бок с русскими жили немцы, шведы, финны и норвежцы. И сегодня по-прежнему улицу замыкает «шведский уголок» Петербурга с вновь действующей церковью Святой Екатерины

и Генеральным консульством Швеции в Петербурге. Облик улицы, расположенной в центре российской столицы, складывался трудами петербургских архитекторов иностранного происхождения: К. Андерсона, Ф. Лидваля, Г. Цолликофера. Это действительно уникальная улица: к 300-летию Санкт-Петербурга памятные доски «каменной летописи», содержащие краткую информацию о живших здесь людях и связанных с ней событиях, были установлены на каждом доме Малой Конюшенной. На этой улице одно время жил поэт Н. Некрасов. В 1934 году дом № 4 (№ 9 по каналу Грибоедова) был надстроен двумя этажами, в надстройке, получившей название «писательская», в разное время жили известные писатели: О. Форш, А. Каверин, В. Шишков, М. Зощенко, Е. Шварц, В. Кетлинская, литературоведы Б. Томашевский, В. Орлов, Б. Эйхенбаум. Тем не менее эта улица изучена значительно меньше, чем прилегающие к ней Большая Конюшенная и канал Грибоедова: фактически это первая специальная монография, ей посвященная. Как и многие старые улицы, она не раз меняла свое название, вид и даже длину. Уже в постсоветское время улице, с 1925 года носившей имя Софьи Перовской, революционерки и террористки, принимавшей участие в убийстве императора Александра II, было возвращено старое, восходящее к началу истории Санкт-Петербурга, само за себя говорящее название — Малая Конюшенная. Просторный луг на берегу речки Мьи, расстилавшийся неподалеку от Зимнего дворца и свободный от застроек, еще при жизни Петра I был выбран под Придворные конюшни. В 1719–1724 годах здесь появились первые сооружения. До нашего времени здания Придворных конюшен дошли в том виде, какой им придал в первой четверти XIX века архитектор В. Стасов. Вся композиция здания, с трех сторон окруженного водной преградой, прекрасно увязана с местностью: корпуса следуют изгибу реки, украшая ее набережную. После постройки конюшен к ним были проложены два параллельных проезда, соединенных с Невским проспектом и преобразовавшихся потом в две улицы: Большую и Малую Конюшенные. На страницах книги запечатлены изменчивые лики Малой Конюшенной: церкви, здания придворного ведомства, доходные дома, школа Петришуле, дворцовый госпиталь, превратившийся со временем в больницу имени все той же Софьи Перовской. Авторы прослеживают метаморфозы, что претерпевали Конюшенная площадь и Малая Конюшенная в советскую эпоху. Воссоздавая историю площади и улицы, населяя их людьми, уже ушедшими в небытие, но оставившими глубокий след в культурном пространстве Петербурга и России, авторы проработали огромный материал. Использовали мемуарную литературу, различные энциклопедии, справочники и словари, монографии, посвященные архитекторам и деятелям культуры; домовые книги, а также материалы печати, отражающие современную жизнь улицы, в 1991 году ставшей первой пешеходной улицей в исторической части города.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28,
т. 448-23-55, www.spbdk.ru)

Издатель: закрытое акционерное общество «Журнал „Нева"». Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18. Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52;
e-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru; nevaredaction@gmail.com

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: http://magazines.russ.ru/neva/
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.spb.ru

Проект «Литература — территория памяти» осуществляется на средства гранта Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Администрации Санкт-Петербурга.

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276 и ИД «Экономическая газета» по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 42414.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в магазине «Книжный салон „Российская национальная библиотека"» (ул. Садовая, 20 (Дом Крылова), тел. 310-4487); «Книжный клуб на Австрийской» (Каменноостровский пр., 13/2 (Австрийская пл.), тел. 232–3307); Центр современной литературы (наб. Адмирала Макарова, 10, тел. 328-6708), также в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923); ***льготную подписку*** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312–4923;

в Москве — в редакции журнала «Знамя» (ул. Большая Садовая, 2/46, тел. (495) 699-4264).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230–2117, 238–4634).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург: ЗАО «Журнал „Нева"», e-mail: office@nevajournal.spb.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала на территории РФ осуществляет редакция журнала «Нева». Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.spb.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева"»

Подписано в печать 26.07.2011. Гарнитура «Octava».
Формат 70x108 1/16. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 3100 экз. Заказ № 0000.
Издательство «Журнал „Нева"»
Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15